

Платонова Т.Ю. «День новый»
Книга из серии «Рыцари Грааля»

ЦБК 84(2Рос Рус)6 ПЗ7

Платонова Т. ПЗ7

День Новый, м.: Путь Истины, 2003.464 с.

Герои книги - верные служители Света, находящиеся на боевом посту в миру. Серьёзные вопросы, обсуждаемые рыцарями духа, подскажут вам, как следует вести себя в жизни, и, возможно, помогут разобраться в своём внутреннем мире и даже найти выход из тупика, в котором вы оказались.

ISBN 5-8073-0051-3

Книга 1

У каждого человека есть мечта: встретить рассвет такого дня, который запомнится на всю жизнь. Но вы не можете предугадать его, поэтому встречайте день новый так, как будто именно он навеки запечатлется в сердце вашем.

Восход Светила никогда не бывает одинаковым. Разными красками окрашивается небо, каждый раз примеряя одеяние новое. Всё зависит от того, какой Луч главенствует в дне наступающем. Но совсем не обязательно видеть глазом тот тонкий цвет, в который Луч окрашен, ибо он один в себе все цвета совмещает, но в мире отражается тем, что правит главенствующим в дне новом.

Какой ответ сердце получить захочет на свой немой вопрос? Пожалуй, редко оно вопрошает небеса в час утренний, а просто радуется дню наступающему. Радует краскам новым, Светилу встающему, свежести и чистоте воздуха.

Отступают мысли о мирском и приходят о Высоком, заполняя всё внутреннее пространство. Так бы вам всегда жить! Из этого состояния следует иногда в мир входить и выполнять работу необходимую, стараясь побыстрее вернуться в свежесть утра пред рассветного.

Но люди пренебрегают внутренней жизнью ради внешней формы, которую принимают за истинный мир, и остаются в нём, забывая очистить душу на заре утренней.

Если вы не хотите заблудиться в дне грядущем, почаще вспоминайте рассвет, одеяние неба и Светило встающее.

Луч дня коснулся сердца вашего, напоминая о том, что вы сейчас заснёте и будете видеть сон, который очень похож на жизнь. Не ошибитесь! Не примите его за реальность, но попытайтесь сохранить сознание — связь с Высшим, с Обителем, с Храмом, от которого Луч пошёл творить предначертанное.

Идёте вы по Земле, несущие зерно Божественное и имеющие возможность воскресить в себе Бога. Сознание Его в малой части в вас присутствует — оно-то и есть зерно, которое вам надлежит взрастить.

Вы ещё не Боги. Вы — маленькие боги, и редко кто добивается полного расцвета в себе Божественной сущности. На это нужно немало сил потратить, убив все желания мирские.

Иным образом Бог в вас не воскреснет. Он придёт к вам, но будет оставаться маленьким, чуть повзрослев от момента первого рождения внутри. Это похоже на колос, который вызревает наполовину, а дальше не может, ибо ему солнечного тепла не хватает.

Сейчас очень многие подобны колосьям зелёным. Пробудились, но из пелёнок не вышли. Так во младенцах и остались, покрякивая, когда поесть хочется.

День новый наступает для всех. Повзрослейте в дне этом и не уподобляйтесь дитю малому, кричащему упрямо: "Я всё знаю". Дети не любят посягательства на их свободу, да и люди не хотят, чтобы ими руководили, предпочитая всего добиваться сами. Но в деле роста духа иные законы вы принять должны, без которых дальнейшее развитие невозможно.

Закон Иерархии. Закон Соподчинения. Закон признания Бога как Высшей Творящей Силы.

Криком младенца возвестив Творцу о новом своём рождении, вы прозрели на Земле, второй раз открыв глаза на мир — на этот раз очи духовные. Вы увидели мир со стороны, сумев вырваться из него. Расширившимся сознанием вы вместили больше и изменили угол восприятия. Вы сумели сделать то, что и требовалось от вас, — сменили ветхие одежды на новые.

Теперь главное — не остановиться. Эти одежды тоже истлеют, и их необходимо будет сменить на другие. Не подумайте только, что вы добились всего, чего могли. Вы сделали первый шаг в Беспредельность, которая возвестила о начале Дня Нового, от которого и пойдёт отсчёт времени иного.

В новой эпохе вы переживёте все стадии роста, как их переживает человек. И период зрелости не наступит, пока не кончится созревание всех тел ваших, необходимых вам в жизни новой.

Новая жизнь должна строиться по другим законам. Ничто человеческое не может пройти в неё, кроме Высших чувств и Высших мыслей, а это значит, что нет места здесь тем, кто не уравнивал астральное тело, подчинив его воле Божественной, в вас пробудившейся.

Здесь многое не так, как представлялось вам, и поначалу вызовет удивление. Здесь нет места жалости, но есть место милосердию. Здесь допускается то, что на Земле вы считали злом и боролись с ним, хотя Мы видим в нём ту полярность, что помогает нам корректировать собственное движение.

Мы постоянно смотрим в зеркало, и кривое отражение выявляет наши собственные недостатки, избавляясь от которых, мы растём. Нужно учиться правильно оценивать себя. Зеркало дано не для любования собственной красотой, а для поиска в себе тех качеств, что нуждаются в шлифовке, искоренении, исправлении.

Работа над собой только начинается, ибо вы вступили в новую жизнь, в которой нужно учиться заново, постигая Законы Космические.

Знайте, что Время земное не властно над духом вашим. Вы вступили в новое Пространство и Время, в которых сроки с земными не схожи. Даже приблизительно вы не можете определить время роста духовного, ибо каждый человек на начальном этапе заключён в собственную оболочку, своего рода защитный скафандр, из которого он сможет выйти только тогда, когда достигнет определённых результатов в постижении Законов Вселенских.

Можно сказать, что какое-то время вы находитесь в индивидуальном учебном пространстве, срок жизни в котором не определим. Он всецело зависит от вашего созревания, то есть роста сознания.

Земные часы отбивают годы, а здесь, в Доме Новом, кто мирно посапывает, пробуждаясь, чтобы поесть, то есть напитаться Светом, кто начал ходить, а кто и в школе за партой постигает новую Божественную премудрость.

Вы чувствуете это в вашей земной жизни. Духовная ниша, занимаемая вами, легко угадывается людьми. Они остро реагируют на фальшь, на ваше неуравновешенное тело, на проявляющуюся гордыню, на хвастовство.

Люди — ваше зеркало. Благодаря им вы можете видеть, где место ваше в Дне Новом, что постигли вы, а что ещё далеко за пределами понимания вашего.

Младшие школьники, едва дотягивающиеся до парты, ещё настолько полны самомнения, что желают учить всех и каждого из оставленных на Земле! Они мнят себя учителями, способными вести других потому, что сами что-то поняли.

Но ваше понимание ещё не вышло за рамки индивидуальной оболочки, защищающей и вас, и Тонкий Мир от ваших необузданных энергий. Пока они не уравновесятся, вы останетесь учеником в закрытом классе, не способным выполнять никакую работу.

Это проверено тысячелетиями, и нет нужды доказывать вам, что вы пока ещё слишком малы для индивидуальных поручений. Можете кричать и требовать заданий, утверждая, что вы всё понимаете и со всем справитесь, но Мы знаем, на что способен дух ваш и что можно поручить ему.

А земные часы идут. Для одних прошли годы, а для других — месяцы. Кто-то уже покинул индивидуальное пространство и вступил в Братство, ибо достиг определённого уровня понимания Законов Небесных.

Но это не значит, что ваши земные тела полностью очистились и вы представляете собой прекрасный светящийся шар, играющий всеми цветами.

Продолжайте смотреть в зеркало. Сколько ещё искажений допускаете, упиваясь достижениями собственными!

Помните: люди — ваше отражение! Окружение ваше говорит о том, чего достойны вы! Загляните в сердца друзей своих — и вы увидите, что есть в вашем.

Понимая, что вы двигаетесь вперёд в жизни новой, вы думаете, что достигли высот несравненных. Да, каждый шаг ваш отражает ту или иную Иерархическую ступень, но это не значит, что вы на ней стоите.

Истинные ступени Лестницы Небесной слишком высоки, и ступить на первую вы сможете только после Смерти. Но это испытание ещё впереди, и не каждый доходит до него. Смертью испытанный начинает Путь Молчания, к первой ступени Иерархии его подводящий, хотя до момента этого много раз вы творцами именовались.

По ступеням отражений вы шли, минуя Стражей Порогов и выискивая выходы из лабиринта сознания. В иллюзорном мире много ловушек расставлено, и главное — не попасть в них надолго, смекнув, что трясина очередных заблуждений вас засасывает.

"Меняйте одежды, — Скажу Я вам. — Меняйте окружение, привычное, равновесие сложившееся, чтобы из прелестей окруживших вырваться".

Иерархия просто так никого к себе не допускает. Тернистый путь пред вами откроется, и не одну Голгофу пройдёте, прежде чем на первой ступени Лестницы Небесной себя узрите.

Много раз Светило над горизонтом поднимается. Каждый день — Новый День. Так на него и смотрите. Каждый день проживайте по-новому, дабы не ошибиться и не впасть в прелесть.

Вы же, однажды восход Истинный узрев, думаете, что наступил день, который не кончится. За днём длинным такая же длинная ночь следует. Помните, что полярный день подобен полярной ночи, но вам

хочется вечно в лучах Светила пребывать, не отпуская его, и поэтому вы не замечаете захода, а продлеваете день, строя его в сознании своём. Так начинаются искажения.

Держите в глубинной памяти своей волну, которая всегда бежит вперёд, но в движении своём наступает и отступает. Это поможет вам удержать вектор сознания и не сбиться с пути истинного.

Все ошибаются, но за ошибки никто и никогда вас не покарает. Карма беспощадна к лживости, и если нечестность замечена, то будете сметены. Честные ответы и поступки, соответствующие вашему сознанию и уровню вашего понимания, будут замечены Иерархией, даже если с точки зрения Высших Законов они будут ошибочны.

Придёт время, когда на тот же заданный вопрос вы ответите по-другому, с учётом вашего нового восприятия мира.

Итак, в Дне Новом новый отсчёт времени начался, которое ещё раз возвестит о себе, когда вы покинете индивидуальную школу, открыв дверь в мир иной. Но и там вы пройдёте немало, прежде чем осознаете, что попали в мир заблуждений, где испытываетесь на всё, что проходили в школе. Все знания и умения потребуются от вас, но сумеете ли применить их и выйти из ловушек расставленных, — вот что доказывает дух ваш, в начале пути хвастливо заявлявший "я всё знаю".

По сути дела, вы только начали познавать себя. От вас требуется собрать воедино разрозненные части и создать целое. Тогда вы сможете определить место своё, когда относительно истинная картина мироздания нарисуеться пред внутренним взором вашим.

Но следует заметить, что она будет постоянно меняться, если вы продолжите движение. С разных сторон вы будете созерцать мир ваш и искать себя в нём, пока не придёте к началу следующего Дня, встречая рассвет сердцем открытым.

И увидели вы совершенно иную картину. Поняли, как малы и велики вы, какое ничтожное место занимаете во Вселенской Иерархии, но что без вас нарушится Гармония, уже сложившаяся. Всё видится по-другому, и вновь необходимо собирать в единое целое новые, уже большие части, постоянно памятуя о том, что и это достижение духовное может быть очередным испытанием.

Ступень первая Иерархической Лестницы требует высочайшего мужества и духовного взлёта, многочисленных пройденных испытаний и избавления от иллюзорности, чистоты восприятия и освобождения от желаний.

Но часто за ступень первую принимаете час кормления няньки многоопытной, к младенцу с соской подошедшей. К молоку в мире духовном жадно прильнули, а на Земле уже норовите учеников заполучить, утверждая о зрелости духа собственного. Едва родились, а кричите более всех, привлекая к пути вашему и требуя разделения бремени его.

Не спешите! То ваша ноша, и несите её сами, на других не вваливая. У них — своё время, свои сроки, свой путь.

Все пути лишь до первой ступени Иерархической подробно описаны, но нигде вы не найдёте рассказов о том, как взойти на неё. Между Последним Порогом и Ступенью Первой большая пропасть

лежит, о которой ни один из смертных вам не поведаёт. Тем более не расскажет о том бессмертный, если только не будет дано ему поручение провести людей через Реку Забвения, по которой он сам проходил когда-то.

Итак, вы поняли, что все описанные методы, ведущие к состоянию просветления, — всего лишь начальный этап духовного роста, подводящий искателя к Последнему Порогу.

Этот Порог — венец достижений многих, Храм Духа, на поиск которого люди затратили множество жизней. Стоя в нём и вознося молитвы Всеблагому, они и сейчас не понимают иллюзорности пути их. Но чары развеять не так-то просто, и тот сделает это, кто усилиями духа постигнет великий обман, в который был ввергнут гордыней собственной.

Ваш самообман заключается в том, что ступень, на которой вы стоите, вы принимаете за вершину Небесной Лестницы или за одну из высочайших ступеней её. Но уверяю вас, что сама Лестница ещё не открылась взору вашему, а весь путь пройденный с его взлётами и падениями был всего лишь подготовительным этапом к истинному восхождению.

Чтобы узреть Иерархию, а не её отражения по мирам многочисленным, нужно, будучи живым, переступить Порог Смерти, что мало кому удавалось. Но если бы не было достигших, нам бы не было знакомо понятие Иерархии, ведущей человечество по тернистому пути саморазвития.

Каждый человек имеет собственные представления о духовном росте и ищет то, что созвучно ему. Он пытается определить путь свой, нащупывая осторожно его во тьме взглядов, уже сложившихся в его внутреннем мире. Человек ищет то, с чем будет согласна его душа. Это мягкий путь влюблённых в себя людей. Ведь вы ещё полны гордыни и прочих недостатков, не дающих вам возможности самооценки. Вы потакаете своей личности, выбирающей наиболее комфортные для себя условия, хотя уже начинаете видеть те качества, что нуждаются в очищении.

Большей частью вы себя не меняете, но стараетесь посмотреть на мир другими глазами, создавая такое окружение, в котором душе вашей было бы спокойно. Но на самом деле вы приспособливаетесь к миру, выискивая лазейки комфорта. Многие это называют путём: вроде бы двигаетесь, что-то меняя, что-то подчищая, стараетесь излучать Свет, любить людей, жить со всеми в согласии.

Но это и есть путь самообмана, ведущий к созданию псевдоиерархического пути. Строится мир заблуждений, в котором всем в меру хорошо. В таком пространстве вам находится место: довольна личность, довольна душа. А дух никто и не спрашивает. За его ответ ошибочно приняты желания низших тел, ведущих комфортное существование.

Нельзя сказать, что человек не меняется. Сознание его «расширяется» с недостатками он полюбовно договаривается, чтобы они его не тревожили, личность особо не беспокоит, ибо ухитряется делать вид, что преображается под натиском Света.

Человек идёт. Но куда? В гору, к вершине по пути самообмана, в собственном иллюзорном мире, сложившемся благодаря потаканию слабостям и нежеланию посмотреть на себя в зеркало.

Это путь слаборазвития. В нём присутствует всё, что необходимо духовно растущему человеку, но в нём нет горения и желания кардинально менять себя. Желаемое принимается за действительное, ступени оказываются пройденными, недостатки — искоренёнными.

Вынужден Признать Я, что вы шли. Но так неумело, что забыли спросить: "Туда ли идём? Ведомы ли?", уверенные в том, что ведомы Иерархией Сил Светлых.

Да, вы были ведомы отражениями отражений, воздвигнутыми вашими желаниями и представлениями. Но об истинности пути вы не задумывались.

И вот вы уже на Олимпе — цели долгого восхождения, готовые учить других, вести их по проложенной тропе, давать советы и объяснять иерархический уклад жизни. Но День Новый ещё не наступил для вас. Вы ворочаетесь в уютной постельке, протирая глазки и пытаетесь проснуться в мире духовном, который ещё никогда не открывался внут-реннему зору вашему.

Сказать вам: "Начните всё сначала", — значит ничего не сказать. Прежде всего, пересмотрите своё внутреннее наполнение: ваши взгляды нуждаются в очищении. Признайтесь себе честно, что вы не обладаете должной самооценкой, что за то время, что вы уже идёте по выбранному пути, вы себя кардинально не изменили, что вы только готовитесь отправиться в долгое странствие по стране Беспредельность, которая откроется вам в Дне Новом.

"Здравствуйтесь, — прошептали губы, а потом лицо девушки озарила мягкая улыбка. — Я пришла, чтобы поведать много интересного о жизни вашей".

—Какой? Прошлой, будущей или настоящей?

—Неважно. Есть канва — она не меняется, а детали — их конечно же рисуете вы своими мыслями, чувствами, желаниями.

—Вы пришли поведать детали или канву?

—И то, и другое. Я должна рассказать вам об основных вехах большой жизни, в которой вы не раз рождались и умирали, а если что-то заинтересует вас, то этот эпизод я освещу более подробно.

—Интересно. И кто же послал вас с таким поручением?

—Наверное, Учитель. Во всяком случае, я его так называю.

—А почему я должен вам верить?

— Все не должны. Поступайте так, как хотите.

— Пожалуй, мне хочется вас послушать. Девушка присела на край кресла, но потом подвинулась вглубь его, нашла удобное положение и начала свой неторопливый рассказ. Как ни странно, она не говорила о далёком прошлом, об Атлантиде, о Египте, о древних племенах, владеющих магическими секретами, о рыцарях. Всё было не похоже на обычные уловки "духовных" людей, без стеснения разгуливающих по вашей карме, как будто им кто-то позволял это делать. Девушка действительно рисовала канву узора, в котором её собеседник угадывал себя. Она со спокойной уверенностью вскрывала глубинные психологические качества и объясняла, почему он поступал именно так, а не иначе, что лежало за его согласием или отказом, за ложью, трусостью или духовным взлётом. Хотя сюжет отсутствовал, мужчина,

владелец небольшой оккультной газеты, ясно видел свой портрет, но не тот, с которым были знакомы многие, а тщательно скрываемый. Благодаря рассказу девушки Николай Сергеевич понял причины некоторых своих недостатков, а также почему ему иногда везло там, где другие давно бы потерпели крах.

Он обладал гибким умом и был способен к мгновенному анализу. Сразу пришла уверенность, что девушка эта неспроста появилась у него в редакции, чудом добившись встречи, что за ней стоит нечто очень интересное, хотя пока и неопределимое.

Николай Сергеевич девушку не перебивал. Она говорила, а он всматривался вглубь себя, пытаясь понять, что же он такое, что ищет, куда стремится.

Возможно, он не отослал её сразу потому, что сам хотел разобраться в себе, но всё как-то недосуг было.

Рассказ кончился.

— Я пойду, наверное. Вы ничего не спрашиваете, а мне говорить тоже больше нечего.

— Спасибо, мне было очень интересно. Может быть, вам нужно что-то опубликовать или дать объявление в газете?

— Нет, нет, ничего не нужно. Я пойду.

— Вообще-то, у меня масса вопросов. Странно, если бы я взял и просто отпустил вас после такого сообщения. Естественно, я хочу знать, откуда вы всё это знаете, с какой целью пришли, чем я заслужил внимание вашего Учителя. Ведь коротко вы не ответите?

— Почему же? Вы — ученик моего Учителя, но в этой жизни ещё не стали на путь духовного развития. Всё вокруг да около. О вас я ничего не знала, но Учитель сказал "Иди", я и пошла. Я передала вам то, что говорил мне он.

— И часто вы ходите с такими поручениями?

— Первый раз. Для меня это тоже странно, но я должна была выполнить задание.

— А вы сами верите во всё это? В вашего Учителя, например? Вы можете поручиться, что это не плод вашего воображения?

— Я верю. И нисколько не сомневаюсь. Это — моя жизнь, и другой я не хочу.

— Вы догадываетесь, что по роду занятий я каждый день сталкиваюсь с массой чудиков, вешающих об Учителях, Пришествиях, апокалипсисе, магии и прочем? Странно, наверное, но это и рождает недоверие ко всякого рода оккультным явлениям, потому что поведение моих посетителей оставляет желать лучшего. Я сразу вижу, как они упиваются собственными достижениями, что они создали свой собственный мирок и живут в нём оторванные от действительности. И всё же в Высшие силы я верю, но не в такие, что руководят нашими оккультистами. Верю и в Иерархию, но неужели она будет заниматься неуравновешенными, сомнительными типами, рвущимися заполучить побольше клиентов рекламной статьёй?

— Трудно сказать. Пути Господни неисповедимы. Я лучше пойду. Подумайте о том, что я вам рассказала. Может быть, это изменит вашу жизнь.

- А где вас найти? Телефон?
- Не стоит. Я приду сама, если понадобится. До свидания.

Николай Сергеевич проводил девушку, вернулся, думая о том, как интересно всё устроено в жизни, хотел было углубиться в себя, да дела не дали. Посыпались звонки, визиты, в общем, до позднего вечера он так и не вспомнил об утренней посетительнице.

Уже дома, сидя на диване и тупо уставившись в телевизор, Николай Сергеевич стал обдумывать услышанное. Никто ему не мешал. Несколько месяцев он жил один, и это ему нравилось. С женой недавно развёлся: совершенно перестали понимать ДРУГ друга и жили каждый своей жизнью. А вот по дочке он скучал. Ей было четырнадцать. Вся в него, но осталась с матерью. Да и что бы он мог дать ей, если домой раньше десяти не приходил? Хорошо ещё, что зарабатывал неплохо и сразу купил себе квартиру, никого не мучая обменами и разъездами.

За всей этой утренней историей стояла неуловимая и трудноопределимая правда. Он был именно таким, как ему рассказали, но что ему с этим делать? Какой смысл в том, что он узнал о себе? Разве жизнь его изменится?

"Должна измениться", — нащёптывал внутренний голос. Николай Сергеевич впал в состояние диалога с собой, свойственное всем людям. Люди постоянно ведут внутри себя непрекращающуюся беседу. Они настолько свыклись с ней, что перестали её замечать и не подозревают, сколько сил затрачивается на бесполезный разговор.

Человек рассыпается на несколько личностей и от их имени задаёт вопросы, отвечает на них, спорит, доказывает, убеждает, ругается. Таким образом формируется ложное пространство с ложными личностями, которые в дальнейшем будут требовать постоянного внимания. И попробуйте вы забыть о каком-то персонаже: он обязательно всплывет, напоминая о себе в деле, с ним совершенно не связанном.

"Нужно что-то делать, — подначивал Николая Сергеевича внутренний собеседник. — Поищи людей, близких по духу, поговори с ними. Может быть, подскажут". — "Я что, среди всех проходящих ко мне чудиков их искать должен? Да там ни одного приличного человека нет. Все с завихрениями: или с так называемым пограничным состоянием пси-хики, или жаднучие, лишь о зарплате думающие. Они себя со стороны не видят, оценить адекватность свою не могут, а приходят объявления о школах и курсах давать. Я что, к ним идти должен? Не хочу к ним". — "Ищи других". — "Нет других". "Есть. Они тихо сидят, помалкивают, рекламы не дают". — "Так я к чёрным магам попаду, а потом буду выход искать, да кто поможет-то?" — "Туда не хочу, этих боюсь. Чего ты хочешь, определи лучше!" — "И правда, чего же я хочу?" — подумал Николай Сергеевич и стал развивать эту тему.

Светская жизнь как таковая его не интересовала. Его приглашали на приёмы, на конференции, встречи, но ходил он туда по долгу службы. Они казались ему пустым времяпровождением. А вот работу свою он любил и отдавал ей массу времени. По сути, это и была его единственная жизнь, потому что личная с семейными заботами давно кончилась.

Женщинами он особенно не увлекался: так, постольку-поскольку. Заводить новую семью тоже не собирался — только в том случае, если полюбит кого-то, но Около него таких не было. Мысли же крутились

вокруг работы. Получалось, что он по-настоящему и не жил, а просто проживал отведённый ему срок жизни, вникая в чужие, не ин-тересующие его проблемы. Зачем?

"А что ещё делать? — сам себя тут же оправдывал он. — Другим и того хуже, а у меня всё вроде бы полноценно: работа, деньги, нормальная человеческая усталость. Да и делаю я то, что хочу, ну, может быть, не хочу, но мне это нравится".

"Вот именно, — не сдавался внутренний оппонент. — Живёшь, но как-то серо, без изюминки. Делаешь всё по привычке, по инерции, а нужно бы с энтузиазмом, с огоньком".

"Да, этого нет", — согласился Николай. Он постарался залезть поглубже внутрь своего "я", но что-то ему мешало, сопротивлялось, не пропускало. Пытался поймать мысль, но она ускользала. Стало даже в сон клонить. "Интересно, — вдруг встрепенулся он, — что это за явление такое? Что происходит?"

А происходило следующее. Человек, начинающий задумываться о внутренней природе своей, сталкивается с огромным количеством личностей, порождённых его недостатками. Каждая ложная личность является носителем определённого негативного качества, и как только вы затрагиваете её интересы, то есть сферу её внутреннего влияния, она тут же даёт о себе знать. Если вы начнёте наступление, она ринется в контратаку, присутствуя буквально во всех ваших мыслях и поступках. Но пока вы её не трогаете, она мирно уживается с вашим истинным "я", изредка подавая голос — так, для острастки, чтобы не забывались.

По сути дела, человек не властен над собой. Его внутренним миром овладели ложные личности, поделив на зоны контроля и черпая энергию из жизненных реакций. Они ставят человека в такие ситуации, чтобы он проявлял раздражение, солгал, опоздал, забыл, украл, обидел, позавидовал, а потом питаются той энергией, которой он наполнил себя. Ещё они затевают с ним разговор, в котором обвиняют обиженного, униженного, в общем, того, кого вы подвели, но оправдывают вас, ссылаясь на несносный характер, гордыню, злость и массу других отрицательных качеств, свойственных вашему товарищу. Благодаря ложным советчикам человек ясно видит недостатки других и совершенно не замечает своих.

Кому же от этого плохо? Конечно же вашему истинному "я", забитому, не имеющему права голоса, истощённому, поскольку ни в одной из ситуаций ему не позволяют проявить себя. Оно просто не успевает, потому что сытые Проворные ложные личности своими тучными телами затмевают истину.

Чтобы вы не узнали об их существовании, они отводят вас от анализа собственных поступков, от ясных мыслей, не дают разобраться в сложившейся ситуации. Конечно, приходит время, когда человек спохватывается, с удивлением говоря: "Что это на меня нашло? Почему я так поступил?" Но уже бывает поздно. Это происки тёмных сил, затаившихся внутри вас. И вовсе не вовне они, а в глубине вашего "я", прячутся от вас же.

Именно с такими ложными личностями и столкнулся сейчас Николай Сергеевич. Они почувствовали угрозу: вдруг он обнаружит их. станет выяснять цели своей жизни, пути их достижения? Всё это приведёт к тому, что он может объявить войну своим ложным личностям а кому воевать хочется, когда можно жить сытно, мирно, уютно?

На этот раз они его усыпили. Было поздно, Николай Сергеевич устал. Так ни до чего не додумавшись, он впал в такой крепкий сон, что утром чуть не проспал на работу.

Но новые мысли не давали ему покоя. Не то чтобы он думал о чём-то постоянно, но нет-нет да и вспомнится. Николай Сергеевич привык, что всё у него получается. Если он за что-то брался, то доводил дело до конца, но не упрямо продвигаясь к цели, а достаточно гибко, проявляя упорство. Возможно, что цель оказывалась неудачно поставленной, тогда он по ходу движения менял её - стараясь извлечь пользу из сложившейся ситуации.

Это качество помогало ему и сейчас. То, что ускользало, стало целью, которой он захотел добиться, поэтому по вечерам он уже не включал телевизор, отвлекаясь от забот, а затевал с собой неторопливый разговор. Через недельку он понял, что ведёт внутренний диалог и у него не один, а несколько собеседников. Каждый из них доказывал, что именно он прав, и применял какой-то хитрый отвлекающий приём, если Николай ставил прямой вопрос, не допускающий косвенных ответов.

Уяснив это, Николай Сергеевич стал продумывать вопросы к самому себе, формулируя их очень точно. И что же? Результат был удивительный: голоса замолкали, не желая отвечать. Но зато стало случаться другое: он начал попадать в тупиковые ситуации. Хочет помочь — не получается, но забыть, опоздать — это сколько хотите. Николай понял, что его незримые собеседники объявляют ему войну, заставляя подчиняться им другим способом. То они хозяйничали в его мыслях, не позволяя добраться до истинных мотивов поведения и уводя от целей, теперь они полезли в его жизнь, нарушая весь сложившийся привычный уклад.

Николай никогда не задумывался о том, что он лжёт. Ложь была нормой жизни, спасительной во многих случаях. Теперь она стала мучить его. Он хотел говорить правду, но часто не мог, ибо этим подводил других людей. Мучительно отыскивая правильную линию поведения, он пришёл к выводу, что проблемы в нём самом. Он пытался быть хорошим для других, он хотел сделать так, чтобы им было удобно, а это было в корне неправильно.

Человек не знает, как сделать лучше другому, потому что у другого свои представления о жизни. Следует делать так, чтобы ваш поступок не вызывал чувства дисгармонии, не мучил вас, не возвращал постоянно мыслями к случившемуся. "Было да прошло, — скажите себе. — Если я был неправ, то в следующий раз поступлю по-другому. Жизнь подскажет.

Николай не мог всегда говорить правду, но теперь если и лгал, то отслеживал это и уяснял для себя, почему он попал в такое положение. Во всяком случае, он становился хозяином над своим словом, которое раньше вылетало незамеченным.

Он начал опаздывать. Эта ситуация была производной от тех слов, которые он произносил. Теперь, давая обещания, он серьёзнейшим образом относился к ним, а через некоторое время понял, что нельзя никому ничего обещать. Сказал "да" — сделай, сказал "нет"; "не могу" — не делай и не мучайся. Он не уходил от ответственности, наоборот, она только-только начинала рождаться в нём.

Если раньше он не лгал и не опаздывал, он не обращал на это внимания. Это было само собой разумеющимся и вызывало чувство довольства собой. Теперь всё было по-другому. Случалось, что он лгал и опаздывал, но ситуация была ему подконтрольна: он знал причину, почему это произошло. Он устранял причину — и всё становилось на место.

Николай никогда никому не завидовал. Смешно даже было об этом подумать. Задав себе вопрос, умеет ли он завидовать, он чётко ответил "нет». Тогда откуда было глухое раздражение, если конкурирующая газета увеличивала тираж? Если она начинала пользоваться большей популярностью? Что за чувство его тревожило и мешало находиться в равновесии? И Николай признался себе, что это была зависть, принимающая форму делового соперничества. Он оправдывался желанием приносить людям пользу, просвещать их, открывать глаза на многие непонятные явления, в общем, тем, что другие газеты не делали, а он делал, но их понимали, а его благие намерения — нет. Но потом он честно сказал, что завидует чужому успеху, чего делать безусловно не стоило, но как с этим бороться — не знал.

Постоянно анализируя эту ситуацию в поисках выхода из неё, Николай вновь увидел, что хочет быть хорошим в чужих глазах. Его заботило мнение о нём других людей, его имидж, престиж. "Да какое мне дело, как я выгляжу да что они обо мне думают? В конце концов, делаю, что могу. По-моему, важны не глаза людей, а взгляд Бога на твои по-ступки. От этой мысли ему стало легче. "Всё верно. Раз мне внутри спокойно, значит, нужно придерживаться этой линий поведения".

Но одно дело — мысленное решение, а другое — реальные поступки. Постоянно быть под оценивающим Божественным взором было невыносимо. Николая жгло собственное несовершенство, мучили совесть, неумение быть абсолютно честным во всём.

"Бросить это занятие, что ли?" — подумал он, а на следующий день пришли давно забытые мысли-собеседники. "Да они меня караулят! Так и ждут, когда я сдамся. Не дожждётесь!" — и он продолжил самоистязание.

Через несколько месяцев это был совершенно другой человек. Нельзя сказать, что он изменился внешне, но внутренне — очень. Для всех своих знакомых он оставался прежним Николаем Сергеевичем, но в нём угадывался более крепкий характер. Как сказал один сослуживец, "стержень появился". Он стал требовательнее к себе и другим, не терпел обмана и лицемерия, он больше понимал людей и сочувствовал их неуверенности и раздражительности, потому что они казались ему больными. Потом он потерял интерес к их настроению: "Если захотят — изменятся, а пока у них нет такого желания — пусть болеют".

Зависть отступила, как только он понял, что людям нужно позволять делать то, что им нравится, и идти таким путём, какой они выбрали. У каждой аксиомы найдутся свои почитатели, за каждой мало-мальски стройной системой взглядов будет стоять определённый круг людей, отстаивающих свои интересы.

Нельзя сказать, что внутри Николая наступила тишина. Нет, диалоги иногда возникали, мысли нет-нет да и приходили. Но хозяином положения теперь был он, хотя момент окончательной победы ещё не наступил. Одно было ясно: отступать нельзя. Просто некуда.

Внутри себя Николай Сергеевич обнаружил кучи мусора, отчего ему стало жутковато. Как же он с этим жил? Как с такой ношей живут другие и продолжают процветать как ни в чём не бывало? Неужели им не хочется чистоты? Хочется, но, видимо, нет сил взяться за авгиевы конюшни. Или время не пришло?

Иногда Николаю становилось скучно: "Поделиться бы с кем-то, посоветоваться". Поехал к бывшей жене, но через несколько минут увидел, какая пропасть их разделяет, что ей всё это неинтересно и даже непонятно. Зачем себя менять? Что? Ради чего? За это платить будут больше или любить сильнее? "Ничего от этого в мире не изменится, да и в твоей жизни тоже", — уверенно сказала она.

Назад Николай возвращался не то чтобы с чувством обиды, а с небольшой тошнотой. Хорошо, что он не успел разоткровенничаться, а то бы просто не знал, как исправить ситуацию. "Не болтай. Держи язык за зубами" — сделал он ещё один вывод.

Конечно же: Николай вспоминал иногда ту девушку, что пришла в редакцию и направила его жизнь по другому пути. Неужели она тоже одинока, ни с кем не обсуждает внутренних проблем и вопросов, возникающих при работе над собой? Скорее всего, так оно и было. Ещё неизвестно, что лучше: быть в окружении чудиков, с которыми Николаю по долгу службы приходилось слишком часто встречаться, или идти одному.

В любом пути есть свои преимущества, но человек должен познать и то, и другое. И всё же Николаю сейчас нужна была поддержка. Вдруг он что-то делает не так? Может быть, он станет ещё хуже, чем был. Всё могло быть. Человеку необходим другой человек, чтобы увидеть себя со стороны. Круг людей, занимающихся одним делом, — это зеркало, смотрясь в которое, ты можешь учиться правильно оценивать себя.

Николай вглядывался в каждого проходящего, пытаясь определить серьёзность его подхода к оккультизму, но никто его не устраивал. Люди над собой не работали. Они своим хорошо развитым умом снимали внешний, поверхностный слой явления и потом пересказывали его другим людям. Из этого они выстраивали некую систему, выдаваемую за научный глубинный подход к развитию личности и духовных способностей и зарабатывали неплохие деньги.

Николая больше заинтересовали психологи. Там была хоть какая-то научная база и неплохие методики работы над своими страхами, неуверенностью, нетерпением, вспыльчивостью. Изучив всё, что ему попало под руку, Николай кое-что взял для применения.

Нужно сказать, что он был крайне осторожен. Возможно, в этом сказывался его опыт работы в газете. Не понаслышке он знал, куда заводят людей те или иные практики, применяемые без должного анализа. Людям хотелось что-то делать, их не устраивало то, что они о себе знали, они хотели меняться, но не понимали, как взяться за этот труд, с чего начать. Им казалось, что проще было бы довериться какому-то автору, написавшему умную книгу или утверждавшему, что его методы помогли тысячам. Авторы люди возводили на некую высоту, потому что те умели делать то, что рядовой гражданин не умел, и с благоговением внимали их рассказам, парализованные магией слова, волей, уверенностью. Люди забывали, что авторы — такие же обычные люди, обладающие талантом писать, и прежде, чем слепо довериться им, нужно спросить себя: подходит ли это твоему сердцу, нравится ли это ему, спокойно ли ему или неуютно? Но люди не слушали себя, а смотрели вокруг, и когда видели горящие, преданные взгляды, поддавались всеобщему ажиотажу, двигаясь, как овцы, в одну сторону. А если у человека совершенно иной путь? Может быть, ему нужно не работой внутренней заниматься, а в больницы или детские дома идти за больными да детьми ухаживать?

Спрашивать нужно себя. Мир огромен, и в нём можно найти место для применения собственных сил и для служения Высшему. Просто человек внушил себе, что Высшее — это далеко, высоко, запредельно, но на самом деле оно рядом, под рукой, в обычной жизни, и познавать его можно не в особой обстановке, сидя за партой, а в серых буднях, в том окружении, которое уже сложилось.

Нужно учиться эту жизнь делать интересной, насыщать её радостью, привносить в неё Высший порядок и Красоту. Но человеку хочется чего-то особого, ни на что не похожего, и он ищет не в себе, а вокруг, в неизвестном, и попадает в лапы мошенников, обманывающих его как сознательно, так и бессознательно.

Николай это слишком хорошо знал и хотел обойти всякие группы, раскрывающие способности и развивающие личность, но в то же самое время он нуждался в ищущих людях, реально работающих над собой и определившихся с целью своего пути.

"Должны же они где-то быть. Что, все великие напрочь исчезли с планеты или выродились в ничтожных самовлюблённых чародеев, магов, ясновидящих? Где вы, куда подевались?" — мысленно задавал Николай вопросы.

Но никто ему не отвечал, и ожидаемых встреч не происходило. "Значит, подтверждается известная аксиома: каждый человек достоин того окружения, в котором оказался, — сам себе признался он. — Ну что же, буду продолжать истязание. Есть масса недостатков, нуждающихся в искоренении".

Самым большим его недостатком была, конечно, гордыня. Хорошо, если она ярко проявляется в эгоизме, властолюбии или обидчивости. Когда она на виду, с ней легче бороться. Но чаще всего гордыня принимает завуалированные формы, не только труднораспознаваемые, но и почти невидимые. Нужно только твёрдо знать, что человека без гордыни не бывает, а потом приступить к поиску в себе тех форм, в которые она спряталась.

Самой распространённой формой гордыни является обида на всех, но люди часто не связывают одно с другим, считая, что обидчивость проистекает от ущемления их прав, от происков тёмных сил, от злости и зависти человеческой, норовящих нанести удар по душе и сердцу, чтобы не дать им расти.

Ничего подобного. Просто человек обижающийся полон своей значимостью. Всё внутреннее пространство занимает в нём прежде всего любовь к себе. Он знает, что чем-то выделяется среди окружающих, что наделён некоторыми способностями, что гораздо ближе к Высшим Силам и Свету, чем остальные, поэтому люди и стараются понаставить ему препятствия, не признавая, не восхищаясь, не оценивая высоко его достижения. Они постоянно задевают это внутреннее самовлюблённое существо словом, замечанием, непониманием.

Бывает, что человек обижающийся, наоборот, крайне неуверен в себе. Он ощущает свою ущемлённость буквально с детства. И всё, что с ним происходит на протяжении жизни, воспринимает как давление на его волю и противостояние его взглядам. В таких людях часто просыпается стремление доказать другим, что и они тоже что-то из себя представляют, а может быть, и повыше некоторых окажутся.

Удивительные это люди! Они научились хорошо разбираться в человеческой психологии и видят чужие недостатки, но совершенно не могут оценить себя. Они знают, что обидчивы, но упорно доказывают себе и другим, что уже почти справились с этим недостатком.

От гордыни избавиться непросто. Даже если вы научились не обижаться, изображая равнодушие, посмотрите и хорошенько поищите, во что могла преобразиться ваша самовлюблённость, ибо гордыня хитра и коварна, лицемерна и лжива, и просто так завоеванные позиции не оставит.

Когда вы чувствуете, что вас обижают, знайте, что удар получает не ваше "я", а гордыня, которой вы полны, и это она тут же дёргает все ваши тела и громко вопит, что им пытаются нанести удар. Заметьте, она не говорит о себе, она привлекает всех, утверждая, что они пострададут.

Гордыня выступает в роли правозащитника: она вроде бы тут ни при чём, а всё дело в вашем духовном развитии — только расти начали, тут сразу и удары посыпались.

Да, такова гордыня, и заметить её уловки весьма сложно. Единственный способ бороться с ней — это оправдывать всех людей, вас обижающих, ущемляющих, непризнающих и отрицающих. Нужно сразу говорить, что человек прав, что бы он ни делал, а ты виноват, поэтому ты обязан просить у него прощения. И действительно просить, не лицемерно, а искренне. Очень помогает.

Именно к такому выводу и пришёл Николай, когда столкнулся с проявлениями гордыни. Он никогда не обижался, не умел, но недостаток этот и его не обошёл стороной, ибо свойственен всем людям без исключения.

Николай был властолюбив. Нет, он не мечтал о том, чтобы добиться какого-то высокого общественного положения, но он любил, чтобы ему подчинялись и делали так, как он сказал. Самостоятельность журналистов он воспринимал как бунт, как подрыв устоев газеты, как желание навредить. Это требовалось искоренить, и чем быстрее, тем лучше.

Если раньше Николай Сергеевич бурно реагировал на предложения, замечания, вопросы, то теперь он решил помолчать и понаблюдать, что происходит и к чему это приведёт.

Одну неделю он молчал, никак не реагируя и не выражая свои взгляды на проблемы, чем привёл в недоумение коллег. Это стоило ему громадных усилий, но на работе он держался, зато дома давал выход своему гневу. Он даже сам с собой вслух стал разговаривать, но именно это ему неожиданно и помогло.

—Эту статью нужно поместить на второй полосе, а после неё дать рекламу. Ещё название надо поменять.

—Это почему же? — вкрадчиво спросил Николай Сергеевич, изображающий молчаливую покорность судьбе.

—Да статья эта хотя и неплохая, но неброская, а название привлечёт к ней внимание.

— Я подумаю, — кратко согласился главный. Раньше этот диалог имел бы следующий вид:

на замечание сотрудника Николай Сергеевич разразился бы бурной тирадой типа "Вы куда суетесь, чёрт возьми? На третью полосу, я сказал, и точка. Делом занимайтесь, вам ещё материал по фантомам готовить к следующему номеру. Вы свободны".

Дома, прокричав вслух эту тираду, Николай Сергеевич решил на время стать журналистом и посмотреть на себя его глазами. Журналист, выслушав такой ответ, разозлился и подумал: "Псих. Чего орёт?"

Я ему лучший вариант предлагаю, а он дальше своего носа не видит. Не буду больше ничего делать и материал запорю. Посмотрим, что он тогда скажет".

Николай Сергеевич очень удивился. "А ведь и правда: человек этот видит по-своему. Он пришёл с предложением, значит, что-то у него внутри, сложилось. Почему нужно делать именно так, как я ему сказал?" Он стал замечать правоту других и позволять им готовить материалы по своему усмотрению, но это не значило, что он перестал реагировать на их самостоятельность.

"Нет, тут какая-то закавыка сидит. Что-то меня отпускает, а что-то крепко держит. Что это?" — думал он. Вновь прокручивая рабочие сцены дома, Николай вдруг одной женщине сказал: "Да вы не злитесь на меня. Я ведь вам плохого не желаю. Вы меня простите". "А что, если мне самому так поступать?" — подумал он. Зашёл к нему сотрудник с претензиями, а Николай Сергеевич в ответ: "Простите, вы правы. Это я виноват". И искренне у него получилось, как-то вырвалось без особых усилий.

Николай вдруг такое облегчение почувствовал, как будто гора с плеч свалилась. Жену представил, дочку, родителей — у всех прощения просил и слезами буквально обливался. Потом перешёл на всю свою редакцию, стал всех по именам перебирать и каяться перед ними во всех своих прегрешениях. Чего тут только не вспомнил! Такие мелочи, такие незначительные разговоры! Где же они все прятались?!

Этот метод оказался удивительно действующим, и он решил его не бросать. Каждый день вечером садился и начинал вселенское покаяние от самого детства до дней сегодняшних. У всех, кого вспомнил, просил прощения: у живых и мёртвых, у случайных знакомых и ближайших родственников, а особенно у злых и его не любящих.

На работе всё резко изменилось. Он стал мягче, голос ни на кого повыситься не мог: сразу чувствовал себя виноватым. Подумал было: "Какой-то я стал забитый, бессловесный", — а потом решил, что другим быть пока нет хочет. Силищи внутренней у него и так было предостаточно, а вот мягкость ему не помешает, но силу внутреннюю закалит.

Неожиданно он заметил в себе сентиментальность. Слезы выступали на глазах по самому незначительному поводу, всех было жалко, хотелось пригреть и погладить. И он делал так, как хотелось его душе: не прятал чувств в глубину, а позволял им проявляться.

Все удивлялись: не тот человек, другой, но какой, пока определить было сложно.

Тут и девушка долгожданная нагрянула в редакцию. Николай Сергеевич искренне ей обрадовался.

—Что, опять с поручением?

—Да не совсем. Мне почему-то самой любопытно стало — происходит что-либо или нет? По моим ощущениям — происходит. В общем, я пришла не вас, а себя проверить. Вы уж простите.

—И вы меня простите. За всё. За всё, чего я не знаю, не понимаю, не ведаю.

Николай чуть на колени перед ней не опустился, но удержался.

—Чем вы занимаетесь? Работаете?

—Да, сейчас работаю. Мы с вами в какой-то степени коллеги: я заведомом в одном крупном рекламном журнале.

—Но это же адский труд. Особенно перед сдачей номера. По ночам сидите?

— Бывает.

— А когда вы собой занимаетесь?

— А вы когда? Я долго не работала, поэтому времени у меня было хоть отбавляй. За два года я построила себе особый уклад жизни со строгим распорядком. Это не так, чтобы всё по часам, но обязательно утром отведено время на медитацию, лёгкую гимнастику и завтрак. А вечером — анализ дня, своих ошибок, просчётов, некачественного поведения, беседа с Учителем.

— А как вы с ним беседуете?

— Ну, мысленно, конечно.

— А откуда вы знаете, что это Учитель?

— Чувствую.

— И всё?!

— Мне этого достаточно.

— Да вы что? А вдруг это не Учитель? Как вы отличаете голос Учителя от вашего собственного? Где распознавание, где грань вашего воображения и истины? Это же с ума сойти: неужели и у вас так, как у всех?!

— Вы имеете в виду ваших посетителей и рекламодателей?

— А кого же ещё? Они все беседуют с Учителями, всех ведут, учат. Но такую ересь несу т- что слушать стыдно: краснеешь, бледнеешь, объясняешь, но бесполезно — все упёртые, убеждённые в своей правоте. Естественно, что мне нужны какие-то объективные данные.

— Таких у меня нет. Вам нужно этот путь самому пройти, чтобы правильно его оценить. Вы сейчас — наблюдатель со стороны, нужно же войти внутрь, понять механизм, добиться контакта, а потом попытаться снова выйти и взглянуть как бы сверху. Думаю, у вас получится.

— Вы знаете, я серьёзно воспринял то, что вы сказали, и начал себя менять. Мне это занятие пришлось по душе: приятно результат видеть, за собой наблюдать, но я не ставил цели выйти на связь с Учителем. После того что я тут каждый день наблюдаю, для меня это звучит весьма абстрактно.

— А какую цель вы перед собой ставили?.

— Да никакой. Азарт или любопытство — даже не знаю. Но увлекло, стало интересно, мир ожил, другим стал.

— У меня тоже было так. Но потом этого стало мало. Я хотела найти людей, с которыми могла бы делиться своими находками, успехами, ошибками. А людей таких не было, не нашла, но Учителя услышала.

— Как это?

— Не знаю, как-то сам по себе внутри голос возник, и стали мы с ним беседовать.

— А вдруг это какая-то цивилизация, воздействие тёмное? Вы что, их не боитесь?

— Нет, не боюсь. Этот голос помогает мне познавать мир, он знает меня прекрасно, все мои недостатки, но никогда не ругает, а учит любя. Но иной раз так любовно отшлёпает, что не знаешь, куда от стыда деться.

— Неужели это все, к чему человек стремится?

— Наверное, нет, но для меня это — всё. Я без этого голоса умру.

— Вот это и ужасно. Вы от него зависите. Он вас закабалил, сделал своим слугой.

— Да нет, совсем не так. Впрочем, бесполезно объяснять. Сами попробуйте, услышите, поговорите, потом и обсудим.

— По-моему, вы мне предлагаете сойти с ума по доброй воле, а потом самостоятельно вылечиться.

— Я что, сумасшедшая?

— Нет, вы не похожи даже на чудиков. Вы достаточно уравновешены.

— Это результат работы над собой. Раньше я была очень раздражительной, кричала на всех, капризничала, как и положено женщине. А потом всё изменилось.

— Что, к вам тоже кто-то пришёл от Учителя?

— Нет, — Ольга засмеялась. — Я с мужем разводилась, а это была для меня большая трагедия. Я слезами полгода обливалась, распухла от них. Я страдала, а ему — хорошо. От других узнаю, что повысили его, денег стал больше зарабатывать, а когда вместе жили — так гроши приносил. Любви мне хотелось, семьи нормальной, как у всех, детей, забот обычных, да не получилось. Вот я и рыдала, как белуга, день и ночь. Потом очнулась, думаю: "Хочу, чтобы он вернулся?" И вдруг сама себе отвечаю: "Нет". — "Так чего же ты плачешь тогда? — "А себя жалко". Стала думать, почему плачу, если не хочу жизни прежней, что такое жалость к себе, ну и пошло-поехало. В общем, была проблема, жизненная трагедия, если хотите, а теперь вспоминать об этом смешно. Даже самой не верится.

— Понятно, — Николай Сергеевич кивнул. — Но у меня вроде бы никаких поводов не было себя менять.

— Вам нужен был толчок. Каждого человека подталкивают к тому, чтобы он задумался над своей жизнью, и поводом для этого могут послужить любые обстоятельства. Чаще это бывают стрессовые ситуации.

— У меня развод прошёл гладко, без напряжений.

— Вы тогда ещё не были готовы, не созрели. Два года назад вы бы ничего менять не стали, а сейчас — в самый раз.

— Да, конечно, вы правы. Но сейчас вы нашли людей близких по духу? Или идёте в одиночестве?

— Я ищу. Хожу по обществам, наблюдаю, изучаю, но пока серьёзного подхода к работе над собой не встретила. Всё, что я видела, крайне несерьёзно. И беда в том, что те, кто берутся учить других, сами этот

путь не прошли. Они прочитали, как действовали те или иные святые, и по книжкам, по чужим методикам ведут людей, доверивших им свои жизни. Это убийственно для духа. Думая, что развиваются, они заходят в тупик сами и заводят других, с ними кармически связанных. Этот путь групповым саморазвитием пройти невозможно. Тут всё как на войне: вперёд нужно посылать разведчика, чтобы он рассказал всё о неизвестной местности. Лидер должен пройти весь путь сам, в одиночку, и если выживет, не сорвётся, гордыня его не съест, то вернуться и вести других. А у нас как получается? Слепой слепых ведёт.

— Совершенно с вами согласен. Значит, вы мне можете подсказать, куда пойти стоит, а куда — нет?

— Могу. Походите, посмотрите, сделайте выводы. Может быть, вам повезёт больше и вы натолкнётесь на нужных людей.

— Спасибо. Вот вам моя визитка. Заходите почаще, — Николай протянул Ольге руку на прощание.

Рука у неё оказалась мягкой, тёплой, спокойной. Они, довольные друг другом, распрощались.

День близился к вечеру. Темнело. Николай Сергеевич, в прекрасном расположении духа, возвращался домой. Неожиданно боковым зрением он заметил знакомую фигурку — Ольга стояла на обочине и разговаривала с каким-то мужчиной. "Остановиться, что ли?" — он не успел подумать, как притормозил около них.

— Ольга, вас подвезти? Садитесь.

Ольга обрадовалась, потянула за собой мужчину.

— Познакомьтесь, это друг моих родителей, Михаил, живёт на севере, а здесь проездом. Стояли и решали, куда нам идти, а тут вы.

— Поехали ко мне, раз вы вопрос этот до конца не разрешили.

Ольга и Михаил, не сговариваясь, кивнули.

— Ну и ладненько.

Через десять минут они были уже на месте. У Николая дома всегда был порядок. В нём чувствовался сторонник строгих форм, размеренной жизни и красоты. Всё было подобрано со вкусом, нигде ничего не валялось, а на кухне — просто рай.

— Ой, как хорошо, что мы к вам приехали. Здесь так приятно.

. — И мне нравится, — согласился Михаил. — Если бы такой порядок у вас и внутри был, цены бы вам не было.

— Да стараюсь, стираю пыль потихоньку, чищу, мою, что-то сдвигается, а что-то не поддаётся пока исправлению. А вы что, разделяете Ольгины взгляды, поиски? Она вам тоже советы...

Ольга резко дёрнулась, и Николай Сергеевич замолчал. "Наверное, лишнее сболтнул", — с угрызением совести подумал он.

Михаил строго посмотрел на Ольгу, затем, с удивлением, на Николая, но ничего не сказал. Тогда Николай Сергеевич стал им рассказывать о своей работе, о том, кто и зачем приходит к нему, что говорят,

как себя ведут. Слушатели у него были благодарные и хохотали от души. Поощрённый таким вниманием, он и вовсе разошёлся, что с ним редко бывало, и начал выдавать шуточки, от которых и сам смеялся до слёз. В общем, вечер прошёл весело, без напряжения, а даже с большим успехом. Потом Николай Сергеевич отвёз Ольгу домой, а Михаила в гостиницу и вернулся назад счастливый, как никогда. Давно он так приятно не проводил время.

Утром Николай обнаружил, что Михаил забыл у него сумку. Решил взять её на работу: ведь Ольга знала его телефон, может, позвонит. День прошёл в обычной суете, а к вечеру в редакции появился Михаил.

— А я так и думал, что вы догадаетесь сумку с собой взять. Мне через пару дней уезжать, а вещи кое-какие сейчас нужны. Другу привёз травы северные показать, мох, лишайники. Они ему для работы пригодятся.

— А друг что — травник?

— Нет, он большой учёный, исследует в лаборатории северную флору. Хотите, познакомлю?

— Да мне вроде бы ни к чему, но мало ли, не знаю.

Михаил пытливо заглянул Николаю в глаза:

— Поехали, у меня друзья — народ крайне интересный. Вам они действительно могут понадобиться в скором времени.

На квартире у Ивана собрались Сергей, Фёдор и Татьяна Андреевна.

— А я к вам не один, а с Николаем. Знакомьтесь. Все радостно заулыбались, приглашая гостей на скромный ужин. Николай совершенно не чувствовал себя чужим в этом кругу. Все люди — разного возраста, он — самый младший, но среди них ему было хорошо и уютно. Говорили на очень интересные темы — в основном научные. Как Николай понял, люди эти очень любили свою работу, дорожили ею и, несмотря на крайне тяжёлые времена, продолжали исследования.

— А вы знаете, где Николай работает? — спросил Михаил. — В газете, оккультной, между прочим. Он — главный.

— Да что вы! — всплеснула руками Татьяна Андреевна. — Значит, все яснослышашие, видящие — все к вам приходят? У вас, должно быть, очень богатый опыт.

— Не то слово. Я на них насмотрелся и убедился, что в этой среде искать нечего. С серьёзными людьми мне встречаться не доводилось.

— А что вы подразумеваете под словом «серьёзные»?

— Чтобы люди над собой работали, меняли себя, очищали, устраняли недостатки. Чтобы была какая-то объективность их слышания и видения, достоверность. Даже объяснить это трудно. Короче говоря, их мир субъективен, а мне хочется ну если не доказательств, то убедительных доводов.

— А как же вера?

— Вера — это ступень к истине, но мне кажется, что вера тоже субъективна.

— Тогда давайте по-другому, — начал допытываться Иван. — Что могло бы послужить вам доказательством?

— Сам не знаю. Может быть, явление, которое вижу не только я, но и другие.

— Да таких явлений была масса. Не сотни, а тысячи людей видели знаки на небе, свечения, силуэты. Приходили Богородица и Христос и говорили на языках тех людей, что наблюдали за ними. Это описано, задокументировано, запротоколировано, исследовано. Вы же сами печатаете такие материалы. Почему же не верите им?

— Верю в какой-то степени, но, видимо, человеку нужно во всём лично убедиться.

— Значит, тысяча людей вас не убеждает, но если вы сами всё увидите, потрогаете, то скажете, что это истина.

— Может быть, и так, хотя сначала я проверю, не плод ли всё это моего воображения.

— Каким образом? К врачу пойдёте?

— Пока не знаю, не могу вам ответить.

— Вот смотрите, что получается, — продолжал Иван. — Если даже вы лично что-то увидите, потрогаете, убедитесь и захотите рассказать об этом другим, но вам не поверят. Вы станете эмоционально доказывать, что всё виденное вами — истина. Потом вы решите, что лучше всё изложить письменно и придёте в издательство, встретитесь с журналистом, поведаете свою историю, а он скажет или подумает, что вы — чокнутый. Так? Вы у себя с такими дело имеете?

— С такими, наверное, — грустно подтвердил Николай. — Так что, они правду говорят?

— Не думаю, что все. Действительно есть много субъективного, что отличить от истинного сложно, да и где грань эта?

Николай задумался. Все вопросы, заданные Иваном, привели его в тупик. Он, работая над собой, ставил себя на место коллег, а ему бы теперь попробовать ставить себя на место посетителей. Что же из этого получится?

— Да ничего не получится. Не стоит этого делать. Сначала нужно укрепиться в вере, потом провести полный курс внутренней трансформации, потом поразмыслить над субъективным и объективным, потом найти критерии оценки, развить распознавание. Всё непросто и достаточно долго, — сказал Сергей.

— Какая разница? Если взялся, бросать нельзя. Отступать некуда.

— Вот это верно. А вы что же, взялись себя менять? Как же это произошло, что послужило причиной?

— Ольга подсказала, — ответил Николай и запнулся. Он вспомнил её реакцию и понял, что она не хотела, чтобы об их разговоре кто-то знал.

— Что же сие дитя вам подсказать могло? — хитровато спросил Михаил.

— Да так, ничего, пустое.

— Стоп, вы отвечать не хотите или не можете? Ну тогда я попытаюсь быть честным. Вы позволите?

Николай кивнул. А Михаил вдруг погрузился в молчание.

— Ясно, — произнес он через несколько минут.

— Что? Общается? — спросил Сергей.

— Общается, но скрывает, держит в тайне и потихоньку костенеет.

Николай пытался понять, о чем они говорят, но что-то главное от него ускользало, не поддаваясь расшифровке. Расспрашивать ему было неловко, говорить об Ольге, их разговорах — тоже неудобно.

— Поздно уже, я, пожалуй, поеду.

— Всего вам доброго.

Иван проводил гостя и у дверей сказал:

— Вы заходите, вдруг понадобится, так не стесняйтесь. По любым вопросам, — добавил он.

По дороге домой Николай, вспоминая вечер, вдруг сообразил, что в один момент Сергей ответил на все его внутренние мысли. "Но ведь я точно ничего не говорил и не спрашивал, а он вдруг взял да и ответил, — подумал он. — Да и Михаил про Ольгу тоже как догадался?"

Непростые люди ему встретились. "Надо будет потом у Ольги о них спросить", — решил Николай.

Время шло, но работы над собой Николай не бросал. Наоборот, это занятие казалось ему самым увлекательным из всего того, чем он занимался. Он шлифовал и оттачивал свои мысли, реакции, поведение, старался менять старые закоренелые привычки. Понял: то, что мы сейчас называем привычками, раньше именовалось элементарной невоспитанностью. Николай учился банальным вещам: не греметь ложкой в чашке; не перебивать людей при разговоре; чихая и кашляя, отворачиваться в сторону; не дёргать руками, не сопеть, чётко проговаривать слова, вежливо здороваться при встрече, подавать пальто и руку дамам.

В XIX веке он был бы научен этому в шестилетнем возрасте, в XXI-м ему приходилось постигать науку общения во второй половине жизни.

Чем дальше Николай углублялся в себя, тем больше вопросов у него возникало, требующих немедленных ответов. Он их искал и находил, но не где-то в книгах, а в себе, внутри. Он обнаружил, что все ответы таятся в сердце и нужно только страстное желание, чтобы их оттуда извлечь.

Случалось иной раз и такое, что мир как бы распахивался и Николай черпал оттуда знания о Космосе, о строении Вселенной, о человеке. Это не описывали в книжках, не преподавали в институтах. Скорее, это были знания древних философов-мистиков, постигавших мир таким же способом, как и Николай. Только им было легче: они уходили в глушь, подальше от людей и созерцали мир в тишине. У него же была работа в гуще событий, никакого уединения и тишины, а постоянные гвалт и суета. И в этом круговороте Николай старался удерживать внутреннее равновесие.

У него получалось. Иногда ему казалось, что он все это давно знает, но просто забыл, а сейчас пришло время вспомнить. Он не раздражался, всегда сохранял спокойствие, говорил негромко и неторопливо,

ответы и указания формулировал очень точно. Со стороны казалось, что он вслушивается в себя, как будто внутри сидел тот, кто диктовал ему всё необходимое на следующий момент.

Но Николай не слышал никаких голосов. Он действительно вслушивался в свои ощущения, обращаясь к внутреннему человеку: как ему там — хорошо ли, спокойно ли, не беспокоит ли что? Если этого человека что-то беспокоило, Николай тут же определял, что именно. Как правило, это была несправедливая или злая мысль, неправильное поведение, нечестность. Даже необходимая улыбка при деловых встречах иной раз внутреннему человеку не нравилась. "Ну что опять не так?" — спрашивал Николай. "Зачем ты улыбаешься тому, к кому ничего не чувствуешь? Ты хочешь угодить этому человеку?" — "Да нет. Это просто так". — "Не стоит ничего делать просто так. За каждой твоей реакцией должны стоять честные отношения. Это не значит, что ты должен стоять с постным лицом. Последи за собой и подумай, чего я от тебя хочу".

Николай ясно видел, что этот внутренний человек был всегда прав. Он был справедлив и патологически честен, поэтому иногда было невозможно выдерживать его придирки. Когда Николай хитрил и избегал его, по нескольку дней не обращаясь к нему, тот замолкал, оставляя Николая наедине с собой в жутковатой тишине. Это было ещё страшнее, чем его бескомпромиссные изречения.

Как-то позвонила Ольга:

— Давайте встретимся, пройдемся, воздухом подышим, если у вас время найдётся, конечно. У меня два дня свободных выдалось.

Николай с удовольствием согласился. Он действительно давно не выбирался на прогулку, да и с Ольгой было о чём поговорить.

Они ходили по набережной и беседовали, жадно задавая друг другу вопросы и отвечая на них. Оба чувствовали нехватку общения.

— Скажите, а чем занимается Михаил? Его тоже интересуют оккультные проблемы?

— По-моему, нет. Я не замечала. Обычный человек, очень знающий, в Москву часто приезжает, но жить здесь не хочет. А многие — хотят.

— Последнее время — нет. Многие стремятся наоборот подальше от Москвы уехать. Вы говорите, что он друг ваших родителей. Сколько же вам лет?

— Двадцать пять.

— Надо же, в таком возрасте — и такие интересы и наработки. Десять лет назад меня занимали совсем другие вещи.

— Это ещё одно подтверждение тому, что времена меняются. Молодёжь не устраивает жизнь их родителей, и она ищет новые пути развития. Многие понимают, что проблемы — внутри человека.

— Вы по-прежнему общаетесь с Учителем?

— Конечно. Странно, если бы это было не так. Это моя жизнь.

— И вы верите всему, что он вам говорит?

— Верю, потому что он всегда прав. Вы не думайте, что я очень доверчива. Я повсюду была, у всех наших оккультистов, слушала их, сопоставляла. Книги все читаю, какие есть, чтобы быть в курсе. Многие, почти все, стремятся к тому, чтобы слышать, и если очень хотят, то у них получается. Это же голос сердца.

— Я, например, не хочу ничего слышать. Мне интересно себя познавать. Ваш Михаил тоже, по-моему, от таких вещей не в восторге.

— Михаил? Да, он далёк от всего этого. Он бизнесом занимается. У него на уме деньги, связи, проекты.

— Мне показалось всё иначе. Никаких денег — одна наука. Да и друзья у него — фанаты своей работы.

— Откуда вы знаете? — У Ольги округлились глаза.

Тут Николай понял, что Ольга ничего про их встречу с Михаилом не знает. Пришлось рассказывать.

— Ну надо же! Знакомых у него здесь, конечно, много, а друзей, я думала, нет. Только мои родители.

— Меня в гости в любое время приглашали. Можно и вместе зайти.

— Да мне как-то не очень интересно. Посмотрим. Учитель сказал, что вы далеко продвинулись. У вас богатый опыт прошлых жизней. Вы были в кругу розенкрейцеров и тамплиеров, воплощались в Древнем Риме, были оратором и полководцем.

— Вы можете просматривать воплощения?

— Да они сами стали всплывать. Учитель иногда рассказывает подробности кое-какие.

— Ольга, зачем всё это надо? Куда вы хотите прийти, чего добиться?

— Это путь духовного роста. Таким образом я познаю себя и мир. Очищаюсь, вношу Свет в свою жизнь, а другим от этого лучше становится. Где-то людям подскажу, что им делать следует, иной раз промолчу, но им же интересно, спрашивают. Потом сами двигаться начинают, у них глаза, как у слепых котят, открываются, и они на мир смотрят как на диковинку: где же всё это раньше было, почему не видели? Сознание их вмещает теперь куда больше. Но многие бросают занятия — сил не хватает, жизнь закручивает, проблем больше становится. Если честно, то вы один так долго держитесь, а все остальные, которых я с мёртвой точки сдвинула, всё равно в материю выпадают. Они считают, что существовать здесь, на Земле, важнее.

— А вы считаете, что важнее там, в другом мире?

У Ольги опять сделались круглые глаза.

— Вы меня удивляете. Столько месяцев упорно трудитесь над собой и всё ещё ничего не поняли? Конечно, я считаю, что мир духа намного важнее. В конечном итоге, он определяет нашу судьбу, наш путь развития.

Николая Сергеевича не особенно устраивали ни Ольгины объяснения, ни её взгляд на проблемы духовного развития. Он был убеждён, что на Земле — важнее, потому что в настоящий момент осознавал себя именно здесь. Он считал, что пользу может и должен приносить на том месте, на которое поставлен судьбой. Правда, в последнее время Николай понял, что обычный рядовой человек — это орудие в руках

судьбы, и она действительно распоряжается им, как ей угодно. Но совсем другое дело, когда ты становишься хозяином над собой и изгоняешь всех тех лживых сущностей, что залезли в тебя и диктуют свою волю. Тогда всё меняется, и ты способен сам определить своё место в жизни, согласуя свои действия с внутренним человеком, с истинным "я".

Николаю хотелось разобраться и с голосами. Возможно, это и есть тот самый единственный путь, по которому можно было идти, но тогда было непонятно, откуда столько искажений, ущербности, неадекватности в жизни, с которыми он сталкивался каждый день. Или он просто не дорос до состояния ясновидения?

Почему-то ему захотелось зайти к Ивану, тем более, что мысль эта давно сидела у него в голове. После работы, без звонка, Николай заехал к нему, особенно не надеясь застать дома. Но Иван был дома, да ещё вместе с Сергеем.

— А, заходите, ждём вас, ждём.

— Вы умеете читать мысли?

— Ну, скажем так: я ощущал ваше приближение. Я привык, видите ли, следить за своими ощущениями и не пропускать их. Ненужных не бывает: тела наши всегда подсказывают, что следует исправить или на что обратить внимание. Ваши мысли двигались в нашу сторону, поэтому мы и ждали вашего визита.

Николай присел на диван, но, что говорить, — не знал. Вроде исповеди бы получилось: вопросов масса, а сформулировать сложно, тем более непонятно, действительно ли эти люди что-то знают о себе?

Первым заговорил Сергей.

— Вы очень напоминаете Ивана. В ваши годы он был точно таким же: себя познавал, в чудеса не верил.

— А сейчас что, верит?

— Верю, но не в чудеса, а в знания. Есть вещи, нашему сознанию недоступные. Пока. Рано, не созрело человечество. Поэтому они нам кажутся чудесами. Но в чудеса верить нужно и искать способы их познания. Если пока разгадать не можете, значит, маловато знаний и сознание не так широко, как необходимо.

— А как вы к голосам относитесь? К внутренним? Они — что, пока непостижимое чудо?

— Вы голоса слышите?

— Нет, и не хочу слышать, потому что чувствую, что в этом есть опасность. Но не является ли слышание голосов единственным путём познания? Жанну д'Арк тоже голоса вели.

— Ну что же, вопрос хороший. Давайте разбираться. Во-первых, голоса во множественном числе слышать вредно и опасно. Это должно сразу насторожить вас; что-то не так делаете. Лучше сразу прекратить все практики, полностью поменять распорядок дня и пообщаться с природой. Если голоса не подчинились вашему нежеланию общаться с ними и настаивают на разговорах, внедряясь произвольно в сознание, значит, они не подчиняются главному космическому закону — закону свободной воли. Соответственно,

делайте вывод: они из мира, не подчинённого космической Иерархии. Это — захватчики, которым нужно ваше тело, безвольное, конечно.

— Что значит миры, не подчинённые Иерархии?

— Подождите, это потом. Сейчас пока с голосами разберёмся. Слышать голос — это вообще не путь. Слушать нужно учиться себя, своё внутреннее «Я». Оно вообще голосом не разговаривает. Оно — беззвучное, безмолвное. Путь к нему лежит через ощущения, через вслушивание в ваши внутренние желания. Внутреннее "я" всегда подаёт свой безмолвный голос, но мы его пропускаем, не желаем слышать, потому что другие наши "я" кричат громко, требовательно. Но поскольку нет иного способа определить, что такое внутреннее "я", его назвали голосом, а точнее; голосом безмолвия. Потом пошла путаница. Так что голос голосу — рознь.

— Теперь несколько прояснилось. Я был уверен, что когда люди говорят о голосах, они их действительно слышат как голоса внутри себя.

— Нет, нет. Людей обязательно нужно расспрашивать. Вы сами уясните разницу, тогда вам будет понятно, о чём речь идёт. А мести всех под одну гребенку не следует. Случается, что люди действительно слышат голос Безмолвия, но это вещь редкая, требующая работы над собой. Вы ведь работаете над собой? Меняете себя?

— Я пробую, — Николай не знал, как отвечать. — У меня ведь нет опыта, я иду исключительно по наитию.

— И правильно делаете, — сказал Сергей. — Сейчас время такое сумбурное, столько противоречивых методов предлагается! Только запутать могут. Но без подсказок трудно, да? Нам они тоже были нужны когда-то. Десять лет назад, даже больше, мы такое творили, копаясь в себе! Так вы говорите, что голос не слышите и не хотите. А как вы определяете, что вам нужно делать?

— Я советуюсь со своим внутренним "я". Это какой-то патологически честный тип, который не даёт мне покоя своей совестью.

Иван и Сергей засмеялись.

— Это и есть ваш голос, только вы пока с ним до конца отношений не выяснили. Он пока говорит с вами как голос вашей совести. Потом он превратится в голос высшего "я", потом в голос сердца, потом в голос Учителя.

— Так это один и тот же голос, его эволюция, так сказать, или разные вещи?

— Вообще-то, разные, но люди над такими тонкостями не задумываются. Уяснили, что можно что-то слышать, попробовали, получилось, ну и рады стараться от имени Учителя вещать. Им до голоса Учителя далеко так же, как и мне до президента Америки.

— Значит, Ольгин Учитель — это ещё неизвестно кто?

— Об Ольге вы в прошлый раз сказали, что она вам что-то подсказала, да? Мы ведь её не знаем, — проговорил Сергей.

— Да, я её спрашивал о вас, и она очень удивилась. Но вы отозвались о ней так, как будто хорошо знакомы с её внутренней работой.

— Нет, — твёрдо сказал Иван, — ничего не знаем. Михаил о ней упомянул, и больше ничего. Придёт время — познакомимся поближе.

— Хорошо, что я её без разрешения не привёл.

— Ничего страшного не произошло бы. Но случилось так, что вы пришли один. Значит, так лучше. А опыт по работе над собой у нас большой. Вы пока всё делаете правильно. Попробуйте теперь различить нюансы внутренних ответов. Ваш голос перемещается внутри вас: иногда он говорит из сердца, иногда из горла, иногда из области между сердцем и горлом. Найдите, где он звучит как совесть, где как сердце, а где и как высшее "я". И постарайтесь не вести с ним диалогов — просто схватывайте объём ответов, воспринимайте их как нечто целое, не расчленяя на мелкие подробности. Этим вы займётесь потом.

— Спасибо, мне это было необходимо. Есть над чем подумать, есть чем заняться. Вы оба в Москве живёте? А Фёдор, а Татьяна Андреевна?

— Фёдор у нас путешественник, а Татьяна Андреевна с Михаилом на Севере, но, наверное, она скоро в Москву переберётся или в Подмоскovie, — говорил Сергей, провожая Николая до двери. — Да, вы Ольге ничего не объясняйте. К ней особый подход нужен. Пусть пока идёт так, как шла.

— А не вредно? — спросил Николай.

— Бывает, что словами человеку ничего не объяснишь. Тут нужен жизненный урок. Не волнуйтесь, времени мы не упустим.

Николаю были приятны эти люди. Простые, но глубокие, схватывающие суть проблемы, а не поверхностно отвечающие. Они ему действительно многое подсказали — будет над чем поработать в ближайшие месяцы.

— Интересный парень, — рассуждал Сергей. — Пытливый, сообразительный. Точно, на тебя похож, слышишь, Иван?

— Слышу. Но при его пытливости у него очень быстро возникнет масса вопросов по поводу нашего поведения. И что мы тогда будем делать?

— Вообще-то, есть сложности, — согласился Сергей. — Он молод, ему ещё учиться и учиться. Вводить в нашу жизнь? Не знаю.

— Не так уж он и молод. Я начал именно в этом возрасте, вернее, в эти годы с тобой встретился. А люди сейчас будут подходить молодые. Возрастной ценз снизился. Они в двадцать знают столько, сколько мы — в сорок. А с Николаем нужно вести себя осторожно. До многих вещей он должен докопаться самостоятельно, а там посмотрим, будет указание насчёт него или нет. Но с ним нужно поменьше мистики и побольше здравого смысла.

— Здравого смысла у нас всегда было больше, особенно у тебя, — сказал Сергей, — но положение в Москве со всеми эзотерическими обществами, йогами, психологами лучше знаю я. Ольгу я помню, хотя и плохо. Она приходила на пару занятий по медитации, но, как видно, ничего интересного для себя не нашла.

— А люди, с которыми ты занимаешься, тебе самому интересны? — спросил Иван.

Очень низкий уровень. Они ходят ко мне от безделья. По-настоящему ищущих среди них нет.

— Ольга-то искала, но почему-то ушла.

— Ей другое было нужно. Она ищет подтверждения тому, что уже сложилось внутри. Значит, для нового её сознание сейчас закрыто. Вей, что будет отвечать её взглядам, мыслям, созвучно настроению, она примет, а другое — отметёт. Одно моё замечание о том, что никто из них не слышит голос Учителя, сразу заставило её относиться ко мне скептически, с долей пренебрежения. Ведь она уверена, что слышит. Она чувствует собственную высоту, а тут её достижений не заметили. Значит, какой вывод? Уровень для неё низковат. И пошла Ольга искать правду в другое место.

— Послушай, мыслитель. Говорят, что каждый человек достоин того окружения, в каком оказался. Как ты это понимаешь?

— Ты меня не цепляй, умник, — шутливо отозвался Сергей. — Я на должность мастера медитации сам определился, ношу дополнительную взял, груз потащил. А моё окружение — это ты. Если ты им недоволен, то сам и ответь, что сей профессор из себя представляет?

Так, посмеиваясь друг над другом, стояли рыцари на дозоре жизни, веером вне, окружённые простыми смертными, не подозревавшими о том, что находятся рядом с ними великие духи, защитники планеты, проводники Света, хранители Вечного Огня, горящего в тонких сферах Земли.

Разве делали они что-то особенное? Разве заботились об имени своём? Разве какими-то косвенными намёками выдавали принадлежность свою к высокому клану Рыцарей? Они были простыми и незаметными служащими, известными в узком кругу специалистов, они тщательно оберегали свой внутренний мир, не допуская в него посторонних, чтобы не нарушить Гармонии, они были скромны и незаметны, никогда не выдавая тех огромных тайных знаний, которыми владели. И лишь силой духа и преданностью Высшему выделялись они среди людей, видевших в них добрых, приятных собеседников, любящих свою работу и идущих по жизни точно так, как и все остальные.

Татьяна Андреевна собиралась в дорогу. Нет, не вещи она складывала: по зову она могла в несколько минут покинуть дом с маленькой сумкой. Внутренне она ощущала, что время пребывания её на севере подошло к концу. Видимо, начинался новый этап жизни, но какой? Куда определит её судьба? Готовность быть в любом месте, куда её пошлют, существенно облегчала жизнь. "А что я сама хочу? — спросила она у себя. — Хочу быть в окружении людей честных, порядочных, светлых, духовно высоких. Так это райское существование, а я — на Земле.

Здесь люди не в совершенном образе пребывают, а в стадии духовного роста находятся. Нет, я тут в экстремальных условиях, и расслабляться мне не следует: других учу, и сама учусь, как в теле человеческого поменьше ошибок совершать".

Но в Москву ей ехать не хотелось, хотя находиться рядом с Сергеем и Иваном было очень соблазнительно.

— Что, Татьяна Андреевна, в Москву ехать не хочется? — спросил подошедший сзади Михаил. — Так ещё не известно, где вам службу нести. Может быть, вы за границу подадитесь.

— Да я и не знаю, где хочу быть. Самое интересное, ловлю себя на мысли, мне всё равно — где, но не всё равно — с кем. С вами хочется быть, рядом с теми, кто тебя с полуслова понимает.

— В этом мы все одинаково грешны, но пока мы на Земле — так не получается. Здесь надо трудиться рук не покладая и не выбирать места приложения сил своих. Быть там следует, где нужен: на заводе, в поле, в торговле, в правительстве. Цветами торговать или за коровами ухаживать — без разницы, если там вы измениться сможете и начнёте от себя преображённого мир менять новыми вибрациями. Мы ведь излучаем совершенно не те токи, что все люди. Наши эманации насыщены другими элементами, земной наукой пока неопределимыми. Видимо, данный северный регион уже принял достаточно новых излучений и больше в этом пока нет необходимости. Даже если вы уедете, меня одного будет достаточно. А Москва задыхается. Она одна с гигантским населением да плюс Подмоскovie — это четверть страны. Там большие силы нужны.

— Да всё я понимаю. Просто думаю о том, что хочется чего-то особенного. Общину, например, создать, где все люди будут чисты, светлы, работают на общее благо, но ведь это утопия, наверное.

— Да нет, не совсем. Но подумайте, даже там, где вы были, не все одинаково чисты и светлы. И там люди очень сильно отличались друг от друга. Вместе их удерживала огромная сила: стремление делать мир лучше и нести Свет, служить Богу Единому и духовно расти самому. Здесь, на Земле, эта сила существенно слабее. Если отсутствует магнит притяжения или сила объединительная невелика, всё быстро распадётся. И, как правило, тот, кто собирает общину, сам не избавлен от недостатков. Когда же вокруг него начинают крутиться люди, он не успевает над собой работать, как раньше, и быстро теряет высоту, опускаясь до уровня обычного начальника. Но ведь идея не забывается, она сидит внутри, требует разрешения, и обычный начальник начинает воображать из себя бог знает кого: апостола, святого или повыше — Матерь Мира, Христа. Понимаете, на меньшее никто не согласен. В целом, община — это не утопия, просто подход к ней нужен другой. У людей стереотип сложился, а нужно взглянуть на дело это как с чистого листа бумаги. Община ведь может объединять людей, живущих в разных городах, но об этом никто никогда не думал. В представлениях людей, община — это когда все в кучку собрались и делают одно дело. А можно ведь подойти к ней по-другому. Вы только подумайте: община — дело духовное. Это может быть не общий труд, а общая мысль, каждый на своём месте подходит к ее реализации со своей точки зрения. Благие дела в общую копилку складывают, так сказать.

— Я понял, Татьяна Андреевна! Вы точно общину организуете: в Подмоскovie садоводов объедините, своими токами их напитаете, они же — землю, растения. Их урожай в Москве круглый год есть будут, энергии истинной общины потребляя. Вот это дело!

— Вы, Михаил, так всё расписали, как будто я уже признанный лидер всех садоводов-любителей. Но, честно говоря, хочется, по цветам соскучилась.

— Всё так и будет, — заверил её Михаил.

В Москве же жизнь шла обычной чередой: страну сотрясали политические перемены, смены экономических курсов. Народ всё более нищал, магнаты процветали и богатели, захватывая всё большие сферы влияния. Казалось бы, что стоило Высшим силам взять да навести порядок, расставив всё по своим местам? Нельзя. Нельзя нарушать свободную волю человечества, нельзя насильственно вмешиваться в естественный ход событий. Достаточно того, что на Землю уже льются новые энергии, с кото-рыми не

справятся те, кто погряз в материальном самодовольстве. Но люди, старающиеся быть честнее, жить светлее, думающие о спасении души своей, безусловно, будут отмечены Высшими силами. Новые энергии они воспримут мягче, действие их на организм будет ослаблено, в общем, не так разрушительно.

Над всем этим усиленно работали наши рыцари: зачем же иначе им нужно было жить в массе людской и вращаться в гуще событий? По сути дела, жизнь нашу определяют именно тонкие энергии. Сначала они прокладывают пути, а потом по ним идут люди, строят более плотные формы, материализуя эти энергии. Иногда получается хорошо, иногда — не очень. Всё зависит от того, с какими мыслями люди подходят к реализации своих планов: если с корыстными, думая о выгоде, всё быстро разрушается. Если люди думают о процветании самого дела, то со временем появляются и деньги. Так нужно делать всегда: впереди — бескорыстная чистая идея, а за ней — материальное обеспечение, приложение к идее. Тогда на Земле всё будет выстраиваться правильно, зеркально отражаясь в физическом мире.

Наши рыцари работали с пространством. Поскольку они были носителями очень высоких вибраций, им достаточно было появиться в том или ином месте, чтобы "завести" токи, привести в действие спящие энергии. Люди, находящиеся рядом с ними, делались спокойнее, увереннее в своих силах. Нельзя сказать, чтобы они сильно менялись, нет. Для этого нужны были особые силы и страстное желание, но то, что они готовились к переменам, что в них просыпался интерес к внутреннему, более тонкому миру, было налицо.

Николай, хотя и очень уставал на работе, занятий не оставлял. Даже наоборот, всё более погружался в глубину собственных ощущений, поражаясь тому миру, что открывался ему. "Никогда бы раньше не подумал, что это такое увлекательное занятие — познание себя. Господи, сколько в человеке таится. По сути, весь мир! — думал он. — На любые вопросы можно найти ответы, в любую эпоху заглянуть. Сокровищница!"

Пару раз они с Ольгой посетили общества, ею особо отмеченные, но Николаю там не понравилось. В третий раз Ольга повела его на медитацию в какую-то группу, а это оказалась группа Сергея. Послушав там его объяснения, вникнув в ту систему, которую Сергей предлагал, Николай пришёл в восторг: это было то, что нужно. Ольга же разочарованно пожала плечами:

— Ну что вы тут нашли? Ничего особенного, рядовое движение.

— Ольга, а что особенное ищите вы?

— Понимаете, тот, кто считает себя специалистом и берётся вести других, должен уметь видеть, чем внутренне живёт пришедший к нему человек. Этот же руководитель ничего не видит.

— Почему вы так решили?

— По его реакциям. Общий метод для всех, а люди перед ним сидят разные.

— Но, посудите сами, индивидуально он подойти к каждому не может. Он действительно даёт общую программу и смотрит, кто выделится из массы.

— Вы думаете о нём гораздо лучше, чем он есть на самом деле. Обычный человек, высокий астральный план.

— Откуда вы знаете?

— Вижу. Вижу объём его видения. — Вам что. Учитель подсказывает?

— И Учитель тоже.

Николай понял, что Ольгу переубеждать бесполезно. О Сергее он ей ничего не сказал: вдаваться в подробности не было смысла. Но для него это был хороший урок. Он попробовал понять Ольгину позицию и посмотреть на всё её глазами.

Действительно, у Ольги был опыт, работала над собой несколько лет, на месте не стояла, двигалась. Слышала голос Учителя, доверяла ему, он ей помогал духовно расти, давал советы. Ольга была ровной, выдержанной, трудолюбивой, иначе бы не работала в своём журнале, который требовал от неё знания реальной жизни. Конечно, в той среде никто и не подозревал о её второй жизни — духовной, об интересах, лежащих за границами науки.

У Ольги сложился определённый взгляд на мир, и теперь она искала тех, кто разделит бы его. В её мире она занимала определённое место и со своей ступеньки смотрела на людей. Пришла Ольга в группу к Сергею, а он её высоты не замечает, смотрит точно так же, как и на всех остальных, не выделяя из массы. Ольга делает вывод, что Сергей не обладает достаточно широким видением. Кто из них прав?

Николай стал на сторону Сергея. Тот ему казался более убедительным, хотя ничего и не объяснял. Почему, какой подвох крылся во всей этой ситуации? "Нужно спросить себя. Ответ — в сердце".

Поместил Николай в сердце Ольгу со всеми её взглядами, мыслями, объяснениями, и что-то внутри у него зашевелилось, затрепетало, забеспокоилось. В общем, неуютно он себя почувствовал. Потом попробовал то же самое сделать с Сергеем и всё стало на место. Спокойно, ровно, просто. «А может быть, это моё отношение повлияло? Ментально я тяготею к Сергею, к его взглядам. Мужчина он, наконец. Как убрать уже сложившееся?»

Тогда Николай попробовал по-другому. Как умел, выбросил все мысли из головы, максимально очистил сознание, чтобы ничего не мешало, и снова, уже оттуда, поочерёдно посмотрел на Ольгу и на Сергея. Опять он стал на сторону Сергея. "А давай ещё по-другому", — сам себе вновь сказал он. Повторно создав внутри ту чистоту, на которую был способен, он поместил туда Ольгу и Сергея и стал приводить массу доводов в пользу Ольги. "Видишь, она права, — объяснял Николай, — ты не видишь её, потому что не можешь просмотреть тот уровень, которого она достигла. Она с Учителем общается, давно уже. Она ровная, мягкая, никому ничего не навязывающая".

И вдруг так что-то внутри взорвалось и взбунтовалось у Николая, что он сам испугался. "Всё, хватит экспериментов. Сердцу нужно доверять", — сказал себе он. "Ольга тоже своему сердцу доверяет", — кто-то ехидненько пропел внутри. "Ёлки-палки, этого ещё не хватало. Раздвоение какое-то. Что за ерунда?" — подумал Николай. А потом, со свойственной ему решительностью, сказал: "Сомнения это. Всё внутри мне кричало, что Сергей прав. Ну и нужно было спокойно это принять, а я проверки устраивал. Итак, вывод: сердце моё на стороне Сергея. Ольга — неправа".

Всеми своими экспериментами Николай поделился с Иваном, когда заехал к нему в следующий раз.

— Ну и к какому выводу вы пришли? — спросил Иван.

— Ольга неправа, куда-то её занесло, но я не знаю, куда именно.

— Видите ли, не так всё однозначно, как вам видится. У Ольги есть своя правда, и её нужно понять.

— Да я так и стараюсь на мир смотреть: Истина многогранна, и каждый человек постигает свою грань, ближе к нему стоящую. Потом он поднимается выше и приходит к Единству.

— Нельзя огульно отметить то, что слышит и видит Ольга. Она действительно стоит на определённой ступеньке, которая выше той, на которой стоит основная масса людей. Но она провела некую черту, самостоятельно установив предел достижений, и захлопнула для себя выход за очерченные её сознанием сферы. За этими же существуют другие сферы, но она их не желает признавать. Для неё цель находится в конце узкого коридора, который она сама себе оставила. Когда она пройдёт по нему и упрётся в стенку, посмотрим, что она скажет.

— Но нужно ей подсказать. Нельзя же оставлять человека в его ошибочно выстроенном мире.

— А кто вам сказал, что она согласится с вами?

— Пусть и не согласится, но попробовать нужно. Нельзя бросать человека, если видишь, что он ошибается.

— Дело в том, что она не ошибается.

— Тогда мне ничего не понятно.

— Ольгины, так сказать, ошибки — это её личный путь развития. Когда она дойдёт до конца, она осознает его ограниченность. Переосмыслив свои взгляды, она найдёт выход.

— Но ведь она упустит время.

— Что значит "упустит время"? Какое время? Время — это её движение, её жизнь, её развитие. Разве она его упускает? Она двигается.

— Но ведь вы сами говорите, что путь её — тупиковый.

— Но ведь Ольга этого не знает. Она должна пройти его самостоятельно и к выводу о тупике прийти тоже самостоятельно.

— Я не понимаю, зачем ей ходить кругами. Можно подсказать, где выход.

— То есть дать в руки готовый рецепт. И вы уверены, что она последует вашей подсказке? По сути, вы лишаете её права на развитие.

— Я спасаю её от ошибки.

— Хорошо, есть несколько вариантов поведения. Давайте их рассмотрим до конца, стараясь предугадать любое развитие событий.

Вы сейчас идёте к Ольге и всё ей рассказываете. Она вас внимательно выслушает, проанализирует, спросит Учителя и, как вы думаете, что ответит?

— Думаю, что она продолжит идти своей дорогой. Она убеждена в собственной правоте.

— Вы хотите её разубедить?

— Нет, я хочу объяснить ей, что она упрётся в стенку, как вы и сказали.

— Понимаете, вы не вовремя нарушаете сложившееся у неё внутри равновесие. По сути, вы хотите убедить её, что Учитель ей говорит неправду. Она взбунтуется, и правильно сделает.

— Во всяком случае, я предлагаю ей выбор. Ведь есть шанс, что она задумается, и есть даже крошечный шансик, что поверит. Так ведь честнее.

— Нарушение внутренней гармонии вы называете честностью? Кому вы сделаете лучше? Поставите хорошую отметку собственной совести? А шансов, о которых вы сказали, у Ольги нет.

— Да откуда вы знаете? Что же с человеком и поговорить нельзя?

— Можно и даже нужно. Видите ли, когда мы начинали разговор, у вас не было выбора: вы однозначно знали, что с Ольгой нужно поговорить. Теперь у вас появился выбор: вы выслушали другую точку зрения и должны решить — стоит с ней беседовать или нет? Чем больше я вам объясняю, что не нужно, тем больше вы настаиваете на том, что нужно. Вступил в действие закон сопротивления. Он уводит нас в сторону, и мы думаем не об Ольге, а больше о том, кто какие доводы приведёт в пользу собственной правоты. Давайте примем в расчёт и Ольгины интересы. Ольга сейчас заняла прочную позицию и начала окапываться — укрепляет свои достижения. Ей нужны сторонники, ей необходимы те, кто поддержит её. То есть, пройдя по вертикали и взобравшись на выбранную вершину, человек обязательно должен построить горизонтальную площадку — иначе он быстро слетит. Это ведь общий закон для всех альпинистов — зачем нужны базы и стоянки? Чтобы, передохнув, отдышавшись, идти дальше.

Тут раздался звонок в дверь, и Иван пошёл открывать. Николаю тоже нужна была передышка: уж больно много информации на него свалилось. Внутри что-то плавилось, и он переставал понимать, что нужно ему, Ивану, Ольге. Кому вообще всё это было нужно?

— Здравствуйте, — в комнату вошёл Сергей,

— спорите о том, кому что нужно?

— Нет, мы об Ольге говорим, о её пути.

Второй раз Николай отметил странную особенность Сергея отвечать на его внутренние мысли, но ничего не сказал и вопросов не задал.

— Я о горизонтальной плоскости говорить начал, о её необходимости при восхождении.

— Бросьте вы всё это, давайте чаю попьём. Я замёрз.

— Ты же никогда не мёрзнешь, что случилось? — спросил Иван.

— Это пространственный холод, вернее, наоборот, идет огонь, который я немного остужаю.

— Этот огонь на Москву идёт? — спросил Николай.

— Нет, он везде идёт, но поскольку я здесь, то вот, решил поработать.

— И что же вы делаете?

— Принимаю огонь на себя, — засмеялся Сергей. — Это сложно объяснить. В принципе, все люди, мало-мальски чувствительные, это делают, но польза — от сознательности, от того, что ты знаешь, зачем, куда, почему.

— И вы знаете?

— Знаю, я слишком долго учился.

— У кого? Это в Москве было? — заинтересовался Николай.

— Нет. Да и учителей моих найти сейчас трудно. Вы пока собой занимайтесь, а когда успехов особых добьётесь, учитель и появится.

— У Ольги он появился. А. я такого не хочу.

— Значит, появится такой, какого вы хотите.

— Меня это тоже особенно не устраивает.

— Тогда объясните, чего вам надобно?

— От всего этого мистикой веет, неправдоподобностью, иллюзией, а я хочу реальности.

— Ольгин Учитель — это её реальность.

— Вот именно: её реальность. То есть субъективность. Мне же нужна объективность.

— И вы знаете, каковы критерии объективности?

— Нет, не знаю, но вот их-то и буду искать.

— Ну что сказать, молодец! Правильно сделаете. Может, и мы чем поможем, — заулыбался Сергей.

Николаю нравилось, что всё у этих людей было как-то мягко. Спорили без упёртости, уступали друг другу, переходили на шутки, смех. Чувствовалось, что они готовы помочь в любую минуту, бежать на другой коней земли, если понадобится их присутствие. "Да чем они занимаются, в конце концов?" — но тут же вспомнил, что оба работают в солидных учреждениях на солидных должностях.

— Ну что там в вашей газете? — спросил Сергей. — Люди интересные приходят, материалы приносят?

— Материалов интересных больше, чем людей. Сейчас основной вопрос — это конец времён, Пришествие. Появляется очень много систем видения: люди описывают одну картину как бы с разных точек зрения, зовут к единству, но своим путём. С одной стороны, раскрепощается сознание людей, с другой — наблюдается противостояние этому религиозных объединений.

— Так и должно быть. Когда люди больше видят и понимают, религиозные системы начинают терять своё влияние. Сознание человека ускользает из их цепких рук. Кому же это понравится?

— А что вы скажете о конце времён?

— А что тут можно сказать? Когда-то он обязательно наступает. Один цикл завершается, другой начинается.

— И что происходит с Землёй?

— В разные циклы — по-разному. К концу малых периодов на планету обрушиваются катастрофы и нарушают работу Земли как единого организма. Это необходимо для очищения: государства, народы, расы проросли друг в друга и завязали теснейшие кармические узлы, которые простым путём естественного развития не разорвать. Тогда это делается по-другому: посредством катастроф нарушается взаимообмен, и каждый остаётся наедине с собой. Если бы ещё нарушилась связь — теле-, радио-, телефонообмен, то люди оказались бы изолированными — каждый в своём мире. Это помогает писать свою историю заново, очищает взгляд, заставляет по-другому посмотреть на планету да и свою жизнь оценить.

К концу больших циклов на нас обрушиваются не только катастрофы. К Земле лавиной несётся космический Огонь, или новые энергии. Они нужны для следующего цикла развития. Вся тонкая структура Земли и людей наполнится новыми токами, впитает их и разрушится. Это может происходить несколькими путями: смещением оси вращения, столкновением с крупным космическим телом или прохождением около Земли такого тела, которое повлияет и на орбиту движения Земли, и на получение нами необходимого Солнечного света и тепла. Могут произойти и события, нам непонятные, на Солнце да и на Земле, но это уже от нашей воли зависит. Если Солнце на несколько дней погаснет, на Земле начнутся необратимые процессы. Кто выживет, тот об этом и напишет.

— А бывало такое, что Солнце затухало?

— Конечно, ведь существует и Солнечная пралайя. Солнце гаснет не постепенно, а сразу, вдруг, а за ним и все планеты Солнечной системы.

— Так это же гибель всего живого!

— Да, но потом всё начинается сначала, с учётом того опыта, что мы все накопили. Те новые токи, что мы восприняли в конце цикла, в любом случае пригодятся в следующем. По восприимчивости мы станем на голову выше.

— Вроде бы и бессмысленно себя менять: не знаешь, когда что случится.

— Вы об этом не думайте. Жить нужно всегда полноценно. Никогда и в мыслях не держите, что что-то делаете временно: делайте навсегда, но в любой момент будьте готовы встать и уйти. Речь о внутренней готовности, о непривязанности к тому, что имеешь. Вот вас, например, что-то удерживает?

— Конечно. Работа, дочка, квартира. Сразу всё бросить не могу. Время нужно, чтобы дела уладить, определиться...

— Вы подумайте об этом. Это не праздный вопрос, без его разрешения вы в своём духовном пути не определитесь.

— Да зачем мне всё бросать или оставлять нужно?

— Да не беспокойтесь, — заулыбался Иван, — это я вам идейку подкинул, над которой вам поразмыслить следует. Живите себе спокойно, работайте.

"Ничего себе: живите спокойно, работайте, — подумал Николай по дороге домой. — А мысли куда деть? Вопросы-то остались неразрешёнными".

Действительно, как быть с Ольгой? Есть ли смысл беседовать с ней? В глубине души он был уверен, что смысла нет, но появилась дилемма после разговора с Иваном. Поскольку Иван достаточно чётко изложил свою систему видения и настаивал на бессмысленности Ольгиного просвещения, Николай действительно из упрямства или сопротивления мог бы поговорить с ней. Наверное, раньше он так бы и сделал, но сейчас он подумал, что упрямство и сопротивление, возникающие от желания настоять на своём, ни к чему хорошему не приведут. Он просто поддастся собственным слабостям.

"Да ведь Иван это специально сделал, — подумал Николай. — Это он из меня внутренние парадоксы вытаскивает. Поддамся я или не поддамся? Ясно здесь одно: нужно принимать в расчёт не доводы Ивана, его давление или игру, а обстоятельства дела. Как быть?" — "Ничего делать не нужно. Пусть всё остаётся, как есть", — прозвучал внутренний ответ. "Вот и хорошо", — решил Николай.

Ольга на месте не стояла. Иван конечно же был прав: она начала укрепление горизонтального плана. Закон духовного роста требует именно такого подхода: взлет, остановка, укрепление позиций, потом следующий шаг. Если человек не построит горизонтальную площадку, ему не от чего отталкиваться. Он зависает в воздухе, его ноги беспомощно ловят опору, а её нет. Крылья пока слабоваты, на них одних не улетишь.

Силы у восходящего человека сначала больше в ногах, и лишь потом, после многих ступеней, она перемещается вверх, к рукам и выросшим крыльям.

Ошибка многих духовно растущих людей заключается в том, что эта ступень воспринимается ими как вершина. Взойдя на неё, они чувствуют нехватку сил и думают, что исчерпали все свои возможности. Это далеко не так: Свет только-только забрезжил в темноте, и все силы, отданные на его возгорание, — лишь крошечная часть из имеющихся-ся в запасе в начале бесконечного пути.

А силы придут, если вы призовёте их. Делитесь своим опытом, несите людям Свет, помогайте им, чем можете, молитесь, любите, щедро одаривайте людей теплом. Это и называется строительством опоры — когда то, что вы поняли в духе, вы несёте в жизнь, в обычный день.

Хождение Ольги по обществам было не от безделья и любопытства, а необходимостью. Ей не только хотелось поделиться своим опытом, своими наработками — ей было чем поделиться. Очень многим людям она действительно бы помогла. С этим она и пришла к Николаю.

— А что, если здесь, при редакции, организовать семинар? Чтобы люди приходили, опытом обменивались, делились внутренними переживаниями?

— Да пожалуйста. Делайте, если у вас время и желание есть. Я на себя взять такое не могу.

— А я могу. У меня план есть, система выстроилась.

— Ольга, помещение я вам предоставлю, но об остальном сами позаботьтесь. Как людей привлечь, как их вести — думайте. Только безо всяких ясновидения, заклинаний и прочего. К знаниям их направляйте, от реальной жизни не отрывая.

Николай согласился, но сам думал: "А не вредно ли? Куда она их заведёт?" А потом решил: "Да что случится-то, в конце концов? Если людям будет неинтересно, они все разбегутся. Насильно заниматься собой заставить нельзя".

Два раза в неделю по вечерам Ольга вела свои семинары. Сначала было три человека, потом пять. Николай тоже пришёл, послушал: всё проходило достаточно интересно. Ольга не только делилась опытом, но и мудро наставляла людей, по крупицам давая им необходимые знания. Ей доверяли, слушали, советовались. Людей стало больше, но никто подолгу не оставался: одни приходили, другие уходили. Всех в основном интересовали вопросы бытовые, житейские, ведь не от хорошей жизни люди начинали поиск, а из-за неудовлетворённости, возникшей от плохих отношений дома, с детьми, с родителями, с начальством, с друзьями.

От людей уходила радость, и приходило огромное количество забот, отнимающих силы, ничего не дающих, а только забирающих. Жизнь текла водой сквозь пальцы, годы летели — и что? В этом смысл жизни? В семье? В работе? В добыче куска хлеба?

Многие такими вопросами задавались, а другие — нет. Одни что-то искали, другие тянули лямку повседневной безрадостности. Ольга много говорила о радости. Она вселяла в людей веру, учила вырабатывать в себе надежду. Энергии у неё было хоть отбавляй, и она ею щедро делилась.

Постепенно людей стало больше. Денег здесь не брали, обстановка была комфортной. Сергей тоже как-то зашёл и, к удивлению Николая, сказал: "Полезно от этого дела есть. Пока всё идёт прекрасно".

— Вы же уверены, что путь-этот тупиковый, что тогда здесь прекрасного?

— На этом отрезке пути Ольга все делает правильно. Она никому ничего не навязывает, предоставляет полную свободу. Люди раскрепощаются, открываются. Никакими тонкими явлениями, требующими видения и знаний законов другого мира, она не занимается, чакры они здесь не крутят, хвосты не обрубают, узлы не закручивают и, слава Богу, вместе не медитируют. Вреда нет, а будет ли польза, посмотрим.

Ольга тоже заметила, что приходил Сергей.

— Смотрите-ка, ходит, интересуется. Видимо, знать должен, чем другие живут-дышат. Может, пользы было бы больше, если бы мы все опытом обменивались. Но ведь один раз зашёл, а в другой не появится.

— А что ему здесь делать? Он — мастер медитации.

— Да какой он мастер? Чтобы групповые медитации проводить, нужно не простым человеком быть, а с тончайшим видением. Вы же ответственность за людей берёте, вы их по тонкому миру ведёте, который сами знать должны лучше всех. Я понимаю, если человек обучался в Индии, Непале или где-то ещё в монастырях или у гуру, — но чтобы самому, по книжкам? Смешно и думать.

— А вы разве не по книжкам?

— Я с ними не медитирую, а знаниями делюсь. Результат есть — они с мёртвой точки сдвигаются, начинают своим внутренним миром интересоваться, понимают, что корень всех бед — в них самих.

— Это правда, — согласился Николай. "Только почему мне всё это неинтересно?" — задал он себе мысленный вопрос.

— А у вас путь другой, — объяснил ему Сергей. Николая больше тянуло на его занятия, там он углублялся в себя и постигал такие тонкости, до которых сам бы докопался не скоро.

— Говорят, что в городе медитировать нельзя, а в группе и тем более вредно.

— Действительно, в городе, в этом смраде, медитировать по-настоящему невозможно. То, что мы делаем, — это больше проникновение в глубины своего сознания посредством усиленного размышления. Но даже в этом случае вести вас должен знающий и видящий человек, которому хорошо известны все ловушки, подстерегающие вас на этом пути. В любом случае вы попадаете в тонкий мир, а он полон неожиданностей, о которых мало кто знает.

— А вы видите и знаете? — решил Николай на прямой вопрос.

— Да, я вижу и знаю, — коротко ответил Сергей, но не стал распространяться дальше.

Почему-то Николай ему доверял. У этого человека всё было просто: "да" — это да, "нет" — это нет. С ним не требовались лицемерные ужимки, приторная вежливость, по несколько раз произнесённые слова, демонстрирующие ваше неудобство по поводу возникших сложностей. В общем, вся эта цивилизационная мишура отпадала сама собой, и человек предстал перед вами в истинном виде, таким, какой он есть. Николаю это было понятнее и приятнее. Условности мира, понимаемые нами как правила хорошего тона, на самом деле учат лгать и лицемерить. Если вы будете по-настоящему просты и чисты, то есть за каждым произнесённым словом будет стоять соответствующее действие, маску вежливости надевать не придётся. Сергей был ровен и доброжелателен со всеми, и у него были прекрасные манеры: Другие люди из кожи вон лезли, чтобы казаться воспитанными, но вместо этого производили впечатление лицемеров: сто раз извинятся, поулыбаются, зададут пустые вопросы. Настоячивое желание казаться хорошим, светлым, внимательным превращает людей в приторно-вежливых существ, играющих в определённую игру, видимую ясно всем остальным. Разве это — правила хорошего тона?

За всеми действиями Сергея стояла искренность. И в медитациях не было никакой двойственности: каждый человек чётко осознавал, как и куда ему следует двигаться.

— Хотите, мы рекламу в газете дадим, людей привлечём? — предложил Николай.

— Нет, ничего такого делать не следует. Кому необходимо, тот притянется и останется.

— Как люди притянутся, если они о вас не знают? Отсутствует информация, а в настоящее время это значит многое. Каждый Нужный и знающий человек, действительно могущий помочь, оказывается в информационном вакууме.

— Не волнуйтесь. Законы пространства действуют по-прежнему. Ведь информация распространяется не только внешним, но и внутренним путём. Конечно, стало сложнее из-за насыщенности пространства низкими вибрациями, блокирующими другие энергии, но тонкие токи всё равно доходят до тех, кому они предназначены, или до тех, кто способен их воспринимать.

Маленький Ольгин семинар постепенно превратился в большой. Народу приходило много. Ольга вела себя правильно: не столько говорила сама, сколько давала возможность говорить другим. А людям только

того и надо было. Где ещё они могли высказаться? Она их учила вовремя остановиться и перевести разговор на другую тему. В общем, сказывался талант и опыт журналиста.

Ольга написала небольшую книжку, своего рода методическое пособие для начинающих. Построенная в форме вопросов и ответов, она оказалась очень нужной, понятной, доступной. Популярность Ольги росла, дел становилось всё больше, а времени на себя и вовсе не было. Внутренней работой Ольга теперь занималась в действии, в жизни, в суете дня.

— У людей способности открываются, они распускаются, как цветы. Смотрю на них — душа радуется. Сюда они идут как на праздник. Знаете, многие слышать начали Учителя, они теперь сами вперёд пойдут, без моих подсказок.

— А какого Учителя они все слышать начинают? — спросил её как-то Николай.

— Каждый — своего. Потом, позже, продвинувшись на духовном пути, они начнут слышать настоящего Учителя.

— Так, значит, сейчас они слышат ненастоящего?

— Настоящего, но своего, индивидуального. Потом они поймут, что существует единый Учитель.

— Единый — это тот, которого вы знаете?

— Да, я доросла до его уровня.

— А выше бывают Учителя?

— Конечно. Лестница восхождения бесконечна. Мне тоже по ступеням её взбираться нужно. Но я уже какой-то путь прошла, а люди только на него вступили. Зря вы не идёте навстречу Учителю. Он дважды не зовёт. Потом будете раскаиваться, когда поймёте, что упускаете. У вас такие возможности, но вы ими не пользуетесь.

Николай видел, что Ольга упорно карабкается вверх. В ней таилась гигантская внутренняя сила, хотя на первый взгляд это было незаметно. Ольгу приглашали в другие города, и изредка она уезжала, чтобы там прочитать лекции и рассказать о своём пути. Безусловно, она вызывала доверие, потому что сама прошла по тому пути, о котором говорила, а люди это чувствовали.

Так незаметно прошло месяцев семь. Николай, который раньше ничего кроме своей газеты не видел, узнал, какова реальная обстановка в городе со всеми духовными и развивающими способностями обществами и группами. Многие из них он посетил лично, понаблюдал, кто чем дышит, какую цель преследует.

Было очевидно, что люди устали от однообразия и серости своей жизни, поэтому их влекло что-то необычное. Чувствительная человеческая душа легко отзывается на ласку, чудо, красоту, поэтому привлечь людей многозначительным словом, за которым они угадывали нечто таинственное не составляло труда.

Особенно легко это удавалось людям умным, хорошо изучившим слабости человеческой души и знающим их психологию. Скажи человеку, что ты побывал в Индии и Египте, а потом помолчи, соблюдая необходимую паузу, и тут же начнётся скрытая возня: люди будут строить догадки о посвящениях, тайных встречах, мистериях. Это так просто — воспользоваться человеческой слабостью! Ведь люди хотят ощущать свою причастность к тайне, к мистическим событиям, к которым прикоснулись вы! Зачем же разубеждать

их? Так начинает распространяться волна иллюзорности, создавая то псевдопространство, в которое втягиваются массы. Человек, его породивший, вроде бы и ни при чём, с внешней точки зрения, но с внутренней, с той, с которой на вас взирает ваша совесть...

Человек умный эту ситуацию спровоцировал своим молчанием, попустительством человеческим слабостям. Она была ему выгодна и сыграла нужную роль в настоящий момент. Человек умный нарисовал свой тонкий узор, расставив людей непонимающих на нужные ему места. Они были пешками, ничего не сознающими солдатами, выполняющими данные им задания.

Таким образом рождались многие группы, собирающиеся вокруг своего лидера, обладающего знаниями, тонкими способностями, причастного к тайнам. Поскольку Николай смотрел извне, не втягиваясь в эту игру, картина была видна ему как на ладони. Но люди, находящиеся внутри, на игровом поле, ничего подобного не замечали.

— Вам не кажется, что людей спасти нужно? — спросил он как-то Ивана. — Они слепы, ничего не видят, ходят, дорогу нащупывают, а попадают в лапы к монстрам.

— Да от чего их спасти? Они сами этот путь избрали.

— Как избрали? Им его хитро навязали. С их сознанием проделали злую шутку.

— Но ведь они попались на расставленные крючки. Сказано: будьте зоркими, бдительными, стойте на страже. Кто людям мешает охранять свою душу?

— Если был бы предложен честный выбор — это одно, а игра на желании тепла, любви, света — это другое.

— Сейчас ареной борьбы за душу человека стало его сознание. Игровое поле — это внутренний мир человека, в который допущены разные силы. Зачем вы отыскивали внутри себя ложные личности? Именно для того, чтобы изгнать советчиков, кричащих разными голосами и не дающих вам услышать себя. Вы же поняли необходимость чистоты? Это и предлагается понять всем остальным людям.

— Людей дурачат, их сознанием манипулируют.

— Я с этим не спорю, но, видимо, люди хотят, чтобы их дурачили. Если бы они стали сопротивляться, началась бы страшная борьба, а не каждый к этому готов. Вы же помните, сколько вы промучились с вашими многочисленными внутренними "я"?

— Несколько месяцев. Ну и что? Трудно потерпеть, извлекая заплывшую в тебя гадость?

— Господи, так ведь не хотят! — сказал Иван.

— Люди избрали другой путь развития — мягкий. Вам кажется, что они ошибаются, что ими манипулируют, а это — их ступеньки роста. Вы это видите, потому что смогли вырваться из этой ситуации, вы смотрите со стороны, извне, вы не привязаны, — а они находятся внутри. Скажите, откуда лучше видно с мачты корабля или из каюты нижней палубы?

— Конечно, с мачты.

— Вы вот смотрите с высоты, а люди — из-под земли, понятно?

— И что же, все эти группы с так называемыми "лидерами" нужны?

— Нужны, потому что люди разные. Каждый ищет и находит ему понятное и доступное. Когда они возьмут всё им необходимое или увидят собственные ошибки, они уйдут. И никакая сила их не остановит.

— Но многие лидеры удерживают людей в группах понятием "предательства". Вы же знаете, что их будут обвинять.

— Всё зависит того, как трактовать это понятие. Могут обвинить в предательстве по отношению к Учителю. Людей это сражает напрочь, но нужно разобраться, каким образом кто-то встаёт между человеком и Учителем и обвиняет вас? Если у Учителя есть к вам претензии, он сам вам об этом скажет. Посредников здесь быть не может. Если вы любите Учителя, то предать его невозможно, что бы об этом ни говорили другие. Второе: могут обвинить в предательстве пути. Опять-таки, на него вы встали сами, избрали его, вам и отвечать. Если вы чувствуете, что рубашка мала стала, вы другую купите. Люди духовно тоже растут. Одно изучили, пошли искать другое. Третье: обвиняют в предательстве лидера. Значит, пока вы разделяете его взгляды — вы хороший, правильный, лояльный. Как только вы начинаете думать, у вас появляется собственное отношение ко многим вопросам, — вы плохой, предатель, упали, в общем.

О чём же речь? Хотят и требуют признания личности или соответствия личности и духа, в ней присутствующего. А если вы не видите этого соответствия? Если вы не признаёте святого, апостола, Матерь Мира и Христа новоявленных? Всё. Тут же кричат "не понял", "предал".

Относитесь к этому спокойно. Себя спросите, своё "я", своё сердце. Человек не должен судить другого человека. Разберитесь, примите решение и живите себе на здоровье, духовного поиска не оставляя. Всё постепенно на свои места станет, люди ведь не дураки — разберутся.

— Ну мне действительно всё равно, что обо мне подумают, потому что я ни к какому обществу не принадлежу. Да и нет у меня такого желания.

- Весьма похвально. Вы таким образом дальше других пойдёте, только что же потом делать будете? Голос Учителя слышать не хотите.

— Не хочу так, как у других. У Ольги на семинаре все слышат, видят, чувствуют. Но они в нюансах не разбираются.

— Не хотят разобраться. Ольга поставила ограничитель. Вот посмотрите, скоро народ поймёт и начнёт задавать вопросы, на которые Ольга не сможет ответить.

— И что же тогда будет?

— Если Ольга в своих неочищенных качествах не застрянет, она начнёт новый поиск. Сдвинется с места сама, за ней — и другие. В противном же случае народ уходить будет.

Николай чувствовал, что и сам на чём-то застрял. Добился того, что диалогов нет, научился слушать себя, контролирует свои действия, мысли, слова, продолжает их шлифовку. А дальше-то что?

Тут в Москву Михаил по делам приехал, позвонил в редакцию.

— Я на несколько дней всего. Заходите к Ивану, побеседуем.

— Что мы всё у Ивана собираемся? — ответил Николай. — Приходите ко мне в гости.

— Ладно, будем. Ждите завтра.

Вечером друзья явились к Николаю, в его уютную современную квартиру.

— А вы ничего устроились. Даже слишком хорошо.

— Я люблю уют. Деньги есть, почему бы их не потратить и на себя немного?

— Да, действительно, почему бы и себя не побаловать? А вы кому-то ещё помогаете?

— Жене, дочке, родителям. На детский дом кое-что отчисляю, даю просителям, если заходят. Не всем, конечно, но изредка бывает.

— А из Москвы часто уезжаете?

— Последний раз три года назад на море ездил, на Адриатику. А так даже за город не выбираюсь: газета не позволяет.

— Это нужно менять, — заметил Михаил. — Всё время в городе находиться — это тоже взгляд изнутри кристаллизуется. Со стороны на Москву взгляните — много интересного найдёте.

— За границу мне ехать не хочется, а по России — не знаю.

— Если можете оторваться на несколько дней, то поехали со мной на север. А то в вашем внутреннем мире застой наблюдается.

"Да откуда он всё это знает?!" — думал Николай.

Его это всезнайство не раздражало, а удивляло. Хотелось тоже так: взглянул и всё понял. "А может, это от знания человеческой природы?"

Эти крепкие русские мужики действительно разбирались в человеческой природе. Казалось, что утаить от них ничего было нельзя. Да, собственно, так оно и было. Взгляд их проникал вглубь любого явления и вытаскивал оттуда корень всех вопросов, бед и зол. Голову они никому мистическими штучками не морочили, тайнами посвящения и воплощения никого не удерживали.

За их словом стояло дело, а любое действие отмечалось скупыми словами.

— Вы, говорят, Ольге помогаете? — спросил Михаил.

— Я ей для семинара помещение предоставил. На этом моя помощь и кончилась. То, что она делает, мне неинтересно.

— А народ приходит?

— Да, люди приходят. Значит, им это нужно. Вот Иван говорит, что они таким образом развиваются. Но я думаю, что тот же Сергей им куда больше мог дать.

— А вот и ничего подобного. Мои тонкости они ухватить не могут. То, о чём я говорю, им непонятно, потому что глубинными процессами люди не занимаются. Вот Ольга им понятна. Она их сознание размягчает, элементарные знания даёт, основы. Она их согревает, и люди от тепла её чуть-чуть дуреют. В таком состоянии они становятся более восприимчивыми к серьёзным ответам. Пока Ольга им нужна. Придёт время — и эта ступень отпадёт за ненадобностью.

— Бедная Ольга, — сказал шутливо Николай. — Думает, что она — вершина, а вершина — всего-то ступенька. Хотя, она говорила мне, что впереди у неё бесконечная небесная Лестница.

— Это она так, для поддержания своего духовного авторитета. Ольга обязана признавать Беспредельность и говорить о том, что растёт. Но там, очень глубоко, в недоступных лабиринтах своей души она лелеет мысль о том, что скоро люди признают в ней ту, кем она является на самом деле.

— А кем она является? — опешил Николай.

— Да это я разговор с её подсознанием веду, вы не пугайтесь, — ответил Михаил. — Как ты думаешь, кто она? — обратился он к Сергею.

— Исида, — уверенно ответил тот.

— Почему — Исида? — спросил Николай.

— Потому что все женщины — Исиды, Богородицы и Матери Мира, а мужчины — Осирисы, Соломоны, Наполеоны, ну и реже — Отцы Небесные.

— Да от этого палатой номер шесть пахнет.

— К сожалению, но факт, как говорится, на лице. У всех духовно растущих людей — одна и та же болезнь — надевать на себя одеяние великих. Без их платьев — ну просто невозможно.

Похоже было, что Михаил впадал в своё насмешливое состояние, когда от его слов достаётся всем.

— Без Матери Мира и без Христа тут, думаю, никак не обойдётся. Найдёт себе группу почитателей, раздаст им всем титулы, должности, расскажет о прошлом, кто с кем в каких воплощениях встречался, в какие взаимоотношения вступал, и будет этим прошлым людей около себя держать. Если наденет на себя одеяние Исиды, то скоро обнаружатся Нефтида, Тот, Астарта, Сет и прочие герои, ищущие Осириса.

— Да зачем это нужно? — удивился Николай.

— Это никому не нужно. Это очень даже вредно. Люди обращаются к прошлому, к отработанным энергиям, и живут в них, купаются, не желают отпускать. Там они были когда-то счастливы, а в настоящем — не могут найти ушедшей радости, да и не найдут, если взор их постоянно назад обращен.

— Так что, Ольга и правда — Исида? Сергей расхохотался, за ним Иван.

— Ты такое скажешь, так всё опишешь, что людей в заблуждение введёшь, — повернулся Иван к Михаилу. — Нет, конечно, Ольга — это Ольга, и у неё своё скромное прошлое, к которому лучше всегда стоять спиной, а к будущему — лицом. Из прошлого нужно извлекать необходимые энергии и направлять их в будущее. Если человеку указывают на какое-либо воплощение, то это не всегда означает, что он этим человеком был. Ему даётся подсказка, на что следует обратить внимание. Ведь нам хорошо известны

биографии великих, описаны их поступки, характер. Что толку, если вас направят к неизвестному служащему? Что вы можете знать о нём? Ничего. Другое дело — великий муж или жена. Что-то в нём на сегодняшний момент соответствует вашему характеру: но это может быть как положительное, так и отрицательное качество. Люди ухватывают положительный момент и тут же объявляют себя богом или богиней. Но на самом деле вам подсказали путь. Исида — это значит, что нужно собирать тела, разбросанные части Осириса. Соломон — прояви мудрость, ищи её, ну и так далее.

Воплощения человека — это хитрый крючок, на который все попадают. Не понимают люди, что Стражи Порога им пелену на глаза набросили, не пропускают, пока определённые качества не отработают.

— А по-другому бывает? — спросил Николай.

— Конечно. Путей много. Иной раз воплощения нужны вам для того, чтобы токи определённые пробудить, но если вы всё правильно сделаете, больше к этому возвращаться не будете. Если всё же вас возвращают, то значит, либо вы что-то не отработали, либо кто-то вас за нос водит. Зоркость! Уж не на крючок ли гордыни попались?

— Да я вообще о воплощениях своих не думал, — начал оправдываться Николай за несуществующие ошибки.

— И слава Богу, и не думайте. Нужно будет, узнаете, а сами в прошлое не лезьте. Блаватская с Учителем общалась, и не она одна, а многие из её окружения. Почему они вопрос воплощений не поднимали и не мусолили его, как это сейчас все делают? У них на то и возможностей, и прав больше было, однако же не баловались.

— Совсем человека запугали, — вставил своё веское слово Сергей. — Вы сейчас договоритесь, что он на всех людей, говорящих о воплощениях, как на безумцев смотреть будет. А на самом деле воплощения — это прекрасная подсказка, разъясняющая вам, что следует делать и куда идти. Прошлое указывает на будущее. Так к этому и нужно относиться.

— Ну что, поедете со мной? — спросил Михаил.

— Если да, то послезавтра вечером нам улетать.

— Поеду, — вдруг решительно сказал Николай.

— Два выходных и ещё два дня прихвачу — ничего здесь не случится, думаю. Привыкли мои, что я всегда на месте, и с любыми вопросами ко мне бегут. Пусть учатся самостоятельности, меняют стереотипы. Я теперь часто уезжать буду.

Что заставило Николая так говорить, было совсем непонятно. Ездить ему было некуда, мыслей о поездках он в голове не держал.

Сергей и Иван одобрительно улыбались. Видно, по душе им пришлась его решительность.

— С Татьяной Андреевной поближе познакомитесь, — сказал Иван. — А может, она вместе с вами и вернётся в Москву?

—Посмотрим, — отозвался Михаил. Для него вопрос этот был больной. Что он без Татьяны Андреевны делать будет? Как с ордой просителей справляться? Она одна ему десяток работников заменяла, да и поговорить о сокровенном было с кем. А теперь, если она уедет? Кто место её в цепи займёт?

—Да, может быть, там прочная связь образовалась, и человек на месте этом вообще не нужен, — сказал Иван в ответ на беззвучные мысли Михаила.

—Скорее всего, так оно и есть, — подтвердил Сергей.

—Вот всегда вы так: ни подумать, ни обсудить. Всё знаете, на всё ответы готовы. Зачем людям речь нужна?

Николай оторопело смотрел на них, а они дружно смеялись, радуясь новому, неумолимо наступающему и постепенно входящему в их жизнь.

Да здравствует День Новый!

Татьяна Андреевна несказанно обрадовалась Николаю. Между ними явно существовала какая-то связь, заставляющая её заботливо, по-матерински относиться к нему. "Даже к дочке своей я таких чувств не испытываю, — думала она. — Вот что значит духовное родство". Николай платил ей той же монетой. Он не был особенно ласков, но с Татьяной Андреевной был всё время предупредительно заботлив.

— У меня такое чувство, — говорил он, — что вы нуждаетесь в моей защите. Как будто я вас опекать и оберегать Приставлен.

— Да что ты, родненький! Это я тебя оберегать должна, — хлопотала вокруг него Татьяна Андреевна.

Она и Михаил жили на одной лестничной площадке, так что в своей квартире Татьяна Андреевна только спала, а вся жизнь после работы протекала фактически у Михаила.

— Завтра мы поедem в один старый, почти заброшенный посёлок. Там озеро чудесное рядом и людей на тысячи вёрст вокруг нет. Чистота первозданная. Да что рассказывать — побывать в тех местах нужно, прочувствовать всю прелесть их.

Это было как раз то место, где чудесным образом объявился Молчун. Там он жить и остался. В город его повезли, показали новшества мира этого, поехал он, поудивлялся, а потом назад попросился. "Мне здесь делать нечего. Оторван я от жизни вашей, не чувствую с ней связи. Неинтересна мне цивилизация с её чарующими достижениями. К природе быть поближе хочу, спокойнее оно как-то. Я тут обоснуюсь, а вы ко мне в гости приезжать будете. Дел здесь много, есть чем заняться. Пространство чистое: отсюда мысли к вам в города лететь будут быстро, помогать с грязью и пылью справляться".

Любимым изобретением Молчуна в новой эпохе был телевизор. Сначала он смотрел всё подряд, и с полгода оторвать его от телевизора было невозможно. Но однажды, во время очередного приезда друзей поделился с ними своим открытием.

— Очень вредное изобретение, хотя и полезное.

— Ты определись всё-таки, чтобы нам понятнее было, — говорил Сергей. — Забрать у тебя его или оставить?

При таком развитии событий Молчун горой стал за телевизор и объяснил всем его преимущества. Но наедине с Иваном тихонько рассказал, что ящик этот — страшная вещь, оружие массового поражения сознания.

— Он из людей кого хочешь сделать может. Будут ходить, как зомби, и исполнять волю чужую. Эти роботы, киборги — не ерунда какая-то, а самый настоящий кошмар. Какую программу вставят, такую и реализуешь. Мозгов-то своих уже нет, атрофировались.

— Ты-то ещё думаешь самостоятельно?

— Я как понял, что они со мной делают, так телевизор смотреть перестал. А то гляжу, что волю мне чужую потихоньку навязывают, думать по ихнему заставляют. Нет, говорю, со мной у вас не выйдет. Только новости смотрю. Они мне для общего развития нужны. И то комментарии не слушаю, а свои выводы делаю.

— Ну и правильно. Значит, нужен тебе телевизор.

— Очень нужен, Иван, очень, — засуетился Молчун. — Как иначе о новостях быстро узнаю? Газеты пока дойдут! Да и читать мне сложновато. А так вижу, что у вас творится, и сразу вам помощь оказываю. Смотришь, а через несколько дней уже порядок.

— То-то я чувствую, что меня поддерживают. Такая опора мощная, — ехидно заметил Сергей.

— Это я, это я, — невзирая на тон, радостно заговорил Молчун. — Вы бы без меня не справились.

— Да что там! Что бы со страной было?!

— Вот-вот, — серьёзно кивал головой Молчун.

— Всё на мне держится. Меня всегда к главным событиям прибывало, поэтому я и сейчас на передовой.

— Молодец, — похлопал его по плечу Сергей.

— Продолжай в том же духе.

В эти нетронутые человеком северные глухие леса и вёз Михаил Николая. Конечно, теперь тут рыскали иностранцы, желающие по дешёвке купить русскую сосну, без сучков, ровную, лёгкую в обработке, и наладить своё производство, продавая дерево нам же в десять раз дороже. Но пока их особенно не жаловали, угадывая за их желанием наживы не только жажду денег, но и другой подвох: укрепиться на нашей земле, завладеть нашим лесом, обескровить нашу страну.

Когда гости приезжали, Молчун их в лес водил, всё показывал, а сам усиленно работал, создавая такие мыслеформы, чтобы это был их последний визит на его территорию. Особенно Молчун потрясал всех знанием иностранных языков, а также истории западных стран. Как начнёт вспоминать, где какая лесопильня была, как лес сплавляли, куда речка текла — иностранцы за голову хватаются. А Молчун гордо так рассказывает и рукой машет:

— Да у нас все мужики такие. Голландский, французский, немецкий — это всё пустяки!

Сначала Молчун настороженно косился на Николая и тихонько спрашивал у Михаила:

— Не пойму — наш он или не наш? Вроде свой, но какой-то глупый.

— Он наш, но пока до нас не дорос. Ты помалкивай, лишнего не говори, а то путь его удлинится от испуга. Побереги нервы жителя городского.

Для Николая Молчун был просто диким лесным мужиком, а тот свою образованность, слава Богу, никак не проявлял. Всё здесь было необычно, просто, душевно. Вышел из избы — и простор! Леса без конца и края, озёра, реки, полные рыбы, скиты и монастыри, но вот об этом мало кто знал да и знать, наверное, не стоило. Тайна всё ещё покрывает наш Север, охраняя святые земли от варварского нашествия цивилизации.

Николая постоянно в сон клонило.

— Это от воздуха чистого. Тебе тут пожить надо, лёгкие почистить. Чёрный ты весь от грязи, — говорил Молчун.

— Я вчера только купался, — запротестовал Николай.

— Другая у тебя грязь, астральная. Ты дышишь, воздух чистый вбираешь, а выдыхаешь ужас какой! Разве это дело, погибнешь-то молодым! Оставь его тут, Михаила, о душе позаботься растущей!

— Хватит причитать, Молчун, все в городе так живут, привыкли уже. Сколько ему положено, столько и протянет на земле родной.

— Эх, жестокое сердце у тебя, — заметил Молчун. — Сам в чистоте пожил, а другим в таком праве отказываешь.

— Я присмотрю за ним, Молчун, — сказала Татьяна Андреевна. Без её женского влияния тут уже бы не обошлось. Молчун явно впадал в назидательное состояние. — Пойдём к озеру, походим, посидим на природе.

Часа два они провели в полном молчании. Ничто и никто не нарушал тишины, и так всё было спокойно, что Николай забыл даже о том, что рядом находятся люди.

— Я тут место одно нашёл. Недалеко совсем, пойдёмте.

Молчун повёл всех в сторону, через ручьи, то и дело выбегавшие на поверхность.

— Вода здесь особая: иногда спит, иногда просыпается. Сегодня есть ручей, а завтра нет его, ушёл, заснул.

— Это говорит о том, что здесь есть пещеры, — сказал Николай. — Вы ничего о них не знаете?

— Нет, даже не думал.

Через полчаса они пришли на место, которое обнаружил Молчун.

— Да вы посидите, себя послушайте, — предложил он.

И точно, что-то там происходило. Внутри как будто тебя растягивали, потом сжимали, перекручивали, отпускали. В голове образовалась пустота, все впали в безмятежный покой, вслушиваясь в абсолютную тишину. Потом на всех нахлынула радость.

— Мне петь хочется, — нарушил покой Николай. — Здесь место особое, я слышал о таких, но самому бывать не доводилось. Аномальная зона. А явлений вы никаких не наблюдали?

— Нужны они мне больно, — заговорил Молчун, — я сам какое хочешь явление тебе создам.

— Ладно, — остановил его Михаил, — вы лучше скажите, кто что почувствовал.

Все одинаково ощутили радость.

— А вы правы, — на обратном пути сказал Михаил, обращаясь к Николаю. — Там действительно пещеры, и причем очень необычные.

Уже когда Николай его не слышал, Михаил говорил Татьяне Андреевне:

— Фёдора бы сюда и Сергея. Как мы раньше это чудо не заметили? Сколько лет ездили, а мимо нас проходило. Помните, как вы в Индии оказались? Так вот здесь точно такие же переходы. Мало того, это сокровищница, полная драгоценных камней. Думаю, на этом месте вход есть, но в физическом плане он приведёт нас в пещеру, а на другом уровне выведет в иной мир, тонкий. Можем оказаться и в деревне, и в монастыре высокогорном, и в Храме Единого Сущего, в общем, там, где заслужили. Мне кажется, отсюда Молчун может назад уйти, если захочет.

— Пойдите, а не отсюда ли вы его привели? — спросила Татьяна Андреевна.

— Нет, то место в другой стороне, но они как-то взаимосвязаны.

Николай шёл и наслаждался окружающей его природой. Лес его приветствовал, не отторгал. Озеро к нему тоже ласково отнеслось. Молчун это сразу заметил— Его место, вишь, всё вокруг с ним разговаривает, шепчет что-то по секрету. Ты пойдешь, поговори с ними, — отправил он Николая в сторону.

А Николай не сопротивлялся, с удовольствием отошёл, углубляясь в свои ощущения, пока никого рядом не было. Внутри ему что-то подсказывало, что не раз он сюда ещё приедет, что место это — особой значимости. "Интересно, откуда у меня такая уверенность?" — думал он. Внутри него существовало знание, определённое им как ответ на не-заданный вопрос. "А если вопрос задать?" — он облёк его именно в такие слова. "Получишь ответ", — услышал он внутри. Слова исходили из сердца, но в форму слов облачались явно не там. В сердце было понятие, бесформенное, но содержательное. Слова рождались в области повыше сердечной, где-то около горловой чакры.

Николай определил, что знание чего-то имеет расплывчатую структуру, если его не вытаскивать на свет и не рассматривать или уяснять. Как только хотелось конкретного ответа, нужно было сформулировать вопрос. Тогда он получал ответ, но не конкретный, а очень объёмный, охватывающий сразу много всего. Если его перевести в слова, то есть в форму, объёмность терялась, а слова отражали всего лишь одну грань. Когда знание или понятие были расплывчатыми, в них была глубина, как только они более или менее конкретизировались, глубина уходила. Вернее, не совсем так. Она оставалась, но мельчала.

Николая так увлекло это занятие, что он вообще забыл, где находится.

— Что, мыслями забавляешься? — Молчун как-то незаметно возник около дерева.

— Да это я так, вслушивался, — начал было говорить Николай.

Что толку мужику объяснять? Николай пожалел, что рядом Сергея не было, чтобы открытием своим поделиться. "А может, Михаил что-то об этом знает? Спросить нужно", — подумал он.

Татьяна Андреевна с Михаилом уже ушли домой, а Молчун пошёл за Николаем.

— Ты когда внутрь погружаешься, — вдруг начал говорить Молчун, — ты сначала в первый сердечный предел попадаешь. — Вернее, нет, не так. Сначала около сердца крутишься: там совесть тебя хватает и начинает мучить, наставления читать. Если дальше идти захочешь, то в первый сердечный предел попадёшь. Ну там вроде как душа с тобой разговаривает, но это только первые шаги. Чтобы дальше продвинуться, чистота нужна. Тут у всех остановка бывает. Без работы над очищением души дальше пойти не сможешь.

Николай шёл как на автопилоте, а сознание его было полностью парализовано. Он даже и не попытался бы сам объяснить это явление: как мужик в глухой деревне о таких вещах рассуждать может?

— Я человек не простой, — продолжал Молчун. — Они насмеются, а без меня жить не могут. Как сложности какие, тут же ко мне бегут. Чего тебя сюда привезли? Со мной познакомить, чтобы я тебя уморазуму наставлял. Что они в городе своём знают?! Детский сад. Мне вот скоро триста лет стукнет, а им — что?

Николай, который уже было доверился Молчуну, до глубины души потрясённый его замечаниями, тут же пришёл в себя. "Господи — подумал он, — и тут меня карма достаёт. Почему все психи ко мне приходят?"

— Ты это зря, — как ни в чём не бывало продолжал Молчун. — К тебе все идут, потому что ты важным человеком был, психику человеческую изучал, ну, врачом знаменитым. На любой вопрос ответить людям мог. Они и продолжают к тебе идти, пациенты-то твои. Они же не соображают, что у тебя — газета, они думают, что как и раньше — приёмная доктора знаменитого.

Слава Богу, они подошли к избе. Николай зашёл внутрь с таким лицом, что Михаил сразу к Молчуну обратился:

—Что ты человеку наговорил?

—Я ему карму его рассказывал.

—Зачем? Он тебя спрашивал?

—Нет, но он об этом думал. Я ему подсказал немножко.

—Идите чай пить, — сгладила разговор Татьяна Андреевна, — замёрзли?

—Нет, не холодно совсем, — ответил Николай.

— Я так в себя углубился, в мысли свои, что забыл обо всём на свете.

— Вы о работе не думайте. Отдохните, расслабьтесь.

— А он о работе не думал, — опять начал Молчун. — Он о сердце размышлял.

Николай оторопело смотрел на Молчуна и не знал, что сказать.

— О сердце — это прекрасно, а о любви — ещё лучше, — добавила Татьяна Андреевна.

— Какая там любовь! — махнул рукой Молчун.

— Его сейчас только голос интересует.

— Откуда вы знаете? — спросил Николай.

— Вы ничему здесь не удивляйтесь, — сказал Михаил. — Я ведь вас сюда не зря позвал, в места эти.

— Вот, говорил ведь, — Молчун вставлял свои замечания, прихлёбывая чай. — Без меня тут ничего не случается. Иностранцев всех ко мне везёт, чтобы я с ними говорил. Он ведь кроме английского еле-еле ни на каком языке говорить не умеет, а мне все сложности достаются, голландский, шведский, немецкий. Расскажи, объясни.

Николай полностью потерял дар речи. Он не знал, сумасшедший перед ним или нет, как вести себя? Татьяна Андреевна и Михаил не обращали на болтовню Молчуна никакого внимания — привыкли, что ли?

— Они знают, что я прав, что никогда не вру, вот и молчат, — сказал Молчун. — Я про голос угадал?

— Ну да, это меня больше всего интересует.

— Что, до голосов добрались? Как у Ольги?

— В том-то и дело, что нет. Я хочу разобраться, выяснить природу слышанья. Уже ясно, Сергей мне объяснил, что в ухе голос Безмолвия не звучит. Я знать хочу, где он находится, что люди понимают под понятием этим?

— Все понимают разное, потому что голос Безмолвия имеет много уровней. Когда вы услышите его в первый раз, вы уловите ближайшую к вам частоту вибрации. Ваше сердце очистилось настолько, чтобы воспринять первый тонкий ток.

— А что, есть второй уровень?

— Есть, но дальше редко кто проникает, довольный тем, что уже слышит. Задайтесь целью услышать ещё более тонкое, более высокое звучание, и вы со временем его услышите.

— Так, значит. Молчун правду говорил о сердечных пределах?

— Да, он это все прекрасно знает. Что ты уже наговорил? — спросил Молчуна Михаил.

— Ничего особенного, мы только до сердца дошли.

— Сначала вы должны добраться до своего высшего "я", а уже потом, после этого, вы можете услышать голос Учителя.

— Вот! — воскликнул Николай. — Значит, он всё же существует!

— Да, конечно, если Высшие инстанции сочтут нужным работать с вами. Но в большинстве случаев за голос Учителя люди принимают либо голос совести, либо первый голос сердечного предела. Конечно, этот уровень по сравнению с уровнем развития всего человечества так высок, что его можно считать вашим Учителем, но реально — это не так. Голос Учителя — это высшая награда, означающая, что ты принят Братством и признан Высшими силами.

— А Ольга, что она слышит? - спросил Николай.

— Думаю, голос первого сердечного предела. Условно можно считать, что их семь, хотя пролететь их можно в единый миг, но люди на этой ступеньке надолго останавливаются. Здесь они получают много информации, советов, их учат, ведут — это своего рода индивидуальное пространство. Нужно побыть в нём немного и идти дальше, к своему высшему "я".

— Я анализирую, что мне Ольга говорила, и думаю, что вы правы, так оно с ней и есть на самом деле. Значит, первый уровень она приняла за вершину достижений.

— Это со всеми происходит. Редко кто копается в себе, в голосе, в его происхождении. Тем более, что, как мы выяснили, это вовсе не голос, а вибрация, тонкая энергия, заставляющая работать ваше сердце.

— А что, сердце раньше не работало?

— Нет. Оно было занято другими проблемами. Сердце было переключено на ум, ум хаотически блуждал, цепляясь за материальные вещи. Теперь сердце заработало. Оно было неподвижным, а сейчас сдвинулось с места, поскрипывая, как старая заржавевшая телега.

— Оно болеть будет, — вставил Молчун.

— Да, будет, — подтвердила Татьяна Андреевна. — Я думала, что у меня инфаркт, к врачу порывалась, благо Иван рядом был.

— Вы что, тоже всё это проходили? — поразился Николай. — Вы все занимались собой, голосом, качествами? И к чему же вы пришли?

— Потихоньку научились читать мысли, хотя специально этим не занимались, вникли в такие тонкости, в какие никто никогда не проникал. Можем вытащить любую нужную нам информацию из акаши, но никогда этого не делаем.

— У вас есть способности, а вы ими не пользуетесь?

— Способности есть, но не всеми пользоваться можно. Вы, если развиваться будете, поймёте, что нельзя влезать в существующее устройство мира, нарушать его гармонию, что-то исправлять, менять.

— Как? — поразился Николай. — А борьба со злом?

— С каким ещё злом? — спросил Молчун. — Вы пока ничего не понимаете. Дети лезут в тайную науку! Есть несовершенная человеческая природа, её нужно образовывать, впихивать в неё побольше понимания. Сознание людей изменится — всё вокруг другим станет.

— Значит, вы про все мои попытки что-то понять знали с самого начала? — спросил Николай.

— Сразу заметил, хотя Ольга мне ничего не говорила. А вот Ольгу я упустил. Но ничего, там Сергей, Иван, они знают, что делать.

— Потрясающе, — проговорил Николай, — я мучаюсь, ищу, а мне никто ничего не объясняет.

— Почему же? На все вопросы, которые вы задавали, вы получали ответы. Говорить больше нет смысла. Сразу вы бы всё не восприняли, не смогли бы, сознание не вместило. Вот если вы сейчас всё это Ольге расскажете, она вас не поймёт. Она на своей ступеньке закристаллизовалась. Теперь ей пострадать нужно, чтобы с пьедестала слезть.

— Жалко, она мне про себя рассказывала. Настродалась уже.

— Видимо, нет. Путь у неё такой без слёз и мучений понимать ничего не будет.

— А по-другому бывает?

— Да, кто в радости идёт. Редкий путь, счастливым уготовлен.

— А у вас какой?

— У нас, почти у всех, — путь поиска. На ваш похожий.

— Что же вы с людьми такими вещами не делитесь?

— А кто нас спрашивает? Если есть вопрос, поиск, нужда в нас, — мы рядом. Но это мало кого интересует. Вы же знаете, что людей заботят материальные проблемы.

— Знаю, я жене попытался что-то сказать — обсмеяла. С тех пор я зарёкся своими мыслями делиться.

Пооткровенничав немножко, они почувствовали, что стали друг другу ближе, как будто пелена упала сковывающая. Дружно убрав со стола, они продолжили начатый разговор.

— Почему же вы в Москву не едете или в Питер? — спросил Николай Михаила.

— А зачем? Здесь нечем заняться, что ли?

— Ну там всё-таки движение, людей, в вас нуждающихся, побольше.

— В последнее время мне кажется, что движения там вообще никакого нет. Так, единичные случаи наблюдаются. Здесь же без нас никак нельзя. Север нуждается в благотворном влиянии тонких энергий.

— Разве их без вас не будет?

— Что вы, они всегда есть, они отсюда в основном по планете и расходятся. Всё дело в людях, которые эти энергии улавливают, а особенно в сознательности этих людей.

— Вы что же, знаете, куда, как и зачем? — спросил Николай.

— Знаю, — так же коротко, как и когда-то Сергей, ответил Михаил:

— Ну хорошо, вот вы долгие годы копались в себе, пришли к определённым выводам. А где всё-таки объективность? Не впали ли вы в самообман? — продолжал допрашивать их Николай.

— Вот врачи, они все дотошные такие, особенно те, кто психикой занимается, — вставил Молчун.

— Ты это про кого? — спросив Михаил.

— Это про меня. Про карму. Это как раз к последнему моему разговору с Сергеем и Иваном, чтобы я в прошлое своё не лез и в воплощениях не копался.

— Ты видишь, Молчун, что дискредитировал своих друзей? Неужели нельзя помолчать?

— Я тут без общения дичаю. Мне тоже поговорить хочется.

— Бедненький, — Татьяна Андреевна погладила его по плечу. — Может быть, поедем в город?

— Ни за что, — Молчун испуганно дёрнулся. — Мне здесь очень даже хорошо.

— Вы спрашиваете про объективность. Это хороший вопрос, но ответить я вам на него не могу. Пока. Вполне возможно, что мы все впали в иллюзию, образовалась такая групповая зависимость, псевдопространство. В общем, варимся мы в своих представлениях, довольные тем, что умеем.

— Да, а разве такого не может быть? Хотя что-то мне говорит, что всё это не так, что вы люди крайне серьёзные, но я пока не нашёл ответ. Мне нужны критерии познания. Ведь многие приходят в редакцию со своими представлениями о мире, вынашиваемые ими годами. Тогда всем нужно верить.

- Вот тут вы совершенно правы, — сказала Татьяна Андреевна. — Всем нужно верить, потому что каждый прав по-своему.

— Да не устраивает меня такой шаблонный ответ.

— Это не шаблон, это почувствовать надо и жить так, доверяя людям и видя их правду. Они доросли лишь до такого понимания мира, пусть на том пока и стоят.

— А как же движение?

— Сдвинутся. Как только надоест стоять на месте, начнут шевелиться, искать, страдать. Люди именно потому и страдают, что карма выводит их из состояния застоя.

— Что же, всем ждать, пока тебя карма стукнет?

— Люди сами двигаться не хотят, ждут неприятностей, а нужно самим, как только почувствовали необходимость перемен, менять ситуацию. Все привычки менять, причёску, мебель, одежду, цвет — всё, что можно. Когда карма свой порядок наводит начнёт — хуже будет. Тогда человек плакать начинает, в депрессию впадает, мучается.

— Значит, нам делать ничего не надо? Людей шевелить бесполезно?

— Почему же? Если вы чувствуете в этом необходимость, действуйте. Как правило, деятельны те, кто только начинает путь духовного развития. У них энергии не востребованной много, им отдавать её миру хочется, делиться знаниями своими. Это правильно. Потом они тише становятся, потому что видят, что мир

от их усилий не изменился, с места не сдвинулся, лишь несколько человек за вами пошли. Это тоже хорошо. Несколько человек — это много. Мы сейчас больше наблюдаем за людьми. Если видим перспективного человека, подсказываем ненавязчиво, если он откликается, нам радость вдвойне. Вот так и живём.

Скоро они все улеглись спать, потому что утром хотели пойти на другую сторону озера. Там у Молчуна ещё одно место интересное было. Едва рассвело, а Молчун уже будил всех:

— Пошли, собирайтесь, а то опоздаем. Ещё искупаться надо.

Пока они до озера дошли, Молчун уже искупался. Он как раз вылезал из воды, когда подошла поёживающаяся от холода компания.

— Хорошо вы выглядите для трехсотлетнего юбилея, — не удержался Николай, глядя, на одевающегося Молчуна.

Три пары глаз уставились на Николая, а потом Михаил сказал:

— Молчун болтает много, но никогда не врёт. Это мы ещё в самом начале пути поняли, что лгать — нельзя.

Николай проглотил пилюлю, но ничего не ответил. "Ничего, — подумал, — ещё разберусь с вами, шутники".

Через час пути Молчун остановил

— Смотрите, — прошептал он, - только не шевелитесь. Ветер как раз в нашу сторону дует. Это хорошо.

К озеру подходили разные звери. Они соблюдали не только дистанцию. Иерархии там подчинялись строго: мелкие звери уступали место более крупным и сильным. Даже медведь пришёл, купаться в озеро полез, пофыркал, поплескался и удалился.

—Никогда ничего подобного не видел, — сказал Николай.

—Да мы тоже. Разве все звери так в одном месте собираются на водопой? Это же не Африка, подходов к воде много.

—Сам не знаю, — ответил Молчун. — Следы увидел, стал наблюдать, и вот такую картину уже не раз застаю.

Пока ветер не переменялся, они тихо удалились, чтобы не тревожить зверей. Ещё один день пролетел незаметно в прогулках, в разговорах, а утром Молчун провожал их, произнося напутственную речь:

— Почаще из города уезжайте. Там вы до старости не доживёте, раньше времени помрёт. Жизнь ценить надо. Вот всего два дня прошло, а вы уже другие люди — цветущие, светленькие, а приехали грязные, потухшие. Мне здесь и так нелегко население страны поддерживать, а когда вы ещё на шею садитесь — совсем тяжко.

Через четыре дня Николай вернулся на работу как из зарубежной поездки. Он на всё смотрел другими глазами. "Хорошее это дело — уезжать. Таким образом можно постоянно менять угол зрения, учиться не привязываться. Ну что же, будет возможность и желание — попробую".

На следующий день он пошёл к Ивану отчитываться о поездке.

— А Татьяну Андреевну не привезли? Жаль. Ну, значит, рановато ей пока сюда.

— Как вам город их понравился? — спросил Сергей.

— Мы в городе мало были, уехали сразу к Молчуну в лес, к озеру.

— Да вы что! Вам повезло. Вы и с Молчуном познакомились.

— Очень забавный человек. Мужик мужиком, а в тонкостях души разбирается прекрасно. Шутник большой, сказал, что скоро юбилей у него — триста лет.

— Пошутить он у нас любит, а врать — не врёт, — серьёзно ответил Сергей. — Слушай, а ведь и впрямь, — он повернулся к Ивану, — надо дату круглую отметить. Грамотка-то где его? День рождения в ней проставлен?

— Нет, конечно, по тем временам в приходских книгах ребёнка записывали у священника, когда крестили. День, как правило, никто не знал, а год помнили. Молчуну лучше знать, когда он родился. Раз говорит, что скоро, значит, скоро.

Опять Николай не стал их расспрашивать. Наблюдал только, что уж очень они серьёзно, без шуточек на эту тему говорили.

— Много мне они подсказали и разъяснили, — продолжал Николай — Да, там место Молчун нашёл, необычное очень. Судя по всему, внизу — пещеры. Голова кругом идёт, внутри всё плывёт, а потом такая радость наполняет! Состояние необычное: ничего подобного раньше не чувствовал. Мы когда оттуда возвращались, я понял, как сердечная мысль возникает и в форму словесную облекается. Она может в слово одеться или нет, но если в форме слов появляется, то глубину теряет, становится не такой объёмной.

— Это вы совершенно точно подметили, — сказал Сергей. — Именно поэтому многие учителя в древности словами учеников не учили, а заставляли их просто рядом жить, наблюдать и постигать духовную науку ощущениями и погружениями в свои чувства, чтобы глубина не терялась. Как только знание постигнутое в слово переводится, оно всю прелесть теряет. Никакие книги не отразят того, что человек видит внутри себя. Донести можно крошечную долю, а поделиться ещё меньшей.

Николай в мыслях всё время к местам тем возвращался. Как чуть приустанет, то представляет себя на берегу озера или в лесу. Вокруг — тишина, и только деревья шумят, если ветер налетает.

Как, оказывается, он много терял, что из города не выезжал! Обязательно нужно с природой общаться, чтобы связь с жизнью не обрывалась шумом и суетой многолюдного города. Думаем, что в самом центре находимся, а реально — так далеко от него, что даже и определить трудно. Может быть, действительно, тот же странный Молчун больше для Москвы делал, чем все те, кто здесь изображал деятельность, покорно

подчиняясь обстоятельствам. Ведь главное в городе — выжить, деньги заработать, в гонке поучаствовать, лямку повседневности потягивая и ворча, что опротивело всё до невозможности.

Ну и почему бы не поменять жизнь такую, если не нравится? Что мешает? И тут понял Николай смысл вопроса, который Иван задавал. Что же его держит? Тогда он ответил, что работа, дочка, квартира. Несвободен был Николай. Цепко карма его опутала, и вырваться из лап её было очень сложно.

Почему мы так привязаны к обстоятельствам? Почему так боимся перемен? Какие сложности пугают нас, что мы не в состоянии жить так, как нам хочется? Воистину прав был Будда, когда говорил о непривязанности. Умом-то понятно, что мы должны руководить обстоятельствами жизни, а на деле получается наоборот: мы всецело зависим от обстоятельств, что создали сами. Как изменить положение вещей?

Это стало предметом дальнейших исследований Николая. Пока его всё устраивало, но он понимал, что сложности начнутся тогда, когда ему станет тесно в тех рамках, которыми он себя ограничил. Вот уже, например, он хотел почаще уезжать из города, но тогда нужно по-другому относиться к работе, поменять взаимоотношения между сотрудниками, а это вызовет изменение и других обстоятельств. Значит, человек просто ленился? Он не хочет приключений на свою голову, или за этим стоит что-то другое?

Николай копался-копался и дошёл до странной вещи. В основе всех наших неурядиц и нежеланий перемен стоят страхи. Оказывается, человек всего боится. Боится девушка не выйти замуж, боится парень найти плохую жену, боятся, что у них не будет детей, боятся за детей, когда те вырастают. Боимся машин, скандалов, переездов, ремонтов, болезней. Страхам человеческим нет числа.

"Да что же это такое? — думал Николай. — Или я с ума сошёл со своим копанием, или это правда?" Куда ему было идти с такими мыслями? Только Иван с Сергеем могли помочь ему разобраться, но получилось так, что сначала он поговорил с Ольгой.

Когда Николай рассказал ей о своих "находках", Ольга с ним согласилась.

— Так оно и есть. Люди всего боятся, а вот я ничего не боюсь. Для меня этот период давно кончился. Я ведь с мужем тоже расстаться боялась, а потом поняла, что не хочу с ним жить. Страх был сильнее моего желания понять ситуацию. Потребовалось неимоверное усилие, чтобы разобраться в себе самой. Но теперь это позади.

— Как вы думаете, — спросил её Николай, — стоит ли вам на семинаре поднимать этот вопрос?

— Этот вопрос решается один раз и навсегда. Конечно, стоит людям подкинуть такую загадку. Пусть подумают и разбираются в себе.

И всё же Николай пошёл к Ивану. Когда он рассказал, что думает по поводу страхов и что по этому поводу думает Ольга, Иван внимательно посмотрел на Николая, а потом ответил:

— Если бы всё было так просто, люди уже давно были бы совершенными. Страхи человеческие — это корень всех наших бед. Если вы избавились от страхов, вы можете считать, что половина пути к цели пройдена. К высшей цели, — добавил он.

— Видите ли, — начал свою речь Сергей, — в нашем представлении ткань человеческая — это уплотнённое духовное тонкое вещество. Светоносная субстанция уплотнилась, и из неё была создана

матричная структура человека. То есть изначально человек — это дух, который облачился в материю. Таким образом, стоит нам сильно захотеть, как мы совершим обратное движение — от материи к духу, к Свету.

Но реально дела обстоят иначе. Ткань человеческая, матричная, тонкая, была подпорчена с самого начала. И знаете кем? Частицы Хаоса поработали. Они напали на Свет, который увидели, и вошли в него, внедрили, захватив внутри ткани многие командные высоты. Так человек и стал развиваться — с частицами Хаоса внутри себя. А Хаос держит нас страхом. Он внушает тем, кого окружает: если я уйду, вы распадётесь, лишитесь порядка. А что может быть страшнее для частиц Света, как угроза нарушения порядка? В ткани Света заложено понятие Гармонии. Это закон, на котором она держится. Ей закон Гармонии подменяют страхом уничтожения порядка. Она и верит, потому что посоветоваться не с кем — вокруг одна тьма. Но это, так сказать, клеточный уровень.

— Без объяснения природы страха именно на клеточном уровне понять всё остальное будет сложно, — сказал Иван. — От страхов избавиться сразу почти невозможно, потому что сначала нужно понять, где они в тебе засели, что их вызвало. Ольга ещё столкнётся с ними, но в другом качестве. Вот беда с ней — по верхам шагает: это изучила, то поняла, от страхов избавилась. Тут по улице идёшь, и то мысль мелькает, нет ли машины с ненормальным водителем за углом, а у неё, видишь ли, никаких страхов. Счастливая!

—Если вы найдёте свои страхи, их нужно изгонять нещадно, упорно, без передышек. Сначала избавьтесь от них на уровне привычек, а потом переходите на клеточный уровень: они там засели. Просто представляйте себе клетку, в центре — Свет, а вокруг — частицы тёмные. Вы их осветляйте, светом окружайте. Они будут преобразовываться, не сразу, конечно, но постепенно. Знайте твёрдо, что страх — это подлая уловка, которая держит вас хитростью и силой. Ваша сила должна быть сильнее, и только тогда вы избавитесь от рабства.

—Да, по-настоящему свободным человеком вы почувствуете себя тогда, когда в вас будет преобладать Свет, а частицы Хаоса останутся в меньшинстве.

—А что, — спросил Николай, — совсем нельзя без Хаоса внутри?

—Это уже высший пилотаж. Совсем без Хаоса — это совершенный человек, это Христос.

—Но ведь были люди, которые имели Христосознание?

—Да, сначала внутри должен родиться маленький Христос, то есть Свет начинает борьбу за своё влияние и побеждает. По мере того как Свет будет упрочивать свою позицию, то есть завоёвывать все большее пространство, Христос будет расти. Полная победа Света означает то, что вы стали Христом, но пока это удалось только ему. В нём, в Иисусе, Бог победил человеческую природу, и Иисус стал Христом. По идее, нам был показан путь преображения, по которому люди должны следовать, но мало кто добивается окончательной победы.

— Мы ведь слышим тоже, что здесь и там Христос объявился, — говорил Сергей. — Пойдёшь помотришь и диву даёшься гордыне человеческой. К вам в редакцию такие не приходили?

— Нет, сами не приходили, а их "апостолы" — да, являлись. Рассказывали о своих кумирах, о том, какие они чудесные, светлые. Только глаза этих "апостолов" сразу их выдают, они в протрации, чувствуется их привязанность к ситуации, зомбированность, наконец. Не способны мыслить самостоятельно, заученные

фразы повторяют. Чувствуется, что над их сознанием кто-то хорошо потрудился, чтобы воспитать истинного приверженца и почитателя новоявленной "великой" души.

— Я тоже в основном видел именно таких, — продолжал Сергей. — Те, кто за Христа себя выдают, не понимают, что начался их путь великих испытаний. В них родился маленький Христос. Они заслужили честь такую благодаря тяжелейшей работе над собой. Теперь главное — не объявлять бы о том, а тихо дальше идти, понимая, что с этого момента твоя малая внутренняя Голгофа началась. Потом будет другая, большая, внешняя.

А сейчас ты, можно сказать, только голову из-под земли высунул. Зачем же кричать о себе? Обстановку изучи, себя нового познай. Люди-то думают, что себя уже poznали, что на этом путь их кончился. Да он только вырисовываться начинает. Маленькому Христу нужно все условия создать, чтобы он рос и превратился в большого. А какие это условия?

— Чистота, — ответил Николай.

— Совершенно верно. Чистота. Постоянно за собой следить надо: за мыслями, действиями, за соответствием слова и дела. Мало того, что ты говоришь о Красоте — сам покажи Красоту, говоришь о чистоте и святости — продемонстрируй на деле, что ты лишён всех желаний. В общем, получается так, что великое дело до конца никто не доводит. Мне человека с Христосознанием на Земле встречать не доводилось.

— А жаль. Неужели никто не способен себя переделать? Неужели это так сложно? — говорил Николай.

— Вы же сами видите, сколько подводных камней в деле сем трудном. То гордыня, то упрямство, то страх. Чего только в человеке не собрано!

"Да, — думал Николай, — ввязался я в удивительное дело — работу над собой, а она похлеще любых других работ будет. Кто бы предположить мог, что постоянно буду сталкиваться со сложностями, с вопросами, да ещё и искать ответы на них!"

Эта жизнь в корне отличалась от той, которую Николай вёл раньше. Он, как и все нормальные бизнесмены, занимался материальным обеспечением своего предприятия, поиском средств, новых схем, которые бы позволили ему выйти на другой уровень производства. Нужно было увеличивать тираж, увеличивать зарплату, менять оборудование. В общем, весь он был направлен на материальное. Сейчас Николай устремился вверх.

— Интересно, на чём он остановится? Где его заклинит? — спрашивал Ивана Сергей.

— Меня заклинило на желании, — ответил Иван. — Я, помнится, так сильно хотел измениться, добиться результата, что на этом и сорвался. По кругу начал ходить, пока добрые люди не разъяснили, что жажда совершенствования тоже в области желаний находится. Нужно цель постоянно перед собой держать и идти к ней, но при этом ещё и другим людям служить, их интересы учитывать, с ними светом полученным делиться. Долго я этого понять не мог, вернее, понимал, а реализовать — не получалось.

— А меня заклинило на любви, — вдруг сказал Сергей. Обычно он о себе никогда ничего не рассказывал. — Я когда всеми этими духовными практиками интересоваться стал, то мне, как и всем нормальным людям, хотелось понятым поделиться, близких к делу этому приобщить. Сам что пойму — им

рассказываю и, видимо, так увлечённо рассказывал, что очень "апостолов" напоминал, которые к Николаю в газету приходят. Родные от меня шарахаться начали. Я им про своё, а они меня — подальше от увлечений моих. Жену я очень любил, но стали мы ссориться, а со временем стена непонимания выросла. Она — нормальный, обычный человек, добрый, ласковый, отзывчивый. Я ей настойчиво брошюры совал, листочки, мол, читай, развивайся, от жизни не отставай. А она, из упрямства, ни в какую. Эх, мне бы тогда эти мозги! На близко-го человека: если ты любишь его, нужно смотреть как на малого ребёнка. Подрастёт — поймёт. А я её стесняться начал. Как же, у меня друзья духовные, я сам такой продвинутый. Да она тогда в сто раз продвинутее меня была. Я ещё только учился, а она уже всё это на деле реализовывала. В общем, ушёл я от них. И после этого меня ещё семь лет крутило, места себе не находил. Ошибка была не только а том, что навязывал им своё, а в том, что любил я жену, но не смог шаг ей навстречу сделать. Ждал, чтобы она первая пошла. Тоже ведь — гордыня. Господи, какие же мы глупости делали! Сейчас смешно и подумать. Я тебе, Иван, одну вещь скажу, но пусть она между нами и умрёт. Ольга-то — дочь моя.

Иван был поражён до глубины души. Обычно такой ровный, сдержанный, он как-то весь затрепетал.

— Как же это так?

—Вообще-то, это догадка моя, но я уверен, что не ошибаюсь. Дочка маленькая была, жена второй раз замуж вышла, так что её муж — Ольгин отец. Так оно и было с самого начала, пусть так и остается. Но ведь смотри, даже нас как карма сводит! Михаил с ними дружит, и я по его словам догадался сначала, а потом продумал всё — так оно и есть. На Ольгу посмотрел — вопросов больше не возникало — копия мать. Вот так!

—Ну и дела, — только и мог вымолвить Иван. — Значит, делать ничего не будем?

— Абсолютно. Нет никакого смысла. И Михаилу знать не надо. Никому. Я бы, может быть, и шагов никаких не делал, да ты видишь, что получается — Николай стал о ней всё время говорить, она сама ко мне на занятия приходила. Не дают оторваться, поэтому я за ней издали наблюдаю. Видимо, нельзя детище своё в духовном одиночестве оставлять. Пока она своим путём идёт, но придёт время — вопросы возникнут, а идти с ними будет некуда, только ко мне. Вот я с её горизонта и не исчезаю.

Поскольку ты думаешь об этом да и со мной поделился, пространство уже с мыслеформами образовалось. Наши на него обязательно наткнутся и догадаются.

—- Пожалуй, так оно и будет, но представим делу этому разрешиться самому собой под нашим бдительным руководством.

Ольга издала уже вторую книжку.

— Когда это вы писать ещё успеваете? — спрашивал её Николай.

— Сама не знаю. Жизнь моя несётся, как ураган. Но больше всего я устаю от людей, от их проблем. Ведь никто ко мне не приходит решать космические вопросы, все со своими, с личными. Да я и советы никому не даю, а они всё равно идут — поделиться.

— Может быть, ещё одного человека для работы с людьми посадить?

— Им я нужна, автор книг. Простому человеку всё рассказать неинтересно, а автору — необходимо. Это нам весу прибавляет — мне, им.

— Вы что, шутите?

— Конечно, шучу. Вот вам, как директору, они ещё свои горести-беды доверят, а больше — никому. Рангом ниже — это уже обидно. Разве простой смертный что-нибудь в человеческих проблемах смыслит? Вас тут не было, говорят. Впервые за несколько лет.

— Я уезжал к Михаилу, на север. Ольга поразилась.

— Как, откуда вы его знаете?

— Да вы сами нас познакомили, а мы потом ещё раз встретились. Он меня и пригласил.

— И что там за жизнь? Что с духовностью?

— Живут люди тяжело, а с духовностью — так же, как и здесь.

Ольге в это верилось с трудом. По её представлениям, все самые развитые и образованные люди собрались в Москве, а в других городах они были отсталыми и неграмотными. Только за последнее время, когда она ездить начала, Ольга увидела, что в других городах люди тоже книжки читают, знают много, да иной раз и побольше, чем занятые собой москвичи.

— Вы что же, общие интересы в бизнесе нашли?

— Нет, в духовном развитии. Михаил очень интересный человек, знает о внутреннем мире много, о глубинах нашего сознания.

— Да будет вам! — воскликнула Ольга. — Ничего такого за ним не наблюдалось. Приезжает по делам, бегаёт, встречается с кем-то из Думы и из ведомств всяких, и назад.

— Ну и что? Разве такой человек не может быть духовным? — вступился за Михаила Николай.

— Вы ищете не там. То на Сергея запали, теперь у вас Михаил — духовный бизнесмен. Это уже нонсенс.

— Между прочим, и с одним, и с другим вы меня познакомили. А они друг друга очень даже хорошо знают.

— Ну что ни слово, то чудеса. Надо же, сколько лет Михаила знаем, а о его знакомстве с Сергеем и не слыживали. Какие у них могут быть точки соприкосновения? Что, Михаил имеет понятие о медитации?

— Ещё как имеет, а Сергей, между прочим, крупнейший специалист по камням, известнейший учёный, автор редких изысканий и целого ряда книг. Вы это знаете?

— Первый раз об этом слышу, — опешила Ольга.

— Вот так-то, — торжественно и победно изрёк Николай. — По-моему, вы ограничили свой кругозор и общение. Только вокруг своих книжек ходите, а нужно брать пошире.

— Всё равно, — упрямо сказала Ольга, — глубины там вы не найдёте. Вам нужно своего советчика иметь, внутри искать, а не вовне.

Внешний взгляд, то есть взгляд другого человека, очень даже помогает. Где гарантии, что вы беседуете с Учителем? Вы целиком и полностью находитесь в плену собственных представлений. Вы строите свой мир, живёте со своими героями, персонажами выдуманной сказки, а принимаете всё это за действительность. И других в этом убеждаете.

— Я никому ничего не навязываю. Люди верят в то, во что хотят верить.

— Да, но вы их подталкиваете к своему видению. Прямо не говорите, но намекаете, что за вами стоят Учителя. Разве это правда?

— Конечно, правда. Я общаюсь с Учителем, и не один год. Я не лгу, и люди это чувствуют.

— Да это же субъективщина! — вскричал Николай. — Откуда узнаете, что За голос вам нащёптывает?

— За меня говорят мои дела, — очень спокойно ответила Ольга. — Возьмите мои книги и прочитайте. Если в них вы найдёте ложь или ошибки, я готова обсудить их с вами. Если же нет, то какие тут могут быть претензии?

—Ну что я на нее взъелся? — спрашивал Николай Сергея. — Как так сорвался? Хотел просто поговорить, а вышло, что полез с претензиями.

—А что вас, собственно, не устраивает? — спросил Сергей.

—Наверное, её упрямство, то, что она не желает признаваться в субъективности восприятия и то, что она общается с Учителем, а это не так.

—И что вы хотите?

—Мне нужна объективность. Я хочу иметь в руках доказательства её истинного общения.

—Для вас они всё равно не будут объективными.

—Нет, всё не так, всё как-то неправильно. Должны же быть критерии оценки! Я не хочу мифов и фантазий, я истины хочу! — вскричал Николай.

—Да вы вообще-то в Учителей верите? — спросил Сергей.

—Верю, в тех, что были у Блаватской, в тех, что вели группы достойных учеников. Неужели их сейчас нет? Куда все подевались? Почему мы должны верить голосам, которые людям приходят под разными именами? Что это такое?

—Значит, истины вы захотели. Истину искать нужно. Если Учителя в вас поверят, в искренность и честность вашу, в чистоту, они сами придут, но как, в каком виде, я не знаю.

—Может быть, мне в Тибет податься? Ведь все эти поездки люди предпринимают в надежде что-то найти. Зачем путешествия в Индию, Непал, Египет? Люди хотят увидеть, сами не знают что, — спрашивал Николай. — Неужели вы ничего не искали? Вы столько лет посвятили духовным практикам, и это вас

удовлетворило? Почему вы не продолжили поиск и сидите в душной Москве с какой-то группой любителей помедитировать?

— Да балуется он, — сказал Иван. — Сергей у нас человек серьёзный, а медитации — это у него разгрузка. А искать мы искали и не один год на поиски потратили.

— Да? И что же вы нашли? — с любопытством подался вперёд Николай.

— Молчуна мы нашли, — сказал Сергей. — Нам его было достаточно на какое-то время.

— А он не сумасшедший?

— А вы сами как думаете?

— Думаю, нет.

— И мы такого же мнения.

— Но он же что-то про триста лет говорил. Это же сдвиг явный.

— Вы сами только что признали, что он не сумасшедший.

— Да, но это бред.

— Почему?

— Потому что люди столько не живут.

— Кто вам сказал?

— Все знают.

— Для духовного искателя эта фраза лишена всякого смысла. Слова «это все знают» не являются аргументом. Попробуйте быть более убедительным.

— В чём? Что люди триста лет не живут? Давайте наоборот: вы докажете мне, что ему триста.

— А зачем? Я ему верю, а вы — нет. Вот вы сами и ищите доказательства.

Все рассмеялись. Разговор об этом явно не имело смысла продолжать.

— Действительно, нелепая ситуация. Молчун ведь мне ничего не доказывал, просто упомянул про юбилей. Ольга тоже своего не навязывает, хотя и намекает. Если мне нужны доказательства, я их и должен искать.

— Всё действительно просто: вы или верьте, или не верьте. Зачем мучаетесь?

— Я истину хочу знать.

— А вот за слова эти будет вам когда-нибудь награда, — сказал Иван.

— Слушай, Сергей, — как-то Иван сидел и беседовал с другом. — Ведь Николай фразу заветную сказал. Нельзя нам мимо проходить и делать вид, что ничего не произошло.

— И что ты предлагаешь? Отправить его в Индию? На это разрешение должно быть. И потом, мне кажется, что его жажда познания ещё не дошла до пика своего выражения. Ты считаешь, что он горит так же, как и ты когда-то, когда всю страну пешком исходил?

— Может быть, и не так. А разве у всех это одинаково бывает? Вот Татьяна Андреевна наша, у неё всё просто было.

— Просто, но сколько ещё промучилась в деревне с коровами? Сколько ещё Фёдор за ней наблюдал? Не можем же мы Николая коров доить отправлять. Это совершенно другой путь.

— Предлагаю собрать совет. Вдвоём мы решать не имеем права. Он человек особого склада, и держать его в неведении нельзя.

— Хорошо, давай вот как сделаем. К Молчуну на юбилей поедем, там всё и решим. Фёдор тоже, наверное, появится, не оставит же он друга без внимания.

На этом они пока и остановились. Изредка встречались с Николаем, а однажды Сергей с Иваном даже на Ольгин семинар пришли. Посидели, послушали, на людей посмотрели.

— Нет, серость, — сказал Иван после встречи.

— Ни одного светлого пятнышка, за исключением Ольги. Она едва-едва светиться начинает. Вот с Николаем дело другое — этот кипит внутри, хотя и сдерживается, равновесие изображает.

— Я давно всё это наблюдаю, не одно общество посетил, хотя, надо честно сказать, общая масса с места сдвинулась. Поиска в людях стало больше, поняли, что без внутренней чистоты ничего добиться нельзя, вот и пытаются понять, что же это такое — чистота.

— Чистота — это у нашей Татьяны Андреевны, — сказал Иван. — Она на всё как ребёнок смотрит, у неё взгляд непредвзятый, без сложившихся стереотипов. Если бы ей кто про воскресшего Архимеда сказал, она бы только руками всплеснула: "Да что вы говорите! И где его найти можно?"

— Да, с чистотой у людей совсем плохо, с мыслями тоже. Не умеют самостоятельно рассуждать, иметь свою точку зрения. Всё людям подсказок хочется. Зато мягче стали, на доброту отзываются, на тепло. Но этого так мало для времени переходного.

— Люди же не знают, что мы в особое время живём.

— Как это не знают? Все знают, все чего-то ждут, и многие даже в растерянности, потому что не понимают, как им жизнь свою устраивать: временно или навсегда?

— Всегда — навсегда, по-другому и быть не должно. Никаких временок — только фундаментальное строительство! — изрёк Сергей.

Вскоре и Михаил позвонил.

— Ну что, приедете? Молчун ждёт, Татьяна Андреевна скучает. Фёдор тоже обещался.

— Приедем обязательно, вместе с Николаем. Такой юбилей без него не обойдётся.

— Вы не смейтесь, Молчун его особенно приглашал.

Через неделю все собрались в лесу, у озера. Другим не привыкать было к таким встречам, а вот Николаю это было впервой. Необычные они всё-таки были люди: ровные, сдержанные, смешливые и одновременно серьёзные, любые вопросы были ими глубоко продуманы, просто так слов никто не говорил, друг друга поддевали любя, и мысли их были не о себе и собственном благополучии, а о земле, людях, планете.

Такое впечатление иной раз создавалось, что если бы не они, то всё бы развалилось. Они же выступали в роли некой цементирующей силы.

Молчун просто светился от счастья: это же к нему все приехали, специально!

— Вы даже не представляете, как я рад. Мне всё-таки первый раз день рождения справляют. Двести лет пролетели незаметно, и я не знаю куда делись. Где их искать? А моих законных мне семьдесят, что ли?

Николай облегчённо вздохнул: всё-таки шутили над ним! Наверное, опять хотели что-то из него вытащить, какой-то недостаток, — и получилось. Спорил ведь с Сергеем, доказательств требовал. "Эх я, Фома неверующий", — думал он.

Но Молчун ему особенно самоуничижением заниматься не дал.

— Пошли походим, я тебе расскажу что-нибудь интересное.

— Молчун, ты там особенно не увлекайся, — предупредил его Сергей.

— Что ты, что ты, я же всё понимаю, — быстро ответил Молчун и утащил Николая в сторону.

За полчаса, что они ходили по лесу, Молчун успел ему рассказать о Голландии, Франции, Германии и любимой императрице, о грамоте её и о Тибете. По выражению лица Николая Михаил сразу всё понял.

— Ну что ты творишь? Боишься, что кто-то тебя опередит? Пользы от твоих рассказов никакой нет, а нужно, чтобы была.

— Как это, никакой? Где он всё. прочитает? В каких книжках? Он же в газете работает, ему такие знания пригодятся.

- Знания никому не помешают и действительно пригодятся, а вот кто тебе поверит — неизвестно. Николай совершенно не верит, ты только пугаешь человека.

— Да что вы, меня не испугаешь, — сконфузился Николай.

Но для Молчуна это был новый повод поговорить.

—Я тебе грамотку покажу, она на меня выписана. Паспорт покажу, сверишь имена-то.

—Ну, может, это родственник какой, — начал было Николай, но Сергей его перебил:

—Нет, не родственник, это он и есть. Ещё раз повторяю: Молчун не врёт.

Николай не знал, что и сказать, когда вступилась Татьяна Андреевна:

— Оставьте вы всё это, незачем о прошлом, давайте подумаем, как нам дальше-то быть.

Но Молчун не мог оставить эту тему просто так:

—Сегодня юбилей у меня. Зачем о другом говорить, когда обо мне надо? Хочу, чтобы Николай поверил, что я триста лет живу.

—Да вы очень хорошо для такого возраста выглядите, — заметил Николай.

—Конечно, хорошо, я двести лет отравленным воздухом не дышал. В те времена атмосфера почище была, да и сейчас я в лесу живу, а вы себя, тело своё в городе мучаете.

—А двести лет тело ваше где-нибудь в ледниках хранилось?

—Нет, — сокрушённо вздохнул Молчун. — Не знаю, куда они подевались. Я думаю, это временной коллапс: раз — и здесь оказался, со своими. Они меня тоже не сразу узнали, но ничего, потом поверили.

Изредка поглядывая на друзей — не смеются ли, — Николай расспрашивал Молчуна:

—А как ваш временной коллапс случился?

—Я в Тибете был, в монастыре, голос меня на север позвал, ну и пошёл. Долго шёл, а потом меня Михаил встретил, вроде провожатого мне послали, и вывел сюда. Привёл в избу, а они все сидят тут, ждут нас.

—Кто это — они?

—Да вот — вся эта компания шутников, — Молчун развёл руки в стороны. — Несколько дней издевались, пока до меня не дошла правда.

—Никто над тобой не издевался. А что ты хотел, чтобы мы тебе сразу сказали, что двадцатый век заканчивается? Так бы ты нам и поверил! — сказал Сергей.

—Одна Татьяна добра была, — не замечая слов Сергея, продолжал сокрушаться Молчун. — Она мне все потихоньку объясняла, наставляла, а потом я и сам всё понял, когда мне чайник электрический показали, лампочки.

—Ну и как это понимать? — спросил Николай Ивана.

—Да как он говорит, так и понимайте. Воспитывайте в себе чистоту сознания.

—Да это же абсурд какой-то?

—Почему? Приведите доводы, — сказал Сергей.

—Что значит, шёл в Тибете, а оказался здесь, на севере, в глухой деревне? Да ещё двести лет куда-то по пути исчезли? Ну это же чистойшей воды фантастика.

— В любой фантастике есть доля правды. А почему невозможно вам принять то, что говорит Молчун?

— Потому что это выходит за рамки реальности.

— Вот именно. Существуют и другие реальности. Можно из одной попасть в другую. Главное — сознание сохранить, а то станешь потенциальным клиентом дурдома. А если вы признаете это, то нужно учиться равновесию, уменью сохранять спокойствие в любой ситуации, чтобы голову не потерять и не начать глупости делать.

— Я не пойму, — начал Николай, — вы что, действительно верите в ерунду эту?

— Мы не верим, мы очевидцы и участники этой ерунды, — сказала Татьяна Андреевна. — Что нам делать, если из лесу появляется дикий человек, с грамотой императрицы, в которой говорится, что он сопровождает буддийское посольство? При этом мужик говорит на шести языках, знает тайные знаки и символы, разбирается в науках? Мы должны верить своим глазам, чувствам. Нам же никто своего не навязывает. Вот есть Молчун собственной персоной. Изучите сие явление и сделайте свой вывод сами.

— Действительно, — сказал Николай. — Зачем я вас спрашиваю, когда есть Молчун?

Они снова удалились подальше от компании, чтобы поговорить.

— Пусть сам решает, — сказал Сергей. — Интересно, к какому выводу он придёт?

Через час, когда они вернулись Николай объяснял:

— Странно было бы упираться мне только на основании того, что так не бывает. То, что Молчун говорит, как он это делает, сомнений не вызывает: он не из нашей эпохи, а из той, давней. Но как такое могло произойти, куда делось время?

— В тонком плане существует множество пространственно-временных сфер. Мы можем попасть в ту, которая созвучна нашим внутренним вибрациям.

— Тогда люди бы и ходили из одной сферы в другую. Здесь надоест, они — в соседнюю, подальше от проблем.

— Не просто всё. Доля случайности крайне мала, но иной раз люди пропадают именно потому, что проходят в другое время, или измерение, как принято выражаться. Существуют так называемые тонкие Врата, около них стоят Стражи Порогов. Они просто, без проверки, никого не пропускают.

— Значит, если такой фокус удался, тебе вроде бы разрешили.

— Да, совершенно верно. Но, как вы понимаете, такая вероятность ничтожна, потому что существует карма, то есть огромное количество связей с другими людьми и обстоятельствами. Выдернуть из них человека непросто.

— А там, в соседних сферах, другое время?

— Там всё другое. Вы можете попасть в наш срез времени, то есть в ту сферу, где есть наше прошлое и будущее, но можно попасть и в другую пространственно-временную сферу, в которой нет нашей истории. Там будет посложнее. Разобраться с чужой цивилизацией, с другим укладом жизни крайне трудно. Сознание-то ваше не приспособлено к той среде.

— Ну это просто главы фантастических романов. Где доказательства?

— А Молчун? Опять вам непонятно что нужно? Вот таков человек: требует доказательств, ему предъявляют, а он говорит: этим не верю, другие подавайте. Вы хоть понимаете, что доказательства — тоже, оказывается, вещь субъективная?

Николай подумал и согласился:

— Да, смешно получается. Похоже, действительно не знаешь, что тебе нужно на самом деле.

— Вот именно, неверие глубоко укоренилось в человеческой природе. Вера приходит тогда, когда в себе место хоть какое-то очистишь. Уйдёт страх — место освободившееся нужно заполнить светом, верой, любовью, радостью. От них — дальше потихоньку продвигаться.

Так они сидели и беседовали до самой темноты. Молчун был счастлив: мало того, что все съехались, — Николай ему поверил. Похоже было, что в глубине души он лелеял тайную мечту: чтобы о нём появилась статья в газете, чтобы феномен этот стал известен.

— Молчун, а тебе случайно не популярности захотелось? — вдруг спросил его Фёдор. — Что-то ты уж больно настойчив со своей историей. Смотри, понаедут люди сюда, интервью брать будут, но ведь другое страшно: врачи потребуют тебя для изучения.

Этот довод очень сильно повлиял на Молчуна — попадаться в руки врачей ему не хотелось, тем более — становиться объектом изучения.

— Нет, не надо, чтобы обо мне кто-то знал, — повернулся он к Николаю. — Ты смотри, не проговорись и в газете о том не пиши.

Николаю было не сложно пообещать такое, тем более, что рассказывать о том, что он побывал на трёхсотлетнем юбилее одного мужика, ему было некому. Он на минуточку представил лицо жены и дочери, и сразу всё стало ясно. "А сам я случайно не свихнулся? — подумал он и обвёл взглядом всю компанию. — Нет, вроде все нормальные". Конечно, на убеждения его сильно влиял авторитет людей, в среду которых он попал. Солидными они были, должности занимали высокие. Эх, как же мы ещё падки на этот материальный план!

Правильно мы тогда с дипломами поступили, со званиями и научными трудами, — думал Иван. — Пока в человеке, даже очень продвинутом и хорошем, это неистребимо: доверять бумагам, должностям, положению".

— Фёдор, а вы чем занимаетесь? — спросил Николай.

— Просто живу в горах, брожу по местным селениям, смотрю, что в них происходит. Народ сейчас в горы ринулся, особенно летом. Природу ту не понимает, пространство не слушает, себе много вреда несёт. Я ситуацию и контролирую: кого спасаю, кого подальше от мест опасных увожу. Человек думает, что ему всюду сунуться можно, но это далеко не так. Есть такие места, в которых ему быть не нужно, поэтому они становятся для человека опасными. А так со стороны посмотришь — место как место.

—Мы ведь не ходили на место то, что в прошлый раз вы показывали! — вдруг вспомнил Николай.

—Это мы уже завтра, сегодня поздно, нужно спать ложиться, — сказал Молчун.

Утром на рассвете они все вместе пошли в лес. Шли недолго, но приближение к чему-то необычному почувствовали все.

—Ну и что вы по этому поводу думаете? — спросил Михаил.

—У меня такое ощущение, что здесь полно народу, но они на месте не стоят, а всё время движутся.

—Они работают, — тихо произнесла Татьяна Андреевна.

—Пойдём потихоньку назад. Им мешать не надо, — сказал Фёдор.

Когда они в молчании вернулись к озеру, Иван сказал:

—Вот там как раз и находится пространственно-временной вход в другую сферу. Дело в том, что попасть в неё можно только в определённых местах. Просто так, по дороге на работу, вы не исчезнете даже если и вибрации ваши совпадут, но если вступили в зону особую, то тут нужно соблюдать осторожность.

—А что это за чувство такое, будто там народу полно?

—Так оно и есть. Жители того пространства оттуда выходят и назад заходят. Они дела необходимые делают, работают, в общем.

—А почему мы их не видим?

—Кто-то видит, кто-то чувствует, у них ведь тело другую характеристику частотную имеет.

—А нас они видят?

—Нас они по вибрациям определяют. Если мы им будем мешать, они страху нагонят, если будем нужны, то могут попросить помочь. Это доброе место, ну, это значит, что по соседству с нами находится развитая сфера, с сознанием, близким к нашему, но чуть повыше.

—А как они нас могут попросить помочь?

—Ну, каждого особым образом, потому что они видят, что мы разные.

—А с ними можно вступить в контакт?

—Конечно, можно, но они заняты очень. Если вы выразите такое желание и они почувствуют в том необходимость, то пошлют вам кого-нибудь пообщаться, ответить на ваши вопросы. Это просто, можете попробовать.

—И что я должен делать?

—Мысленно обратитесь к ним, место представляя. Поздоровайтесь, извинитесь, в общем, соблюдайте все правила хорошего тона. Задайте вопрос или просто скажите, что пришли познакомиться, — объяснил Иван. — Отойдите в сторону, сядьте под деревом и пробуйте.

Пока Николай упражнялся, Фёдор говорил друзьям:

—Пещеры там, место серьёзное. Лаборатории невидимые, грандиозные исследования ведут. В гости приглашают. Готовы поделиться знаниями, говорят, многое уже можно людям дать.

—А драгоценностей там — не перечсть! Сокровищница! Вся таблица Менделеева, элементы редчайшие. Отсюда, скажу я вам по секрету, Менделееву таблицу и послали. Они как раз здесь работают над теми открытиями, что человечеству необходимы.

—И что, к ним можно пойти? — спросила Татьяна Андреевна.

—Можно, зовут. Вас примут, опыт у вас уже есть, можете спуститься и в их мире оказаться.

—Я бы с удовольствием, но подумать надо, — ответила она.

Они все пошли в сторону Николая.

—Ну как вы, пробуете?

—Странные вещи творятся. Появился Человек какой-то, сказал, чтобы я подождал, и вынес камень необычной формы: гранёный, в виде конуса, острый. В руки мне сунул и исчез.

—Прекрасно, — сказал Сергей, — они вас признают и намекают, что вы можете с камнями поработать, помочь им.

—Это как?

—Не знаю, вы себя слушайте, знаки вам будут.

Татьяне Андреевне мысль какая-то в голову запала. Бродила она задумчиво, как будто с кем-то разговаривала.

— А ты, Молчун, не хочешь уйти в пространство другое? — спросил Сергей.

Нет, с меня хватит. Я тут жить буду. Дел много, вы со всем справиться не можете. Если мы все убежим, кто здесь стоять останется? Стране помогать нужно, север поднимать, людям знания нести. Что же это такое? Тут недоделали, туда побежали. Спасибо за предложение.

— Молодец, правильно рассуждаешь. Я тоже так думаю, —сказал Сергей.

Интересно им было вместе. Тем для обсуждений — множество, каждый из них мог рассказывать не только о своей работе, но и о тех открытиях, что ежедневно совершал, познавая себя. Этот процесс не останавливался ни на минуту. Знали друзья, что один раз заведённый механизм должен быть в вечном движении, чтобы постоянно нести людям свет, тепло, любовь, знания. А от них зависело действительно много.

Ночью Николаю приснился интересный сон, будто ходит он по подземной лаборатории, в которой вместо стен — самоцветы и всякие руды переливаются. Внутри не холодно, а даже тепло от камней исходит. Подходит к нему человек, руку протягивает, а у Николая тот самый камень многогранный, что ему днём дали. Повёл человек Николая куда-то, долго шли по переходам разным, к двери подошли. Николай понял

так, что в руке у него ключ-камень. Вставил его в несуществующую скважину, дверь и отворилась. Он шаг вперёд сделал, и всё вдруг исчезло.

Рассказывает утром Николай сон, а сам подробности вспоминает: в каком направлении шли, что их окружало. Ещё он понял, что не просто дверь перед ним была, а вход в пространство неведомое, очень тонкое, но если ключ у него был, значит, войти можно.

— Почему же я сознание потерял, как провалился куда-то? — спрашивал он Михаила.

— Потому что новое, открывшееся вашему духу пространство такое тонкое, что вы пока долго удержаться в нём не можете. Сознание уже расширилось до его границ, но нужно укрепляться, окапываться, кристаллизироваться до известного предела, то есть больше отдавать в обычной жизни.

— А что мне отдавать?

— Знания, помощь, любовь, радость, сочувствие, тепло. Таким образом вы укрепляетесь. Если правильно всё делаете, необходимую меру отдаёте — дальше продвинетесь. Но можно сильно закристаллизироваться, то есть остановиться на достигнутом, тогда будет сложнее: нужно разбивать устойчивую форму, менять всё.

— Вас тут признают, — сказал Сергей. — Новое пространство, люди, камни. Так же точно, помнится, камни Ивана признали.

И он рассказал ту историю, когда они в тайге жили.

Николай поразился:

— Вы вдвоём, в тайге?

— Да, мы народ бывалый, нам жизнь без удобств не в новинку. Вы вот Татьяну Андреевну спросите, как она с коровами управлялась, как в Индии людям помогала, учила ребятишек деревенских.

— Татьяна Андреевна — с коровами, в Индии? Чудеса, да и только. Как же вам такое удалось, сколько там прожили?

— Не помню уже, — махнула рукой Татьяна Андреевна. — Да ты о нас впечатление своё составил, а оно неверное. Мы немножко другие. Ты, сыночек, в нас людей важных видишь, а мы совсем простые, обыкновенные, к лишениям и труду тяжёлому привычные. Чего только делать не научишься, если себя познать желаешь, до истины докопаться!

Она теперь Николая иначе как "сыночком" не называла.

— Ты о себе хоть скажи несколько слов, — попросила Татьяна Андреевна. — Мы-то вместе, а ты как живёшь?

— А я — один, дочка с женой осталась. Меня такое житьё очень даже устраивает. Я на работе до ночи засиживаюсь, так что дополнительные обязанности мне бы только сложностей прибавили.

— Это пока так. Потом на домашнее тепло и уют потянет.

— У него очень даже уютно и тепло, квартира роскошная, красивая. Николай комфорт любит, — сказал Сергей.

— Люблю, но это не значит, что я трудностей боюсь. В тайге, правда, не жил, один в лесу и в горах — тоже, но, думаю, не испугался бы и от лишений не убежал. Вы тоже не там выросли, но попали в условия определённые — привыкли, приноровились. Да и не обязательно человеку в горы идти, чтобы себя проверить, и в городе можно в такие ситуации попасть — похлеще любых гор окажется.

— Что правда, то правда. Я в Москве, когда тайгу вспоминаю, думаю, что там мне легче было, — сказал Сергей. — Только вот с возрастом не могу сказать, чтобы меня на тепло и уют тянуло. Или характер такой неугомонный?

— Мне тоже движения хочется, — сказал Иван. В общем, все оказались из одного теста: никто о блаженном покое в кругу семьи себя не мыслил.

— Это, наверное, плохо, — вдруг выдал Михаил. — Не по-человечески как-то. Всем нормальным людям покоя хочется с возрастом, а нам — нет.

— Вот вы мне Подмосковье прочили, а я в раздумье: по-моему, мне туда не дано попасть, — сказала Татьяна Андреевна.

— Да, тебе, похоже, в другое место надобно, — сказал Молчун. — Ты аж вся потянулась, душа твоя уже устремилась вперёд. Так всё и будешь по невидимым деревьям кочевать, жизнь ихнюю налаживать?

— Может быть, может быть, — тихо молвила Татьяна Андреевна.

Юбилей Молчуна подходил к концу, пора было разъезжаться. Один Фёдор, не привязанный к условностям жизни, мог на несколько дней остаться.

— У тебя потом какие планы? — спросил его Иван.

— Сначала к Михаилу и Татьяне Андреевне, потом к вам, в Москву, а потом назад, в горы, — там ведь никого, кроме меня, нет.

Молчун получил много подарков, цивилизационных, как он их назвал, которые долго его ещё радовать будут. Теперь у него был диктофон, плеер, овощерезка и пила "Дружба" - вещи, как говорится, в лесу необходимые.

После короткого отдыха все поспешили назад к своим обязанностям, оставив Федора доисследовать эти места.

Николай очень быстро менялся. Его внутренний мир расширялся с колоссальной скоростью. Конечно же этому помогли разговоры и встречи с такими необыкновенными людьми, которые на первый взгляд совершенно не выделялись среди других. Более того, они были проще и не блистали особыми знаниями и способностями: больше слушали, были скупы на жесты и слова, своих познаний в различных областях жизни не выдавали — только по необходимости, если их просили.

Николай наблюдал за Ольгой и всё ждал, когда же она зайдёт в тупик в своём развитии. Но этого не происходило: она уверенно шла вперёд и даже мания величия пока обходила её стороной.

— Вот вы Ольге одно пророчили, а она цветет, — говорил Николай Сергею. — Двигается вперед, успех её растёт.

— Ну, успех — это не показатель духовного роста, допустим, — отвечал Сергей. — Ольга уже вперед не идёт — она силу наращивает. Создала себе удобные условия и пожинает заслуженные плоды своих действий.

— Так она, может, никогда и не догадается, что создала свой мир, со своими персонажами и пребывает в нём?

— Может быть. Но так все люди живут — пребывают в собственном замкнутом пространстве, окружённые теми людьми и обстоятельствами, которые им удобны.

— А что же Ольгин Учитель? Почему он не выводит её из состояния комфортности?

— Я уверен, что он ей говорит об этом, но она пока слов не понимает и намёки мимо её сознания проходят. Ольга беседует со своим высшим "я", да и то не всегда — иногда в её сознание внедряется Учитель из соседнего пространства и подсказывает, как ей себя вести и что делать.

— Так, — сказал Николай, — приехали. Теперь ещё голоса из соседних пространств появились. Ну и как со всем этим разобраться?

— Непросто, но если захотите понять, то постепенно всё станет на свои места. Вы поняли, что пространство Земли состоит из огромного количества тонких сфер, в которых течёт своя жизнь?

— Понял, что есть наш срез времени и другие, с другими характеристиками пространства. А мы там живём?

— Да, некоторые наши тонкие тела живут в других, соседних сферах. Мы об этом ничего не знаем, но подозреваем: сны подсказывают, какие-то не обычные прозрения.

— Ну вот приняли мы решение себя менять, духовно расти, и куда же мы придём в конце концов?

— Это зависит от силы ваших стремлений и осознания мира, его многообразия. Вы же признаёте, что у истины существует много граней? Вот вы и идёте эти грани познавать.

— И каким образом это происходит?

— Вы уже приложили немало усилий для собственного изменения и достойны награды. Более того, ваше сознание вышло за пределы нашей сферы и достигло уровня соседней, более высокой. Вы, ну не вы, Ольга, например, привлекла внимание Иерархии соседней сферы, и они её повели вперед.

— Пойдите, а наша Иерархия куда смотрит?

— Иерархия смотрит правильно. Между многочисленными сферами существует связь, и они выполняют единую работу. Внутренние Ольгины вибрации соответствуют именно уровню развития той сферы, и в ней она способна расти. К ней, к Ольге, приставлен Учитель, который ведёт её, его голос она слышит.

— И куда он её приведёт?

— Я же вам объяснял, что она развивается, что в любом случае эволюционирует. Она восходит по ступеням соседней, более высокой по уровню развития сферы.

— А почему не по ступеням нашей сферы?

— Потому что та более ей подходит по частотным характеристикам. И сфера та тоже наша, планетная.

— Что же с ней дальше будет?

— Ольга может выйти за пределы и той сферы, и тогда к ней подключится Учитель следующей, но такое редко происходит. Обычно, если человек нашёл свои ступени, он по ним и будет идти.

— Тогда объясните мне по-другому. Вот она пошла по эволюционным ступенькам этой своей новой духовной сферы и дошла до самого верха. Что дальше?

— Дальше она вам скажет, что она — Матерь Мира, и это, как ни парадоксально, будет правдой.

— Получается, что если у нас множество сфер, то в каждой есть своя Матерь Мира, свой Христос, свой Отец Небесный?

— Да, так получается.

— Вы мне, Сергей, голову морочите. Что-то тут не так.

— Почему — не так? — удивился Сергей. — Вы сами признали многогранность истины. Вот мы и постигаем эту многогранность. Сферы ведь не одинаковые, разные, со своим видением мира.

— Так потому у нас тут такой дурдом творится, что каждый из своей сферы своё видение мира несёт?

— Да, именно потому. Но к этому ещё разные искажения добавляются, другие цивилизации и прочее.

— И как во всём этом разобраться?

— Потихоньку, а то запутаетесь.

— Ну хорошо, став Матерью Мира своей сферы, она же должна увидеть истинную картину?

— Поздно уже будет. Если она дойдёт до этого уровня, у неё свои заботы появятся. На ней, если можно так сказать, целый мир повиснет, гигантская цивилизация. Лучше это раньше понять.

— Да, Ольга, будучи на какой-то ступеньке развития, должна увидеть, что рядом с нашей есть другие, более высокие сферы и можно эволюционировать по ним. Пойдите, пойдите. Это что же такое получается: мы из сферы в сферу должны переходить, от одной Иерархии к другой? — спросил Николай.

— Вы же хотели многогранность постичь, — сказал Сергей. — Она только так и постигается. Тем более, что это всё планетные тонкие сферы, отличающиеся, конечно, друг от друга, но к единой цели идущие.

— Я мысль потерял, — растерянно произнёс Николай. — Но что-то тут не так. Вроде просто, а движение получается по кругу. Если мы в одной сфере сотни тысяч лет эволюционируем, а потом в другой,

мы же никогда отсюда не выберемся. Мы же по лабиринту ходим. Да, точно, по лабиринту. Нет, меня такое не устраивает.

Он уехал домой расстроенный, глубоко задумавшийся.

—Ты почему человеку толком ничего не объяснишь? — спрашивал Иван. — Почему недоговариваешь?

—Пусть сам думает. Что толку от того, что я ему всё разъясню и в рот положу? Проглотит, не заметит. А где поиск его?

—Ишь ты, учитель-мучитель! И с каких это пор ты таким занудой стал?

—Я его на путь направляю, в узкие рамки ставлю, но вместо него по пути пойти всё равно не смогу. Он должен гордиться тем, что сам нашёл выход из сложившегося положения, иначе это в нём так на всю жизнь и останется — что я ему подсказал.

А Николай действительно мучительно размышлял. "Что же это такое? — думал он. — Вроде бы мы эволюционируем, идём вверх, нас ведут, а на самом деле переходим от одной сферы к другой? И что я раньше удивлялся, что в редакцию сумасшедшие приходят, своё доказывают? Они действительно о своей сфере рассказывают, о жизни её, эволюции, строении. Там время другое, поэтому каждый свои сроки конца мира вешает. Одни говорят, что Мессия родился, а другие его только ждут. Так и есть. Где обстоятельства сложились, он туда и пришёл, а где ещё нет — там его ждут. И в какой же сфере мне жить, где себя искать?"

Потом Николай пришёл к выводу, что жить надо той жизнью, в которой ты себя осознаёшь. "Я здесь, — повторял он, — в Москве, редактор газеты, меня зовут Николай. А кто же Ольга?" — вдруг подумалось ему. И сам себе он ответил: "Ольга — журналист, ведёт семинар — это в нашей жизни, а в другой сфере она, видимо, какой-то духовный пост занимает. Там она на Иерархической ступеньке стоит, на Лестнице Небесной".

Сначала Николаю очень захотелось тоже на ступеньку хоть какую взобраться, должность получить, а потом расхотелось. "Нет, лучше я пока разберусь, в чём тут дело. Всё так, да не так".

Сны ему редко снились, потому что, наверное, он уставал сильно. Только до постели доберётся и проваливается, пробуждаясь от звона будильника. Но последнее время он стал в сновидениях ходить куда-то, встречаться, обсуждать проблемы всякие. Несколько раз снились Молчун и Фёдор, объяснявшие ему строение мироздания. После бесе-ды с Сергеем увидел Николай во сне дерево, но оно всё двигалось, и не в одну сторону, а сразу во всех направлениях, а по веткам дерева жизнь текла, в них целые миры таились: зарождались, развивались, умирали. И понял Николай; что люди внутри этого дерева пребывают. Могут они вверх подниматься, могут по веткам в стороны идти, жить, значит, и никакой разницы для дерева нет, куда ты движешься, лишь бы двигался, потому что у дерева главного направления не было — все одинаковые, равные.

"Живое дерево, — подумал Николай, проснувшись. — Древо Жизни, ну да, это оно и есть.

Вспоминая подробности, Николай понял, что жизнь переходила от ветки к ветке, от листочка к листочку, к стволу, назад, вбок, вниз, вверх. "Это что же, мы так и будем по дереву течь? Выход-то есть из круговорота бесконечного?!"

Ему очень хотелось знать, а Ольга-то думала на эти темы? Пригласив её на прогулку и побеседовав с ней, Николай увидел, что Ольга прочно вошла в ту систему взглядов, которую сама выстроила, и выходить оттуда не собиралась. Там всё было ясно, чётко, понятно. Она намекнула, что движение её Иерархией отмечено, что Учитель даёт ей определённые задания и она их выполняет.

— Мне только жаль, что вы никак не прозреете. Уже год прошёл, пора бы и делом заняться.

— Я же работаю, делаю, что могу.

— Я не о том. Каждый человек должен занять определённое место в Иерархической цепи. У вас оно тоже есть, но пока за вас работу там выполняют другие. Сил вы достаточно ещё не накопили, чтобы быть в кругу Сил Света.

—Что же я — не принадлежу к Силам Света? Я что — тёмный?

—Нет, нет, что вы. Вы просто спите, ваш дух ещё не пробудился. Вернее, он сам по себе работает, а связи с низшими телами не обрёл, поэтому тело живёт своей жизнью, а дух — своей, а должна быть общая жизнь.

— А не кажется вам, что вы заблуждаетесь? Ольга посмотрела на Николая как на ненормального:

—Это ваша работа делает вас таким подозрительным и ни во что не верящим. С этим нужно бороться, иначе добра от такого не ждите. Вера — это ваше спасение.

—Что, любой верующий в Бога человек уже спасётся?

—Да я о другой вере, о той, что в основе всех религий лежит, но и без них существует. Я о вере, которая в вас должна рождать доверие к Высшим Силам. Сначала доверьтесь им, а потом и истинную веру обретёте.

— Эдак мне любые силы нашёптывать начнут о вере, а я должен им следовать?

—Сердце своё слушайте. Оно подскажет.

Всё вроде бы Ольга говорила верно, но Николай видел уже другую картину мира и чётко представлял Ольгу, занимающую место в своей высокой сфере. "Боюсь, что такое со всеми происходит. Все ищут Учителя, и он приходит из соседнего мира. Но это — очередной виток, хоть и развивающий, эволюционный. Учитель принадлежит Иерархии, у него даже имя иерархическое, но всё это происходит внутри замкнутого пространства, в тонких сферах планеты. Да мы же в лабиринте!" Эта мысль, и раньше посещавшая Николая, на этот раз поразила его. "Мы же по лабиринту своего подсознания движемся! Мы создали боковые тоннели, переходы, тупики и выходы и мечемся по ним! Что же это такое? Ужас!" — пришёл к выводу Николай. С новым открытием он поехал к Ивану.

— Вы понимаете, что получается? Мы живём в лабиринте. Мы построили иллюзорный мир, каждый со своей Иерархией, окружили себя той реальностью, которая нам удобна и отвечает нашим духовным запросам, и удовлетворились достигнутым! Но это же безумие, иллюзия!

— Совершенно верно. К этому выводу и пришёл Будда, когда сидел под деревом бодхи. Он сказал, что весь мир — иллюзия, что причина иллюзий — в чём? -

— Не знаю.

— А вы подумайте.

— Мы же хотим совершенствоваться, но, с другой стороны, нам мешают наши жизненные обстоятельства, то есть привязанности, — начал Николай. — Ну да, причина — в желаниях. Мы всё время чего-нибудь хотим, желания порождают привязанности, от них возникают страдания и в результате мы бесконечно рождаемся и умираем, потому что бессильны выйти из круга перевоплощений. Точно, так оно и есть. Значит, вы тоже — иллюзия, и работа моя?

— Похоже, что так оно и есть, — заметил Иван.

— Когда меня начал мучить этот вопрос, я бросил всё, что имел, и ушёл искать ответы. Мне было столько же лет, сколько и вам сейчас.

— Ну и как, нашли?

— Нашёл.

— И в чём дело, в чём — истина?

— Это вы сами должны распознать. Мой опыт для вас не годится. Ищите.

— Я и ищу. Меня уже месяца три ничего не устраивает. Всё, к чему я приближаюсь, кажется ненастоящим. Во всём этом есть хитрость какая-то, косточка, до которой я добраться не могу. Мне плохо. Я прекрасно понимаю, что мы все постигаем многогранность этого мира и каждый по своей грани ползёт и другим доказывает, что его путь — истинный. Но ведь где-то есть этот путь — путь Истины? Мы разными путями движемся к Истине, значит, она существует. Я хочу докопаться до Истины. Все эти сферы со своими голосами, ступеньками, достижениями меня не устраивают, потому что так я из лабиринта не вылезу. Есть, наверное, и другой путь, не от сферы к сфере, а иначе как-то. Вам это не интересно?

— Очень даже интересно, — ответил Сергей.

— Тогда почему вы по нему не идёте? — спросил Николай.

— Старые, наверное, стали, — отвернувшись в сторону, промолвил Сергей.

— Ты зачем человека за нос водишь? — спрашивал Сергея Иван, когда они одни остались. — Ещё раз он с такими вопросами придёт, я ему всё сам объясню.

— Да не стоит этого делать. Он такой, что объяснениями не удовлетворите. Говорю тебе, он на тебя похож. Вот посмотришь, что-то обязательно произойдёт.

Через несколько дней приехал Фёдор. Он задержался у Молчуна подольше, захотел места те исследовать.

— Ну и что? Что накопал? — спрашивал Сергей.

— Нашёл вход в пещеры. Но это не просто пещеры. Это действительно лаборатории, хотя физическому глазу и невидимые. Там огромные залежи ценных руд, камней, похоже, что и жила алмазная проходит. Переходы очень запутанные, многие заканчиваются глухой стеной, но это на первый взгляд.

— А на второй? — спросил Иван.

— А на второй я не стал проверять, потому что тогда бы сюда уже не добрался. Мне нужно или теми пещерами заниматься, или своими горами. Я вот поразмыслил и решил, что пока должен в горах быть. Как тут Николай после поездки? Сознание его сдвинулось?

— Даже слишком, — ответил Иван. — Он Истину решил найти. Говорит, что многогранность ему понятна, но совершенно не устраивает.

— Ну пусть в Индию едет или в Египет. Так сейчас все делают, когда искать начинают, — сказал Фёдор.

— И что же они там находят?

— Все как один посвящения проходят и титулованными особами возвращаются. У всех инициации в пирамидах, видения в Гималаях.

— Так оно и есть на самом деле, — произнёс Сергей. — Все в своих сферах-мирах иницируются, а потом спешат об этом человечеству объявить. Но почему-то ни один не задался целью понять, что на самом-то деле происходит. Что это за явления такие, если посвященные на каждом углу встречаются?

— В чем корень всех бед? — торжественно спросил Фёдор.

— В невежестве, — хором ответили друзья.

На следующий день к ним заглянул Николай, изо всех сил пытавшийся выглядеть спокойным и рассудительным.

— Да у тебя не очень это получается, — сказал ему Фёдор. — Ты, друг, извини, но я на "ты" перейду. Нам всем давно пора, а то перекосясь наблюдаются. Ты что такой расстроенный?

— Потому что меня ничего не устраивает. Я теперь за какое объяснение ни возьмусь, всё правильным кажется. Все правы, каждый по-своему. И, главное, не придерёшься: человек мне объясняет что-то, а я против ничего сказать не могу, думаю, он в своей сфере так мир видит, ну и пусть радуется.

— Это же хорошо, это рождает широту взгляда.

— Плохо мне от этого. Если все правы, то Истины нет. А она есть, только я до неё добраться не могу.

— Это не причина, чтобы из равновесия выходить, — сказал Фёдор.

— Тебе, может быть, и не нужно. Вас всех свои сферы устраивают, а меня моя — нет. Я хочу от иллюзий избавиться.

— А ты уверен, что тогда жизнь не потеряешь? Ведь пока ты сознанием обладаешь, ты живёшь, а если от всех иллюзий избавишься, может, сном вечным заснёшь, потому что движения не будет? — подбросил ему ещё одну мысль Сергей.

— Ну и ладно. Мне всё равно, только так, как есть, невыносимо. Да, собственно, что вы мне такое говорите?! Будда после прозрения не умер, а стал знание своё проповедовать, людям его понёс. Мне нужно на что-то решиться, сделать что-то, но я не знаю пока, что именно.

Решение к Николаю пришло неожиданно. Может быть, сон ему подсказал ответ, но утром, пробудившись, Николай ничего не помнил, однако знал твёрдо, что уедет с Фёдором. Сам себе он приводил очень веские доводы, что это всё пахнет неадекватностью, но внутренняя решимость была непоколебимой.

"Успокойся, — сам себе приказал он. — Если будешь дёргаться, ничего не получится".

Он позвонил Фёдору и сказал, что уезжает вместе с ним, на что тот только посмеялся.

— Я сейчас подумаю, как мне дела уладить, но ты уж подожди меня, — попросил Николай.

— Хорошо, буду ждать, — ответил Фёдор.

Николай решил на своё место посадить менеджера, даже двух: одного редактора, занимающегося непосредственно газетой, а другого — хозяйственника, ведущего дела. В качестве редактора ему на ум пришёл только один человек — Ольга. Если она согласится, то всё будет в порядке. На должность хозяйственника он взял своего старшего экономиста, а с Ольгой договорился о встрече. Объяснив ей ситуацию, он сказал, что должен уехать на год — так складываются обстоятельства.

— Ну а потом вы вернётесь, а я с чем останусь? — спросила Ольга.

— В любом случае вы останетесь в редакции, если сами не захотите уйти на другую работу.

— Хорошо, я согласна. Меня эта ситуация устраивает, а что через год произойдёт — кто его знает? Учитель говорит, что так будет лучше.

— А вы без Учителя решения принимать можете?

— Могу, но он знает лучше, потому что видит больше. Не вижу ничего плохого в том, чтобы следовать его советам.

— Ладно, — сказал Николай, — договорились. Дальше он поехал к жене, нужно было и ей как-то объяснить, что происходит, но там оказалось совсем просто: оставляй деньги и уезжай куда хочешь. Странно, но всё складывалось пока наилучшим образом. "Квартира? — подумал Николай. — Пусть стоит. Запру, и всё, ключи мужикам оставлю, может быть, Татьяне Андреевне понадобится".

Через пять дней он был готов ехать. "Куда меня несёт? — подумал, в последний раз окидывая взглядом комнату. — И думать об этом не хочу. Как будет, так будет".

— Что же сказать тебе? — напутствовал его Сергей. — Дай Бог, чтобы нашёл то, что ищешь.

— Себя слушай, — добавил Иван. — Других советчиков у тебя быть не должно. К другим прислушивайся, пробуй их правду понять, если она тебя устраивает — примени.

Книга 2

Сибирь встретила путешественников достаточно приветливо.

— Жизнь здесь от московской ничем не отличается, — говорил Николай.

— Это в большом городе, а как отсюда уедем, ты разницу сразу почувствуешь. Мы заберёмся в места дикие, где дорог никаких нет.

— Вот страна наша! Чуть в сторону — и уже леса и болота непроходимые, места неисследованные. Конечно, весь мир взгляд сюда устремил, всем хочется лапу на нашу землю наложить.

— Пусть хотят, да только что они потом с ней делать будут? Наша земля наш дух терпит, а другой отторгнет. Никто здесь не приживётся, хоть сто, хоть двести лет посидят — всё равно уйдут.

— А как же с перевоплощениями, Фёдор? Среди русских могут же быть люди других национальностей? — спросил Николай.

— Так оно и есть. Вот ты, например, в одной из жизней недалёкого прошлого не русским был, на Востоке воплощался, а сейчас ощущаешь себя испокон веков русским. По физическому родству смотришь, по крови. Есть такое понятие, как дух народа, эгрегор нации. Он давно сформированной обладает определённой частотной характеристикой. Его вибрации тоже учитываются при реинкарнации. Если ты в диапазон их укладываешься, то родишься именно среди этого народа и в тебе, внутри, будет такой русский дух сидеть, что ничем не выветришь.

Мы здесь, в городе, пару дней побудем, а потом уже дальше поедем, — сказал Фёдор. — Сей город знаменателен тем, что в нём очень много разных цивилизаций присутствует.

— То есть как это? — опешил Николай.

— А ты что думал, наша Земля только нам интересна? На планете пришельцев много, они нас изучают, наши достижения научные, наше сознание.

— О ужас, это же экспансия!

— Нет, с некоторых пор это уже не опасно, хотя раньше угроза существовала.

— И где нам их искать?

— Да зачем искать? — расхохотался Фёдор. — Они обычные люди.

— Не пойму: то — обычные люди, то — пришельцы.

— Пришельцы — это условное название, но на самом деле они не принадлежат земной цивилизации и ни одной из наших тонких сфер, хотя с виду — это обычные люди. Они даже не подозревают о том, что они — посланцы других планет и звёзд. Живут они на Земле сотни и тысячи лет и на сердечный кристалл записывают всё, что узнали о на-шей планете. С этого кристалла их учёные снимают информацию и таким образом оказываются в курсе всего, что здесь происходит.

— А нам, землянам, это не вредно? — спросил Николай.

— Нет, если они из дружественных систем, но бывают и из страшных миров, в которых Света ещё меньше, чем у нас. Тогда это очень опасные типы. Им важно захватить человеческое сознание и подчинить его себе.

— А чем это опасно?

— Они не признают Космических Законов, Законов Света и Иерархии, но здорово под них подделываются. До недавнего времени Земля не входила в систему миров Света и была лакомым кусочком для всех космических сил. Кто бы сознанием людей завладел, тот бы ими и управлял. За Землю война шла, сюда все ринулись, пытаясь нас на свою сторону перетянуть. Неужели ты этого не чувствовал? Газета оккультная — жаркое место, ты мог всё видеть, наблюдая за материалами, людьми проходящими.

— Ну это невооружённым глазом видно, только я всё на психику человеческую списывал, на время особое.

— Время действительно особое, только никто не может объяснить почему. Я тебе одну грань обозначил, ты и разберёшься, что к чему. Люди в духовном развитии проходят посвящения, настоящие, не иллюзорные. Это — ступени роста, и посвященные получают невидимые знаки, как говорят, на чело, на плечи, которые другим посвященным видны. Ты только ерунду всякую не слушай о том, что люди что-то тонким зрением видят. Эти-знаки никому не видны, кроме высочайших Сил Космических!

Планеты тоже проходят посвящения, потому что планета — живой организм, ей духовно расти необходимо точно так же, как и людям. При этом, с точки зрения Космоса, планетное посвящение важнее человеческого.

Люди, пока они духовно неразвитые, неграмотные, несознательные, невежественные, становятся лёгкой добычей любых сил, в первую очередь тёмных, которые с сознанием людей что хотят, то и делают, а те распознать не могут, что ими управляют. Значит, пока люди духовно не выросли, их можно обмануть и захватить в свои сети.

То же самое и с планетой. Земля маленькая была, в переходном возрасте. Она решала, выбирала, как ей поступить, а ей все силы Космоса своё нащёптывали. Но планета сама должна была слово своё сказать: куда идти хочет, с какими силами, чего желает сердце её? Вот недавно она это решила, сказала, что с Силами Света пойдёт, то есть планета посвящение прошла, на следующую ступеньку развития стала.

— И что же теперь будет со всеми силами зла, с пришельцами?

— Ну, так быстро они не уйдут, это невозможно, но власть их кончилась, на Земле устанавливается космический порядок. Планета избрала Закон, а значит, здесь запрещена манипуляция с человеческим сознанием. Но, к сожалению, в Космосе время другое: нам побыстрее покончить с этим хочется, да не выйдет. Они ещё сотни лет головы людям морочить будут, но попадаться в лапы им будут те, кто не желает собой заниматься, кто с чужого голоса поет. В общем, с невежеством пора кончать.

— Слушай, так эти голоса, значит, от "пришельцев"?

— Конечно, они от имени Учителя вещают, а люди им верят.

— Господи, а если Ольгин голос оттуда же? — забеспокоился Николай.

— Нет, не бойся, это — другое. Иван с Сергеем рядом, они бы позаботились.

— А как различить их, голоса?

— Свои, планетные, или инопланетные, но Светлые, тебя слушают и направляют к Единому Существу. У них всё красиво, гармонично, они тебя уважают, твой путь.

Другие же голоса тобой руководят, волей твоей, навязывают своё решение. Они ведь Законам Космическим не подчиняются и не умеют этого делать. Для них главное, чтобы ты сделал то, что им нужно. Выбора они людям не дают, об уникальности своей твердят. Но хитрые они очень: так следы заметут, что иной раз сидишь, гадаешь, с какой силой столкнулся?

— И как с ними бороться? Если они такие хитрые и умные, сильные и злые, что человек сделать может?

— Они против чистоты человеческой бессильны. Работай над качествами своими, люби, делай добро — никакая дрянь к тебе не пристанет. В общем, следуй путём Христа, и все силы Космоса перед тобой склонятся, правда, сначала испытают.

— Вот- это да! Мне, честно говоря, такое и в голову не приходило. Хотя, если с этой точки зрения посмотреть, всё на места становится. Понятно, откуда столько учений появляется, воззваний, призывов. Вроде бы все о Свете, а там такая мешанина! Я потому от этих голосов и бежал, никогда их слушать не хотел.

— Ты их природы не знал, не понимал. Потом все путают, думают, что голос этот слышать нужно, но тот, настоящий, он беззвучный, в сердце.

— Да, с ним я знаком.

— Ну вот и отлично, он нам понадобится, когда пойдём с "пришельцами" знакомиться. Их здесь много, потому что здесь серьёзные исследования ведутся. Где академгородки, физические лаборатории, там их и ищи.

— Мы что, в институты пойдём?

— Зачем, им не обязательно непосредственно наукой заниматься, чтобы информацию получать. Они просто в городе этом, среди самых обычных людей.

— И что мы будем с ними делать?

— Мы им будем помогать. Это очень важно для их миров, для духовного развития. Будем просто беседовать, ты о газете своей расскажешь, о том, какой опыт приобрёл, как понимаешь манипуляцию человеческим сознанием. Я же им расскажу о музыке, о поэзии, о законе ритма.

Николай уставился на Фёдора — вот этого он от него никак не ожидал. Откуда в этом человеке с гор такая тонкость, такие знания? Но он уже понял, что впереди его ждёт немало сюрпризов, поэтому промолчал. Пришлось им в городе задержаться подольше: в нём было огромное количество обществ эзотерических, и Фёдор хотел все посетить. Фёдора принимали везде с большой любовью — его, оказывается, знали и уважали, ценили его мнение, а вот друг с другом эти общества враждовали.

— Да почему они так друг к другу относятся? — удивлялся Николай. — Что им делить?

— Ну, во-первых, они из разных миров, посему они несут в себе вибрации своих систем. На них накладывается чисто человеческое несовершенство, и получается, что они враждуют, хотя делают одно дело. Во-вторых, они разными путями постигают Космические Законы и уверены, что их способ лучший. Но это скоро пройдёт. Они ещё чуть-чуть духовно подрастут и увидят, что Законы не только можно, но и нужно изучать со всех точек зрения. То, что они свои методы совершенствуют, — это только пользу потом принесёт. Многогранность Единого во всей полноте откроется, а противостояние их друг другу кончится, потому что они увидят, что всё от их внутренней нечистоты проистекает. В ком больше грязи, тот громче всех правду отстаивает. А правда там, где Красота и Гармония. Как только их нарушил, правда и ушла.

Фёдор, встречаясь с людьми, говорил так красиво, искренне, умело, что Николай диву давался. — Да где ты этому научился?

— Жизнь научила. Потом, людям должен кто-то знания нести и преподносить их на соответствующем уровне. Мы делаем ошибку, пытаюсь подстроиться под людей, а нужно высоту удерживать, планку поднимать, тогда людям будет куда тянуться.

Николаю тоже приходилось многое объяснять, тем более, что он был в самом эпицентре разворачивающихся событий. В основном его спрашивали о Пришествии: как газета этот вопрос освещает, почему так мало точек зрения приводит?

— У нас тут группа небольшая, несколько лет вместе работаем, — на одной из встреч встала женщина, чтобы объяснить свой взгляд на события. — Серьёзный коллектив подобрался, наработки есть. По нашим данным, Мессия уже родился, пришёл на Землю в прошлом году. Мы готовы представить все наши материалы, чтобы люди о них узнали.

После неё старичок встал.

— Десять лет назад я наблюдал Его Пришествие воочию. Такое никогда и ни с чем не спутаете. С тех пор во все двери стучусь, да без толку. Говорят, НЛО, или пальцем у виска крутят.

— Его Явление в этом году будет, — другая женщина не выдержала и с места вскочила. — Я с Учителем говорила, он объяснил, что по-другому и быть не может — рубеж тысячелетий.

Тут все зашумели, загалдели, пытаюсь сказать о своём.

— Вот видите, что происходит, — начал Николай. — Все наблюдают какие-то явления, все с Учителями общаются, да только каждому Учителя по чему-то своё говорят. Вы уверены, что ваше знание истинное, а у соседней группы — нет? Почему вы, такие серьёзные люди, не попытаетесь изучить это явление? Неужели дело просто в том, что вы, конкретно вы, знаете правду, а другой — нет? На каком основании вам её дано знать? Чем вы отличились перед Господом? Насколько вы себя чище всех остальных считаете? Что вы сделали в жизни такого, что заслужили исключительное право знать правду о Пришествии?

Люди замерли, пытаюсь осознать, что такое Николай говорит.

— Я сам себе не раз эти вопросы задавал и понял, что пока истину знать не достоин. Чистоты во мне маловато, а правда только в чистое сердце приходит. Чтобы стать достойным её, я начал себя изучать и ужаснулся: чего только внутри меня нет! Чем больше я из себя грязи вытаскивал, тем больше её становилось. Во всяком случае, мне так казалось. Смотрел я на людей и думал: вот живут себе спокойно,

вопросами о собственном несовершенстве не задаются, бегают по магазинам, покупают вещи, машины, дачи, летом работают на участках, зимой поедают припасы, и всё у этих людей в полном порядке. К тому же ещё с Учителем начинают общаться, который им житейские советы даёт! Представляете, как всё просто!

Думал я думал и понял, что такого Учителя не хочу, потому что жизненными вопросами я сам должен заниматься, а Учителя существуют совсем для другого — для духовного. Тогда у меня следующий вопрос возник: Учителям что, делать нечего, как каждым человеком, едва-едва сознательным, невежественным, полным желаний, заниматься? А как же планета, а Космос, а проблемы Вселенские? Вы сейчас скажете, что Учителям это несложно, а я думаю, что очень даже сложно. Вы попробуйте сразу несколько дел делать и поймёте, хорошо ли у вас всё получается?

Так вот, не устроило меня всё то, что я понял, увидел, узнал. Думаю, что нужно пересмотреть сложившиеся взгляды и попытаться по-иному посмотреть на вопрос общения с Учителем. Я понимаю, что это страшно. Страшно оказаться ни с чем, страшно перестать слышать голос. Но знаете ли вы природу этого голоса, изучали ли вы сие явление?

Народ почему-то молчал. Фёдор наблюдал, что происходит в зале: лениво зашевелилась тонкая масса, нависшая над головами, и начала перекатываться из стороны в сторону. Вдруг вспыхнула одна искра и, прорвав серое заграждение, упорхнула из зала. "До одного дошло", — заметил Фёдор. Потом вспыхнула вторая искорка, третья. Масса забурлила и пошла в атаку, нависая над теми местами, откуда вылетали искры.

"Ишь ты, как же не хочет она давать людям возможность самостоятельно думать и принимать решение!" — Фёдор встал и нарушил сложившуюся тишину.

— Ещё Будда говорил, что корень всех наших бед в невежестве. С такой лёгкостью слушать и доверять любым явлениям и голосам тоже не стоит. Тысячу раз проверьте, что с вами происходит. Изучите, откуда голос новый пришёл, каким образом в вас проявился. Ещё раз вам повторяю: голоса в ухе не слышатся. Разберитесь в механизме слышания, углубляйтесь в сердце. Критерии распознавания должны быть следующие: Учитель всегда оставляет решение за вами, он предоставляет вам право выбора, он не занимается повседневностью. Вопросы житейского уровня решаются самим человеком. Как только вы ощущаете давление на вашу волю, льстивое уверение, что вы — избранные, единственные, на вас одна надежда, — сразу насторожитесь. Вас пытаются подкупить. Но лучше всего, начните с искоренения собственных недостатков. У каждого человека их предостаточно.

Фёдор видел, что до нескольких человек его слова дошли.

"Прекрасный результат: трое из ста двадцати!" — подумал он.

Это было больше, чем он надеялся.

— Как ты думаешь, они поняли? — спросил Николай. — По-моему, они теперь пересмотрят своё отношение к голосам и Учителям, с которыми общаются.

— Не будь таким самонадеянным и не жди лёгкой победы. С убеждениями людей бороться сложно, тем более заставлять людей самих ломать сложившиеся стереотипы мышления. С возрастом это ещё сложнее, а люди здесь собираются в основном зрелые. Ты думаешь, что старичок иначе посмотрит на то

явление, которое десять лет назад наблюдал? Он не сможет. Он не понимает, с какого бока к этому подойти, да и нужно ли? Ему проще думать так, как он уже решил. А что же он видел на самом деле?

— Не знаю, я там не был, но если смотреть с точки зрения многогранности истины и множества тонких сфер, то вполне возможно, что он наблюдал Пришествие в своём мире.

— Ты хочешь сказать, что где-то оно уже состоялось?

— Да, и сознание человека, проникающего в тонкую структуру другой сферы, это явление наблюдает. Оно такое грандиозное, что оставляет след в его душе, и человек помнит об этом и здесь, в этой реальности.

Фёдор с Николаем поехали и за город, побродили по заповеднику, полазили по скалам.

— Ты чувствуешь, что здесь обстановка особая? — спрашивал Фёдор.

— Мне здесь просто хорошо.

— Эти места с прежними расами связаны. Есть такие точки на планете, которые во времена катаклизмов не уходили под воду, в общем, не исчезали. Они как стояли, так и стоят нетронутые. Вот эти скалы здесь были во времена третьей расы. Сейчас те люди, что от той расы эволюционировали, сюда тянутся. Их энергии прошлого зовут, чтобы активизировать их и в будущее мост проложить.

— Разве мы не все во времена третьей расы жили?

— Не все того уровня высокого достигли. Основная масса человечества развившегося ушла с планеты.

— Куда?

— На другие планеты. Да ты измени взгляд свой: не в теле же ушли! В виде энергетического сгустка, со всем опытом жизни. Там они уже будут не в плотном теле, а в какой-то иной форме, не в материальной.

— Я так понимаю, что те, кто на пятёрки учился, — ушли в лучшее будущее. Правильно?

— Да, — подтвердил Фёдор. — Они нашли мир, в котором побольше Света, чем на Земле.

— А здесь двоечники остались?

— Нет, двоечники отправились на переработку. Из них новую материю, ткань создадут. Некоторые в худшие миры попали, это те, кто между двойкой и тройкой жили: злыдни, вредины, убийцы, воры.

— Так. А средненькие остались дальше на планете эволюционировать?

— Да, но к ним помощь из других миров пришла. Некоторые отличники согласились здесь остаться, от лучшего будущего отказались. Такое всегда происходит на смене рас: люди распределяются по своим способностям, внутренним качествам и склонностям. Что наработал, то и получил.

— А если я не хочу никуда уходить?

— Вообще-то, когда Жнец идёт на Землю, он уже никого не спрашивает, но бывает, что если ты особо отличился, то тебе право выбора предоставят. Только смотри не ошибись. Откуда тебе знать, где лучше, где хуже?

— Откуда у тебя знания такие? — спрашивал Николай. — У вас у всех они не из книжек, как будто вы где-то особое обучение проходили.

— На самом деле мы очень много читали да и сейчас стараемся не отставать. Только подход у нас выработался особый: во-первых, мы критически ко всему относимся, а во-вторых, как на ещё одну интерпретацию известных фактов смотрим, с добавлением личной позиции автора. Я, например, инопланетных авторов сразу в сторону отставляю: мне их навязывание своих взглядов неинтересно.

— Всё равно вы чем-то от других отличаетесь, правда, я пока не знаю, чем именно. Может быть, простотой.

— Ты сейчас об этом не думай, ты о людях думай; что им на прощание сказать, с чем оставить. Кто знает, когда ещё раз увидеться придётся, а они тебя точно помнить будут.

Это называлось "отдавание". То, что удалось понять Николаю, он должен был отдать людям, поделиться с ними своими знаниями и догадками. Даже если это было неправильно и далеко не совершенно. Ценились искренность и честность, добрые побуждения и желание помочь людям докопаться до истины.

— Да чем я им помочь могу? Я сам запутался, ничего не понимаю, — говорил Николай.

— Ты сам не понимаешь, а люди твою искренность оценили. Им не готовый рецепт нужен, а поиск твой. Это куда ценнее для духа ищущего будет. Ты вслух думаешь, своими мыслями делишься и их думать заставляешь.

Множество людей пришло на вокзал. Лица провожавших светились радостью: не так уж часто этот далёкий сибирский город посещали такие думающие и знающие люди, готовые поделиться опытом духовной работы, помочь в решении внутренних проблем. Люди были благодарны, и частичку этого Тепла Фёдор и Николай увозили с собой, взамен оставляя искренность и чистоту своих сердец.

На далёком полустанке выскочили друзья из поезда. С удивлением смотрели на них высоченные сосны и ели: что понадобилось сим мужам русским в тайге?

— Когда-то здесь я Татьяну Андреевну встретил впервые, — сказал Фёдор.

— Случайно?

— Нет, её Иван с Сергеем прислали. Они решили, что ей полезно будет в тайге пожить, и отправили сюда. Она так безропотно подчинилась, а когда месяц без удобств привычных прожила, взвыла. Ну, это заключалось в том, что у неё вся муть городская полезла, но она очень быстро справилась.

— Мне самому интересно, как я тут жить буду, блажь это моя или поиск?

— Я же не знаю, чего ты хочешь, — сказал Фёдор. — Здесь ищи, там ищи, авось и обнаружишь истину.

Николай промолчал. Он уже знал, что ему надо. Здесь, в далёких сибирских деревнях жили непростые люди. Знали они многое, но открывались не всем. Их и хотел найти Николай: кто-то же хранил Истину, ту, настоящую, единственную.

По бездорожью, на грузовиках, а потом пешком добрались они до крохотной деревеньки, где всего-то несколько человек жили.

— Вот мы и дома. Обживайся, привыкай, осматривайся, но недолго. Здесь зима быстро настаёт, нам к ней подготовиться нужно. Работать придётся много.

Николай был далёк от простой деревенской жизни без удобств, но привыкать к ней было необходимо, тем более что он сам выбрал для себя такой путь. Топор и пилу в руках никогда не держал, в огороде не копался, за козами и курами не присматривал. Но ничего, со временем приоровился, и даже получаться у него многое стало. Может быть, потому что жизнь такая была Николаю в диковинку, он не скучал и не жаловался. Интерес подавлял усталость, поэтому месяц промчался незаметно. Беседовал Николай с Фёдором очень мало — времени на то не оставалось, да и уходил в лес Фёдор часто, оставляя друга одного размышлять. Но, видимо, от усталости мысли все улетучивались, и кроме забот о дне завтрашнем в голову ничего не приходило.

Когда же Николай вошёл в ритм, времени стало побольше. Тут он думать начал, а зачем ему всё это нужно, цель-то в чём? Топором дрова рубить, кур кормить, на зиму продукты заготавливать - это все делают или почти все. Какой смысл в таком прожигании жизни, каким образом он истину постигнет в деревеньке этой?

"Надо бы с людьми местными поговорить, что они о других местах знают, где ещё люди живут?" — думал Николай.

Стал он расспрашивать, к серьёзным вопросам их подводить, а его не понимают: народ дикий, неразвитый, однолинейный.

— Фёдор, а другие деревни есть здесь? Старики и старухи, чтобы рассказали о прошлом и о нынешнем?

— Есть, в полудне пути живёт лесник. Очень интересный человек, многому научить может.

— Я пойду к нему.

— Хорошо, я предупрежу его, а когда вернусь, ты уйдёшь. Тебе несколько дней понадобится.

Ушёл Николай к старику-леснику, только не полдня шёл, а до самого вечера. Думал, что и вовсе не доберётся, придётся в лесу заночевать. Опыта у Николая не было, поэтому страшновато стало: не представлял, как это делается — где ложатся, чем укрываются.

В домик лесника пришёл, когда солнце уже село. Старик был молчалив и не очень приветлив.

— Городской, сразу видно. Руки мягкие, в мозолях, не привык к топору. Стрелять-то умеешь?

— Нет, не приходилось. Вы давно тут один живёте?

— Всю жизнь. Детство в ещё более глухих местах прошло, а потом здесь поселился.

— А что тут необычного есть? Не слышали? Люди какие или места?

— Тут всё необычно, но когда привыкнешь, то обычным становится. Болото недалеко есть, там, как подойдёшь, голоса слышатся: люди разговаривают. Иногда и слова разобрать можно. В тех местах я травы собираю, без них народ наш пропал бы.

— Какой народ? Тут же нет никого.

— Это тебе так кажется. На каждые полсотни километров кто-нибудь да живёт. За лекарствами все ко мне приходят.

— А люди необычные не появляются?

— Да что ты ищешь-то?

— Людей светлых, чистых, знающих.

— От Света к Свету бежишь? — усмехнулся старик.

"Что же он сказать этим хочет?" — думал Николай.

Рано утром пошли они к болоту. И точно, слышатся голоса там, Николай сам даже слова отдельные различал: "Что же это за явление такое? Газы?"

— По рассказам, тут битва была в далёкой древности. Два отряда сражались, кому на этом месте цветущем обосноваться, да перебили не только друг друга, но и всех жителей. В наказание за жестокость болотом всё покрылось, а от цветущей долины только кое-где травы остались, которые я собираю.

— Может, и меня научите?

— Если есть охота, научу, а если просто из любопытства, то знания к тебе не пристанут: знать будешь, а помогать не сможешь.

— Старик меня в травах разбираться научит, — говорил Николай Фёдору.

— Это хорошо, наука очень в здешних местах полезная. Как снег ляжет, ты у него поживи, посмотри, как отвары готовить, что с чем мешать, в каких пропорциях. Но смотри, сейчас ты ещё уехать можешь, а через пару недель — всё, на полгода застрянешь. Решай, что делать будешь?

— Останусь, — упрямо махнул рукой Николай. — Нравится или не нравится, куда я уже денусь? Может, от одной грани Истины до другой быстрее пробегу.

— А ты что, куда-то торопишься?

— Я Истину познать хочу, но получается, всё равно от одного неизвестного к другому хожу.

— Ты когда руками работаешь, о пользе миру думай, — сказал Фёдор.

— Миру-то что от этого? Что в нём изменится?

— От самой работы, может быть, и ничего, а от чистоты сознания — очень многое. Ты что думаешь, я просто так по лесу бегаю? Нет, я с деревьями общаюсь, с кустарниками, птицами. Мыслями с ними общаюсь, учусь у них многому. Может, ты и не поверишь, но больше всех мне в жизни да и в познании

Истины помогли муравьи и пчёлы. Благодаря им я определённой чистоты сознания достиг. Ты тоже ищи, у кого поучиться. Любая травинка тебе больше подскажет, чем человек с его чужими знаниями, из книг да из условностей житейских полученными.

— Что же, не читать, жизни не знать, законов общества?

— Жизнь — это не законы общества. Тут мы всё перепутали. Мы, люди, создали условности, называемые законами, правилами, и живём в кругу этих представлений. С детства детям объясняют желающие им добра родители, что нужно учиться, чтобы зарабатывать деньги, чтобы хорошо жить, иметь определённые блага, но забывают прививать чаду любимому понятие о совести, порядочности, чести, добра, помощи, заботы. Взрослые создают законы, которым все должны подчиняться, и тут же учат детей, как эти законы обходить, потому что они неправильные. Мы создали ложное пространство, неправильный эгрегор, в который затаскиваем людей, утверждая, что это законы общества, а он уже весь прогнил. Нужно новый создавать, на других основах.

— Это только большая масса людей способна сделать, — задумчиво сказал Николай.

— Кто-то должен начать. Очисти себя, познай свою внутреннюю суть, пойми, что в тебе правильно, чисто, и носи это в новое пространство. Я, Иван, Молчун — это уже сила, это много. Другие на тебя смотреть будут, пример брать, если понравишься, подражать начнут, пространство новое расширять. Ты что думаешь, здесь людей чистых мало? Я уеду, приеду, а они уже изменились. Люди ищут, чем бы им заняться, но до простых вещей не додумаются никак: на своём месте создавай красоту, чистоту, порядок. Начни с себя и носи каждую мысль светлую в жизнь.

— Может, я зря уехал? Может, мне нужно было в газете своей сидеть и чистоту вокруг себя создавать?

— Не знаю, ты сам решай. Спроси сердце своё.

Посидел Николай, подумал, нет, говорит, сердце совершенно в Москву не хочет. Ему там делать нечего, ему в другом месте нужно быть.

— И где же? — спросил Фёдор.

— Здесь, — сам себе удивился Николай.

— Сердце иной раз парадоксальные вещи выдаёт, но оно лучше знает. Ты головой одно решаешь, а оно тебе прямо противоположное говорит. Ладно, оставим разговоры. Учись в каждом дне, потому что другой учёбы не бывает.

Вообще-то, у Николая где-то внутри жило иное представление о своём духовном развитии. Теплилась надежда, совершенно несбыточная, чудесная, фантастическая, что встретит он в лесу Того, Кто ему Истину откроет.

"Ну ведь встретил отрок Варфоломей старца, — думал Николай. — Увидел Моисей Бога, посетила Богородица Серафима". Понимал он, что недостойн, а надеялся, хотел того же. "Неужели это и есть доказательство, что нужно мне? Да, — решил он. — Такого хочу. Буду по лесам и горам ползать искать встречи, а пока у лесника травам поучусь, местность узнаю. Много есть того, что делать я не умею, а нужно бы".

Так потекли зимние месяцы, но, на удивление, совершенно в тягость Николаю не были. Ходил к леснику, на лыжах быстро пробежал длинный путь, познакомился и с другими жителями-отшельниками. Мудрости в них было много, но не такой искал Николай, а больше со знаниями, с научным подходом. Из всех новых знакомых Фёдор его, по-лучалось, больше всех устраивал, потому что в нём гармонично сочетались книжная и житейская премудрости.

А старик-лесник посмотрит иной раз и засмеётся: — Свет он ищет, надо же! Куда бежишь-то? Оглянись!

Конечно же за зиму Николай стал крепче, характером твёрже, возмужал. Рассудительность и выдержка в нём появились, спокойствие и ровность. Прежде чем сделать что-то, подумает, помедлит, потом вроде бы с ленцой, с неохотой за дело принимается.

— В тебе совершенно другая порода проявляется. Лоск городской куда-то улетучился, — говорил ему Фёдор. — Ты попроще стал, но поосновательнее.

— А я этого и хотел. Мне нужно добиться, чтобы слово и дело совпадали, друг от друга не отставали, я потому иногда медлю, чтобы не ошибиться.

— Правильно, тебе ещё нужно больше себе доверять, в мыслях не метаться. Чистота — она ведь не столько в поведении твоём, сколько во взглядах, в отношении к жизни, к событиям. Мы смотрим на человека, и у нас клише срабатывает, стереотип, определяем его в ту или иную категорию людей, а этого быть не должно. Нужно пытаться видеть в нём то, что он есть на самом деле, без прислушивания к чужим словам и мнениям. В этом чистота и будет заключаться. Смотри не на то, что о себе человек сам говорит, а на поступки его, на результаты трудов, на соответствие слова и дела. Человек ведь Бог знает что о себе порасскажет, а приглядишься — не то, обманывает себя и других пытается вокруг пальца обвести. Вот этого быть не должно.

— Это я понял. Вообще нужно поменьше говорить, энергию беречь, а о своих чувствах и вовсе не распространяться. Чем меньше людей в твой внутренний мир лезть будет, тем лучше.

Николай оказался более общительным, чем казался на первый взгляд. В гости ко всем навещался, кто в радиусе ста километров жил. Страх он из себя изгонял всеми доступными ему способами, один в лесу по несколько дней ходил, с ружьём научился обращаться.

— Меня эти четыре месяца большему научили, чем вся предыдущая жизнь. Если отсюда на город смотреть, то кажется, что там всё игрушечное, ненастоящее. Здесь, где к земле ближе, правды больше, — говорил он Фёдору. — Здесь всё добротное, прочное, а там — картонное, тронешь пальцем — рассыплется.

Самым тяжёлым оказалось время, когда снег начал сходить. Они были ограничены пространством в несколько домов и общались только друг с другом.

— А давай попробуем вообще молчать, — предложил Николай.

— Давай, мне это не впервой, а вот ты с собой наедине останешься. Интересное это состояние, я бы каждому рекомендовал его иногда создавать и проживать. Много нового о себе узнаёшь, такое, о чём и не подозревал.

Действительно, за два месяца молчания из подсознания такой бред вылезал, что Николай только успевал поражаться, где он прятался до сих пор. Благо окреп он уже, мог справляться с нападавшими мыслями, раздражением, а то сдался бы на милость врагу. С другой стороны, Николай ещё больше углубился в себя, проникая в самые дальние закоулки внутреннего существа и привнося в них свет. Какая же темень в душе моей. — думал он. — Работаю над собой, очищаю, а света всё не прибавляется".

Тут Фёдор с ним заговорил: — Мне уйти надо, а то я бы твоё молчание не потревожил. Один недели на две останешься.

— А ты куда собрался? — спросил Николай.

— Мне в горы нужно, но тебя взять с собой не могу. Может быть, в следующий раз. Ты прекращай себе экзекуции устраивать. Всё хорошо в меру. Что решил, то и делай, а копать в себе до бесконечности не стоит. Соседям помощи, им рук не хватает.

Не очень-то привычно это для москвича — соседям помогать. В городе люди так сильно изолированы, что друг друга рядом живущие не знают. Времен и у них не хватает. Если рассудить, то чисто по-человечески получается, что помогать людям необходимо, тогда почему мы этого не делаем, выставляя заслоны в виде нехватки времени, усталости, безумной занятости? Что происходит с психикой человека, когда он всеми способами отгораживается от других людей? Что лежит в основе желания уйти от всех подальше? Видимо, всё тот же страх. Люди — наше зеркало, и не всегда нам приятно в него смотреться.

Николай последовал совету Фёдора, и когда тот ушёл, начал помогать соседке Валентине, которая жила одна и с хозяйством своим едва справлялась, а потом и другим, кто нуждался пусть не совсем в умелых, но добрых руках.

Неожиданно старик-лесник наведалься в гости, Фёдора видеть захотел.

— Да зачем он тебе, может, я помогу?

— Нет, — махнул лесник рукой, — я хотел ему сказать, что идти ему надо, да он, видно, сам знает.

— А куда?

— Куда-куда, зовут его, и все.

Ничего он больше объяснять не стал, а задавать вопросы было бессмысленно — это уже Николай понял.

Всё здесь ему нравилось, помогало, воспитывало. Хорошую школу прошёл Николай за зиму, да теперь вопрос новый возник: что же дальше делать? Ведь то, что искал он, пока не нашёл. "Нужно продолжать искать. Под лежащий камень вода не течёт, — думал он. — Кое-что в жизни лесной я уже смыслю, если Фёдор со мной не пойдёт, уйду один".

Когда Фёдор вернулся, стал объяснять ему Николаю своё состояние, что не устраивает его то, что уже сложилось, другое, необходимо.

— Что именно, знаешь?

— Понятия не имею, поэтому и хочу уходить. Искать буду.

— Ладно, ты потерпи немного, теплее станет, я тебя выведу и направление укажу, а дальше уже ты сам определяйся.

На том и порешили. Через месяц собрался Николай в дорогу, лесник пришёл проводить, всё стоял, посмеивался:

— От добра добра не ищут, но уж коли у тебя натура такая неугомонная, то иди, а то всегда будешь чувствовать, что чего-то в жизни недоделал.

Вывел Фёдор Николая к горам.

— Держи курс на север. Если повезёт, найдёшь тропу, а там уже всё само собой сложится.

Странно было с Фёдором расставаться, свыкся с ним Николай. Направлялся он теперь, сам не зная куда, искал неизвестно что, в душе мысли фантастические иной раз вырисовывались, от которых ему перед собой неловко делалось, но остановиться в поиске он уже не мог. Это бы значило признаться в собственном бессилии. "Ну а если я всё-таки до Истины не докопаюсь, то что же — я совершенно никуда не гожусь?"-, думал Николай, но окончательного вывода сделать не мог.

Шёл он долго, наверное с неделю. Людей не встречал, но следы их походов обнаруживал. "Что им тут всем надо?" — думал. А потом и отвечал: "Да, наверное, то же самое, что и мне".

Николаю повезло, и тропу он нашёл. Сразу он понял, почему Фёдор ему толком ничего не объяснил. Сначала Николай страшно захотел спать. Просто так, безо всяких причин. Но сознание его уже было начеку: что-то здесь не так. Видимо, он и заснул, но не как обычно, а провалился в сон, и когда очнулся, то ничего не помнил. Стал осматриваться и думать, что дальше делать, куда идти, и решил выбирать направление по чувствам: куда потянет, туда и двигаться. Это решение оказалось верным. Никогда бы сам, знанием и умением, дорогу не нашёл, а чувства его вели верно, и дорога как бы сама собой раскрывалась. Но что Николай чётко осознавал, так это своё состояние необычное: вроде бы всё было по-земному, да как-то не так. Казалось ему, что он идёт в особом поле, специально для него созданном, и с реальной жизнью взаимодействует как бы через тончайшую завесу, невидимую плёнку. Если бы его спросили, как он себя в скафандре этом ощущает, то ответил бы, что отлично. Голова приятно кружилась, тело было расслаблено, а чувства напряжены. Николай теперь совершенно не думал, куда идти, но определённо знал направление, угадывая его всем существом своим.

Окружающая природа стала меняться, появились растения, которые он раньше никогда не видел, заметно потеплело. Николай не задумывался, сколько ему ещё шагать, он просто шёл, приближаясь к чему-то неведомому. Два раза он спускался и двигался по каким-то переходам, но времени исследовать места эти у него не было: неумолимая сила гнала его вперёд, и вот настал день, когда пространство распахнулось: и увидел он перед собой долину неописуемой красоты. Она была окружена горами, высокими, со снежными вершинами. Чуть в стороне текла речка, и Николай направился к ней. Ближе к воде он чувствовал себя увереннее и спокойнее. На берегу стояла палатка, около неё горел костер и что-то варилось в котелке, но никого не было видно. "Ушёл минут двадцать назад, — определил Николай. — Интересно, куда я забрёл?"

Раздавшиеся шаги заставили его обернуться.

— Здравствуй, — сказал высокий мужчина. — Ты — Николай? Я тебя уже три дня жду. Опаздываешь. По всем срокам раньше должен был появиться.

— А как ты узнал? Фёдор предупредил?

— Нет, Фёдора я не знаю. Мне Михаил сказал, чтобы встречал я тебя здесь.

— Какой Михаил? С севера? А он откуда знает? Этого не может быть.

— Может. Ты что, не чувствуешь, что в необычное место попал? Как у тебя с головой, с настроением?

— Прекрасное настроение, и голова прошла. Пока шёл, немного кружилась, а теперь всё в порядке. Ты скажи, сюда позвонить можно? Как Михаилу Фёдор сказал, а тот успел тебе передать?

— Здесь телефоны не нужны. Тут другие законы действуют. Михаил мысль послал, её поймали, меня за тобой направили.

— Объясни, ничего не понимаю. Что за чудеса такие?

— А ты зачем шёл? Ты, наверное, чудес хотел, искал их. Вот и нашёл, почему же удивляешься?

— Всё равно непонятно, какое отношение Михаил к местам этим имеет. Он за тридевять земель бизнесом занимается, городской человек, что он о здешних местах знать может?

— Ничего себе, городской бизнесмен! Глаза-то твои где искатель? Может быть, Фёдор твой тоже обыкновенный житель гор?

— Конечно, в деревеньке живёт, но знает очень много.

— Ты, брат, сам в уме ли? Я-то думал, меня за настоящим чела послали, а ты зелёный, сам себе не верящий.

— Кто послал? Объясни толком.

— Да, трудновато тебе придётся, — сказал мужчина, пропуская мимо эмоции Николая. — Меня Азар зовут. Я здесь живу, путников изредка встречаю, радуюсь им, потому что очень интересный народ приходит. Глупые, правда, попадаются, но быстро привыкают и понимают, что чем быстрее они познают законы этого мира, тем легче им будет.

— Может быть, ты и есть тот, которого я искал? Я о встрече необыкновенной мечтал, о...

— О старце, святых, Богородице, которые бы тебе чудо явили и ты уверовал бы в Истину? Всё гораздо проще. Вера и Истина — это в тебе. Когда ты критического состояния достигнешь, они тебе откроются. Нам идти надо, оставаться здесь опасно. Дождь пойдёт, река разольётся, потом не выберемся.

Они поели, затушили костёр, собрали палатку и пошли вверх, к подножию ближайшей горы, до которой, казалось, рукой было подать. Несколько уютных белых домиков прилепились к скале. Николай даже не понял сначала, что это такое.

— На домики похоже. Что это там?

— Правильно, глазастый. Люди в них живут, себя изучают, мир, помощь отсюда всей планете посылают.

—Господи, куда же это я попал? — недоумевал Николай, но сам себе отвечать на вопрос не хотел.

—А куда ты хотел попасть? — спросил Азар.

—Да если бы я знал, было бы проще. А так мне даже страшно.

—Ты это зря. Тебя ждут, тебя хорошо знают, потому что давно наблюдают за тобой.

Николаю стало так стыдно, что захотелось сквозь землю провалиться.

—Значит, я весь тут как на ладони, со всеми своими мыслями, поступками, сомнениями и прочим?

—Да, как только человек выказывает серьёзную решимость духовно развиваться и им движет поиск Истины безо всяких подспудных мыслей, за ним начинают наблюдать и вести его. Он встречает нужных людей, ему подсказывают многие вещи, испытывают, потому что необходимо проверить серьёзность намерений. Вот мы и пришли, — сказал Азар.

Перед ними стоял маленький уютный домик.

—Ни двора, ни забора. Что же делать здесь, если хозяйства никакого нет? — удивился Николай.

—Да ты не беспокойся, заняться тебе будет чем. Было бы время. Смотри, тебя встречают.

Перед Николаем стояла Татьяна Андреевна, а за ней какой-то человек, очень знакомый, но Николай вспомнить его сразу не мог.

—Здравствуйте,— машинально выговорил он. Потом почувствовал, что вроде сознание теряет, но быстро взял себя в руки и посмотрел на Татьяну Андреевну. — Это вы или не вы? Как вы тут оказались, и вообще, что это такое?

—Это я и не я, — засмеялась Татьяна Андреевна. — Я здесь, чтобы тебе на первых порах помочь, а то запутаешься.

Она точно была немного другой, помолодевшей, живой, радостной.

— Я так рада, что здесь с тобой встретилась. Значит, не зря они тебя заприметили и в круг свой пустили. Это всегда так приятно, когда надежды сбываются, когда человек оказывается достойным! За столько лет мы никого не нашли, ты первым здесь оказался.

Они прошли в домик, который внутри был гораздо больше, чем казался снаружи.

—Такое впечатление, что здесь что-то с пространством. Домик крошечный, а внутри места много. Зал, спальня, — говорил Николай.

—И библиотека, и лаборатория, — показывала Татьяна Андреевна. — Тут занятия на все вкусы найдутся. Ты отдохни, в себя приди, потом будем разговаривать.

—Я не хочу, — запротестовал Николай, — я всё хочу сейчас знать, а спать всё равно не смогу.

Но, умывшись и добравшись до дивана, провалился в небытие. Проспал он два дня, а когда проснулся, долго не мог сообразить, где же оказался.

— Татьяна Андреевна, это вы? — жалобно спросил Николай.

— Я, сыночек, я, — отозвалась она. — Как это мудро со стороны сил, за нами смотрящих! Так мне удивительно было, что меня сюда, направляют, а вот вижу теперь, что правильно всё.

— А как вы узнали, где я буду? И почему — вы?

— Узнала посредством мысли. Потом Михаил сказал, ему Фёдор передал. В этих местах я уже была, не конкретно здесь, но где-то рядом.

— И каким образом место это сокрыто? Сейчас ведь ничего не утаишь, с самолёта, со спутника любое поселение увидеть можно.

— Ну, это же не такая деревня, которую увидеть можно! Я даже не знаю, долина эта на карте обозначена или нет.

— Это что, другая сфера?

— Ты в другую сферу попасть хотел? — спросила Татьяна Андреевна.

— Нет, я категорически против того был. Меня блуждание по лабиринту не устраивает.

— Тогда что же ты спрашиваешь? Космический Закон уважает священную волю человека. Ты должен это уяснить, иначе будешь постоянно с собственным неверием сталкиваться.

— Мне тогда непонятно, как же вы, Михаил? И Фёдор, говорите? Почему ничего мне не объяснили?! Зачем я у Фёдора столько времени потерял? Да и вообще, целый год!

— Ну о чём ты сейчас говоришь? Что бы ты понял из того, что мы бы тебе рассказали? Да и не скрывали мы ничего, но сознание твоё не ухватывало. Ты же чудес искал, подтверждения им, историй таинственных, а мы такими вещами не занимаемся. Мы просто живём, молчаливо, работаем, миру помогаем, чем можем.

— Да об этом всему миру говорить нужно!

— О чём, родненький? О чём? Кто жизни этой трудной не знает, пусть болтает, о посвящениях рассказывает, о ступенях. У нас задачи другие, планетные, общечеловеческие. Ты вот чем хочешь заниматься?

— О, если бы я знал! Я Истину искал, хотел удостовериться, что из лабиринта выйти можно.

— Ну и как, удостоверился?

— Ещё не знаю, нужно разобраться, куда это я попал.

— Знаешь, ты пока не думай об этом, а делом займись. Тебе многому учиться нужно. В учёбе и определишься, к чему душа твоя склоняется. Завтра в школу тебя отведу.

"Мало я учился", — подумал Николай.

— Ты тут с мыслями поосторожнее, они все видны. Пространство настолько чистое, что от некачественного мышления страдать будешь.

— Я что здесь, один с некачественным мышлением?

— За последние несколько лет ты один и пришёл. Другие дисциплиной мысли овладели, а ты пока нет. Этому тоже будешь учиться.

Школа была очень интересной, совершенно не похожая на наши. Давались задания, а потом все вместе их выполняли, обсуждая сообща, но дома каждый искал материал на заданные темы в личных библиотеках. Учили не один предмет, а сразу несколько, на совершенно ином уровне, не на привычном нам, школьном. Были и экзамены, только сдавались они не ответами, а поведением. Человек ставился в такую ситуацию, где должен был знание полученное применить, и если не соображал, что делать, то начинал весь курс сначала.

Николай так увлёкся этой системой обучения да и вообще жизнью новой, что часто забывал и о Татьяне Андреевне, и о прошлом своём. Учителем его был человек, которого он в первый день за спиной Татьяны Андреевны увидел. Долго вспоминал Николай, откуда знает его, и вспомнил: это был человек из сновидения, который ключ-камень ему вручил от двери невидимой. "Ну что за мистика! — думал Николай. — Бывает же такое!"

Татьяна Андреевна часто куда-то исчезала на несколько дней.

— А вы куда ходите? — спрашивал её Николай.

— В обсерваторию. Сейчас совершенно невероятные вещи в Космосе творятся, нужно их исследовать, для людей токи высокой частоты адаптировать.

— Вы в этом понимаете что-то?

— Да, я математические расчёты делаю, оптимальный режим ищу.

— Вы — и математика?

— Что же в этом удивительного? Ты тоже скоро к нам придёшь.

— Из меня какой математик! Я и в школе ничего не понимал.

— Это в другой жизни было. Здесь все иначе. И математика здесь увлекательная, потому что от жизни не оторвана. Сам увидишь, как каждая цифра на пространство влияет, на людях отражается.

И точно, когда Николай все экзамены в школе сдал, его в обсерваторию направили. Удивительно, но математика там действительно была Живой, цифры не мёртвыми формулами выстраивались, а отражали какой-то закон, людям для познания необходимый.

Видел Николай, как к Земле гигантские тела приближались, и нужно было в срочном порядке рассчитывать траекторию их движения, чтобы отвести в сторону. Космические тела излучали такие энергии, которые людьми не воспринимались и могли уничтожить всё живое. Задача Николая состояла в том, чтобы спешно искать выход из складывающейся ситуации. Если же энергии на Землю проникали, то нужно было ставить защитные экраны, спасающие жизни.

— Но кто-то эти токи всё равно получит? Что с людьми будет?

— Первыми эти вибрации воспринимают Посланники. Они свои тела подставляют.

— Это же разрушительно!

— А что делать? Мы более приспособлены к ним. В нас токи преобразуются, становясь относительно приемлемыми для человечества.

— И люди ничего не знают о своих спасителях! — говорил Николай. — Несправедливо, хотя я понимаю, что сейчас бесполезно об этом думать. А почему бы нам не прогнать всех пришельцев с их жуткими энергиями? Мы ведь можем.

— Можем, но пока не имеем права. Они хитрят и придумывают изощрённые способы ведения войны. Борьба за планету ими уже проиграна, но осталось человеческое сознание. Мы сами говорим о том, что человеку предоставлено право выбирать, вот они и воспользовались лазейкой — лезут во внутренний мир человека.

Здесь наша власть кончается, потому что только сам человек должен им сказать либо "да", либо "нет".

— Но мы должны людям в этом помогать! Сами знаете, как сложно сейчас определиться.

— Сложно, никто не спорит, но человек должен воспитывать в себе самостоятельность, иначе кому он будет нужен? Мы и так делаем много, бесконечно о чистоте, радости, совести любви говорим. Если люди затыкают уши и утверждают, что это всё духовные заморочки, которыми сыт не будешь, то что ты тут поделаешь? Они выбирают свой путь.

— Ужасно, ужасно, — говорил Николай, — должен же быть выход какой-то.

— Так ты этот выход здесь и ищешь, постигаешь правду о том мире, в котором живёшь, — объяснила ему Татьяна Андреевна. — Придёт время, пойдёшь назад, будешь...

— Я назад не хочу, — выпалил Николай. — Я здесь буду жить.

— О, если бы это было Так просто! Но, впрочем, такое тоже случается: остаются. А я вот не могу, как вспомню своих, как они одни там, безо всякой помощи и поддержки мир спасают!

— Да, я погорячился, наверное, — горько произнёс Николай. — Мне ещё многое здесь постигать нужно.

Жизнь текла своим чередом. Из обсерватории Николай перешёл в архитектурное бюро: там проектировали города будущего. Нужно было подыскивать новые материалы, технологии, формы, конструкции.

— Когда человечество до этого дорастёт? Мы случайно не мечтами несбыточными тут занимаемся?

— Именно мечтами, — отвечали ему, — которые непременно сбудутся. Отсюда идеи в мир несутся и в умы архитекторов, физиков и математиков проникают, а те уже их людям непосредственно выдают.

— Что же получается, люди ничего сами не придумали? — спрашивал Николай.

— А мы кто? Мы самые обыкновенные люди, ищущие тех, кто способен наши идеи реализовать. "Ничего себе — люди, — думал Николай. — Тут одни гении собрались. А сам я кто? Я — обычный человек".

Так все и считали: себя — обычными, а друзей — гениальными.

Николаю было настолько некогда, что он порой и думать забывал. Без устали сновал из одной лаборатории в другую, из школы в институт и назад, в домик, где иногда встречался с Татьяной Андреевной.

— Куда вы пропадаете? — спрашивал он.

— У меня ещё работа появилась, правда, в другом месте.

— И как вы успеваете? Далеко ходить приходится?

— Далековато, — уклончиво отвечала Татьяна Андреевна.

Однажды перед глазами Николая чётко предстала Ольга. Ему даже стыдно стало, что за столько времени он ни разу о ней не вспомнил. "Ну что Ольга, вперед двигаетесь, растёте?" — мысленно обратился он к ней. "Двигаюсь, — услышал в ответ. — Только сложно очень, устаю". Тут Николай о газете вспомнил, о бизнесе, о семье, доме. "Куда всё это подевалось? В какой жизни осталось? С кем всё происходило? Неужели со мной?"

Время в горах было другое. Стрелки часов вроде бы те же цифры показывали, но бежали по циферблату очень быстро. Жизнь была настолько увлекательной, что дня не хватало, а хотелось успеть всё сразу.

— Ты, сынок, помогаешь кому-нибудь? — как-то спросила Николая Татьяна Андреевна.

— Всегда, кто бы ни попросил.

— Я о другом. В Москве кому помогаешь?

— А как я могу? Никому.

— Учись, Ольге твоя помощь нужна. У тебя сил много, возможностей. Ты можешь ей идеи подкидывать, решения целесообразные подсказывать. Дочку свою можешь защищать, оберегать. Расчищай пространство около неё — она лучше учиться будет. К бизнесменам знакомым заглядывай, на духовный путь их наставляй. Не всё же им деньги считать и о делах думать. Государственные учреждения не забудь: там особенно плохо, Света не хватает.

— Честно говоря, мне такое в голову не приходило. Действительно, что мне стоит обо всех думать, о жизни их заботиться? Почему я сам до этого не дошёл? — удивлялся Николай.

— Ты собой слишком увлёкся, своими познаниями. Осторожно, здесь тоже можно монстра в душе взрастить. От гордыни мы ни на каком этапе не застрахованы.

— Я действительно давно в себя не заглядывал, внутреннюю ревизию не проводил.

— Бесконечно копаться в себе тоже нет никакого смысла. Ты просто не забывай за своими реакциями следить, за словами и мыслями.

— Честно говоря, забросил я это. Работаю, учусь целыми днями, о себе некогда подумать, да, видно, неправильно поступаю.

— Решил, что уже совершенный?

— Честное слово, о таком и помыслить бы никогда не посмел. Просто забыл о себе.

— Не забывай о себе. Так в другую крайность впадёшь: вроде бы всё для людей, для их благополучия, но свои недостатки ещё полностью не изжиты, они без присмотра накопятся и вылезут жалобами и сетованиями, что ты служишь бескорыстно человечеству, а в ответ ничего не получаешь. Начнёшь себя жалеть и раздражаться. Мы все совершенны до определённого предела. Это связано с тем, что тело наше из плотной ткани состоит, а она свет пропускать в полном объёме не может.

— А как сделать, чтобы могла?

— Только одним способом — чистой жизнью и любовью ко всему существу. Это путь Христа.

— Я любить всех не могу, — сказал Николай.

— А тебя никто и не просит. Любовь мы понимаем так, что обязаны любить каждого негодяя, но ничего подобного. Это состояние должно быть безличностным: люби жизнь, её движение, радуйся течению потока вечного дыхания, вдыхай полной грудью красоту мира. Ты хоть видишь, где живёшь?

— Некогда было осмотреться.

— Это упущение. Найди время и поброди по окрестностям.

Если бы Татьяна Андреевна не настояла, Николай не начал бы осматривать местность, но выбрался и стал иногда к реке уходить да и в горы подниматься. В который раз это дало ему возможность по-новому на жизнь посмотреть!

"Почему я красоты этой не замечал? Почему с ручьём не разговаривал? А горы? Они ведь всё, что я не понимаю, объясняют, да как образно! — думал Николай. — То тучи погонят, то облака прекрасные, иногда ветер пошумит. А камни? Это вообще целый особый мир!"

Ему вспомнился Сергей. Вот бы его сюда! Сколько бы интересного материала он здесь нашёл!

"Я отсюда и не уходил никогда", — вдруг услышал Николай чёткий голос и подскочил от неожиданности. Оглянулся — никого нет. "Что это такое?" — растерянно подумал он. "Мысль. Мы можем так общаться, но для пространных разговоров у нас мало возможностей. Не пользуйся словами, речью, а лучше посылай мне образы или одно слово, понятие. В нём должно быть заключено всё то, что ты мне хочешь сказать". — "Интересно, почему я вроде бы слышал Сергея? Это что за явление?" — с этим вопросом он пошёл к учителю.

— Сергей связан с тобой физической реальностью, поэтому ты слышишь его не в сердце, а на подступах к его ауре, там, где мысль начинает только формироваться. Ей там легче в форму слова превратиться, да и к горловой чакре она ближе, поэтому ты так чётко всё слышишь.

— Его голос был как будто в ухе.

— Ухо играет роль приёмника и одновременно отражает тонкие вибрации. Энергии идут и в сердце, и из сердца непосредственно через ухо, но не все, а только те, что необходимы для распознавания.

— Что это значит?

— Ну, не все энергии передают информацию, заключают в себе мысль или слово. Есть просто развивающие лучи, воздействующие на духовную природу человека, есть и губительные лучи, не воспринимаемые плотной тканью.

— Значит, можно слышать голос и в ухе?

— Конечно. Этим пользуются те силы, которые находятся в непосредственной близости от вас, или те, которым удалось нащупать ту частоту, которую воспринимает ваше ухо. Это искусственная, подделанная под вас вибрация. Я бы их посоветовал изгонять немедленно. Силы эти работают на крайне низком уровне, поэтому и вибрации их грубые, улавливаемые вашим физическим приёмником — ухом.

— Значит, с людьми можно разговаривать разными способами, на разных частотах?

— Да, и чем чище человек, тем тоньше вибрации, которые он воспринимает. Голос Учителя воспринимается исключительно сердцем, центром его, самой глубокой частью. Эти вибрации невозможно ни подделать, ни создать, потому что сердце непосредственно связано с Творцом Вселенной, и только Он властвует над ним. В Космосе существует громадное количество цивилизаций. Они разные — добрые и злые, развитые и отсталые. Те кто развил свой технический уровень до высочайших пределов, всё время пытаются найти способ проникновения в сердце. Чего только не делают! Но все их попытки бесполезны. Никакая цивилизация, идущая технократическим путём развития, не способна выйти на диапазон частот, связанных с сердцем человеческим, потому что эта область изначально контролируется Творцом. Фактически они ставят себя вне закона, соревнуясь с Вселенским Разумом.

—А зачем им это нужно?

—Власть. Контроль. Нарушение Первого Вселенского Закона — признания Воли Творца. Хотят встать на одну ступень с Богом. В общем, гордыня.

— Теперь понятно, почему они лезут к людям, морочат голову своими голосами. А всё просто — им нужно подчинить человека, сделать его своим орудием.

"Интересно, какой голос слышит Ольга? — размышлял Николай. — Это не цивилизации, она голос Учителя слышит, но маленького, ближайшего к ней звена Иерархической цепи из соседней сферы. Сергей говорил тогда, что это нормально, но как-то равнодушно. А почему? По сути, она Иерархию и не искала, а довольствовалась тем, до чего доросла. Ей предложили такой вариант развития, круговой, долгий. Ну что же, каждому — своё. Вреда от этого не будет, только польза, к людям "ближе, доступнее, понятнее".

Все свои рассуждения Николай заключил в маленький шарик, назвав его "Ольга", и послал Сергею.

"Правильно, — дошло до Николая. — Так и будем беседовать!" Теперь он не слышал слов, а улавливал понятие. Оно расплывалось внутри, и Николай просто ощущал или знал, что хотел ему сказать Сергей.

Когда он встретился в очередной раз с Татьяной Андреевной, то спросил её:

— А как вы с работой дело утрясли и так надолго уехали?

— Да что ты, сынок, я никуда не уезжала. Михаила пока нельзя оставлять.

— Но вы же постоянно здесь.

— Кто тебе это сказал? Я больше там, на севере, с Михаилом.

— Татьяна Андреевна, хватит шутить, объясните толком.

— Моё основное "я" — там, а часть его — здесь. Здесь, если так можно выразиться, духовная природа моя находится, которая контролирует всю остальную часть, ведущую свою работу в миру.

— Интересно, а я весь здесь? Может быть, я давно вернулся и в газете работаю?

— Нет, — засмеялась Татьяна Андреевна, — ты пока весь здесь, потому что способностью контролировать все свои тела не обладаешь. Вот когда подрастёшь, то научишься в разных местах одновременно пребывать и работать, не задумываясь, какое тело эту задачу решает.

— Господи, как мне теперь многие вещи понятны! Но если мы, люди, такое умеем, то есть способны такого знания достичь, то что об Учителях говорить! Они же абсолютно везде находиться одновременно могут.

— Да беда в том, что мы невольно Учителей в виде личностей представляем. Они для нас — люди, так нам привычнее их воспринимать, в человеческом облике. А они уже давно такого облика не имеют, потому что в развитии ушли далеко вперёд. Но для нашего понимания они предстают в нашем подсознании именно в конкретном образе, чтобы мы не испугались.

— Понятно, а мы, по недомыслию, в редакции организовали семинар вопросов и ответов и столько копий поломали по поводу книжки одной, которую вроде бы Учитель диктовал. Наш главный ответчик разгромную статью написал, что не может Учитель книгу давать из Обители своей Восточной, потому что давно вроде бы Землю покинул и на другой планете живёт.

— Ну вот это и называется ограниченностью человеческого сознания. Учитель что, на корабле космическом улетел? Бросил тут всё и исчез, чтобы другую планету развивать? Глупости, разве можно примитивно думать так, без души, без сердца?

— Я сам виноват, — каялся Николай. — Я тоже так думал, что если есть Обитель, то Учитель там и живёт.

— Это место его пребывания, любимое место, напитанное его токами. И таких мест в нашей Солнечной системе у него множество. Более того, они уже и за пределами Солнечной системы появились, потому что Учителя развиваются постоянно, дух их растёт, не останавливаясь.

Учитель может находиться в любой точке Земли, даже если в данный момент он не присутствует в тонких телах планеты. Учитель — это сгусток Света, состоящий из множества шариков-лучей. Когда необходимо, он кидает этот шарик-луч в вашу редакцию, и вы, те, кто тонким зрением обладает, способны видеть его, воспринимая так, как вам удобно. Другой луч он кидает в сторону человека, которому дал задание книгу писать от его имени, и человек тот с Лучом-Учителем работает, его слова до людей доносит, через своё сознание пропуская. А целая группа людей может в это самое время сидеть в Гималаях или идти

по египетской пустыне и беседовать с Учителем, потому что ещё один луч-шарик единого Света к ним был направлен.

— Понятно, что люди путаются, — сказал Николай. — Действительно, беда в представлениях наших. Мы вроде бы с почтением к Учителям относимся, признавая их высочайшие способности, а, с другой стороны, оторваться от взглядов сложившихся не можем и наделяем их теми же качествами, что нам присущи. Ну, трудно, трудно понять что если Учитель с тобой говорит, то он и в другом месте с другими людьми общается! Вам же кажется, что вот он, перед вами сидит в том облике, какой вам привычен. А приезжает человек из Америки и говорит, что Учитель ему с Юпитера диктовал что-то. И где же правда?

— Учитель — не человек, а Сила, способная принимать тот вид, какой ей необходим. Учитель там, где основная масса этой Силы находится. Ну чтобы тебе понятнее было, моя основная масса сейчас в плотном теле на севере, в офисе у Михаила. Но я же здесь, с тобой говорю.

— То есть вы есть и там, и здесь?

— Да, так и Учитель сейчас, предположим, на Венере или Юпитере, но он и в Обители своей Восточной и Западной; и с каждым человеком, который по его заданию работает, и в любой газете, если там материал о нём готовят.

— Так это же какие способности надо иметь?

— Вот именно. Ты о нём как о человеке не думай. Он может быть человеком, если нужно, а по-настоящему — это Сила Света. Весь наш маленький научный городок живёт единственной надеждой, что Учитель нас скоро посетит.

— И как он сюда придёт? — спросил Николай.

— Вот видишь, здесь все работают под руководством Учителей, обращаясь к ним за советами ежедневно. Все эти ответы получают и даже видят Учителя, и всё же за большую честь почитают, за награду, за великое событие, если Учитель посетит нашу деревеньку. А ведь скажу тебе по секрету — это его Обитель!

Николай молчал, потому что это было слишком много для его сознания. Ему даже слать от напряжения захотелось, но он упорно решил до конца расспросить Татьяну Андреевну.

— Так он придёт сюда?

— Он каждый день здесь, — засмеялась Татьяна Андреевна. — И с ним наши люди общаются.

— Тогда чего же они ждут?

— Люди ждут его появления в большем объёме, в большей силе. Вот Михаил ждёт, когда я вся, целиком в офисе появлюсь, а то он ворчит, что я витаю в облаках, в блаженном состоянии пребываю. Так оно и есть, прав он.

Учитель может здесь появиться так, что все будут способны видеть его, задавать вопросы. Он изберёт некий облик, форму и в ней предстанет. Я не знаю, как это будет.

— А вы его видели?

— Видела крошечную часть его, в физическом теле, издали, и чуть не умерла. Меня просто парализовало. А ведь сейчас я прекрасно понимаю, что это был лучик-шарик, принявший образ, мне понятный. Я как раньше Учителя представляла? На коне, в тюрбане, высоким, красивым. Ну вот приблизительно таким он мне и показался, чтобы не разочаровывать моё человеческое воображение. Но теперь я знаю: это так глупо — требовать от него образов, когда на самом деле это грозная, величественная Сила Света, выходящая за пределы нашей Солнечной системы.

— Да, так сразу представить трудно, хотя и возможно.

— Ты, сынок, успокойся, а то мы разговорами своими внимание Учителя привлекли, и он сюда часть своего сознания направил. Токами его вся комната наполнена, мне говорить трудно, а ты и вовсе уже засыпаешь. Тело твоё пока слабовато для излучений высоких, ты можешь из равновесия выйти, поэтому лучше поспи. Во сне астральное тело в норму придёт.

Действительно, так оно и было. Николай почувствовал дискомфорт: ему хотелось бежать куда-то, срочно что-то делать, одновременно есть и спать. "Да что это я так разволновался? — думал он. — Успокойся".

Татьяна Андреевна дала ему валериану, и Николай уснул.

А в Москве Ольга буквально разрывалась на части. Газета требовала гигантского напряжения. Помимо основной работы были ещё семинары два раза в неделю и книжка. Ольга писала уже третью книгу, но не сама, а по заданию Учителя. Работа кипела, потому что внутреннему взору Ольги представляли и иллюстрации, и обложка, и даже читатели. Всё делалось одновременно, а на семинарах Ольга зачитывала отрывки из книги, и их обсуждали. Она дорожила каждым словом, каждой буквой, потому в книгу вносила абсолютно все высказывания Учителя. Однажды вечером к ней зашёл Сергей, послушал отрывки, потом послушал восторги слушателей. Улучив минутку, когда они остались наедине, спросил:

— А зачем вы в книгу вносите личные обращения к вам? Здесь же, очевидно, есть вещи, которые касаются вас, вашей личной жизни, ваших праздников, побед и поражений.

— Ну что мне скрывать? Учитель требует, чтобы я всё записывала.

— Может быть, вы не совсем его понимаете? — мягко спросил Сергей.

— Мне лучше знать, что от меня требуют, ведь это я общаюсь с Учителем.

— По-моему, Учитель вообще ничего не требует. Это вы всё так воспринимаете из-за великого чувства ответственности, в вас присутствующего. Следует различать, где книга, а где — обращение к вам лично, к вашему сознанию. Книга — это лицо не только ваше, но и вашего Учителя, поэтому к ней нужно относиться бережно.

— Ну уж меня в легкомыслии обвинить нельзя, — заметила Ольга. — Я очень даже забочусь о содержании, оформлении и тем более о правильном представлении Учителя.

— Я вот что хочу сказать. Бывает, что вы с кем-то делитесь вашей семейной жизнью и вам требуется нарисовать портрет ваших родителей. Вы же не будете рассказывать, как утром вам делают замечания по

поводу разбросанных вещей, как вы решаете свои семейные проблемы, иногда повышая голос, между прочим, как раздаётся звонок и вас поздравляют с праздником. Есть вещи личные, достойные ваших ушей, и посвящать других в это нет никакой необходимости. Вы же не рассказываете всем и каждому о своих болезнях. Это делают старики, которые потому и слывят занудами. С ними никто общаться не желает. Книга должна отражать определённый уровень. Ведь давая вам её, Учитель одновременно и наблюдает за мерой вашего распознавания. Он смотрит, есть ли у вас характер, способны ли вы принимать самостоятельные решения или так и будете на привязи ходить, без его разрешения и шагу не делая?

— Интересная мысль, — вдруг сказала Ольга. — Я подумаю.

Она действительно задумалась над словами Сергея. Где мера подчинения Учителю? Должна ли она беспрекословно выполнять все его приказы? Слепо верить? А если это испытания? Такое Ольге раньше в голову не приходило. Ведь и правда, Учитель мог проверять её на самостоятельность. По его же словам, ему слепые исполнители были не нужны, они не имели для него никакой ценности. Это другие силы тешатся властью над сознанием человека, им нужно беспрекословное повиновение. А что же делала Ольга?

Ольга избрала очень лёгкий путь: делать то, что ей говорят, не задумываясь. Не идти на встречу? Не пойду. Голодать сегодня? Хорошо. Высказать человеку прямо то, что думаю? Будет сделано.

И что же это такое из неё получилось? Сотрудник Иерархии? Ольга начала мучительно разбираться в сложившейся ситуации. Работа над книгой, естественно, затормозилась, потому что в Ольге появилось какое-то сопротивление. Она стала задавать прямые вопросы, но Учитель вдруг начал иногда отвечать, а иногда нет.

"Да что же это такое? — забеспокоилась она. — Такого раньше никогда не было". Уже две недели она места себе не находила, а у кого спросить, с кем посоветоваться? Ольга привыкла доверять своему внутреннему существу, но оно почему-то молчало или отвечало общими фразами, а ей нужен был конкретный ответ.

Ольга решилась на крайний шаг — пойти к Сергею, хотя и не очень-то высокого мнения была о его способностях. Она пришла к концу занятий, чтобы немного побеседовать с ним, но Сергей спешил и не мог остаться. Успел только дать телефон — звоните.

Делать нечего, через несколько дней она позвонила, чтобы договориться о встрече. Сергей её, как водится, к Ивану пригласил.

— Я часто у своего друга, профессора, бываю, вы туда и приходите. Нам там удобнее будет разговаривать.

Ольга пришла с большим шоколадным тортом. Сначала они всё вокруг да около основной темы ходили, но потом Ольга решилась на прямой вопрос:

— Вы считаете, что подчиняться Учителю не нужно?

— Нужно, но не подчиняться, а совместно с ним решать вопросы. Но если вы не будете выполнять конкретные указания из упрямства, это тоже сразу станет заметно. Понимаете, в чём беда, вы дошли до того,

что без подсказки Учителя и шагу не делаете, а ведь если объективно на это смотреть, Учитель такими мелочами заниматься не будет.

Ольга решила молчать и внимательно слушать, но в душе её уже поднималось сопротивление.

Сергей же продолжал:

— Вы привыкли задавать вопросы и получать на них очень чёткие ответы. Нужно вам сказать, что Учителя так себя не ведут.

— Так вы считаете, что я не туда зашла и не способна распознать, с кем общаюсь?

— Ну почему вы так реагируете? И это возможно, а почему бы и нет? Все ошибаются.

— Я с Учителем разговариваю, — упрямо сказала она.

— Позвольте вам объяснить, что нет, — настаивал Сергей. — Вы говорите с вашим сердцем, обычно на жизненные вопросы отвечает именно оно. Иногда вы говорите с вашим высшим "я" и ещё более редко — с Учителем, но не конкретно с тем, кого вы представляете, а с его проекцией.

— Это ещё что такое? — немного высокомерно спросила Ольга.

Тут Иван понял, что нужно вмешаться, попить чаю, поесть торт, разрядить напряжение.

— Что, от Николая есть вести?

— Нет, никаких.

— А мне друг звонил, у которого Николай жил. Всё, говорит, в порядке, в глухой деревне зиму провели, в лесу.

— И что его туда понесло? — спросила Ольга. — Здесь тоже можно многому научиться.

— Поиск. Не удовлетворился бы он субъективностью. Жизни, кроме городской, никакой другой не знает.

— Ну и что? И здесь знания приобретают. Все лучшие умы в Москве собрались, — ответила Ольга.

— Вот здесь вы не правы. Раньше, правда, я тоже так думал, а потом попутешествовал, увидел, что духовно развитые люди везде есть, и чем дальше от центра, тем их больше. Я таких интересных стариков и старушек в далёких деревнях встречал! Непостижимо, откуда в них мудрости столько! В городе всё искажено как-то, с завихрениями, а у них просто. Между прочим, один такой старичок мне урок преподавал и разницу между высшим "я" и голосом Учителя на деле показал. Таким образом, понял я тогда-то, что в нас есть несколько высших голосов, но каждый на своём уровне разговор ведёт. Сердце — оно более конкретное. Ваше высшее "я" — это дух ваш, едва пробудившийся манас, но он же ещё неразвитый, несознательный. Маленький дух у вас. Как с малышами обращаются? Понемногу им знания дают. Учитель ваш дух воспитывает, уроки ему даёт, беседует с ним и потихоньку вперёд ведёт.

Настанет время, когда дух ваш вырастет, силу обретёт и станет достойным своего Учителя. Тогда Учитель примет ваш дух в свою большую семью, и ваше высшее "я" может слиться с голосом Учителя. Понятно?

— Понятно. Вы мне как в детском саду всё объясняете, — засмеялась Ольга.

— Но в глубине души вы всё равно уверены, что с Учителем разговариваете. Пусть так. Пройдёт время, и вы поймёте, но только тогда, когда дух ваш повзрослеет, когда сознание расширится.

— А с кем я книгу пишу?

— Со всеми троими. Только тот, кто знает эволюцию голоса и сам прошёл ступени роста, способен их различить. Понимаете, Учитель никогда не будет контролировать ваше поведение, говорить, куда идти, а куда нет. Это вы сами должны решать. Зачем ему роботы? Вы представляете ценность как самостоятельная мыслящая единица. Учителю должно быть интересно с вами, а бесконечно в детский сад играть — это любой устанет. Вы же надеетесь, что дети когда-то вырастут? Учитель тоже надеется, что вы сами ходить будете, решения принимать, а тупое подчинение — это уже не свобода, это — зомбированность.

— Ну, спасибо вам большое. Очень было приятно, — сказала Ольга.

Вроде и насмешливо сказала, а непонятно, над кем насмеялась: над собой, над Иваном с Сергеем? Трудно принять новое, ещё труднее изменить уже сложившееся. Внутри у Ольги всё ходуном ходило, но ничего толком на место вставить не собиралось. Всё услышанное ей ещё долго переваривать предстояло.

— Так что же, моя книга никакой ценности не представляет?

— Что вы, — заверил её Сергей. — Наоборот, нужна она, только уберите из неё личное, кухню вашу домашнюю и представьте Учителя достойно. Понимаете, есть вещи, имеющие ценность лично для вас, и другим людям копировать вас нет нужды. Они должны тоже самостоятельно расти, а вы им — путь указывать, не ограничивая их в росте и в способах постижения мира.

Вот теперь я вам скажу, как Учитель говорит: он очень общие формулировки даёт, чтобы ваше сознание не ущемлять и, с другой стороны, чтобы вы с пути не сошли. Это одновременно широко и узко.

— А вы что, тоже слышите Учителя?

— Нет, с тех пор как я в тонкостях этих разобрался, да и не я один, а вот с другом моим, я захотел другого: быть всегда открытым настолько, чтобы если Учителю понадобится, он бы мною воспользоваться мог, моим телом, моим сознанием. А для этого нужно быть очень чистым. Очень. Тут с Ольгой что-то произошло. Сознание её куда-то отлетело, голова закружилась, на сердце стало тепло, а из глаз слёзы хлынули. И разрыдалась она, впервые за несколько лет. Видимо, столько накопилось в ней, а возможности поплакать никакой и не было: всё нужно было силу свою показывать.

— Ну что ты, что ты, — бросился к ней Сергей. — Ты поплачь, нельзя вечно мужиком в юбке ходить, силищу изображать. Работаешь, как заведённая, а человеком и побыть некогда. Ты же на Земле, а здесь чувства существуют, радость, тепло, уют, любовь. Тут всё есть, только заслужить это нужно.

Ольга такую мощную опору вдруг почувствовала, такую силу любящую, что ощутила себя маленькой, слабой, беззащитной. Она превратилась в крошечного птенца, который устремился под крыло огромной птицы и, забравшись под него, мгновенно затих.

Успокоившись, она посмотрела на Сергея совершенно другими глазами: "Почему я раньше силы его не замечала? Куда смотрела? Да он, оказывается, весь любовью полон, но какой-то особой".

— А кто вы по профессии? Чем занимаетесь? — спросила вдруг она и сама себе улыбнулась.

— Трудно ответить, у меня много специальностей. Я — учёный, и основной мой интерес лежит в исследовании камней, их свойств. Это огромный мир, плохо изученный, нами совершенно не понимаемый. Люди к камням относятся как к красивым безделушкам, украшениям, а на самом деле это цивилизация, способная во многом помочь нам, жизнь облегчить, если только мы с любовью к ней подойдём.

— И вы что, в лаборатории сидите?

— Если бы! Последние несколько лет я в постоянных разъездах. Мои знания очень многим нужны, а специалистов мало. Позавчера я из Англии вернулся, завтра в Бразилию улетаю.

Ольга не переставала удивляться. Что же заставило её смотреть на человека этого как на обычного грубоватого мужлана? Она себя ощущала тонкой интеллигентной деловой женщиной, добившейся немалых успехов. Кто сейчас мог похвастаться тем, что преуспевал в бизнесе да ещё развивался духовно? Похоже, что на людей она стала смотреть свысока, но не заметила, как это произошло.

Для неё было важно, как человек одет, на какой машине ездит, в какой обстановке живёт. Здесь же она встретила с простотой, с полным равнодушием к материальным благам, со скромностью, а человек, оказывается, из-за границы не вылезает, по всем странам мира разъезжает.

— А где вам больше нравится — здесь или там?

— Здесь, дома. Я страну свою люблю. Конечно, если бы понадобилось, я и за границей жить мог, но здесь я себя по-другому чувствую. Всё меня в России греет, даже старые погибающие деревни не тоску вызывают, а желание что-то делать, строить, новое в жизнь нести.

— А вы смогли бы всё оставить и жить в деревне, без денег?

— Смог бы. Это в городе живу по необходимости, а душой и сердцем тянусь подальше отсюда, — ответил Сергей.

— И что, у вас нет привязанности к цивилизации, к деньгам?

— Уже нет. Был период, когда к деньгам я относился как к необходимости, как к тому, что обеспечивает, вернее, поддерживает тело, но теперь и это прошло.

— А мне кажется, что деньги очень нужны, без них сейчас невозможно. Вы становитесь беспомощным, неспособным правильно относиться к действительности, у вас комплексы появляются.

— Человечеству деньги пока нужны. На них сейчас весь цивилизованный мир держится, но добрая треть планеты без них живёт и особенной потребности в них не ощущает. Более того, эти люди понимают, что как только допустят деньги в свою жизнь, станут от них зависимыми.

Нам же в обществе деньги нужны. Человек должен жить нормально, быть обеспеченным, иметь возможность растить своих детей в достатке. Совсем другое дело — это отношение к ним. Деньги не должны становиться целью существования. Вы представляете, что мы наделали? Мы детей учили деньги

зарабатывать, вместо того чтобы учить их в жизнь нести свет, добро, любовь, чистоту. Деньги стали первичным, а духовные ценности — вторичным. Вот это ужасно. Должно быть наоборот.

— Я без денег не смогла бы жить. Я привыкла ни в чём себя не ограничивать, — сказала Ольга.

— А почему вы вообще поднимаете этот вопрос? — спросил Иван. — Чувствуете какое-то несоответствие или вину свою?

— Мой духовный рост требует от меня быть непривязанной к миру. Вроде бы всё я должна делать из любви к людям, к жизни, всё для них и ничего для себя. Материальное благополучие, по бытующему мнению, несовместимо с духовностью. Что же, мне всё раздать, в рубище ходить, от денег и прочих благ отказаться?

— Да зачем? Вы молоды и красивы, вы должны вкус жизни ощущать, а поскольку живёте в цивилизованном обществе, сюда судьбой определены, то и живите по законам его. Но только измените своё отношение к ним и других людей потихоньку к тому направьте: нужно совесть иметь, помогать обездоленным, не завидовать благосостоянию друзей, не лгать. Попробуйте бизнес строить на этих правилах.

— Да как можно в бизнесе не лгать? Это в принципе невозможно.

— Я так не думаю, — сказал Иван, и Сергей тут же с ним согласился.

— Вы не пробовали, и никто не пробовал. Просто бытует такое мнение, что без лжи бизнес не делается. Сами люди создали псевдопространство, то есть ложную реальность, вошли в неё и в ней делами занимаются. Понимаете, она заведомо ложная, а вы ее своей уверенностью подпитываете. Человек к вам приходит с вопросом о бизнесе, а вы ему сразу аксиому выдаете: честно — нельзя. Вам кто-то сказал, вы поверили и применили, а другое сразу в сторону отменили. Нужно наоборот делать. Человек к вам приходит, а вы ему правила ваши диктуете: у нас бизнес честный, мы не лжём, не завидуем, за деньгами не гонимся. Рады тому, что зарабатываем, друг к другу относимся по совести. Так нужно, просто, без ложной скромности.

— Легко сказать, — заметила Ольга. — И легко сделать, — добавил Иван. — Попробуйте. Просто сами себя ограничьте уверенностью, что по-другому нельзя. Месяц перестраиваться будете, а потом всё наладится. Вы не думайте о том, что другие лгут. Это их дело. Главное — вы не лгите и не старайтесь в глазах людей честной и справедливой выглядеть. Вы сердце своё спрашивайте, и как оно говорит, так и поступайте. Иногда бывают такие ситуации, что вроде бы и солгать необходимо, потому что человека иначе серьёзно подведёте. Вот вы к сердцу и обращайтесь и по его совету действуйте, а больше никого не слушайте.

— Я этот разговор завела потому, что меня, честно говоря, совесть мучает. Страна голодает, люди нищают катастрофически, среднего уровня жизни у большинства нет, а я хорошо живу, деньги неплохие зарабатываю.

— Ну и что? Не воруете же? Кто сказал, что нужно жить плохо, почему духовность с нищетой ассоциируется? Да в корне неправильно это. Если ты на физическом плане способности свои не реализовал, справиться с материей не смог, то кому ты на духовном плане нужен? Вы что думаете, там легче? Там в

тысячи раз сложнее. Сейчас двойкий эксперимент идёт с человечеством. С одной стороны, проверяется, возможно ли существование без денег?

Наше страна уже семь лет без денег живёт, и, представляете, жизнь не останавливается! Все жалуются, страдают, мучаются, а живут. С другой стороны, человек проверяется на умение приспосабливаться к существующим условиям, на то, какие качества в нём возобладают. Одни не выдерживают, руки опускают, злятся, в них чудовища просыпаются. А другие, наоборот, чувствуют, что друг другу помогать нужно, что без человеческих качеств не обойтись, что деньги — не главное, прожить и без них можно, если добро людям делать будешь. За добро люди всегда отплатить хотят, и если у вас нужда, то они рады будут вас поддерживать. А мы как привыкли? Раз ты ко мне так относишься, то я к тебе — ещё хуже. Я тебе покажу, я тебя проучу! А науке нас всех сейчас одной учат — любви и взаимной помощи.

Сергей немного проводил Ольгу, и по дороге они ещё побеседовали о том, нужно ли в городе медитировать.

— Это очень даже полезно: в тишине побыть, себя послушать, узнать, чем ваше внутреннее существо живёт. Мы же не ради просветления это делали, а ради наведения порядка в мыслях, в чувствах. Если вам пора будет в нирвану отправляться, о вас позаботятся и условия необходимые создадут.

Ольга просто диву давалась, почему она не замечала Сергея раньше и свысока на него смотрела. Неужели она так податлива внешнему плану и не способна глубину увидеть? Его неприметность, скромная одежда, ненавязчивость мешали ей создать о нём правильное представление. "До каких пор я лишь глазами людей воспринимать буду?" — думала она.

"Почему сердце моё молчало? — сокрушался Николай. — Я что, совсем слепой? Я рядом со Светом жил и Свет искал". Тут он вспомнил старика-лесника, улыбку его, недомолвки, когда Николай о чём-то необычном спрашивал. "Действительно смешно: необычное рядом, под боком, а я по тайге бегаю, чудо ищу. Глупец!" — заключил он.

— К тебе гость пришёл, — уже вечером подошёл к нему учитель. — Дома ждёт, не чувствуешь? Иди, хватит здесь сидеть.

Николай допоздна засиживался в лаборатории. Смешно было то, что он занимался физикой и математикой, к которым на Земле у него не было никакой тяги и способностями он отличался ниже средних. Здесь же ему всё давалось не то чтобы легко, а просто это была его любимая работа, и был он в обсерватории ведущим специалистом. Новый город на новой планете спроектировать с учётом совершенно иных космических влияний было для него парой пустяков. Он отличался особой внимательностью и принимал в расчёт такие факторы, которые от других ускользали.

— Да как ты вспомнил, что эта гигантская комета будет по этой орбите двигаться и влиять на условия жизни раз в тысячу лет?

— Если бы я не вспомнил, вы бы город погубили! — высокомерно замечал. Николай, гордясь своими расчётами.

— Не зазнавайся, есть вещи, которые мы чувствуем, а ты — нет. Говори быстро, кто о тебе думает? — дразнили его.

Николай лихорадочно соображал, перечисляя всех возможных думателей, но ошибался.

— Ну и кто же? Я всех вспомнил, — сказал он.

— Некто Вера. Её мысль очень даже сильная, многими подробностями наполненная.

— Хватит, — краснел Николай. — Зачем подмысливаете?

— А мы при чём? Ты мысль пропускаешь, мы её перехватываем. Если она тебе не нужна, дай нам её прочитать.

— Не смейте мои послания читать.

— Тогда сам успевай, — смеялись иногда над ним.

"Кто же меня дома ждёт?" — думал он, перебирая всех знакомых, но конечно же ошибся. Дома сидел Фёдор. Николай обрадовался ему несказанно.

— Ты в каком теле? Не растаешь? Я иногда Татьяну Андреевну тронуть боюсь — вдруг поломается, вдруг ненастоящая?

— Смешной ты. Здесь всё настоящее, прочнее не бывает. Это там, в том мире, — одна сплошная иллюзия, а люди думают, что живут. Страдают, мучаются, а нет бы — радоваться, тепло дарить, светом друга обдавать.

— Какими судьбами ты здесь? Послали? Работать останешься или назад вернёшься?

— Я ненадолго. Тебя навестить хотелось, посмотреть, чего достиг, что уяснил.

— Почему же вы всё это от меня скрывали? Зачем год голову морочили? — спрашивал Николай.

— Ты вот когда назад вернёшься, возьми да всё Ольге и расскажи, как ты шёл, куда пришёл, что здесь делал. Как считаешь, это нормально будет выглядеть?

— Да ты с ума сошёл? В жизни об этом ничего никому не скажу.

— Почему?

— Это невозможно, — Николай пришёл в ужас от одной мысли, что сделает такое. — Разве святое трогают? Это же как сердце взять и бросить в толпу, где его в секунду затопчут.

— Ну вот, сам и отвечаешь. Отныне ты молчать будешь, слова не произнесёшь, только обычными, доступными человеческому сознанию методами действовать будешь. Так это всегда было. Скажи, как у вас тут всё устроено, что делаете?

— А ты разве здесь не бывал? — удивился Николай.

— Нет, в этом месте — никогда. Научное поселение, людей немного.

— А что, есть, где народу много?

— Обычно нет, но есть места, где поселения близко одно от другого находятся, поэтому кажется, что людей в них много. В проектах будущего участвуешь? Необходимое это дело. Очень скоро жизнь на Земле изменится. Через несколько тысяч лет у людей будет совершенно другое тело. Соответственно и обстановка окружающая изменится. Человек летать начнёт, силой мысли передвигаться, конечно, ему другие квартиры понадобятся.

— Сейчас на Земле упор на техническое развитие. Наверное, там новые машины будут создаваться.

— Нет, всё будет развиваться иначе. Механизмы заменит человеческая мысль, люди поймут ценность звука, вибрации и начнут эксперименты в области использования звука для гармонизации пространства. Через это они выйдут на новые источники энергии и очень просто из Космоса будут черпать её, заряжаясь в Храмах. Получать они её смогут столько, сколько будут отдавать. Если пропорция правильная, человек сможет летать, если нет, то прыгать или ходить. Вот кто будет постоянно в полёте, так это дети! Посмотрим, что с ними смогут сделать родители!

— Да, смешно: не понравится им что-то, они и упорхнут. Может быть, их привязывать будут?

— Кто знает? Очень много нового скоро откроется, и все поменяется: взгляды, вкусы, взаимоотношения, — говорил Фёдор.

— А войны? Войны будут?

— Будут, — помрачнел Фёдор. — Не сразу новое в жизнь войдёт, за него ещё сражаться придётся. Религии начнут сталкиваться между собой и втягивать в бойню тысячи людей. Люди к единению стремятся, в них чувство общности просыпается. Такие же явления и в государстве произойдут: границы будут стираться, но это же не всем понравится. Люди ратуют за национальное самоопределение и отождествляют нацию с государственными границами, а при чём здесь это? Кто мешает нескольким нациям в границах одного государства жить?

— Это значит, что границы государств будут перекраиваться?

— Да, хотелось бы только, чтобы это мирно происходило, но смогут ли люди понять правильно происходящие процессы? Вот этому мы их учить и будем.

— А как? Отсюда? — спросил Николай.

— И отсюда, и из мира обычного, физического, — отовсюду, как только способ найдём. Нам ведь любые возможности использовать приходится, чтобы они, в конечном итоге, на общее благо поработали.

— Да как сможем мы это, если мир наводнён узколобыми сектантами? Я-то их очень хорошо знаю.

— Все могут пользу принести. Это тебе так кажется, что они узколобые, а на самом деле они в определённом кругу пользу приносят. Но есть вещи, которые им до поры недоступны. Ничего, в следующей жизни додумаются.

— Сколько же ждать придётся!

— Ну, не сразу Москва строилась. Досталось и ей много, и людям ещё многое пережить придётся. В прекрасное будущее нужно очищенными войти, с воскрешённой любовью в сердце, а иначе там и делать нечего.

— Можно нарушить ваше мужское уединение? — неслышно вошла Татьяна Андреевна.

— О, и вы здесь! — Фёдор радостно заулыбался.

— Не в Москве, так в прекрасной долине встретимся! .

— Вам же там проще видеться, — сказал Николай.

— Там билеты покупать нужно, ехать, лететь, время тратить, — объяснил Фёдор.

— Пойдите, а здесь как же? — спросил Николай.

— Когда ты некоторыми силами овладеешь, духовно вырастешь, у тебя другие возможности появятся. Сможешь быстро сюда приходить, минуя долгие переходы по тропам. Законами пространства овладеешь — поймёшь.

— Ну объясните, я знать хочу.

— Как тебе объяснить, если это невозможно? Это само придёт, как внутреннее знание, когда сознанием до него дорастёшь. Ты всё в ином свете увидишь, тебе другая картина нарисуетя.

— Но можно эти способности развивать? — спрашивал Николай.

— Это будет похоже на зазубривание формул. Написать ты их напишешь, а вот применить не сможешь. Что толку в способностях, если ты их внутреннюю суть не уяснил? Не имея слуха, можно отбарабанить пьесу, но тот, кто слышит, сыграет её с душой, и красота её дойдёт до людей. Ты хочешь человеком-невидимкой стать? Выныривать из стен, заныривать обратно? — объяснял Фёдор.

— Все эти искусственные способности ценности не имеют, — вторила ему Татьяна Андреевна. — Я не раз в этом убеждалась. Сколько случаев было интересных, когда на меня способностями воздействовать пытались, да мне смешно только. Я на таких как на больных смотрю. Изображают люди что-то, а без толку, не действует.

— А почему? Есть, на кого действует. Мы когда в газете рекламу давали, случаи попадались интересные.

— Действует на тех, кто верит. Ты тогда автоматически попадаешь в пространство, которое ясновидцем создано и в котором он себя хозяином ощущает. Законы в нём им установлены, а ты обязан подчиняться, поскольку ты — гость, да ещё любопытный, растерянный или больной.

— И что, защищаться не нужно?

— Самая лучшая защита — любящее сердце. Всё безопасно, если внутри — свет. Никто не подступится, а даже наоборот — притянется. Свет силой обладает магнетической, на него все, как пчёлы на мёд, слетаются и удивляются, что происходит. Люди светом греются, а вы им лучинку протягиваете — сам свети. Вот таким образом цепь света и создаётся.

Втроём они просидели далеко за полночь, но спать идти не хотели.

— А что, если нам прогуляться? Я ночью никогда не выходил, — сказал Николай.

Все пошли любоваться лунной, слушать речку и ощутить прикосновение прохладного ночного воздуха.

— Как же здесь хорошо! — сказал Фёдор. — Как сильно это место отличается от моей крошечной деревеньки, почти безлюдной.

— И всё же я был прав в догадках своих, — вдруг сказал Николай. — Шёл я по тропе, шёл и сюда пришёл, но всё-таки через что-то необычное проскользнул. Врата незримые существуют, в другое пространство выводящие. Я прав?

— Прав, — засмеялась Татьяна Андреевна. — Сколько же тебе времени понадобилось, чтобы это понять?

— Я сразу догадался, — сказал Николай.

— Только сам себе поверить не мог, — добавил Фёдор.

— Невозможно представить, что существуют две стыкующиеся реальности и что есть проход из одной в другую. Это параллельное пространство?

— А ты сам подумай. Ответы ищи в себе.

— Ну, здесь часы есть, но время бежит очень быстро. Постойте, а сколько я здесь нахожусь? — вдруг спохватился Николай. — Я школу кончил, курсы, работал в нескольких лабораториях над несколькими проектами. Я больше года живу в домике своём, наверное, полтора. А как же газета? Я на год с Ольгой договаривался. А дочка? Деньги у них есть? Господи, надо же как-то уладить всё. Или я умер? А? Может быть, я умер?

— Где? — хохотали, глядя на него, Татьяна Андреевна и Фёдор.

— Там, где дочка и газета. Я там, наверное, без вести пропал. Или тело моё в лесу нашли? Скажи честно, Фёдор, — говорил Николай.

— Да успокойся, всё в порядке, не исчезал, не умирал. Здесь время другое. Ты видишь, что сезоны не чередуются? Что все время уже лето? Умеренно тепло, по вечерам прохладно. Ты здесь действительно долго, а там, где дочка и газета, год ещё не прошёл. Так что слово ты держишь. Николай, продолжай рассуждать, а то сбился, пока вспоминал.

— Когда из сферы в сферу попадаешь, это субъективно. Хоть голос у сердца слышен, но он далёкий. Это в том смысле, что он по окружности тебя поведёт, потому что ты вопросами глубокими не задаёшься. Но есть путь другой, без мистики, без баловства, когда ты хочешь от иллюзии избавиться и работать руками и ногами, пользу принося всем этим несчастным, по лабиринту бродящим. Почему они упорно к цели не идут? Почему они Истину за кончик хвоста улавливают и тут же отпускают, довольствуясь "голосом Учителя"?

— Тебе это показалось мало, а другим достаточно того, что они имеют. Они своим путём идут, — сказала Татьяна Андреевна.

— Да, своим, иллюзорным, по лабиринту, из сферы в сферу, от одной сферической Иерархии к другой.

— Они идут к цели. Их путь имеет право на существование.

— На этом длинном пути они достигают вершин иллюзии, восходя по многим ступеням до Христа и Матери Мира, а на самом деле их путь ещё и не начинался, — горько заключил Николай. — Они только к первой ступени подошли и остановились перед ней. И Лестница Иакова тем откроется, кто об Истине спросит, чьё сердце закричит, требуя единственной правды. Я теперь понял, что Ольга на высокой ступени стоит, Учителем своим ведомая. Она книги пишет, других учит, а к Пути ещё не подошла, потому что Истина её не интересует. Когда она о ней спросит, тогда и к Лестнице Небесной подойдёт, если, конечно, сердце её того потребует. Что же это тогда получается?

— А получается то, что ты к первой ступени подошёл. Здесь ты пройдёшь Посвящение. Несколько достойных будут приняты Иерархией. Все ждут Учителя и он обязательно посетит Обитель, — сказал Фёдор.

Николай отошёл в сторону. На глазах у него были слёзы: "Неужели я достоин, я, неочищенное существо?" — "Думай о себе хорошо, — услышал он внутри себя. — Ты — сын Творца и должен быть полон Света".

Видимо, Фёдор тоже пришёл сюда на встречу. Был позван, иначе бы не появился. Все жители поселения внутренне готовились к важнейшему событию в их жизни. Нет, никаких приготовлений не было, но каждый старался стать лучше, чище, быть достойным встречи. Во всех лабораториях стало заметно тише, люди углубились в себя, то ли находясь в молитве, то ли в поисках негативных качеств, желая побыстрее от них избавиться.

Все ликовали, но одновременно были внутренне напряжены. Казалось, долина наполнилась ожиданием. Речка и та вслушивалась: не раздаются ли шаги Учителя по сферам?

И вот однажды сердце радостно заколотилось, и Николай, сидя не работе, почувствовал всеобщее оживление. Может быть, внутри он услышал голос: "Идет". Хотел встать, а ноги приросли к полу. "Вставай, беги", — сам себе приказал он. Неведомая сила подняла его, и он выскочил на улицу.

Все собрались и стали в круг. К собственному удивлению, Николай увидел много незнакомых людей и ещё группы, торопливо стекающие со склонов гор. Они тоже спешили на встречу. "Откуда столько народа? Где они все были?" — едва успел подумать Николай, как масса заколыхалась, заволновалась, как будто сильный ветер пронёсся над ней. Дальше он всё видел в ослепительном свете. Исчезли горы, долина и речка. Николай стоял один напротив высокой фигуры в белых одеждах. Сам он тоже был облачён в белый хитон, широкими складками ниспадавший книзу. Рядом с Николаем стоял ещё один человек. Учитель держал руку над головой Николая и что-то говорил ему. Он отвечал, видя перед собой только Свет. Потом то же самое Учитель проделал и с юношей, находящимся по правую руку от Николая. "Какой молодой" — поймал он свою первую мысль с того момента, как встал в круг вместе со всеми.

Пусть Вечная Жизнь озарит сердца ваши пониманием. Вы вступаете в Братство и становитесь полноправными членами его. Вы приняты в нашу большую семью. Отныне величайшая ответственность ложится на вас: вести человечество к Свету, а для этого вы сами должны стать Светом. Будьте всегда чисты, прямодушны и справедливы. Да не покинет вас Любовь!

Сознание едва удерживалось, и Николай ясно различал тоненькую ниточку, к которой было подвешено его сердце. "Как мне понять всё это? Сколько жизней я шёл к самому великому моменту вечного существования, сколько кругов и сфер прошагал в поисках? Вот и конец всему? — «Это только начало, — услышал Николай тихий голос. — Слава духу твоему. Ты теперь — один из нас — хранителей Святого

Грааля". — "Фёдор, что я теперь должен делать?" — так же тихо спросил Николай. Просто жить. Работать, любить, творить, детей растить. В общем, Свет проводить. — "И это всё? — "В этом — всё", — торжественно заключил Фёдор.

Николай очень сильно переживал все, что с ним произошло. Было такое впечатление, что внутри передвигались целые пласты, стремясь занять более удобное положение. Он продолжал ходить на работу, заниматься в библиотеке, но ощущал, что какой-то важный этап в его жизни завершился. Теперь всё должно быть по-другому.

— С вами тоже такое происходило? — спрашивал он Татьяну Андреевну и Фёдора. Здесь все прошли Посвящение? Почему нас было всего двое?

— Всё не так просто, как кажется, — заметил Фёдор. — Мы присутствовали при величайшем и редчайшем событии. В этой жизни я Посвящения не проходил, но я знаю, что такое со мной уже случилось. Это давно было, несколько сотен лет назад, когда я впервые попал сюда, в этот мир.

— А я ещё такой чести не заслужила, — призналась Татьяна Андреевна. — Ты не думай, плакать я не буду, здесь никто по этому поводу не плачет, а лишь желает тоже стать частью Целого. Все получают то, что заслужили. Я выполняю свою работу, но к внутренней, сокровенной сути её, видимо, не прикасалась.

— Как же так? Вы же давно здесь, вы же намного меня опередили.

— Откуда ты знаешь? Разве ты способен видеть, кто впереди, а кто позади? — спросил Фёдор. — Посвящение проходят единицы. Это самое торжественное событие, редко происходящее в Обители. За нашим развитием пристально следят, и если ты добился успехов, то обязательно будешь отмечен. Но не ты определяешь меру успеха и не сам оцениваешь свой духовный рост. Сотни лет ты можешь работать в Братстве, но не быть допущенным до таинства. Посвящение — это совершенно особый ритуал, ставящий тебя не только на ступень Небесной Лестницы, но и делающий тебя ответственным за Иерархию. Ты — это уже не ты, а часть Творца, его созидательной силы.

— В Обители мало Посвященных, добавила Татьяна Андреевна. — Не все сотрудники Иерархии этим знаком отличия обладают. Ведь вас на особое действие благословил и поставил Учитель. И знаешь Ты гораздо больше меня.

— Это вы меня всему учите. Я только шёл сюда, а вы меня уже здесь встречали.

— Это тебе ещё одно доказательство того, что мера распознавания здесь иная и на знания никто внимания не обращает. Обращают внимание на познание тех истин, что тебе открылись, на умение прожить и принять их. Ты, видимо, должен будешь уйти отсюда и учиться там, где я никогда не была. Мне так интересно, — вздохнула Татьяна Андреевна.

— Да, Посвященные проходят особую школу. Если мне выпадет честь проводить тебя, я с удовольствием пойду, — сказал Фёдор. — Впрочем, на днях всё решится.

На следующий день Татьяна Андреевна распрощалась со всеми. Ей пора было назад, в город, к людям, к полной отдаче себя миру.

— Вот так всегда, — говорила она. — Короткая передышка, глоток свежего воздуха — и назад. Пора мне, а то Михаил замучился, говорит, что я вся потерянная, забывчивая и вообще меня нужно к огороду приставлять. Фёдор пока остался.

— Мне нужно около тебя быть, — говорил он Николаю. — Есть вещи, которые ты должен вспомнить, но когда они всплывут из твоего подсознания, у тебя возникнет много вопросов. Потом ты будешь постигать некоторые свойства материи, структуру ткани, законы взаимодействия энергий. Не все могут легко разрешить противоречия, кото-рые новому взгляду открываются. Ты теоретически знаешь, что зла нет, а практически оно очень даже есть.

Николай должен был завершить работу над проектом и обучить нескольких новичков, появившихся в лаборатории. Когда проект был готов, а новенькие постигли основы науки, которой занимался Николай, он был свободен от обязательств и мог отправляться в дальнейший путь.

"Куда я пойду? Да какое это имеет значение? — подумал он. — Разве я хочу вернуться в Москву? Нет". Николай не то чтобы не хотел возвращаться, он даже надеялся на то, что его обманули и его тело нашли где-нибудь в тайге. "Что мне там делать? Кому я там нужен?" — всплывали бесконечные вопросы.

— Ох, Николай! Ты здесь для того, чтобы тех, кто там остался, из мрака их существования выводить. Ты вот со многими вещами разобрался, нашёл, что искал, но честно скажи: разве без Сергея и Ивана дошёл бы? Они вроде бы ничего и не делали, но каким-то образом тебя на путь наставили. Так и ты будешь с другими обращаться, им эстафе-ту передавать. Мы все так живем, просто, не высовываясь, а нас там одни оккультные гении окружают. Чего стоят толпы посвященных, по горам лазающие! И все они на пятой, а то и на шестой ступени пребывают, а тут люди сотни лет работают, человечество спасают или одного знака отличия не получили!

Но, несмотря на все объяснения и увещевания Фёдора, у Николая засела мысль, что нужен он только здесь, а в миру его никто не ждёт и делать ему там нечего. Дальше всё сложилось тоже не так, как они предполагали вначале: Фёдору пришлось возвращаться домой, в деревеньку свою таёжную, а Николая направляли с небольшой группой в один из высокогорных храмов, где, по слухам, постигали тайну преобразования ткани. Друзья расстались, но надолго ли — никто не знал.

В Москве Фёдор появился раньше Татьяны Андреевны. Сергей с Иваном набросились на него с вопросами.

— Ну как там? Что с его сердцем происходит, как обучение?

— Да что вы меня спрашиваете, сами всё знаете. Что вам стоит с ним связаться, домой к нему заглянуть?

— Ну вот ещё, — сказал Сергей, — ты же оттуда, нам интереснее из первых уст всё узнать.

— Он гигантскими шагами идёт, и как бы не получилось так, что слишком высоко шагнёт, — оттуда редко возвращаются. Иной раз детские вопросы задаёт, но они этой жизни касаются, а в той он — профессор, только сам об этом ничего не знает. А то, что дух его на ступень поднялся, отмечено было. Так что наш отряд одним рыцарем пополнился.

— А другой, тот, второй, что с ним был? — вдруг спросил Иван, Он не в нашем отряде?

— Нет, — ответил Фёдор усмехнувшись. — Вот куда ты заглядываешь, а вопросы о жизни Николая задаёшь. Второй дух совсем юный, но уже многие тонкости постиг. Он уходит на второй круг, но внешний, далеко за пределы Солнечной системы. Я о них ничего не знаю, но только видел, что они от нас отличаются сильно: Чем? Думаю, что строением ткани. Вы лучше расскажите, что здесь происходит, чем живёте, что вас радует?

Друзья по очереди стали рассказывать Фёдору о работе, о знакомых, о том, что много людей сейчас стало непонятными явлениями интересоваться, о чистоте своей думать.

— Как-то всё очень быстро происходит, — говорил Иван. — Раньше людям на созревание десятки лет нужны были, а теперь они уже готовые подходят. Один толчок, подсказка — и человек зашагал, помчался к Свету. Массовое явление преобразования наблюдается. Душа у них уже готова принять новое.

— Ко мне тоже люди приходят, уже зная, что такое медитация, — рассказывал Сергей. — Этот оккультный бум наделал в стране немало бед, но с другой стороны — все знают, что такое карма, медитация, перевоплощения. По-моему, нет таких, кто не слышал слова эти. Но самое интересное, что почти вся страна медитирует. Необходимость почувствовали в тишине пребывать и себя слушать. Всем интересно, что внутри у них творится.

— Люди почувствовали необходимость внутреннего движения, потому что на внешнем плане всё одинаково: найти, где деньги зарабатывать. Этот жизненный кошмар очень много светлых людей выявляет, к внутреннему миру их направляя. Одни плачут, не зная как выпутаться из ситуации тягостной, другие радуются, понимая, что освобождаются и что пришло время им внутреннюю силу показать. Разделение общества очевидно, но и люди свою истинную суть проявляют, показывая, что им ближе, нужнее, к чему их душа стремится. Ошибаются, правда, но без этого никакого движения не бывает.

— Вы знаете, я недавно очень интересную ситуацию наблюдал, — говорил Фёдор. — Деревня у нас большая есть, где человек триста — сектанты. Держатся особняком, ни к дому, ни к душе и близко никого не подпускают. Беседовать с ними бесполезно — твердолобые, упёртые, однолинейные. В деревне той, как водится, огромное число продвинутых людей живёт. Они хоть и к разным течениям принадлежат, но объединены желанием трудиться, свет нести, радость, тепло. У сектантов — жёсткая дисциплина и суровость, у этих же — радость и смех, полная свобода. Случилась у одного человека приезжего беда — мать умерла, а он никого в деревне не знает. Хоронить её надо, а выходные, куда идти, как всё организовать — он понятия не имеет. День проходит, второй, он горюет, соседи кое-чем помогли, ну а что дальше? Это его личное дело, пусть сам выпутывается. На третий день двое мужиков-сектантов пришли, сказали, что всё уже организовали, что нужно — сделали, пусть только день похорон назначит. Человек тот как благодарить их — не знает, а они молчат, спокойно так своё дело делают, на вопросы односложно отвечают.

— Мать моя — что, к вам ходила?

— Нет, не знали мы её.

— Так почему помогаете?

— А как человеку в беде не помочь?

Неделя после похорон прошла, один из знакомых к нему зашёл, как дела, спрашивает. А он, между прочим, к тем светлым и радостным в гости .приехал, они что-то вроде общины организовать собирались.

"Да какие у меня дела могут быть? Мать вот похоронил", — отвечает. "Ты не переживай. Это — не мать твоя, а просто одежда. Пришла в негодность — выбросил". — "Так ведь любил я её, это — моя мать". — "У тебя, знаешь, сколько матерей таких было?" Послушал эти светлые и свободные рассуждения человек и к сектантам пошел. В секту, правда, не вступил, но благодарность им от всей души своей высказал. И если раньше осуждал их за образ жизни, то теперь помалкивал, потому что на собственном примере убедился, что такое слово, а что такое дело. А от предполагаемой общины и друзей своих светлых и многознающих он потом предпочитал подальше держаться.

— Между прочим, — сказал Сергей, — это прекрасный пример того, что человека одни лишь знания никуда не приведут. Смотрите, что получается, человек познаёт многие истины, начинает видеть больше, а чувства не развивает вот и превращается в суровое, а то и равнодушное существо. Человек — существо уникальное. Его уникальность заключается в том, что в нём соединены тело, душа и дух. На человека и нужно смотреть как на совокупность всех трех принципов. Но многие далеко продвинувшиеся в познании мира исследуют человека как в анатомическом театре: это делает твоё тело, душа твоя в сферу определённую ушла, а дух и вовсе неизвестно где находится. Такой взгляд уводит от единства, от цельности. Человека расчленяют на части, а соединить забывают. Исчезают чувства, а это — самое ужасное. Чем Земля привлекает все космические силы? Наличием чувств. В этом же и заключается особенность человека, потому его и называют подобием Господа, совершенным творением.

— Да, искажений много, — подтвердил Иван, — особенно сейчас это стало хорошо заметно. Равнодушие пышно расцветает. Это оттого, что люди от проблем закрываются, не хотят грязь мира видеть. Им проще в медитацию уйти, чем соседу помочь. Многие считают, что к Свету идут, если себя чистят, от недостатков избавляются, а то, что рядом плохо кому-то, — так это его проблемы; пусть самосовершенствованием займётся. Вы знаете, страшный свет у нас тогда на Земле получится, если все так жить будут.

— Это искажение нам придется потихоньку исправлять, — сказал Сергей. — Ближайшее время будем работать над тем, чтобы направить людей на действие, на воскрешение чувств, на соединение слова и дела. Давайте вот что сделаем. Во многих обществах, поселениях, деревнях лидеры выявляются. На них и нужно в первую очередь усилия наши направить. Изменяются они — изменяются и остальные, стараясь уподобиться кумиру своему. Будем и другие, пространственные способы использовать. Ольге нужно это подсказать. Она всё-таки на передовой, в её руках — рупор оккультного движения.

— Я с вами согласна, — говорила Ольга. — Я тоже замечаю рост равнодушия, обособление. Конечно, возможно дать направленность на развитие чувств. Мы подумаем, как это сделать.

Она сильно изменилась. Стала более внимательной к тому, что внутри у неё происходило. Если бы тогда Сергей с Иваном ей не подсказали, она бы никогда ни о природе голоса, ни о том, откуда он исходит, из какой части души её, не задумалась. Голос и голос, радость сплошная — Учитель заговорил. А теперь она изучала нюансы его. Например, голос Безмолвия и голос Учителя — это одно и то же или совсем разной природы они, друг с другом не связанные? Хотела Сергея спросить, но потом передумала, решила сама докопаться до Истины.

— Как книга ваша, написали?

— Да, скоро выйдет. Мне самой интересно, как люди на неё отреагируют. Время какое-то прошло, и я могу теперь со стороны смотреть. Как вам это объяснить? Вижу, где моё "я" говорит, а где — Учитель. Я различать научилась.

— Это вы уже по тексту смотрите. Учитесь сразу распознавать, когда работаете. А на семинар ваш можно сегодня остаться?

Вместе с Фёдором они наблюдали за собравшейся публикой и были приятно поражены. Люди явно менялись, буквально на глазах. Вопросы становились серьёзнее, всё меньше о быте, о житейском, всё больше о законах космических, о миропорядке, о внутренних проблемах.

Ольга справлялась блестяще. Спокойная, уравновешенная, знающая, она многогранно, освещала ситуацию и проводила связь между высшим и низшим. Народ её слушал, затаив дыхание, и уходил довольный теми ответами, которые жаждала получить душа.

— Нам письма такие интересные приходят, — вечером рассказывала она. — Есть буквально о помощи вопящие. Помочь нужно, а как — я не знаю. Всем отвечать не могу, суток не хватит, а в Москву люди приехать не могут — денег нет.

— А вы через книги им отвечайте. Если вопрос возник в сердце, на него оно непременно ответит, а люди прочитают и найдут им необходимое. Но бывает, что нужно и лично побеседовать.

— Меня в один городок зовут, но я уже так часто, как раньше, ездить не могу. Может быть, вы к ним поедете? — робко предложила она.

— Да зачем я им? — засмеялся Сергей. — Им вы нужны, автор книг. Они только вас и заметят.

В этот момент Фёдор Сергея в бок толкнул, и тогда Сергей, как ни в чём не бывало, продолжал:

— А поехать, конечно, можно. Давайте вместе? Вы надень, а мы на пару дней ещё останемся. Мой друг им о горах расскажет.

На выходные они и уехали, благо недалеко было. Городок их встретил ярким солнцем, синим небом, сердечным теплом. Ольгу так сильно ждали, едва надеясь на чудо, что сам автор нашумевших книг появится у них. Сергей и Фёдор внимания не привлекли, а были вроде сторонних наблюдателей. Вообще-то, компания была странноватая: блестящая юная Ольга и зрелые мужи; не очень хорошо одетые, неразговорчивые, книжек не пишущие. В местном клубе, наверное, полгородка собралось. Ольга им лекцию прочитала, потом на вопросы отвечала, особенно возникавшие у тех, кто с фиолетовым пламенем работал. Собственно, их письмо и позвало в дорогу. "Почему, — спрашивали они, — мы пять лет уже молитвы читаем, исправно всё делаем, в чистоте жить стараемся, а ничего не происходит?"

— Разве ничего не происходит? — задала вопрос Ольга. — Наверняка не так всё.

— Многое происходит, — отозвались люди из зала. — Не однозначно всё. Мы меняемся, но как-то не так, как хотелось бы. Одни в блаженном покое пребывают: вызвали пламя, окутали им пространство и млеют от удовольствия, энергиями насыщаясь. Другие чувствуют, что спотыкаются на молитвах на английском языке, они сердцем не прием-лются, а читать вроде бы необходимо. Таковы правила. Вы сами как к этому относитесь?

— Хорошо отношусь, только сама не применяю. Если вам это близко, вы необходимость именно в этом пути ощущаете, то идите им. Я, например, уже давно не делаю того, что сердце моё не принимает. Любые правила, кем-то сказанные, сердцем проверяю: как ему они? Нравятся? И если чувствую дискомфорт, то ищу другое. Между прочим, я никогда не пытаюсь примирить одно с другим. Это неверный подход. Без знания законов энергий смешивать пути недопустимо. Если даются разные подходы, то следует их методы на их путях-дорогах и применять, а не говорить о том, что все едино. Зачем мы тогда разные грани Истины постигаем? Вот когда постигнем их и полпути пройдем, тогда будем о единстве говорить, а пока мы внизу, на старте, об этом вешать рано.

Вдруг слово Сергей попросил. Он почувствовал необходимость как-то по-другому людям разъяснить, что тут у нас, в нашей стране происходит.

— Понимаете, — начал он, — лет десять назад, когда у нас импортные товары в изобилии появились, мы бросились на них как на диковинку. Опять-таки, оформление красивое, глаз радует. Но прошло время, и всё чаще я слышу: а зачем мне их сосиски собачьи кушать? У нас свои имеются, и даже лучше. А зачем я ткани должен синтетические покупать? У нас свои натуральные есть. Мы что, сами пшеницу не выращиваем, наши куры не несутся? Всё у нас есть, и не хуже, а во многом и лучше. Я, конечно, понимаю, что обмен товарами необходим, равно как и культурный обмен. Знаете, чем наша страна всегда славилась, чего у нас всегда много было? Не только льном, пшеницей, пенькой, сосной Русь славилась. У нас святых много было, так много, как нигде. К нам потому и ехали, вроде бы просвещать, а на самом деле — учиться. Я хочу сказать, что у нас своя духовность высокая, повыше, чем в любой другой стране мира, и нас Учителя не оставляют. Они действительно сейчас очень много внимания отсталым народам уделяют, потому что их необходимо до нужного среднего уровня подтянуть.

Невозможно страну и людей, где "умное делание" въелось в плоть и кровь, в душу народа вошло, учить приятным и светлым молитвам, заставляя повторять их в определённое время, чтобы напитать ауру другого государства, другого народа. Им нужно, чтобы на них поработали. Не могут рабов прямым способом иметь, будут пытаться косвенным.

Неплохо, если вы кому-то добровольно помочь пытаетесь. Добровольно. Но плохо, если вас заставляют делать это, да ещё клятву берут, что вы становитесь пожизненным рабом какого-то метода.

Никто не спорит. Учителя на всех планах работают, им видно сверху, кто, как и где развивается. Учителя учитывают не только способности личные, но и народа, нации, обществ или групп. Русский человек русские пословицы понимает, сказки, песни. Иностранцам наши прибаутки чужды и дики. Когда Учителя с нами говорят, они используют те слова и понятия, что духу нашему ближе. Сердце наше на них отзывается. Когда они общаются с американцами или французами, они обращаются к их культуре, к их корням, и то им понятнее.

Попробуйте Ольгину книгу, на русском языке написанную не ею, а данную ей Учителем и изобилующую нашими словечками и понятными нам шутками, перевести на другой язык. Да, профессионал перевести сможет, но глубинную суть уже не передаст. В книге подтекст есть, и не один. Уверяю вас, что он при переводе потеряется, за кадром останется. Так и их книги. Они рассчитаны на их сознание, на их менталитет, на их культурное и духовное развитие. Это на машине импортной ездить удобнее, она сделана качественнее. А вот фильмы, например, уже многие люди смотреть хотят главным образом свои,

отечественные, — устали от их дыма, крови, металлических декораций. Тем более это слов касается: наши-то нам ближе, роднее, теплее.

Думаю, что многие вопросы у вас сейчас отпадут сами собой. Не буду говорить, что плохо, а что хорошо. Мы просто разные, и Учителя наше различие учитывают, поэтому для нас дают наше, а для них — то, что им ближе.

Когда мы повзрослеем, духовно вырастем, будет проводиться общая работа, имеющая целью духовное сближение, но пока об этом говорить рано. Учителя с нашей страной активно работают, только нет пророка в отечестве своем, поэтому те, кто в этот постулат верует, голову от своей страны к чужой повернули в надежде там правду найти.

И всё же, если так вам нравится это, следуйте избранным путём, потому что тогда вы двигаетесь. Не стойте на месте, но сердце слушайте. Если ему плохо, то и вам хорошо не будет. Лучше вашего сердца никто вам ничего не скажет, поэтому с ним и общайтесь.

Народ такой речи не ожидал и слушал, затаив дыхание. Вопросов больше никто не задавал, потому что все поняли, что лучше себя спрашивать и ответы в себе искать. Разошлись все довольные друг другом. Ольга ещё огромное число книг подписывала, а Сергей и Фёдор с оставшимися людьми разговаривали, их проблемы выслушивали. Поразительно было то, что в маленьком городке столько людей духовными проблемами интересовались и думали не только о том, как семью накормить, но и как душу спасти.

— Душу в церкви спасают. Ходите в храм-то? — спросил Сергей.

— Ходим, а почему нет? Только на наши вопросы там ответов не находим. Мы там сами по себе, наедине с Богом, а священник наш тоже сам по себе, он делами занят, ему не до нас. Его про движение какое спросишь или про общество, а он в ответ: молитесь. Он и не знает толком ничего, и не вникает.

— Эх, беда это наша. Люди от кошмара нахлынувшего в церковь бегут в надежде там опору обрести, а их полупьяный священник встречает. Слава Богу, не всегда такое, духовенство тоже возрождается, воскресает помаленьку, да мало их, думающих, разбирающихся, вникающих.

— К нам в редакцию они тоже иногда приходят, священники, — подошла Ольга. — Только я не понимаю, зачем? Придут, пошумят, уходят. И чем они от наших постоянных посетителей отличаются? Да ничем. Ни выдержки, ни такта, ни ума.

На следующий день их в гости пригласили к директору местного завода. Видно, дом у него самый большой и мог много гостей вместить. Человек он оказался на редкость радушный, лёгкий, весёлый.

— А что? Пусть здесь собираются. Если могу помочь, почему бы и не сделать этого? Я хорошо живу, пусть и другим от меня перепадёт чуток.

Народ Фёдора пытаться начал: где живёте чем занимаетесь?

— В тайге, в Сибири, в горах. Я во многих местах живу, особенно там, где нужен.

— А вот как вы смотрите на то, что оттуда в Индию попасть по подземным переходам можно? Говорят, тайные дороги существуют. Статью мы печатали о том, что кто-то не только прошёл, но и в музеи древние попал, в которых помимо рукописей статуи предков наших сохранились, как бы представителей

всех рас человеческих. Там множество инструментов находятся, которые давно из пользования вышли, но они воздействуют на гравитацию, на способности человека. В общем, там есть то, о чём мы когда-то знали, чем владели, но не оправдали доверие сил Высших, и всё было отнято. Я вообще теперь думаю, что человечество само по себе ничего не изобрело, не открыло. Всё нам дали, когда мы того заслужили, а когда во вред стали использовать, то отобрали.

— Ничего вам по этому поводу сказать не могу, — начал Фёдор, — хотя рассказы такие сам слышал. Думаю, что никогда и ни один человек сам пещеры и проходы не найдёт, тем более музеи. Это или фантастика, или высочайшее духовное достижение человека, которому позволено было что-то увидеть и людям сказать. Если же ему честь оказана была, а он разболтал, не спросив разрешения, то участь его незавидна.

— Ну а если он шёл и наткнулся на чудо, то что, молчать надо?

— Вы же понимаете, что случайностей не бывает. Человеку позволили наткнуться на чудо, а зачем? Проверяют, как он себя поведёт, какие качества в нём всколыхнутся. Человеку нужно насторожиться, поразмыслить, а он бежит и кричит на всех перекрёстках о том, что видел. Значит, тайну хранить не умеет. С другой стороны, гордыня в нём просыпается: через него о чуде узнают. Потом, корысть: мысли мелькают, а вдруг я что-то с этого поймею? Много нюансов появляется в обычном случае, только подумать о том нужно.

— Почему людей горы так влекут, и Алтай особенно?

— Ничего удивительного в том нет. Горы, как травы, аккумулируют энергию. Травы работают на тело человеческое, ему служат. Горы работают на всё человечество, связь с дальними мирами осуществляют да и со сферами тонкими планеты нашей. Они энергию принимают, накапливают, а потом её распределяют, отдают, в общем, многие функции исполняют. Горы всегда слушать нужно, если вы на них идёте. Бывает, что ваша энергия сейчас очень важному процессу помешает, поэтому горы вас не пускают, предупреждают: не ходи! В другой раз, наоборот, приглашают: восходи! Твои энергии необходимы. Горы — они живые, к ним нельзя легкомысленно относиться, тем более покорять их. Они могущественны, и вас в одну секунду прихлопнут и не заметят. В горы нужно в гости идти, спрашивая сначала: примете ли?

А то, что на Алтай люди идут, — это не удивительно. Они у нас — самые высокие и единый горный массив с Обителью Учителя образуют. Тонкими энергиями с Гималаями связаны, мостами невидимыми. Люди сейчас очень чувствительными стали, видят много, слышат, чувствуют, думают, что в горах найдут что-то.

— В себе искать нужно, в сердце, — заметила Ольга. — Да и потом, давно уже всё с физического плана на тонкий переместилось. На Земле ткани такой не осталось, чтобы могла одновременно два плана выдержать. Сказано, ищите в духе.

— Конечно, это верно, — добавил Сергей. — Какая польза от человека, погрязшего в материальном и полного желаний, в тонком мире? Что он там делать будет? Сначала нужно себя в порядок привести, свой внутренний мир преобразить. Все вопросами преображения мучаются, что-то делают, к чему-то готовятся, а что такое преображение — вообще не понимают.

— А как вы это понимаете? — прозвучал вопрос.

— У человека ткань становится другой, и начинается всё с его тонкой структуры, с матричной. Матрица — это то, из чего человек сделан, это его прообраз. Где-то есть мы идеальные, совершенные, и с нас, с тех, слепили копию, чтобы она развивалась, а когда достигнет вершины развития, то сольётся с первородной формой, внося в неё новое. Этого нового будет очень мало, но оно даст импульс для следующего витка развития, для следующей формы.

— А бывает так, что новое и старое совпадают, ничем не отличаясь?

— Бывает, но тогда это нельзя назвать эволюцией. Что вышло, то и пришло. Необходимо хоть и крошечное, но достижение, тогда начнётся новый виток, в противном случае, всё пойдёт опять по кругу, по тому же самому, что уже был.

— Так ведь это библейская притча о талантах. Помните, Господь дал талант и попросил нескольких людей вернуть деньги. Один деньги закопал, другой пустил в оборот и вернул умноженными. По сути, мы все должны Свет, в нас изначально имеющийся, вернуть в тысячекратном размере, иначе пользы от нашей жизни никакой не будет.

— Да, вы правильно заметили, речь идет именно о Свете. Матричная ткань — это Свет, сплошной Свет, но он не должен быть постоянной величиной, он обязательно должен меняться, то есть величина Света — увеличиваться. Оттуда, из непостижимой высоты, идёт призыв: меняйтесь! И все нижестоящие структуры начинают меняться. Им нужно проводить больше Света, чем раньше, а чтобы это получалось, нужно быть чище. Поэтому люди задумываются о качествах, о мыслях, о соответствии слова и дела и пытаются что-то сделать. Если их желание велико и они уже не отступят от принятого решения, то они станут проводить больше Света через все свои тела. Даже плотная ткань будет меняться, преобразуясь на клеточном уровне. Кто доведёт этот процесс до конца, тот изменит величину Света, через него проходящую, а значит, станет достоин нового и перейдёт на следующий виток. Кто не сможет этого сделать — пойдёт по кругу.

— А если отдаст меньше, чем когда-то получил?

— Слетит ещё ниже, на предыдущий виток.

— Так, может быть, это и есть жатва, конец времён, Армагеддон?

— Да, происходит перераспределение энергий, и Христос предупреждал об этом заранее.

— Там, в притче той, ещё один момент был интересный: хозяин взял монету, которую ему вернули неумноженной, и отдал тому, кто вернул много, "ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет". Значит, тот, кто Свет в большем количестве через себя пропускает, должен принять и Свет тех, кто вообще ничего не достиг?

— Только это не человек делает, а космическая сила, Жнец. Он смотрит и решает, кто чего заслужил. В притче хозяин забирает талант и передаёт другому. В нашем случае космическая сила всё по соответствию энергий делает: к большому, сильному Свету добавляет маленький, который она по всей планете выискивает. Если сверху смотреть, мы ведь не люди, а ходячие вибрации, каждый своей нотой звучащий, каждый определённую частоту излучающий. Вот по частотам всех и распределяют.

Хозяин большого гостеприимного дома вообще был далёк от эзотерики, но слушал с интересом.

— Главное, что мне всё понятно. Вы так объясняете, что никаких сложностей не возникает, — говорил он.

— А мужик-то интересный, — шепнул Фёдор Сергею. — Ты посмотри, сколько хорошего он накопил — полная чаша, но дух его ещё спит пока.

— Эта космическая сила не смотрит на то, кто вы сейчас есть. Она имеет дело не о человеком, а с чашей накоплений, в общем, с сердцем вашим. На сердце, на кристалле сердечном, абсолютно всё о человеке записано, все его мысли, дела, свершения, надежды. Кристалл посылает в пространство излучения, а идущий по планете Жнец собирает их. Тех, которые ему больше нравятся, он себе забирает, в другой мир, более совершенный, отправляет, других здесь, на планете, оставляет, третьих по всей Солнечной системе распределяет. Вообще никак не светящихся, ничего не излучающих отдельно от остальных держит. Он из них что-нибудь новенькое слепит, переплавит, чтобы они всё заново начали.

Видите, в какое время мы живём? Нас всех по разным частям мира нашего раскидают, чтобы мы вахту космическую дальше несли.

— Как мне всё это знакомо! — сказал хозяин дома. — Ничего не знаю, ничего не читал, а вот понятно. Смотрю я на людей, которые к необычному тянутся, и хочется мне что-нибудь для них сделать. Я вам, Ольга, деньги на книгу следующую дам.

— Спасибо, — запротестовала она. — У меня есть, мне не надо.

— Ничего, что у вас есть. Потратьте их на себя. Или тираж больше сделайте, чтобы книги дешевле были, чтобы люди могли покупать их, себя не ущемляя. Ведь сейчас многие даже книгу себе позволить не могут, для них сотня — огромные деньги.

— Молодец, — сказал Сергей. — Вот это по-нашенски, широко. Не зря мы сюда наведались. Чем ваш завод занимается?

Они углубились в какие-то подробности, которые остальным уже были неинтересны. Все начали расспрашивать Ольгу о личной жизни: это тоже была немаловажная часть общения. Людям хотелось видеть, что то, что в книге написано, соответствует человеку, её писавшему. Обычно разница была очень большой, но здесь народ остался доволен. Ольга не играла, не лицемерила, говорила искренне, именно так, как сама понимала. Можно было сказать, что встреча удалась, что всё прошло на высшем уровне.

В Москву они вернулись на следующий день.

— Ну как, не жалеете о поездке?

— Да что вы, всё прошло прекрасно, я и представить не могла, что вы им будете такие интересные вещи говорить.

Вообще, ей все теперь казалось интересным. Эти люди — Сергей со своими друзьями — постоянно открывались с иной, неожиданной стороны. Живёт себе человек в тайге, в глуши, а потом в столицу, где так много умнейших людей собрались, приезжает и начинает рассказывать о горах, пришествии, матричной структуре ткани. Откуда это в них?

С той последней встречи Ольга сильно изменилась, потому что поняла, что нужно немного расслабиться. Она так стремилась вперёд, что использовала всю силу, у неё имеющуюся, и забыла о том, что она — женщина, причём молодая и красивая. Она загружала себя работой в газете, работой над книгой, над собой, а жизнь стала утекать сквозь пальцы. Ей было важно одно — вперёд. А зачем? Только ради себя? Сергей напомнил ей о том, что вокруг неё — огромный мир и нужно вспомнить, что она живет в нём. Где её женские качества? Неужели они должны проявляться только в одежде?

Ольга упустила один важный момент, который ей сейчас нужно было наверстать: она обязана стать мягкой, нежной, кокетливой или игривой. В общем — женщиной.

Никто не спорил, что в ней таилась огромная сила, но что с ней делать, куда направить, как использовать? У Ольги выработался определённый взгляд на вещи, она создала некую систему, стиль жизни, если хотите. В принципе, ошибок в нём не было, но не было и непосредственности, юмора, чистоты. Она не могла по-детски всплеснуть руками, как Татьяна Андреевна, потому что жизнь воспринимала очень серьёзно. Не до шуток, когда по планете Армагеддон шествует, когда люди преображаются, когда от тебя столько зависит.

Ольга была очень ответственной, а вот та же Татьяна Андреевна шутила и смеялась, радовалась ветру, солнцу, звёздам и дождю.

Неужели она не была ответственной и серьёзной? Была конечно же, но в Татьяне Андреевне, иной раз забывающей, где что лежит, была ещё и чистота — это удивительное качество, удерживающее её далеко от всяких систем, схем и правильных взглядов на мир.

Такой чистоты у Ольги не было. Она понимала, что нужно радоваться цветам и изображать восторг, если на тебя смотрят люди, в глазах которых ты чуть ли не божество, но искренне делала это Татьяна Андреевна, которой было за шестьдесят, а Ольга, которой было за двадцать, не умела.

Чистота, чистота, да что же это такое?

—Что такое чистота? — спрашивала она Сергея.

—Это когда у вас в голове мыслей нет. Более того, вы даже ничего не знаете, но если вам задают вопрос, то ответ вы берёте из сердца, такой, какой там на данный момент найдёте. Пусть это будет неправильно и смешно, но зато искренне.

—Не могу я бесконечно смеяться и хихикать.

—Да кто вас об этом просит? Чистота — это не городской юмор, смех без причины. Чистота — это, когда радость внутри.

— Не вижу я в вас особой радости, но простота в вас есть, — говорила Ольга. — Во всех ваших друзьях есть то, что я никогда в других людях не встречала: на вас опереться можно, и говорите вы то, что делаете. Я всё ваше поведение проанализировала и не вспомнила ни одного случая, чтобы вы солгали или даже что-то просто так сказали. Вы говорите скупно, но точно.

— Я к этому долго шёл, впрочем, как и все мы. Рождаемся мы чистыми, правильными, и нас тут же учат лгать, играть. Дети, маленькие обезьянки, копируют то, что видят вокруг. Лет двадцать, а иногда и тридцать мы тратим на то, чтобы из чистого человека превратиться в грязного, убогого, полного недостатков.

Потом спохватываемся и пытаемся за короткий срок измениться, то есть обратный путь пройти, но так не бывает. Двадцать лет в одну сторону идём, а назад желаем за два года дойти. Но хорошо хоть знаем, куда идти. Почти все на детство своё взгляд устремляют, говорят, что там было правильно и чисто. И у вас так, наверное? Тоже детство вспоминаете?

— Конечно, Учитель напоминает, спрашивает, помню ли?

— И какой это Учитель говорит?

— Я думала над тем, что вы объяснили, и пришла к выводу, что у меня есть мой собственный Учитель, тот, который меня хорошо знает. Сейчас я бы назвала его проводником, потому что он как бы меня везде сопровождает и готов отвечать на любые вопросы. Это больше похоже на Вергилия, который Данте повсюду водил.

— Действительно, — сказал Сергей, — это так. Именно, сначала появляется ваш личный водитель или проводник по новому пространству, который знает гораздо больше вас, поэтому он вполне может именоваться Учителем.

— Но он и называет себя Учителем, — запротестовала Ольга.

— Люди настолько выросли в гордыне своей, что много не воспримут. Более того, если он скажет, что он дух Луций или брат Иоанн, вы, в силу ограниченности собственного сознания, будете с ним весьма непочтительно обращаться. Он вам будет казаться каким-то астральным проводником, а это уже далеко не так, — говорил Сергей.

— Откуда же он берётся?

— Его посылает Учитель. Его может и не один Учитель послать, а несколько, поэтому ваш проводник разговаривает от имени Учителя. Он своего рода маленький Учитель, лучик от него передающий. Он наблюдает, как вы этот лучик воспринимаете, не страдает ли ваше физическое тело, не травмируются ли другие тела. Он проверяет, не искажаете ли вы то, что вам говорят, а если искажение есть, то в какой степени. Эту степень искажения они потом учитывают и используют во благо.

— А как же разные Учителя могут со мной говорить? Через разных проводников?

— Бывает, что через разных, а могут и через одного, потому что он способен их лучи-вибрации через себя пропускать. Вот передаёт он вам информацию от одного Учителя, и вы его, естественно, как Учителя слышите и воспринимаете. Потом он берёт другой лучик и к первому добавляет. Вы уже чувствуете, что вибрация изменилась: совершенно другой голос. Так происходит процесс адаптации к тонкому миру, постепенно, в порядке эксперимента.

— Но люди в этом не разбираются, вернее, не хотят разбираться, — добавил Фёдор.

— Да, они тут же объявляют, что с ними Учитель заговорил. Представьте, что он все космические дела оставит и бросится вами заниматься, с младенцем нянчиться. Ничего подобного, он няньку посылает, он вас ещё даже не видел, просто дает задание: посмотрите, не родился ли кто в мире? Няньки-проводники ищут новорождённых и Учи-телю докладывают: Ольга родилась. Учитель говорит: передайте Ольге, что я её люблю, только осторожно, тихонько, чтобы не напугать, а обрадовать. Ольга тут и слышит: "Люблю тебя, человек Земли! Расти, дитя Моё!" и подпись: М. или С.-Ж. Ольга права, что верит: Учитель с ней заговорил,

но пока через посланца, потому что от вибраций Учителя она бы скончалась на месте. Никакое сердце не выдержит. Сердцу нужно крепнуть, привыкать в двух мирах жить.

Ольга краснела, бледнела и смеялась:

— Во всём этом грешна. Именно так и происходило. Со мной сразу четыре Учителя разговаривали, но один был ближе.

— Вас проверяли, какую вибрацию тело лучше воспринимает, от какой оно меньше страдает, через какую больше неискажённой информации передать можно. Ну и, безусловно, это не Учителя были, а проводник, который до вас все их слова-лучи доносил, потому что ваши тела оберегал.

— Так что, Учитель с человеком вообще не разговаривает? — «просила Ольга.

— Луч Учителя может снизойти только до определённой области. Чтобы вам ещё понятнее было: луч Учителя может огрубеть только до определённого состояния. Там он вас ждёт. Ждёт, когда ваш дух вырастет, окрепнет и до той области доберётся. Через какой-то срок вы приходите туда, с лучом, для Учителя достаточно грубым, сливаетесь, то есть ухватываетесь за него, и уже дальше идёте вместе. Он вас осторожно подтягивает в области более тонкие, духовные, в другую мерность пространства.

— А что случается с проводником?

— Ничего не случается, он другой работой занят. Если вы сами дорогу знаете, зачем вам проводник? Но он может приходить как ваш личный, непосредственный, близкий к земному плану Учитель. Кстати, он может иметь имя Учителя, потому что послан им или работает в его луче.

— Тогда что же происходит с моим высшим "я"? Какую функцию оно выполняет?

— Это ваше высшее "я" и шло в ту область, где его ждал Учитель. Потом они сливаются.

— Я правильно поняла, что моё высшее "я" существует как отдельно, так и вместе с Учителем, от которого неотделимо?

— Правильно. Мы часто повторяем: мы — Боги, но знаем, что мы — не Боги. Вы говорите: я — в Творце, но вы же и отдельно от него существуете? Понятно?

— Так, значит, тот, кто мне первую книжку давал, был не Учитель, но подписывался как Учитель?

— Так тоже нельзя сказать. Высокий дух работал по заданию Учителя в его луче. Он тоже Учитель.

Для нас все, кто в ином пространстве находятся, — Учителя. Видите, здесь нюансы какие есть? Гордыня и неразвитость человеческая сразу принижают величие того, кто не имеет ранга Учителя, а это ужасно. Человек автоматически выключает себя из работы Иерархии, если не признаёт звенья единой цепи. Вы обязаны с величайшим почтением относиться к Посланцам, потому что они — часть Учителей, и гораздо большая часть, чем человек, едва пробудившийся. Между прочим, предвидя эту ситуацию, нам, людям, заповедано было не произносить имени Господа всуе.

— А я так часто произношу имена Учителей! Да и вообще постоянно твержу: Учитель сказал, научил, посоветовал.

— За чем? Существуют богатейшие формы русского языка, позволяющие вам выключать личное из разговора. Учитесь не произносить ни "я", ни "Учитель".

— Да, конечно, можно ведь говорить: "известно, что", "понятно, что", "сказано, что", "будет лучше, если".

— Учителя стоят очень высоко, — сказал Сергей. — Они так быстро эволюционируют, что становятся почти недостижимыми. Скоро они оставят человечество и покинут Землю. Не нужно делать из них близких знакомых, закадычных друзей.

— Но если они уйдут, кто останется с нами?

— Люди, которые стали Богами или Учителями. Именно этот план и будет осуществляться в ближайшие тысячи лет.

— А я много не понимала. Учитель так и сказал: "Готовься занять своё место". Ой, простите, — спохватилась Ольга, я попробую по-другому сказать; "Предложено было подумать о серьёзной работе над собой".

— Ольга, вы чувствуете разницу? Когда вы убрали слова "Учитель" и "я", смысл фразы несколько изменился. В первом случае без вас мир просто рухнул бы, а во втором — вы обратились к собственной эволюции. А вам случайно не говорят о тех великих делах, которые вы должны будете свершить? А о том, кем вы были в прошлом?

— Говорят, — покраснела Ольга.

— И как вы к этому относитесь? — спросил Сергей.

— Я считаю, что это личное.

— Правильно, но безоговорочно принимаете все хвалебные оды?

— Но это же Учитель говорит, — выпалила Ольга и опять прикрыла рот рукой.

— Учителя вам подсказывают, какие энергии в вас имеются, что вы накопили за тысячи лет. Из-за нашего узкого сознания они с самого начала называются великими именами. Из-за нашего узкого сознания они сразу нам присваивают высокие имена, потому что мы хорошо изучили биографии гениев, научились разбираться в принципах, силах, эманациях, Божественных составляющих.

Когда вас называют высоким именем, то следует обратить внимание, что в вас этого или много, или мало. Вам предлагают разобраться с собой и даже подсказывают, каким образом это сделать.

Сергей так разумно объяснял, так всё расставлял на свои места, что Ольга не могла с ним не согласиться. Как-то так получилось, что она по многим вопросам стала советоваться с Сергеем, который был всегда удивительно тактичен. Ни разу она не почувствовала его превосходства или что он ставит себя выше её, поэтому она сама признала его исключительную высоту.

Вот интересная человеческая натура! Сказал бы Сергей, что знает больше, Ольга бы это оспаривала. Но поскольку он ни на что не претендовал, она сама его многими достоинствами наделила.

После короткой передышки Ольга начала писать следующую книгу.

— А она другая. В ней вибрации совсем не такие, как раньше. Она мощнее, суровее, лаконичнее. Учитель мне её даёт тот же, но он стал другим, — говорила она.

—Ольга, это вы изменились, окрепли и стали способны выдерживать очень тонкие энергии. Вы поднялись в те области, где вас ждали, и всё реже пропускаете "своё".

—Я хочу, чтобы моего "я" в книгах вообще не было.

—Мы все к этому стремимся: стать чистыми проводниками Божественной Воли, чтобы не вы, а Он.

— Но как добиться чистоты?

— Это самое трудное. Мы все живём в плену уже сложившихся взглядов на мир, и от них избавиться крайне сложно. И всё же наиболее чистый человек; которого я когда-либо встречал, — это Татьяна Андреевна.

—Как бы с ней познакомиться?

—Да познакомиться можно, только это вам ничего не даст. С ней пожить нужно, понаблюдать за её реакциями. Она вообще не играет, на публику не работает. Чем дольше я ее знаю, тем больше она ребёнком становится.

— Неужели можно чистоты в жизни этой добиться, в теле человеческого?

— Думаю, можно, но главное — не начать играть в чистоту. Ведь человек — это существо такое, многими драконами наполненное. Внутри все уживаются. Люди прекрасно понимают, что чистота их выведет на очень высокую ступень, и стремятся к ней всеми силами. Но помимо этого святого желания внутри ещё другой дракон сидит: как ты будешь выглядеть в глазах окружающих?

— Это что — гордыня? — спросила Ольга.

— Конечно, она самая. Поэтому человек начинает играть в чистоту, до которой ему ещё очень далеко. По его предположениям, чистота — это радость, и он демонстрирует радость от дождя, цветов, музыки. Я не хочу сказать, что он ничего не испытывает, не в этом дело. Человеку в данный момент очень пить хочется, его жажда мучает, а он начинает изображать радость от цветов увиденных, потому что люди на него смотрят. У него живот болит, а он должен от музыки в восторг приходить, потому что его чистым считают и за его реакциями наблюдают. Ещё он такую глупость делает, как исподволь людям внушает, что он — чистый, честный и святой, но скоро всё рушится, потому что это игра. Более того, наступает великое разочарование. Вот Татьяна Андреевна не такая. Я вообще не слышал никогда, чтобы она о себе, своих чувствах, желаниях что-то говорила. Помалкивает и святошу из себя не строит, но чиста так, как никто другой. Кстати, ругаться она умеет. Я наблюдал, как она одного мужика отчитывала, так все в офисе собравшиеся не знали, куда от стыда деться: им казалось, что к сердцу каждого она обратилась. Понимаете, в ней любви к человеку много, но направлена она на то, чтобы человека поднять, вытащить, к Свету направить.

— Мне уже кажется, что ваша Татьяна Андреевна — идеальная.

— Вот видите, у вас мнение сложилось, представление о ней, и вы будете при встрече оценивать её с точки зрения совершенного существа: соответствует она идеалу или нет? Это недопустимо. Чистота видения отсутствует.

— А как тогда на человека смотреть? Мы все живём в плену представлений, — сказала Ольга.

— Избавляйтесь от них. На любого человека смотрите как на того, кто не имеет истории прошлой. Он такой, какой есть сейчас.

— Это практически невозможно. Я с вами должна встречаться так, как будто вообще вас никогда не знала?

— Не так. Вы меня знали, и у вас сложилось мнение обо мне. Вот мнение это вы выбросьте, не оценивайте меня при новой встрече с тех позиций, которые вам знакомы. Я к вам сегодня другим человеком пришёл. И вы сегодня не та, что раньше были. Понятно?

— Мне это очень понятно, потому что это правда. Плохо я на вас раньше смотрела, а теперь моё мнение изменилось, — честно призналась Ольга.

— Ольга, вы и это мнение уберите и постепенно чистым взглядом смотреть на людей научитесь.

— Получается, что чисто — это очень трудно. Мы-то чистоту по-другому представляем.

— Чистота человеческая ничего общего с Божественной не имеет. Это разные весовые категории.

Когда-то с Ольгой разговор вел Николай, но она его не понимала. Сергея же она понимала прекрасно. Все его простые объяснения легко ложились на сердце и не вызывали протеста. Раньше разговор об Учителях и природе голоса был бы бесполезным: Ольга считала, что знает лучше и при помощи Учителя во всём разберётся. Теперь она тоже во всём разбиралась сама и вместе с Учителем, но она хотя бы принимала и то, что говорил Сергей. Она стала его слушать и слышать, а раньше слушала, но не слышала.

— Это и называется достучаться до вашего сознания, — говорил Сергей. — Так и Учителя. Они говорят, а вы их не слышите, потом, когда время проходит, спохватываетесь и удивляетесь: "Где же я был?"

— Но я правильно иду? Николай упоминал, что у меня путь длинный, кружной.

— Правильно, и в конечном итоге придёте туда, куда надо.

— А есть более короткий путь?

— Есть, — ответил Сергей.

— Какой это?

— Какой смысл об этом говорить? Для вас это всё на уровне разговоров. Ваша душа удовлетворена, сердце спокойно и ничего не ищет. Вы хотите что-то изменить?

— Себя. Хочу себя менять и двигаться вперёд.

— Вы всё это делаете, так что будьте спокойны.

— Может быть, Николай нашёл другой путь? А вдруг он не туда пошёл?

— Может быть. Почему вы о его пути беспокоитесь?

— А вдруг он раньше успеха добьётся на своём пути?

— Пойдите, пойдите. О чём вы думаете? Вы уже своим путём недовольны? Что вас больше беспокоит: правильность вашего пути или успех Николая? Вы что же, заранее позавидовали тому, чего не знаете? Вас быстрый успех Николая беспокоит?

— Да я даже и не подумала, что меня беспокоит. Просто выскочили слова.

— Ой, Ольга, выбросите это из головы. Если вы всем довольны, идите себе, на других не оглядываясь. Вот когда всё вас устраивать перестанет, тогда и ищите, бейтесь, стучите. А пока всё хорошо, о чужих успехах не думайте, идите избранным путём.

В Ольге появилось больше живости и детскости. Раньше ей опереться не на кого было: всё сама должна была решать, сквозь джунгли пробираться. Никаких советчиков и наставников не признавала, кроме Учителя. Она от всего мира отгородилась, считая, что все вопросы космические только ею решаются. Ольга выше всех себя никогда не ставила, но некая надменность в ней присутствовала: всё-таки книги, успех, голос Учителя, космические задачи. Теперь она увидела, что рядом по жизни идут люди куда более высокие, но книг они не пишут, успеха не имеют, голос Учителя не слышат. Что же касается космических задач, то тут Ольга оказалась в тупике. У нее было такое впечатление, что Сергей, Фёдор и Иван эти задачи выполняют, делают нечто ей недоступное, никому незримое, но очень важное. Похоже, что с ними и Татьяна Андреевна была, но если они ничего не слышат, не видят, то каким образом знают? И вообще, что они делают?

Несмотря на иной раз возникавшие вопросы, Ольге жилось теперь гораздо легче: у неё появились духовные друзья, те, с которыми можно было посоветоваться, поговорить на всякие темы. Но самым главным была уверенность, что тебя поймут, не осудят, разберутся в возникших сложностях. У Ольга появилась опора в жизни, что позволило ей чуть-чуть расслабиться. Теперь она могла иногда ходить на выставки, просто в магазины и даже просматривать модные журналы.

— Ольга, а у вас друзья вашего возраста есть? - как-то спросил её Иван.

— Знакомых — масса, а друзей нет. Мне с ними неинтересно, — ответила она.

— Неправильно это. Их нет, потому что вы и не надеетесь их найти. Опять создали представление, мирок такой и живёте в нём и с ним. Есть интересные молодые люди, точно есть.

— Да что мне с ними делать? На любые темы я с вами поговорить могу. Неужели они мне смогут дать больше?

— А вы что; всё брать хотите? А отдавать? Светом нужно делиться, иначе всё пропадёт.

— Я на семинарах делюсь, в книгах делюсь и отдаю. Попробую ещё больше, - ответила она.

— Ну, вы бы влюбились в кого, — предложил Иван.

— Вот такого я от вас не ожидала! Как это — влюбиться?! Это же по заказу не делается. Потом, я любовью сыта по горло и вопрос этот для себя на всю жизнь закрыла.

— Если вы вопрос этот закрыли, то точно не влюбитесь, потому что пространства такого не создали. Всё мы наоборот делаем: создаём то, что не нужно, и закрываем то, что нужно. Если вы один раз обожглись, то всё? Больше не хотите?

— Обжигаться не хочу. В любовь не верю, интересных людей не вижу. Особенно мужчин. Есть и другая причина.

— Уж не Учитель ли?

— Может, и так. Я не представляю, как можно на эту тему с вами беседовать.

— Очень просто. Давайте я вам сам кое-что расскажу, а если вопросы появятся, я на них отвечу. Поскольку вы были замужем и развелись, а потом начали свой духовный путь и взаимодействие с тонкими энергиями, то вам необходим период очищения. Ваш организм и все тонкие тела должны избавиться от тех некачественных энергий, которые в них присутствуют. Это чужеродные токи, и они вам мешают, вашему развитию. Учитель мог вам косвенно намекнуть, что близкое общение с мужским полом нежелательно. Возможно, что никакого запрета не было, но вы почувствовали необходимость одиночества и то, что это решение было Учителем одобрено. Но обратите внимание на одну деталь: никто не говорил, что это навсегда. Дело в том, что в период духовного взлёта все тела перестраиваются и им нужна определённая свобода. Присутствие чужих вибраций усложнит задачу, потребуется куда больше времени на то, чтобы вы обрели силу. Да и сможете ли вы ее обрести с чужими токами? Это никому не известно. Поэтому вам посоветовали побыть одной. Это абсолютно естественный совет, продиктованный заботой о вашем теле, душе и духе. Когда в вас все энергии и тела уравниваются, придёт новая сила, вы обретёте душевный покой и духовную целеустремлённость, чужие токи уже вам помешать не смогут. Правда, разным организмам для обретения равновесия нужно и разное время: кому год, кому два, кому три. Самое интересное наступает потом: вы сами не захотите нарушать своё одиночество, покой, и знаете почему? Вы становитесь слишком разборчивы, и свои желания вам уже диктует дух, а он требует духовного родства и соответствия токов. Я правильно говорю?

— Всё правильно. Как вы слова нашли такие простые? — спросила с удивлением Ольга. — Со мной действительно метаморфоза произошла. Я раньше на мужчин глазами смотрела и ушами их слушала, а теперь вообще ничего не вижу и не слышу, а только в глубину заглядываю, в мир внутренний, и — о ужас — ничего там не нахожу. Оттого я и предпочитаю одиночество. Ну а если бы я была замужем? Мне что, с мужем разводиться ради очищения, семью рушить?

— Может быть, я вам нехорошие вещи скажу, но поймите и их правду. То, что на песке построено, само разрушится. Если в основе вашего брака не было любви, он и так распадется, и никакой духовный взлёт здесь ни при чём. Просто периоды совпадают, а люди одно с другим связывают. Если семья ваша крепкая, вы любите друг друга и не мыслите раздельного существования, то никаких жертв не понадобится. Значит, у вас особый путь, семейный, в котором вы должны восходить в паре. Вам могут быть даны советы, лично ваших взаимоотношений касающиеся. Последуете им — выиграете в духе, не захотите — отстанете. Выбирать вам придётся. Но эти советы для других людей неприемлемы. Каждый человек и каждая пара любящих людей должны решать самостоятельно. Бывает, что и очень близкие люди тормозят друг друга в росте сознания. Тогда обстоятельства сложатся так, что вы разойдётесь. Карма вас разведёт, а с ней не поспоришь. Сейчас время особое, и очень большое внимание семье уделяется. Если хотите, новый эксперимент с человечеством начался. Тысячи предшествующих лет люди разделялись для духовного роста. Неукоснительно требовалось соблюдать пост во всех смыслах этого слова. Теперь пробуются другая

ситуация: семейное восхождение, но только такой семьи, которая соединена любовью. Без любви ничего не получится. Не нужно потом говорить о том, что шли неправильно, ошиблись, недоглядели. Без любви всё будет рушиться.

— Нам же ещё любить учиться нужно, — сказала Ольга. — Разве мы умеем?

— Совсем не умеем. Любить — это отдавать всего себя другому, забывать о себе и украшать жизнь любимому. А как это делать, если в нас самости полно? Мы же всё время считаем, сколько мы отдали, а сколько недополучили. Разве любовь меряется? Она, как и чистота, всегда свежая, непосредственная. Кто из людей так может?

— Я не могу, — честно призналась Ольга. — Получается, что книги пишу, с Учителем общаюсь, а любить не могу. Сколько же во мне ещё грязи?

— Дело даже не в грязи, а в неправильном понимании любви. Мы и чистоту по-особому представляем, совсем не так; как Учителя говорят. Встретились два человека, потянулись друг к другу, потому что время пришло, в возраст вошли соответствующий, кровь в них закипела. Любим, говорят, жить хотим вместе, опять же, пора детей рожать, программу выполнять. Сколько потом из-за таких программ несчастий происходит! Разве это семьёй называется?

— Так все живут, — сказала Ольга, — но именно это меня и не устраивает. Во мне, где-то в глубине, другое представление о настоящей семье имеется. Подробностей я не знаю, а чувство есть.

— Вот это и прекрасно. Сейчас пойдёт новое поколение людей, имеющих иные взгляды на семью. Они не захотят рано жениться и выходить замуж, будут искать духовную близость, общие интересы, родство сердечное. В новых людях будет меньше стремления нарожать побыстрее детей с легкомысленным подходом: "Что мы их, не прокормим, что ли?"

Дело в том, что человечество вплотную подошло к принятию Любви, к тому, чтобы она вошла в нашу плоть и кровь, в жизнь, одним словом.

— Из ваших слов можно однозначно сделать вывод, что любви до сих пор не было. А что же было?

— Были эмоциональные всплески, была иной раз духовная близость, а Любви не было. Единичные случаи взаимной Любви не являются доказательством того, что человечество Любовь приняло. Человечество с Любовью поступило просто — оно её распяло, а потом две тысячи лет плакало и жаловалось, что дети не любят родителей, а родители - детей, что мужья уходят и жёны семьи бросают ради чего-то другого, непонятного. Если на Любовь посмотреть глазами учёного-окультиста, то это будет выглядеть так: Любовь должна захватить все семь тел человека, в противном случае она будет неполной. Человечество знает, что такое телесная, физическая любовь — эта охват первого тела. Эмоции, страдания, радость, жажда встречи — это охват второго тела, астрального. И это нам знакомо. Дальше уже сложнее: с ментальным телом начинаются проблемы. Люди, как правило, довольствуются желанием и не вникают в менталитет, во взгляды человека, с которым жить собираются. Эмоции, желание им в том препятствуют. Потом, когда уже семья, спохватываются: да она же глупа, да он же глуп! А куда раньше смотрели? Да и не глупы люди вовсе, а просто уровень разный, восприятие ментальное серьёзно различается. Бывает, что сходятся люди, наоборот, ментально. Интересно им друг с другом, работа общая, взгляд, а телесное и астральное притяжение отсутствует. Опять ничего не получится. Далее, людей карма может сводить, прошлые обязательства, но их можно и без образования семьи исполнить. Долги отдаются сердечным отношением,

искренностью, добротой. Ради отдачи ваших прошлых кармических долгов детей рожать не нужно. Это ещё больше ситуацию запутает! — объяснял Ольге Иван.

—Значит, люди за любовь принимают взаимодействие и притяжение двух низших тел. Иногда притягиваются третьим или четвёртым, случается вторым и четвёртым, или в какой-то другой комбинации — неважно, главное, что не бывает, чтобы всеми четырьмя вместе. Правильно?

—Точно. Если люди тремя низшими телами притянутся и семью образуют — это для нас фантастической любовью кажется, а если четырьмя — это уже запредельное что-то. На такие пары все будут с завистью смотреть и говорить, что такого не бывает. Им, между прочим, достанется от людей, потому что такого сплочения и единства люди не потерпят — обязательно начнут их на прочность проверять.

— Да что люди — чудовища? Им радоваться нужно, что кто-то любит.

— Кто-то любит, а они не умеют. Это зависть вызывает, в их семьях раздоры начинаются.

— Насколько я понимаю, сейчас люди будут свыше друг к другу направляться, духом подталкиваться. Если друг друга на Земле узнали, в теле, то произойдёт чудо, и они в низших телах соединятся.

А если в пяти и шести?

— Прекрасно, чудо из чудес. Нам бы об этом только мечтать, — сказал Иван. — Любовь тогда на Землю придёт и в каждом человеке воскреснет. Царствие Любви здесь будет, семьи крепкие, нераспадающиеся, потому что в основе их будет Любовь, а не желание замуж поскорее выскочить и ребёнка родить. Дети должны расти в настоящей Любви. — Но всё это непросто, — вдруг сказала Ольга.

—Я вижу, что какое-то время две мощные силы будут присутствовать в обществе. С одной стороны — новая, требующая создания семьи только на основе Любви, с другой — прежняя, уходящая, в которой присутствует программа. Это значит, что люди старых взглядов будут требовать от детей выходить замуж и жениться, они будут изводить их просьбами завести ребёнка, чтобы потешить их на старости лет. Старикито о Любви не думают, у них просто всё: раз семья, давай детей, раз нет детей, значит, больные. Потом, ещё очень крепко сидит сотни лет в нас вдалбливаемое: стерпится — слюбится. Большинство мам моих подруг говорят не о Любви, а желают дочерям земного счастья, то есть богатства. Обычно говорят: "Ты уж не прогадай, продай себя подороже, на голь всякую не смотри, у вас что, ребят нет с машинами и квартирами?"

— Это говорит о том, что мы ещё одно поколение теряем. Вы, Ольга, своим детям только о Любви толкуйте, о настоящей, космической, звёздной, от которой дух захватывает.

— Да какие дети?—Любви нет, а вы о детях, — ответила Ольга.

— Любовь непременно будет, если вы её в свою жизнь призовёте, только не желанием и страданием, а радостью.

— Нет, — сказала Ольга. — Я пока не чувствую себя готовой к ней, мне рано, равновесия нет. Боюсь, что если бы влюбилась, писать бы перестала. А это для меня смерти подобно.

— Ну что же, грустно, но зато честно, — сказал Иван.

Татьяна Андреевна уже несколько месяцев жила совершенно особой жизнью. Никому ничего не говоря, она тайком ездила к Молчуну, в глушь лесную, к озеру. Молчун всегда её радостно встречал, но

расспросами не донимал, чувствовал, что в ней какой-то процесс пошёл внутренний, его вмешательства не требующий. Он просто рассуждал, что если понадобится, она сама расскажет.

Татьяна Андреевна уходила на то место, Молчуном найденное, и подолгу там оставалась. Внутренним зрением видела пещеры и лаборатории, изучала, что там происходит, и даже участвовала в работе своих новых друзей, но всё в духе. Вернётся в избу, переночует — и назад, в лес.

Но однажды она услышала: "Почему не идёшь к нам? Ты можешь, мы рады будем". Обрадовалась Татьяна Андреевна, подумала, что ей делать, и решила Молчуна предупредить, что несколько дней её не будет.

Рано утром ушла по лесу бродить, место любимое изучать. Она уверена была, что вход есть в пещеры, который ей открыться должен. Так и случилось. За небольшим пригорком стоял человек, который молча поклонился и пропустил вперёд. Она сделала шаг и исчезла. Взору Татьяны Андреевны открылось чудо. Ни в чудесных снах, ни даже в общине не видела она такой красоты. Дух наш познаёт мир особым образом, проникая в понятия и не останавливаясь на форме. Дух наш знает, что и как нужно делать. Здесь же Татьяна Андреевна могла всё трогать руками, видеть глазами, чувствовать. Она находилась в физической реальности, краше которой не знала и чище которой не ощущала.

— Ещё один мир? — спросила она своего проводника.

— Меня зовут Нуоми, — представился он. — Нет, ещё одно поселение, но более тонкое, чем то, в котором вы были. Туда приходят новички, сюда — сотрудники, уже прошедшие определённые этапы обучения. Вы нам очень помогали. У вас на редкость пластичная тонкая структура, воспринимающая широкий диапазон вибраций. Обычно человек со стареющим телом не способен выдержать и тем более переключаться с одной частоты токов на другую. У вас это легко получается. Было бы интересно по-смотреть, почему?

— Вы хотите меня изучать? — спросила Татьяна Андреевна.

— Вы прекрасно знаете, что у нас нет объектов. Вы будете работать, а мы — наблюдать за вами в действии. Согласны? — спросил Нуоми.

—А что я буду делать? Я мало что умею.

—Я знаю, что вы умеете. Вы будете работать в обсерватории, а расчётами заниматься в институте, в общем зале, вместе с остальными. Пойдёмте, я вам покажу нашу обитель.

Как можно описать то, что описать невозможно? Цветущие сады, поля, леса, простор, всё сверкает чистотой и искрится на солнце. Создавалось впечатление, что улицы были выложены драгоценными камнями, не говоря об аккуратных домиках, блистающих разноцветными огнями.

—Сверху всё это видится как пещеры и залежи драгоценных руд, камней, металлов. Ну а внутри — судите сами.

Нуоми показал Татьяне Андреевне, где она будет жить, и повёл её в институт. Там она быстро перепознакомилась со всеми и мгновенно включилась в работу.

—Зачем терять время? Я уже вижу, что могу делать и кому помогать.

Несколько дней подряд она ходила в институт, занималась хорошо знакомой ей математикой.

—А где же обсерватория? Нуоми говорил, что мне и там придётся работать, — спрашивала она Верочку, с которой жила в одном домике.

—Завтра вас туда проводят, — ответила Вера. В полдень пришёл провожатый. Они вышли на улицу и пошли вверх, в сторону виднеющегося вдали леса.

—Я вас до конца не поведу, а выведу в то место, откуда вы обсерваторию сами увидите.

Дорога была длинной, но такой радостной, что незаметно для себя Татьяна Андреевна прошагала почти час.

— А вот и обсерватория, — указал провожатый на прозрачную крышу. — Вы купол видите?

— Да. храм вижу, — ответила Татьяна Андреевна.

— Вам туда. На месте во всём разберётесь.

Там Татьяна Андреевна встретила Николая, который пребывал еще в шоково-радостном состоянии. Она поняла, что ему нужно помочь, поддержать на первых порах, поэтому для неё началась двойная жизнь: от своего домика из мира самоцветов — в цветущую долину, где жил Николай. Татьяна Андреевна очень уставала и в институте, и в обсерватории. Ей приходилось по два часа тратить на дорогу, но она ни разу и словом не обмолвилась о том, что едва справляется со всеми обязанностями. Сколько прошло со дня её появления в этом мире, она не знала.

Как-то в домике появился Нуоми.

— Татьяна Андреевна, вы ни разу ни о чем не спросили. Вас не беспокоит жизнь наверху, вернее, на Земле?

— Ой, — всплеснула руками Татьяна Андреевна, — я виновата, я о людях забыла, они же беспокоятся! Какой ужас. Сколько во мне недоработок! Я так погрузилась в работу, что у меня даже мысли не мелькнуло о той жизни!

— Неужели вы способны на такую самоотдачу, на такую самозабвенность? Ведь вы из мира ушли по первому слову и не подумали ни о квартире, ни о работе, не стали дела никакие улаживать?

— Да что вы, это моя безответственность! Я о Михаиле и Молчуне не вспомнила, не говоря уже о детях. Впрочем, они далеко и вряд ли беспокоятся обо мне. Наверное, это значит, что я никого не люблю? Нет, я их люблю, но недостаточно.

— Вы очень интересный человек, — вдруг сказал Нуоми. — Я вам напомнил о мире, о земной жизни, но беспокоиться нечего. Там три дня прошло. Вот завтра уже нужно будет появиться, а то Молчун побежит вас искать. Я вам предлагаю другой вариант: быть и там, и здесь.

— Как это? Я не умею, — ответила Татьяна Андреевна. — Я так понимаю, что в духе — могу, но какой прок от духа моего в офисе? А для Молчуна? Он запаникует, привидение изгонять начнёт.

—Я вам в теле предлагаю быть.

— Значит, отсюда уйти? А работа?

— Вы попробуйте быть в теле и здесь, и там. В этом ничего сложного нет. Завтра утром выходите отсюда к Молчуну. Он ждать вас будет, но в то же самое время идите к обсерватории. Думаю, всё пройдёт нормально.

— Ладно, — вдруг засмеялась Татьяна Андреевна. — Это так интересно! Как меня Молчун встретит?

Молчун встретил Татьяну Андреевну с распростёртыми объятиями.

— Я уж думал, ты заблудилась, не найду тебя. Решил, что последний день дожидаясь, а потом Михаилу сообщу, искать пойдём. Ты в пещеры спускалась? Я знаю, туг тайный ход есть, вижу, как там работают, камни носят, шлифуют, на звёзды направляют. Видела всё, да? Счастливая, — заключил он.

Когда они из лесу вышли к озеру и Молчун взглянул на Татьяну Андреевну, он аж присел от удивления.

— Что с тобой? Ты вся светишься! А с лицом что? Там тебе операцию не сделали, случайно?

— Да что такое? — всполошилась Татьяна Андреевна. — Что со мной? Усы выросли?

— Нет, — заверил Молчун. — Ты помолодела. У тебя морщин нет, а глаза, как шары.

— Ну, это не страшно. Это очень даже приятно, — ответила Татьяна Андреевна.

— Не скажи. Народ испугаешь.

— А я платочек надену, вроде как простудилась.

— Так вообще Алёнушкой станешь, с шоколадки. Тебя кашкой кормить будут, а Михаил молочко носить.

Посмеялась Татьяна Андреевна, но когда в избу пришли, вдруг неважно себя почувствовала, прилечь захотела. Пока Молчун суетился, она с Нуоми беседовала. Он сказал, что это естественно, привыкать нужно. Вот так и потекли совершенно особые дни, в которых Михаил сердился, что Татьяна Андреевна стала забывчивой, рассеянной, а Николай всё спрашивал, где она ещё работает. Татьяна Андреевна просто помалкивала, и они, занятые своими делами, о вопросах забывали.

С какого предложения началась её тройная жизнь? Она вела переговоры в городе, работала в институте, помогала Николаю да ещё полдня проводила в обсерватории. Если она не ночевала в деревеньке, то полтора часа шла вечером обратно в самоцветную общину, как она её окрестила. Ей повсюду нравилось. С удовольствием она работала везде, со всеми людьми и разницы не чувствовала, потому что сердце у неё было особое. Единственное, что её мучило, так это кашель и чихание, как только некоторые люди в офис заходили.

— И что это у меня слёзы из глаз катятся и нос краснеет? — спрашивала она Михаила.

— Это от счастья, — отвечал он, — что вы видите и общаетесь с некоторыми "чистыми" людьми.

— Ой, ты такое скажешь! — говорила Татьяна Андреевна. — Что во мне, то и в людях. Они — моё зеркало.

— Да уж, — качал головой Михаил. — Нашли себе зеркало!

Между тем Татьяна Андреевна находилась под пристальным наблюдением целой группы учёных. Они серьезнейшим образом работали над тем, как продлить жизнь человеку. Понятно, что нужно быть духовнее, чище, радоваться всему, и ты проживёшь не восемьдесят, а сто лет. Но старость, немощь тела, которая подстерегала людей и сражала их уже к шестидесяти, — с этим что делать? Как схорониться от экологической грязи: дыма, гари, радионуклидов и прочих "радостей цивилизации? Тело они всё-таки убивали.

Идущие из космоса новые лучи тоже воздействовали на материю, на плотную ткань и разрушали ее. Как спасти людей от побочных продуктов их жизнедеятельности и максимально защитить от новых, сжигающих ткань вибраций?

Татьяна Андреевна представляла собой редкий экземпляр хорошо адаптирующегося к любым условиям человека. От мощнейшего потока новых излучений, человеку вообще незнакомых, у неё могло чуть прихватить сердце и заболеть голова, в то время как другие буквально валились с ног, умирали от инфарктов, инсультов и кровоизлияний, неожиданно с ними случавшихся. Даже молодые люди реагировали на новые токи, яростно устремившиеся к Земле. Обострялись хронические заболевания, по-являлись вообще неизвестные, симптомы же врачи не распознавали. Они работали по старинке, да и в новых программах ничего о космических токах сказано не было.

Вот эти знания и нужно было давать людям, а для этого раньше понаблюдать за самоотверженным и максимально загруженным человеком.

Наблюдения натолкнули группу учёных на целый ряд открытий, которые, при благоприятных условиях, через десятки лет станут известны людям. Более того, у Татьяны Андреевны начался обратный процесс — омоложение организма, а это интересовало учёных ещё больше. Что с ней происходило?

Они пришли к выводу, что она просто не думала о себе. Она жила так, как будто её тела и её "я" не существовало, всецело отдаваясь работе и людям. Ни тени мыслей о прошлом и будущем, только о сегодняшнем дне. Татьяна Андреевна стала реально тем, что называлось "чистым проводником". Свет вливался в неё и через её организм равномерно распределялся по миру. Где бы она ни появлялась, всё приходило в равновесие.

— Понимаете, — обсуждала, исследовательская группа, — в ней нет саможаления. Все прекрасно знают, что мыслить нужно чисто, красиво, и делают это. Работают, не думая о результате, но нет-нет да и проскочит мысль: ведь о себе подумать нужно, о теле, о еде, о жизни, что я себя убиваю работой? Нельзя же сказать, что Татьяна Андреевна не ухаживает за собой? Нельзя. Одета прекрасно, со вкусом, всегда с причёской, кожа гладкая, ухоженная. Но она это делает не столько для себя, сколько для того, чтобы другим приятно было, чтобы их эстетический вкус не травмировать, чтобы все приходило к выводу, что много работать — полезно, а не жаловаться на загруженность — ещё полезнее. Легко у неё всё и чисто, со Светом и Любовью. Точно, именно это жизнь и продлевает да к тому же делает человека моложе.

Определённый результат был группой получен, и можно было Татьяну Андреевну отпускать.

— Татьяна Андреевна, — пришёл к ней Нуоми. — Мы закончили исследования. Вы можете спокойно отправляться назад во всех телах.

— Нет, — запротестовала она, — не хочу. Я уже привыкла, мне не трудно.

— Нужно идти назад, — повторил Нуоми. — Рассеянность ваша не нравится Михаилу, да и Николай скоро покинет свою деревню. Ему положено обучаться в другом месте.

— Это понятно, — вздохнула Татьяна Андреевна. — Можно мне иногда сюда приходить?

— В духе — пожалуйста, а в теле — по особому разрешению. Если спросите, то ответ получите.

Распрощалась Татьяна Андреевна со всеми и чуть не со слезами на глазах утром только в одну сторону пошла. Зато Михаил нарадоваться не мог.

— Вас прямо подменили. Бегаете, бумаги не теряете. Может быть, вы влюбились?

— Как же, влюбилась! Я весь мир люблю. Да так сильно, как никогда.

— А в Москву не хотите? В качестве поощрения за обретенную память?

— Хочу, очень хочу! Только чуть попозже, дай отдышаться, — отвечала Татьяна Андреевна.

— А вы что, в гонках участвовали? — шутил Михаил.

— Ну да, в гонках, в забеге на длинную дистанцию между обителями.

Решил Михаил всё-таки сейчас в Москву ехать, пока Фёдор там.

— Давно не виделись. А то убежит опять в свои горы.

Собрались друзья все вместе на квартире у Николая. Не зря он ключи оставил. Татьяна Андреевна приготовила роскошный ужин и всех в гости пригласила.

— Ну и апартаменты у вас, — одобрительно шумели друзья. — Вам не скучно? Не теряетесь в переходах?

— Попрошу без зависти. Это заслужить было нужно своим прекрасным отношением к одному московскому бизнесмену.

Еда как-то быстро испарилась, и Фёдору с Сергеем пришлось отчитываться о своей поездке с Ольгой. От них требовали мельчайших подробностей, потому что Михаилу хотелось навестить Ольгу уже со знанием дела, а Татьяне Андреевне получше понять, что это за девушка такая объявилась, каким путём следует, как мир постигает.

— Интересная она у нас, — сказал Иван. — Благодаря ей мы с Николаем познакомились. Ты бы, Фёдор, рассказал о нём немного.

— Что вам сказать? Жил всю зиму у меня, со всей округой перезнакомился, но ничего его не устроило. Решил искать интересных людей, ну я ему тропу и указал. Думаю, если правильно пойдёшь, она тебя выведет. Он шёл правильно, внутренних шатаний не допуская. Ну а там уже за ним наблюдали. Покружился чуть-чуть и в долину вышел. В работу он включился сразу, учился в нескольких местах одновременно. Впрочем, об этом пусть Татьяна Андреевна скажет.

— А вы откуда знаете, что там было? — спросил Михаил.

Татьяне Андреевне ничего скрыть не удалось: друзья набросились на неё с вопросами, требуя объяснять всё по порядку.

— Я с подробностями ничего говорить не буду, не терзайте. Работали мы вместе с Николаем, беседовали. Он резко в гору пошёл, я даже думала, что тело его не выдержит и его назад отравят, но ничего, адаптировался. Удивительно другое: он очень быстро тот мир принял, как будто всегда в нём и жил. Думаю, что сложности возникнут позже: он назад идти не хочет и мыслей о том даже не держит.

— Нам бы всем туда, — заметил Иван. — Неужели мы бы назад захотели?

— Ты за всех не говори, — сказал Сергей. — Мне пока здесь быть нужно. У меня тут горы дел, а в дальнейшем архисложная задача восхождения со своей половинкой. Но это не значит, что я там не хочу быть. Хочу, конечно, — и он тяжело вздохнул.

— А дальше было таинство, — продолжала Татьяна Андреевна. — Мы удостоились великого посещения. Да что об этом говорить? Слишком прекрасное очень трудно в слова облекать. Николая в другое место послали. Он будет изучать такое, что нам неизвестно.

— Татьяна Андреевна, вы же из городка нашего не уезжали, как у вас это получилось, там быть и в офисе? — подозрительно спросил Михаил. — Это потому вы всё теряли?

— Потому — честно призналась она. — Это трудно, когда одно тело там, а другое тут. Но если я смогла, то все теперь смогут.

— Интересный феномен, — заметил Сергей. — Нужно попробовать.

— Нет уж, вы разрешение спросите, — сказала Татьяна Андреевна. — А то что-нибудь не так сделаете.

— Так, значит, вас вели, вами занимались! — воскликнул Михаил. — Как же я проглядел? Вы же меня целую неделю за нос водили, получается.

— Неделя, — засмеялся Фёдор, — смешно сказать. Татьяна Андреевна там несколько месяцев провела.

— Не спорьте, — строго сказала Татьяна Андреевна. — Там время другое. Вы сейчас до истины не доберётесь, потому что она в другой мерности находится. Вы лучше или по домам расходитесь, или все здесь оставайтесь, а то поздно уже. Конечно, все решили остаться, тем более, что утром Татьяна Андреевна обещала приготовить олады.

— Мы поможем, — честно заверили её, но когда утром проснулись, то всё уже было готово.

— Что-то больно вкусно пахнет, — подозрительно заметил Михаил. — Может, тут вся обитель ночью была, нам завтрак готовила?

— У них дела поважнее твоего завтрака, — сказала Татьяна Андреевна. — События скоро важные произойдут, спать нужно меньше.

— На тонком или на толстом плане? — спросил проснувшийся Иван.

— На всех сразу, но в первую очередь на тонком, — ответила Татьяна Андреевна. — Идите, я всем сразу рассказывать буду. Так вот, — продолжила она, когда все собрались, — началась перегруппировка лучей. Обычно мы имеем такую картину: все лучи действуют самостоятельно, но объединяются для какой-то совместной работы. Теперь же они объединяются на другой основе — они сливаются, потому что эволюция Владык на земном плане приходит к завершению. Может быть, на это понадобятся тысячи лет, я не знаю, но сам процесс начался уже сейчас. Они будут соединяться по три, и к концу цикла все семь станут одним.

— Вижу, какие сложности предстоят человечеству, — сказал Иван. — Мощным потоком на Землю новые энергии льются, люди их с трудом выдерживают, ткань плотная едва справляется. А тут ещё вместо привычного одного луча — объединённая энергия трёх сразу. Это же лавина Огня!

— В том-то и дело. Нам всем предстоит первыми принимать эти токи, чтобы телами нашими прикрыть остальных. Мы-то равновесием обладаем, мы умеем вибрации равномерно распределять, а люди будут страдать, — сказал Михаил.

— Как вы думаете, чем это чревато? — спросил Сергей.

— Думаю, что в первую очередь произойдёт подвижка астрала. Люди будут нервничать, выходить из себя, суетиться, злиться, в общем, эмоции их захлестнут.

— Но справиться можно?

— Конечно, только придётся обучать людей владению собой — говорить спокойно и тихо, не дёргаться по любому поводу. Впрочем, как всегда: Гармония, Красота, Радость. Если человек будет к этому стремиться, всё у него будет в порядке, — говорил Сергей. — Вот ты, Иван, когда-нибудь из-за работы своей нервничаешь?

— Нет, а зачем? — искренне удивился Иван.

— А люди нервничают, переживают и не понимают, как можно иначе.

— Странно, мне это и в голову не приходило.

— Вот теперь и ты знаешь, — заметил Сергей. — Посочувствуй народу, поддержи студентов, помоги им обрести равновесие.

— Мне понятно одно: нужно себя мобилизовать в первую очередь, не расслабляться, — сказал Иван. — Каждый из нас — это стержень, вокруг которого энергии накручиваются. От нашего равновесия состояние многих людей зависит. Для них новые энергии крайне тяжелы, да и для нас они лёгкими не являются. Но мы первыми их принимаем.

— Почему все испытания сначала нам идут? — спросила Татьяна Андреевна. — Потому что мы сильнее, восприимчивее?

— Не только. В первую очередь потому, что наши тонкие тела очень большие. Основная масса людей спит, вроде бы в лежачем состоянии пребывает. А мы проснулись, встали, плечи расправили, да ещё и действовать начали. Аура наших тонких тел огромна и свободно охватывает физическую Землю. Новые энергии по ауре и проходят, и уже потом, позже, достигают планеты и людей с их крошечными аурами.

— Господи, и люди ещё жалуются, что им тяжело, трудно, процессы у них всякие происходят! — вздохнула Татьяна Андреевна. — Какие процессы, когда человечество в опасности? Неужели есть те, кто о теле своём сейчас думает?

— Да что с вами, Татьяна Андреевна? — спросил Михаил. — Это после эксперимента мысли такие у вас появились? О чём же людям думать? Девяносто процентов человечества о теле заботится, носится со своими болезнями, недомоганиями, внешним видом. Все хотят быть красивыми, здоровыми, но не знают, в чём секрет их хорошего физического самочувствия. Они прекрасно понимают, что радость, доброта, любовь принесут им облегчение, но молодость-то не вернут. Поэтому люди ищут всевозможные внешние средства. Это в корне неверно. Внешние средства — это мизерная часть от полного курса омолаживания, — начала Татьяна Андреевна. — Знали бы, какие исследования ведутся в надземных лабораториях, как космос заботится о физическом здоровье людей! А всё, что нужно, — это Свет нести в жизнь!

— Уж не в косметических ли салонах вы всё это время провели, Татьяна Андреевна? — спросил Сергей.

— Может быть, это и будет так называться, когда человек себя забывает и целиком погружается в заботу о других.

— Если вы сумели в таком состоянии прожить какое-то время, то немудрено, что помолодели. Ведь вы в Любви жили, в настоящей.

— Да какая это Любовь! — ответила Татьяна Андреевна. — Я себе отчёта полностью не отдавала в том, что делаю, — просто делала ради людей, ради Николая, ради вас. Я вам жизнь облегчить хотела. Вам же трудно, вы тут под бременем забот изнемогаете. Что, Михаилу бизнес его нужен? Нет, конечно. Но он занимается им, потому что это основа будущей экономики Севера. Что, Ивану занятия очень нужны в университете? Ему — нет, но у студентов формируется новый тип мышления. Сергей мог бы быть просто миллионером по нынешним масштабам, но он закладывает основы будущей цивилизации. А Фёдор? Сидит вроде бы в глуши, в тайге безлюдной, а между прочим, и Иван, и Николай благодаря ему в обители оказались. А вообще-то, если приглядеться, мы ничего не делали.

— Спасибо, Татьяна Андреевна. Серость мы, посредственность. Ни рангов, ни титулов посвященческих, хорошо ещё, что дипломы имеем. Вот ко мне на медитацию одни посвященные приходят Бог весть каких высоких ступеней. И все они уже в телах преображённых пребывают, только часа ждут, чтобы взмыть вверх. Куда собрались они, как вы думаете?

— Если верят сильно, то точно взлетят в ими созданное пространство. Они сформировали очень мощную ложную сферу с полной иерархической структурой, в неё и попадут.

— А выход есть? Долго им там пребывать?

— Всё зависит от того, когда они увидят иллюзорность их мира. Если не увидят, то пройдут по всем ступеням своей иерархической лестницы, а на них будут стоять те божества, то есть те люди, которых они сейчас превозносят. Красивая сказка, подмена, ответвление лабиринта. Выход есть, конечно, как и из любого тупика: искать истинный Свет. Но пока их эта сказка устраивает, пусть тешатся.

— И это называется путь? — горько спросила Татьяна Андреевна.

— Вы вот сейчас сказали, как Николай когда-то. Он хотел бежать и Ольгу предостерегать от ошибок, но потом понял, что бесполезно это. Да, это такой путь. Долгий, кружной, страдальческий. Знаете, как люди будут разочаровываться, когда у них глаза откроются, и они увидят, что их божество совсем не соответствует тем качествам, о которых говорит и к которым призывает? Они будут хулить и громко сетовать; и это то, во что я верил? Беда в том, что сердце их будет кровью обливаться, я уже это вижу, — сказал Иван.

— Мне тоже их сердца жаль, но, видно, идти им придётся так, как захотели. Насильно в рай не затащишь, а свой рай они уже нашли. Ужасно, так себя ограничивать! Во мне тоже когда-то определённые представления складывались, но я всегда знала, что вариантность световых комбинаций беспредельна. Мы не способны постичь число Создателя и берём от него лишь крошечную часть. Знаете что, — сказала Татьяна Андреевна, — хватит разговаривать, пора и за дело браться. Расходитесь.

Удивительно, но в чистой, воздушной, непосредственной Татьяне Андреевне сила появилась. Она как-то ловко командовала всей мужской братией, которая её когда-то обучала. Интересно было наблюдать, что лидерство поочередно переходило от одного к другому, но никто за него не сражался. Когда один делал шаг вперёд, все ждали, когда он на ступени новой утвердится, помогая ему всеми силами завоевать рубеж. Явно было, что Татьяна Андреевна обрела мощь, ей ранее не свойственную, и видение, которым раньше не обладала, но сумела сохранить живость, искренность, радость. Похоже, что к ней первой пришла истинная Любовь, о которой все могли только мечтать.

"Надо же, — подумал Фёдор, — все мы Посвященные, а Любовь — у Татьяны Андреевны. Как это так получается?"

Ольга сразу почувствовала расположение к Татьяне Андреевне. Обычно она долго присматривалась, взвешивала, Учителя спрашивала, а тут признала совершенно особое существо немедля, потому что эта женщина отличалась от всех её знакомых. Татьяна Андреевна вообще о себе ничего не говорила: ни о своих взглядах, ни о чувствах, ни о привязанностях. Она была полна желанием сеять добро и, казалось, ни о какой другой, Высшей жизни понятия не имела. Все её реакции были на удивление чисты и непосредственны. У Ольги взгляд был намётанный: любую игру она улавливала с первых же минут. Как редактор газеты, по долгу службы общающийся с различными персонажами большой истории под названием жизнь, Ольга хорошо изучила ложные маски, надеваемые людьми ради того, чтобы добиться поставленной цели.

Татьяна Андреевна была такая, какая есть, — простая, естественная, любящая, сильная. Познакомил их Михаил.

— Мой заместитель, помощник, секретарь, наставник, — представил он Татьяну Андреевну.

— Да ты что? — подняла на него глаза Татьяна Андреевна. — Я всему у тебя научилась. Первый раз от тебя такое слышу.

— Что делать? Всё течёт, всё изменяется. А это Ольга, о которой вы много уже слышали. Замещает Николая, пишет книги, духовно совершенствуется.

Они зашли к Ольге в редакцию, благо в центре она была.

— У меня целый день занят, — посетовала Ольга. — Я поздно освобожусь, но встретиться и поговорить с вами очень бы хотела. Вы у кого остановились, не у Ивана?

— Нет, я в квартире Николая живу. Приходите, там просторно.

— Вот это неожиданность! Вы и Николая знаете, и ключи он вам оставил?

— Оля, вам он газету оставил, — заметила Татьяна Андреевна. — Людям это тоже, наверное, не очень понятно.

"Ничего себе, — подумала Ольга, — мягкая, а сразу всё на свои места расставляет».

— Я приду, мне очень хочется, — прощалась с ними Ольга.

Сюрпризы начались вечером, а реплика Татьяны Андреевны была вроде бы прелюдией к ним. Собрались все в прежнем составе да ещё и Ольга. Неожиданно раздался звонок в дверь. На пороге стояла красивая женщина, уверенно сделавшая шаг вперёд. Безо всяких предисловий она прошла в зал и села на диван.

— А где Николай? Он скоро будет?

— Его не будет. Он уехал.

— Что же вы тогда здесь делаете? Мне консьержка сообщила, что тут уже несколько дней люди. Вы его ждёте?

— Я так понимаю, что вы его бывшая жена? — спросила Татьяна Андреевна. — Он мне ключи оставил, чтобы я, когда приезжаю, здесь останавливалась.

— А вы, значит, ещё и гостей полный дом собираете? Ладно, вижу, что дожидаться его бессмысленно, всё равно будете его покрывать и меня обманывать. Передайте ему, что на те деньги, которые он оставил, можно только бутерброды есть, а ребёнку много чего надо. Пусть немедленно деньги передаст, пока я к другим средствам не прибегла. Я и в газету зайду, говорят, девице какой-то её оставил, и там разберусь. Всё-таки его собственность — частично и наша с дочкой.

Ольга вдавилась в диван, обычно такая смелая и решительная, она растерялась. Действительно, как тут объяснишь, что тебе просто так газету оставили?

Женщина поднялась и вышла, прощаниями не утруждаясь. Татьяна Андреевна проводила её, хотела что-то сказать да не стала.

— Ну вот, — заметил Сергей, — надо решать эту задачку.

— Сообщите Николаю, — попросила Ольга, — год заканчивается, ему пора возвращаться или какое-то решение своё сообщить. А мне и в голову не приходило, что я должна перед кем-то отвечать за то, что работаю в газете. Вопросы-то возникали, наверное.

— А вы газетными средствами распоряжаетесь?

— Нет, у меня оклад. Финансами другой человек занимается.

— Ну тогда не беспокойтесь, мы как-то этот вопрос уладим, — сказал Сергей.

— Вы только подумайте, что человеку нужно, — сказала Татьяна Андреевна. — Ни одного вопроса о том, что с Николаем. В её представлении — это машина по добыче денег. Чётко разделила всё, а о чувствах и мысли нет. И это была семья.

— По-моему, это к нашему последнему разговору относится, да, Ольга? — спросил её Иван. — Мы как раз проблемы семьи обсуждали.

— Да упаси Боже от такой семьи! — сказала Татьяна Андреевна. — Разве так жить можно, где люди — не люди, человеческие отношения отсутствуют, только корми, одевай, обеспечивай?

— Ну и как быть? — спросил Сергей. — Дети, обязанности, общественное мнение. Мы говорим о том, что в наступающем веке огромное внимание семье будет уделяться, её прочности. Что с такими случится образованиями, которое мы только что наблюдали?

— Это не семья, а раковая клетка, а что с ними случается? Впрочем, для Николая это уже в прошлом, но и то связи остались. Такое человеческое взаимодействие будет разрушаться, и ничего его не спасёт, — говорила Татьяна Андреевна. — Не поможет ни общественное мнение, ни чувство долга. Какой стыд! Стыдно без чувств жить. Разве можно без добра, без заботы? Ведь она так всегда к Николаю относилась, чувством долга держала, а мужчина для неё кто? Тот, кто её кормит и одевает. А она ему что? А я тебе дочку родила, обед готовлю, рубашки глажу. Вот и всё. Понимаете, услугами они обменялись, а о том что они люди, — забыли.

— А как должно быть? — спросила Ольга.

— Она должна всё, что в её силах, для него делать, не думая о том, что устала, что он не оценит, что денег не зарабатывает. Он должен всё, что может, для неё делать, не думая, что она ему приготовит и как встретит. Он должен к ней лететь, а она — к нему. Они оба должны в Любви купаться и без усталости этой Любовью с окружающим миром делиться. Потом, когда они нюансы этой Любви изучат и поймут, как сделать так, чтобы она не уходила, а была всегда, могут подумать о ребёночке, который в этой вечной Любви жить будет.

— Так не бывает, всё это мимолётно и быстро проходит, когда заботы о житейском начинаются. Быт всех заедает.

— Нет, — решительно заявила Татьяна Андреевна. — Так происходит только там, где Любви не было. Значит, было желание создать семью, как у всех, жить, как все, хорошо друг к другу относиться. Но этого мало. Ради хороших отношений семью создавать не нужно. Только потому, что вы бежите от одиночества, с человеком сходить не нужно. От косых взглядов соседей и знакомых в загс ходить не нужно. Понимаете, Бог ваших сложностей не видит, ему не видны ваши обязательства, долги, переживания. Он смотрит, есть Любовь или нет её, есть Свет или нет его. Владыки собираются внимание семье уделять, а не этим уродливым объединениям, непонятно на каких основах созданным.

— По-моему, других семей и не бывает. Все такие, — сказала Ольга.

— Почти все, — заметил Сергей. — Вот проблемы и начнутся. Пойдут на Землю новые энергии Любви, и все будут надеяться, что их семьи укрепятся, а они, наоборот, начнут разрушаться, потому что семьи на основе Любви не создавались.

— Значит, пусть учатся любить друг друга, — заметила Татьяна Андреевна, — если хотят семью сохранить.

— А если — семья, а человек в другого влюбился? — спросила Ольга.

— Это вас каким-то образом касается? — ласково спросила её Татьяна Андреевна.

— Да, только в прошлом всё. У нас неплохая семья была, вроде по любви поженились, но он в другую влюбился, да ещё на пять лет старше. Я долго убивалась, как жить — не знала, но потом прошло. Теперь смешно вспомнить.

— Я о Любви на уровне семи тел рассказывал, — вставил своё слово Сергей.

— Ну при чём здесь это? Какие семь тел, когда речь о Любви идёт? — сказала Татьяна Андреевна. — Так легко всё разлагается — тело туда, тело сюда. А чувства? Их куда?

— К астральному телу, — сказал Сергей. — Или к метальному? — повернулся он к Ивану.

— Подождите, — остановила Татьяна Андреевна разгоравшуюся дискуссию. — Любовь разлагать на составные части бессмысленно, потому что Любовь — это всё, а когда дегустация начинается — это познание крошечной частицы, вкус которой каждый определяет по-своему. Любовь — это не вход в ту или иную область тонкого плана. Любовь — это твоё состояние. Если сумеешь получить его и удержать, то понесёшь другим, потому что один долго её вмешать не сможет. Любовь обязательно нужно делиться: отдал — она снова пришла, много отдал - ещё больше пришло. Ольга, с вами такое произошло, потому что вы по любви замуж не выходили. Это был ваш долг по отношению к обществу, к родителям — создать семью. Вы выполнили долг по земным законам, а по космическим? По космическим законам требуется не семья, а Любовь. Семья - это уже вторично, это форма, а Любовь — это дух, это первично. Вы хотели сохранить форму без духа? С точки зрения Создателя, это люциферианство: творение без одухотворения, форма без осенений свыше духовной волей Творца. Семья без Любви — это творение без духа. Это же преступление в глазах Всевышнего.

— А как же страдания близких? Хорошо, что у нас детей не было, а сколько детей без родителей растёт?

— Страдание — это уже из земного плана, это от кармы. Тут каждый человек должен решать самостоятельно, что ему делать. Понимаете, если истинная Любовь, то карма отступает, потому что до той области она не достаёт. Но беда в том, что люди от одной нелюбви бегут к другой. Между вами Любви не было, но к другой женщине мужа вашего не Любовь потянула, а увлечение, или карма, или такое качество, которого он в вас не нашёл. Если бы он настоящую Любовь получил, то есть состояние, то весь Космос ему бы благодарность вынес, и ваше страдание, между прочим, никому бы видно не было. Но не было никакой Любви, а так, астральное притяжение, гамма чувств, и Космос ваше страдание на чашу его кармических весов положил. Он за ваши слёзы ещё ответит.

— Ой, нет, не нужно, я уже и забыла про всё! — вскричала Ольга.

— Вы его простите от всей души, но это мало общее положение дел изменит. Правда, в чашу ваших добрых дел лишние капли упадут, если хотите.

— Мне всё равно. Я для себя давно решила, что буду жить одна. Если Любовь — это состояние, то никакой мужчина для этого не нужен. Все расхохотались, потому что воочию увидели всю парадоксальность этого заявления.

— Действительно, — смеялся Иван, — что нам стараться, когда можно сидеть и Любовь истинную из себя воспроизводить? А дети, продление рода — это так, побочный эффект, вторичный продукт.

— Начинается, — сказала Татьяна Андреевна. — Сейчас будут смеяться без устали. Взрослые люди, а никакой серьёзности! Давайте разберёмся: Любовь, по большому счёту, — это состояние цельности, это слияние с вашим духом. Когда это происходит полностью, то вы исчезаете. Мы, люди, только идём к ней, мы на пути, поэтому получаем не идеальное состояние, а приближенное к нему. В каждом воплощении, стремясь найти истинную Любовь, мы становимся ближе к ней, мы постигаем её с разных сторон, изучаем её весьма непростой характер. Она требует от нас Чистоты, Знания, Мягкости, Равновесия, Простоты, Святости, наконец. Истинная Любовь очень требовательна. Человек — не цельное существо, а разделённое, мы все — части, и чтобы получить истинную Любовь, нужно эти части собрать. Нам сказали, что мы состоим из двух частей, но каждая из них — ещё из семи, поэтому, с одной стороны, мы мужчины и женщины, а с другой — мы тело Осириса, разрубленное на четырнадцать частей.

— Мне часто задают вопрос о половинках. Что людям отвечать? — спросила Ольга.

— Но вам же что-то объяснял Учитель. Вы сами как это понимаете?

— Учитель показал, — начала Ольга. — Неправильно я сказала. Мне была показана капля, которая разделилась на две, и во второй я узнала свою подругу. Потом мне показали пламя, а языков у него — два. Получается, что моя подруга — это моя половинка?

— Классически считается, что воплощённая половинка обязательно противоположного пола, хотя почему это так, я не знаю. Но почему бы ей не быть вашей подругой? История Земли отнюдь не по классическим законам писалась, здесь одни аномальные явления происходят. Я думаю, что это — одна ваша половинка в женском теле. Но половинок по меньшей мере семь.

— И где же их искать?

— А надо? От этого одни проблемы возникнут. Мы никак от представлений человеческих оторваться не можем. Кто сказал, что с половинкой нас узы брака должны связывать, то есть телесная близость? Это же в первую очередь духовное родство! Мы так новое искажение получим: все начнут семьи бросать и за половинкой охотиться. Видите, что получается, не Любовь люди ищут, состояние служения, отдачи, а мечтают заполучить половинку. Ради чего?

— Я тоже мечтаю духовно восходить со своей половинкой, — сказал Сергей. — В будущем.

— Дорогой мой, это идеальное состояние! К нему человечество тысячи лет идти будет. Нужно к истинной Любви стремиться, а не с половинкой браком сочетаться. Потом, обрадовался! Где люди отыщут их, половинки-то? Карма была так добра, так разборчива, что взяла и половинками город заселила, деревню. Где кто живёт, там половинки и находит, но Земля-то большая! Окружить себя половинками, чтобы они все были в пределах досягаемости, — это так просто! Оказывается, никаких усилий, взял — и взошёл, потому что половинка под рукой оказалась, тут как тут. Вопиющая безответственность, — заключила Татьяна Андреевна.

— Действительно, почему Исида части Осириса по всему свету искала? — спросила Ольга. — Потому что она, имея состояние Любви, цельность обрести хотела. Значит, все эти любовные игры в половинки это всего лишь шаг на пути к Цельности?

— И к Истинной Любви. И половинки здесь определённую роль играют, но если не научились отдавать, заботиться и дарить другому радость, никакая половинка тебя не спасет, потому что одним своим присутствием Любовь не приносит. Десятки раз ещё разойдётесь со своей половинкой, потому что характером не сошлись, а другая, чужеродная, согреет, радостью и светом обдаст, и прилепится ваша часть к ней, потому что там Любовь почувствует.

— Спасибо, Татьяна Андреевне, — сказал Фёдор. — Очень радостную картину нарисовали. К чему теперь стремиться?!

— Мне Николай говорил когда-то, что вы совершенно не такие, какими на первый взгляд кажетесь, — сказала Ольга, — но я ему не верила. Вы все по отдельности интересные, а вместе что-то особое образуете, монолит. Вроде бы спорить начинаете, но не спорите, смеётесь и друг друга поддерживаете не на словах, а по-другому. Мне кажется, что вы друг за друга горой стоите, что вы-то и есть настоящие половинки, из одной капли упавшие на Землю. Вы книг не пишете, а на деле родство духовное показываете, вы никого не учите, а к вам люди приходят, потому что им есть чему поучиться. Понимаете, я чувствую себя совершенно потерянной, потому что у меня слова, а у вас — дело. Вы по жизни правильные, чистые, честные, а я в книжках такая. Зачем они нужны, скажите на милость?

— Как это — зачем?! - хором воскликнули друзья. — Нас знают десятки, а вас — тысячи, вы людям так всё объясняете, что им понятно, а наши объяснения никто всерьёз не воспримет. Если так подходить, то Иерархия не нужна. Зачем она, зачем служители, если Учителя есть? А как же цепь Света, а звенья её, а бусинки в ожерелье? Нет, у каждого своё место есть, и он должен это место найти. Вы на нем находитесь, вы нишу заняли в обществе, теперь расширяйтесь, украшайте её. Кто знает, чем вы потом займётесь? Пока книги пишете, потом будете рисовать или музыку сочинять.

— А может быть, вы будете города будущего проектировать? — вдруг заметила Татьяна Андреевна. — И в основу проектов закладывать драгоценные камни?

— У меня с дизайном плохо, и в камнях я не разбираюсь.

— При чём здесь это? В духе другие знания нужны, там и камни другие, духовные. Они никакого отношения к обычным не имеют. Духовные камни — это структура, основа, кристаллическая решётка, созданная световым потоком. Это Законы Света, если хотите, а камнями называются, чтобы понятнее было. Видите, я вам объяснить это не могу, а вы, когда в суть духовных камней проникнете, людям о них расскажете. Ведь человечество образовывать надо. Без Знаний Любовь Истинная целостной не будет.

— Да, — вдруг спохватилась Татьяна Андреевна. — С Николаем решить надо.

— Это мы потом, — кашлянул Иван.

Когда Ольгу проводили, пришло время и дела Николая обсудить.

— Кто знает, когда он появится? — сказал Михаил. — Вдруг пока не вернётся?

— Мне кажется, что за сроками очень внимательно следят, — задумчиво изрекла Татьяна Андреевна.
— Было сказано год, значит, мы должны известие о нём через год получить. Когда, кстати, он истекает?

— Через неделю, — ответил Фёдор.

— Ну что, будем ждать или сами кое-что предпримем?

— А что нужно? Всего-то жену его успокоить. Как? Деньгами. Можно и к знаниям нашим не прибегать, а у тебя, Михаил, денег занять. Николай появится — отдаст, в редакции, наверное, немало ему накапало. А с газетой пока всё в порядке — Ольга не месте, проблем не возникает.

Деньги они жене передали, и она, похоже, на время утихла, но через неделю Николай не появился, хотя в душе друзей теплилась надежда на встречу. Нет сомнения, что они бы с удовольствием встретили его, пока были вместе, чтобы обсудить дальнейшую жизнь в миру и работу, но зато Татьяне Андреевне принесли письмо, невесть как появившееся и без обратного адреса.

"Дорогие мои, — писал Николай, — пока приехать не могу, но вспоминаю о вас часто. Поскольку обещал подать весть о себе через год, то исполняю сказанное хотя бы короткой запиской. Передайте одно письмо Ольге, а другое — в газетную бухгалтерию".

— О, так и есть, настроение жены своей уловил и просит ей деньги отдать, — читала мысли своего "сыночка" Татьяна Андреевна. — Ну с этим мы уже всё уладили. А Ольге здесь инструкции и просьба побыть редактором подольше. Интересно, насколько?

"Сколько мне ещё пребывать здесь? — думал Николай, окидывая взором привычную ему обстановку. — Была бы моя воля, никогда бы назад не вернулся, несмотря на то, что прекрасно понимаю, как важно моё присутствие в миру".

Николай сидел за скромным столом в окружении огромного количества книг. Это было очень необычное место, своего рода библиотека, которая открывалась взору только тогда, когда Николай входил в неё.

Сначала, в первые разы, он ничего кроме нескольких пустых полок не заметил, но увидел на столе большую книгу, мгновенно привлёкшую его внимание. Книга сама открывалась на тех страницах, которые ему были необходимы, и только через некоторое время Николай понял, что она вроде на мысли его отвечает, только не на чёткие, звучащие внутри, а на непроявленные, которые ещё только формируются.

"Как же это происходит? — удивлялся он. — Я ещё сам не знаю, о чём подумаю, а ответ уже готов. Значит, моя даже мне неизвестная мысль уже где-то записана? Где?"

Он начал поиск и понял, что мысль действительно записана на сердечном кристалле и человек может не знать о ней, если кристалл не приведён в движение или на определённую грань не падает луч света.

"Господи, какое интересное существо — человек! Такое неизученное, само о себе ничего не знающее", — размышлял Николай.

По мере того как Николай читал книгу, он многое узнавал о мироздании, но эти знания сильно отличались от тех, что были ему известны до сих пор. Любой вопрос освещался очень подробно, но в крайне скупых выражениях, и вскоре Николай понял, что он не читает слов — их там не было, а пользуется

понятиями. Это придавало глубину ответам и заставляло мыслить его самого, что в результате приводило к постижению некоторых истин проникновением в их сокровенную природу.

Дальше и вовсе всё было чудесно: стали проявляться книги — то одна, то другая. Николай увидел, что уже долгое время пребывает в их окружении, но они были скрыты от него.

"И так во всём, не только здесь, — подумал он. — Есть вещи, находящиеся вроде бы на виду, но мы их не замечаем, и только когда сознание наше дорастёт до них, они становятся видимыми. Вот моя бывшая жена, например. Она не скрывала своего характера, но я был слеп и не обращал внимания на вопиющие факты. Меня предупреждали те, кто видел, но я не желал никого слушать. Что было бы, если бы мне сразу сказали, что эта комната полна книг? Естественно, я бы не поверил. Но тем не менее они здесь есть.

Как это происходит? — продолжал размышлять он. — Книги материализуются? Нет, похоже, что совершенно всё не так. Книги здесь есть всегда, но моё сознание их не воспринимает. Оно реагирует на более плотные вибрации, а книги состоят из более тонких. Когда моё сознание утончается, я вхожу в резонанс с вибрациями книг и они для меня проявляются. Получается, что один мир как бы присутствует в другом, но для одних он видимый, а для других — нет. А ведь это закон. Там, на Земле, то же самое".

Обитель, в которую попал Николай, была особой. Он там почти ни с кем не встречался, хотя знал, что люди вокруг есть и все они работают и учатся подобно ему. Тем не менее он был изолирован от окружающих и находился в каком-то индивидуальном мире, открываемом благодаря его духовному росту.

Подумает Николай, посетует, что некоторых вещей не знает, и через некоторое время ответ получает, но не путём чувствования, а посредством материализованных форм. Например, по дороге в библиотеку он вдруг заметил однажды ответвление от обычной тропы и пошёл по ней, потому что она явно его приглашала, и через сотню шагов буквально натолкнулся на дверь. Открыл её и попал в лабораторию, в которой ткань тонкую изучали, ее составляющие, вибрационное соответствие. Это и был ответ на вопрос, который уже несколько дней Николая мучил: как можно из одного пространства в другое попадать? Целый день он провёл там, совершенно потрясённый открывшимся ему знанием. На следующий день, забыв о библиотеке, он всей душой стремился в лабораторию, но тропинки так и не нашёл. Что такое сотня шагов? Николай обегал всю округу в радиусе двухсот метров, но ничего не было. Только потом он понял, что может ходить туда только тогда, когда тропа его пригласит, в противном же случае кроме прекрасного сада ничего не найдёт.

И точно, лаборатория проявилась тогда, когда он успокоился и у него утихло исследовательское желание. Будучи в спокойном состоянии и в равновесии душевном, он спокойно сворачивал на тропу и оказывался в дорогой его сердцу обстановке.

Там тоже не было учителей, никто не показывал Николаю, что и где находится, как нужно работать с тканью. Всё окружение само подсказывало ему, каким видом деятельности следует заниматься сегодня, какие приборы нужно взять для проведения исследований. Раз за разом Николаю открывались всё большие тонкости, поражавшие его до глубины души. Оказывается, всё было очень просто: весь мир, все мироздание существовало исключительно благодаря закону вибрационных соответствий. Крошечное изменение в чрезвычайно малых величинах вызывало цепную реакцию, и миры сдвигались, внося коррективы в уже сложившийся уклад жизни.

Оказывается, творение не было чем-то постоянным, но представляло собой вечно движущуюся структуру, расширяющуюся саму по себе и изменчивую внутри. С этой точки зрения человек тоже представлял собой постоянно меняющееся образование, в котором духовные процессы происходили крайне медленно, зато ткань, составляющая форму, распадалась очень быстро.

Николай как раз и изучал соответствие вибраций плотной и тонкой ткани. Он выяснил, что между физической оболочкой и самой тонкой, духовной, колоссальная разница. Разрыв был настолько большим, что для его преодоления когда-то были созданы промежуточные тела, каждое отвечающее за определённые состояния сознания. Каждому телу соответствовали своя ткань и свои вибрации, те, которые это тело могло воспринимать. В результате человек, утончая своё сознание, то есть расширяя восприимчивость, мог "слышать" или резонировать с вибрациями более тонкими. У тех же, в свою очередь, был более широкий диапазон, позволяющий тонкому телу знать все о более плотных телах.

"Просто и разумно, — думал Николай, — но как гениально. При этом движение ни на секунду не замирает. Но как сделать, чтобы плотная ткань так быстро не распадалась?" Он выяснил, что для каждого тела существует как бы своё время, а значит, и своё пространство. Если замедлить бег времени, то ткань будет удерживаться более продолжительно. Этот процесс вёл к утончению ткани, к восприятию ею более тонких вибраций. Все исследования приводили к тому, что человек, никуда не спешащий, не подвергающийся резким эмоциональным всплескам, имеющий четкие мысли и отвечающий за свои слова, переходил как бы в другое время, и ткань его несколько останавливалась в движении, то есть не так быстро распадалась.

Равновесие, гармоничные чувства, жизнь в соответствии с ритмом утончённого пространства омолаживали человека и удлиняли срок его жизни.

Перед Николаем стояла задача поиска средств омоложения, но не внешних, а внутренних. Как добиться того, чтобы человек оставался здоровым, крепким и не чувствовал груза собственных лет? Пусть он живёт свои положенные восемьдесят лет, но не дряхлым и немощным, а сильным, способным трудиться, ухаживать за собой и нести накопленную мудрость людям.

Сколько времени провёл Николай в своей новой обители и чудо-лаборатории, он понятия не имел. Он знал, что утром вставало солнце и ему пора было собираться на работу, а вечером, когда солнце садилось, возвращаться назад после трудового дня. Иногда он ходил на озеро, находящееся недалеко, сразу за лесом, и с удовольствием купался в нём. Никаких домов он поблизости не видел, хотя ощущал присутствие людей. "Или они в другом пространстве, в близлежащем?" — думал он. Конечно же на возникший вопрос скоро он получил ответ, но все-таки перед этим попытался в соседнее пространство проникнуть. Николай пробовал утончить вибрации, а как это сделать? Понимать больше, чем понимаешь сейчас. А что тебе мешает? Существующие представления. Их что, убрать? Нет - в них допустить новое, открыть двери своего сознания.

Одни только мысли на эти темы очень Николаю помогали. Сознание действительно расширилось, и он вскоре заметил, что на озере помимо него купаются ещё несколько человек, а в лаборатории, в дальнем углу, работают ещё двое сотрудников.

Николай набрался смелости и подошёл к ним, несколько опасаясь, что они исчезнут.

—Здравствуйте, — начал он— Вы давно здесь работаете?

—Привет, — не отрываясь от наблюдений, ответили ему. — Заметил нас? Мы здесь всё время, гораздо дольше тебя.

—Значит, когда я появился, вы уже здесь были? — Конечно. Мы и за тобой наблюдали, чтобы ты ничего ненароком не испортил.

Николай начал лихорадочно вспоминать, не сделал ли он чего-то нехорошего? Ведь когда человек остаётся наедине с собой, он ведёт себя не так, как в обществе. Но ничего предосудительного не вспомнил.

"Какой ужас, — подумалось ему. — Когда мы там, на Земле, в плотном мире, нас тысячи людей невидимых окружают. И что же мы творим, как себя наедине с собой ведём?"

— Друг за другом никто не следит, — сказал один из его новых знакомых, — потому что все заняты собственной работой, но казусы иногда наблюдаются.

— Людей надо предупреждать, — всполошился Николай. — Это же стыд какой!

— Да ты чего, зачем? Люди таких вещей не понимают. Невидимо, значит, не существует. Твои объяснения никто всерьёз не воспримет и, даже поверив, особо поведения своего не изменит.

— Наверное, есть лаборатории, в которых за нюансами человеческого поведения следят?

— Есть. Например, существует лаборатория раздражений, эмоциональной несдержанности, потом, есть отделение по исследованию семейных отношений, памяти, мысли, умственных способностей, раскрытия потенциальной силы и т.д. У нас материал собран богатейший, но он не просто коллекционируется, а исследуется. Нам знать нужно, какие шаги в дальнейшем предпринимать, чтобы люди правильно развивались, гармонично, чтобы жилось им лучше, спокойнее, приятнее. Наши выводы мы отдаём в другие отделения, в которых конкретные задачи ставятся. Задания людям нашим передаются, что в миру находятся, а они уже их выполняют по мере своих возможностей. Вот такая цепочка выстраивается.

— Понятно. Здесь интересно, а там, в миру, сложно, что-то вроде нахождения в тылу врага получается, где враг — ты сам.

— Да, верно. Мы чередуемся — кто-то уходит, кто-то приходит. Но здесь, в этой обители, находятся те, кто в теле плотном по Земле ходит. Вот ты, например, уже одну тайну постиг.

— Какую? — удивился Николай.

— Ты же в теле сюда пришёл, а потом в теле же начал продвигаться вперёд. Это говорит о том, что тайны материи твоему сознанию подвластны, что у тебя знания определённые имеются.

— Да что вы, — махнул рукой Николай, — это я так, по наитию. Экспериментировал, и получилось.

— Ну, — засмеялись его новые друзья, — это и есть высшее знание, когда по наитию ты в теле в духовную обитель попадаешь.

— Насколько я понимаю, мы находимся на Земле, правда? В тонких структурах. Может быть, мы даже в Москве.

— Нет, сейчас в крупных городах обителей-лабораторий практически не осталось. Экология не позволяет да и многонаселённость. Мы переместили их в более чистые и малонаселённые районы.

— Скажите, а случайно не отсюда тонкие контакты с человечеством налаживаются?

— Ты спрашиваешь о голосах и общении с Учителями?

— Да, именно об этом, — сказал Николай.

— Есть здесь и такая лаборатория, но она особым явлением занимается — это когда рост духа сильно опережает рост всех остальных тел. Это лаборатория гармоничного развития. Таких людей на Земле очень мало, и они все известны наперечёт. Конечно, за ними наблюдают, и не один, а, как правило, группа учёных, потому что иной раз необходимы тонкие вмешательства, операции своего рода. Но помимо наших обителей, находящихся под непосредственным наблюдением Учителей, существует масса других, созданных человеческими представлениями, то есть мыслеформами, в ложных пространствах планеты. В тонком мире всему есть место, любому явлению, которое ты можешь чётко нарисовать внутри себя. Это и представляет большую опасность. Мы предупреждаем, учим правильно мыслить, но люди не понимают, какая опасность таится за любимыми их мыслями. Нужно воспитывать ответственность за слова, что мы и делаем всеми доступными нам способами, но лишь единицы воспринимают наши советы и следуют им.

Многому Николай научился у своих новых друзей, но главное, что он понял, так это какая колоссальная ответственность теперь лежит конкретно на нём. Возвращение в мир он уже воспринимал не как тяжкое задание, а как необходимость. "Если не я, то кто? — часто повторял он.

Понял он и другое: чем занимались в миру Иван и Сергей, Фёдор и Михаил, Молчун и Татьяна Андреевна. "Кто в состоянии оценить их подвиг, сострадать их жизни, постичь, что творится в душе их, когда целиком и полностью они здесь, в ином мире? Каждой клеткой своего существа они рвутся назад, в свои родные домики, в близкие им обители, но обязаны находиться среди массы отсталых и ничего не понимающих людей. При этом они сохраняют равновесие, жизнерадостность, воспитывают себя, идут к святости и простоте! Какой мерой измерить их духовное величие, их жертву, их любовь?"

"Тебе пора возвращаться, — услышал Николай голос внутри себя. — Миссия твоя выполнена, начинается этап служения. Живи просто, даруй людям свет, знания, неси им радость". И это всё? Может быть, есть какое-то особое задание?" — спросил Николай. "Есть, — услышал он, — стань светлее, чем был, стань опорой людям, тебя окружающим, люби их".

Николай и понятия не имел, каким образом он должен покинуть обитель, потому что не знал, как сюда попал. Ему казалось, что всё было просто: когда пришёл срок, он оставил свой привычный домик, обсерваторию и институт и отправился в путь совершенно один. Не прошло и получаса, как он увидел одинокий, как будто из облака сделанный домик. Николай сразу понял, что это его новое жилище, но позже, сколько ни изучал окрестности в районе получаса ходьбы, своего старого поселения не обнаружил. Видимо, он так же вошел в тонкое пространство, как когда-то из тайги — в цветущую долину.

Теперь ему нужно было надеяться на свою интуицию, на внутреннее знание. Врата открывались сами по себе, но ключ к ним Николаю предстояло обнаружить самостоятельно.

На следующий день, попрощавшись со своими друзьями, он отправился в обратную дорогу с небольшим рюкзаком, с тем, с которым блуждал по тайге. По его мнению, он должен был сначала попасть в

долину, а оттуда уже выйти в тайгу, но всё происходило совершенно иначе. Дорога постоянно раздваивалась, и Николаю приходилось выбирать один путь, руководствуясь исключительно собственным чутьём. Никаких поселений и близко не было. Заночевал Николай прямо в лесу, а утром продолжил движение. Он понял, что просто так отсюда не выберется, что от него требуется определённое состояние сознания. Но какое? Понятно, что вибрации его тела должны стать несколько грубее, но насколько?

"Но я же людям иду служить, — подумал он. — Если вибрации станут грубыми сверх меры, я не донесу до людей новых знаний, я потеряю связь с обителем. Впрочем, мои друзья живут в миру и связи установившейся не теряют. Более того они свободно проходят из одного пространства в другое, ведь и Фёдор, и Татьяна Андреевна были около меня. Нет, здесь сокрыто нечто совершенно другое. Да какая разница, в конце концов, мне просто нужно быть среди людей, а куда поставит меня судьба на службу, я не знаю да и знать пока не хочу".

Не успела эта мысль прийти ему в голову, как Николаю показалось, будто знакомые места его окружают. Запахи стали другими, ветер более настойчиво бил в лицо. Он решил оглядеться и присел на старый широкий пенёк. То ли ему почудилось, то ли это было правдой, но услышал Николай чьи-то шаги. Напряг он слух и зрение, потом вскочил на ноги и пошёл навстречу шелесту и шороху листьев. Как из-под земли перед ним выросла фигура, которая с радостным криком бросилась навстречу.

— Как ты тут оказался? — скороговоркой выпалил Молчун. — А я чувю, что в лес идти надо, место заветное меня зовёт. Маялся, маялся, но всё же себя послушал и пошёл. Видишь, не зря, себя всегда слушать надо.

— А ты тут как? Как тебя в тайгу занесло? Фёдор где? — тоже радостно спрашивал Николай.

— Какая тайга? Дома я, на севере, недалеко от озера нашего. А ты, небось, блуждал по пространствам мысли? Не летал? Я как вспомню, что со мной творилось, так от стыда краснею. Но давно я туда не попадал.

— И ты тоже знаешь, что это такое? Вот не думал. А впрочем, что здесь удивительного, если ты через двести лет шагнул? Видимо, и такие Врата существуют. Постой, — вдруг пришла в голову Николая нелепая мысль. — Какой год на дворе? Может быть, новое тысячелетие, год две тысячи двухсотый?

— Нет, — засмеялся Молчун. — Ты что думаешь, я бессмертный? Начало нового тысячелетия, лето наступает.

— Э, брат, да я на год опоздал. Значит, год по земному я там пробыл! Как наши-то? Где Михаил, Татьяна Андреевна?

— Дома, где им быть? Дай им знать, что ты тут объявился, завтра же примчатся.

— А как, звонить нужно или телеграмму дать?

— Вот чудной! Мысль пошли бесплатную. "Действительно, как я не подумал о мысли? — сделал себе выговор Николай. — Все законы тонкого мира здесь прекрасно работают!"

Как-то всё непривычно было дома. Вроде бы так же, да ничего похожего.

— Ты привыкай, обживайся, пойдёшь к озеру, подумай. Или тебе телевизор включить?

Вот об этом изобретении Николай начисто забыл.

— Включи, я так быстрее пойму, что здесь происходит, — сказал Николай.

Но когда Молчун включил телевизор, Николая буквально с места волна ужаса подняла.

— И ты это смотришь? Вибрации такие с экрана несутся, что меня за час разрушат, все тела расштатают!

— Нет, я только новости смотрю, чтобы в курсе быть, а больше ничего. А люди все телевизор смотрят, все программы. Что есть-то будешь?

Это тоже удивило Николая. Действительно, тут же есть нужно, питаться правильно.

— Картошку варёную, если есть, и чай.

— Ты пойдёшь посиди у озера, пока я всё приготовлю.

Николай с удовольствием ушёл. Ему необходимо было свыкнуться с вопросами бытовыми, вспомнить то, от чего отвык. "А если завтра на работу? — подумал он. — Нет, я не готов. Нужно тут немного побыть, с нашими пообщаться".

На следующий день Николай с нетерпением посматривал на дорогу, знал, что примчатся друзья, только кто?

Оба, оба торопились обнять его, прикоснуться к давно не ощущаемым токам.

— Ну ты как, родненький? Как тебе здесь? Всё-таки долго отсутствовал, не день, не месяц.

— Непривычно, и делать вроде бы нечего.

— Да, с этим будут проблемы, но они решатся. Вернёшься в Москву, в газету, у тебя сразу куча обязанностей появится. А Сергей как чуял, говорит, что скоро объявишься. Письма твои все передали, деньги жене отдали, газета в порядке, Ольга там на месте все проблемы решает.

Николай только усмехнулся, потому что писем не писал, инструкций никаких не давал, но думал о том. А о газете он меньше всего беспокоился.

— Видишь, как бывает, ты о себе знаешь одно, а получается что на деле другой выходишь. Тебя ведь спрашивали, что тебя держит в миру, и ты сразу ответил, что дочка, газета, квартира, а оставил всё, не задумываясь. Другой же человек клясться будет, что ничего его не держит, но если понадобится оставить, так вцепится в добро своё и с места на сдвинется, — заговорила Татьяна Андреевна.

— Ты несколько дней здесь побудь, к вибрациям нашим привыкни, а потом только в город поезжай, — советовал Михаил.

— Послушайте, мне вроде бы один путь уготован — в Москву. Деться больше некуда, но, может быть, мне туда не надо? Страна-то большая, рыцари везде нужны, — сказал Николай и запнулся, потому что в первый раз в жизни слово это произнёс, к нему относящееся. Никогда он о себе как о рыцаре не думал.

Все заулыбались, потому что поняли, в чём его замешательство.

— Это ты сам решай. Здесь мы инструкции только от своего сердца получаем. Посоветуйся с ним и действуй, никого не слушая, ни на кого не оглядываясь, даже на нас, — добавил Михаил.

Два дня они пробыли вместе, слушая рассказы Николая и вникая во многие подробности, ранее им неизвестные. Он говорил то, что мог, что считал нужным, но иной раз даже за его молчанием друзья угадывали такие космические глубины, что дух захватывало от тайн, сокрытых в каждом человеческом сердце.

Многие подробности были крайне необходимы Татьяне Андреевне, которая продолжала изредка встречаться с Нуоми и получать от него указания по поводу того, как вести себя в обычной жизни.

Решение пришло к Николаю внезапно. Проснувшись рано утром, искупавшись в озере и встретив солнце, он примчался в избу и громко объявил: — В Москву! Задерживаться здесь дольше нет никакого смысла, дела и люди не ждут.

Быстро собравшись, они уехали в город, к вящему неудовольствию Молчуна, который намеревался провести с ним неделю.

— Мы к тебе потом наведаемся или тебя в город заберём, — сказал Михаил.

— Нет, мне там делать нечего, — упёрся Молчун. Одной поездки ему было достаточно, чтобы навсегда отвлечь от городской жизни.

В городе, посадив Николая на самолёт, друзья грустно махали ему вслед.

— Да что мы грустим? — спросила Татьяна Андреевна. — Мы что, не увидимся никогда?

— Вы же сами знаете, что грустно нам оттого, что живая ниточка, связующая нас с обителью, из рук наших ускользает. Но это поправимо! — изрёк Михаил. — Самим нужно туда отправляться.

— Да, была бы на то наша воля, — заметила Татьяна Андреевна.

— И наша воля, и воля Учителя когда-нибудь совпадут, и мы окажемся там, где живут наши сердца. Так будет.

— Да будет так! — прозвучал неслышимый голос.

Книга 3

Ольга, как всегда, просматривала утренние материалы, когда в кабинет зашёл Николай.

— Какими судьбами? — вскочила она. — Я думала, что вы хотя бы за несколько дней предупредите.

— Если бы я мог, я бы это обязательно сделал, но я только вчера вернулся, — ответил Николай, радостно обнимая её. — Там вся редакция собралась, зовут нас отметить моё возвращение, пойдёмте.

— Конечно, пошли, — сказала Ольга. Вопросы сыпались со всех сторон, и Николай честно, как мог, на них отвечал. Говорил, что страну не покидал, ездил по Сибири, по далёким деревенькам. Места глухие, связи с миром практически никакой, многому научился, тайгу знает хорошо, может жить в ней, особых неудобств не ощущая.

Сам он, в свою очередь, тоже задавал вопросы, связанные в основном с людьми, с тенденциями развития общества.

— Вообще-то, за два года всё сильно изменилось. Психов стало поменьше, поутихли они как-то. Потом, прошёл этот бум апокалиптический, с затмениями и парадом планет связанный. Лето девяносто девятого ознаменовалось победой жизнедеятельности человека, хотя ряд катастроф потряс планету. Но это вы, наверное, слышали, — заметила Ольга.

— Да откуда? Телевизоров там нет, а радио не было у меня. Ну и хорошо, что не было, иначе бы я вас не слушал, — сказал Николай.

— Что делать будем? Когда вам дела сдавать? — спросила Ольга. — Вы в курс должны войти.

— Должен, но сразу этого делать не буду. Я бы хотел какое-то время свободный график иметь, — сказал Николай. — Думаю, месяца три вы ещё редактором будете, если не дольше.

Поговорив с ней ещё немного, Николай отправился побродить по Москве. Всё ему казалось совершенно необычным, не таким, как раньше. Держался он прекрасно, но эманации толпы ощущал каждой клеточкой своего существа. "Да, — подумал он, — раньше я так не реагировал". Потом он позвонил дочке и поехал навестить её. Встретила Николая красивая девушка, в которую за два года превратилась худенькая и угловатая девчушка.

— Ты, папа, тоже изменился, возмужал. Спортом занимался? Руки у тебя и плечи как у хорошо тренированного спортсмена.

— Да ты что? — удивился Николай — Я и не замечал.

— Как же такое можно не заметить?

— Ты где отдыхал? — спросила его вошедшая в комнату жена. — Загорел, окреп. Уж не на Канарах ли? От тренажёров не отрывался?

- То-то я чувствую, что костюм мне маловат стал, — сказал Николай. — Новый нужно покупать. Где они продаются?

— Там же, где и раньше. Но ты бы лучше за границей купил, чем здесь будешь бегать искать. Постой, я всё улажу, — сказала она и пошла звонить. — Денег сколько не жалко?

Тут Николай вспомнил, что совершенно забыл о деньгах в редакции спросить, а ведь они ему ой как сейчас понадобятся.

— Деньги мы получили, — вдруг крикнула жена, — но мог бы и сам занести, раз пришёл.

"То-то она добрая такая, — подумал Николай. — Кто же позаботился?" И вдруг перед глазами Сергей возник. "А, это ты, — мысленно проговорил Николай, — вечером зайду, мои дорогие друзья".

Одновременно с этим мысленным диалогом Николай осознал, что может совершенно спокойно общаться с ними — стоит только подумать. "Так я могу и с Фёдором поговорить, и с Михаилом. Как же это у меня получается, если я специально не учился?" — "Это вещи самые элементарные, — услышал Николай Фёдора, — и редко кто им специально обучается. Знание такое приходит само по себе, когда ты познал нечто более сокровенное".

Николай ещё немного посидел с дочкой и отправился домой, чтобы попозже вечером навестить Сергея с Иваном.

Почему-то к встрече с ними Николай готовился особенно. Всё-таки именно благодаря этим ничем не примечательным людям удалось ему выйти на истинный путь, добившись исполнения самых заветных своих желаний. Ни единым словом не обмолвились они о том, что знали, где бывали, чему и как служили, но скромно и просто исполняли свой долг в миру.

"Где мне слова благодарности взять такие, чтобы выразили они то, что чувствую я по отношению к этим великим духам и величественным душам, творящим жизнь?" — "И не ищи слов, — услышал Николай хорошо знакомый голос, — просто будь рядом с ними. Они всё поймут".

Сидя в окружении друзей, Николай тихо радовался. Действительно, слова им были не нужны.

— Ты не спеши нам всё сказать, что знаешь. Постепенно, понемногу, по чуть-чуть поведаешь свою прекраснейшую историю, — говорил Сергей.

— И мы, так и быть, тебе кое-что расскажем, — добавил Иван. — Наш опыт тоже может пригодиться.

— Как я был наивен, как самоуверен, как глуп, в конце концов, — сказал Николай. — Но более всего мне вспоминаются слова старика-лесника. Он всё улыбался и головой покачивал, "от добра добра не ищут, от Света не бегают", повторял. Значит, знал он про Фёдора, но словом не обмолвился!

— Кто же это такой? — задумался Сергей. — А, знаю, старый помощник, много добрых дел нам сделал. Товарищ Молчуна по прежней жизни.

— И никогда далее леса своего не ходил? — спросил Иван.

— Нет, так и лесничит, ждёт, когда Свет сам близко к нему подойдёт.

— И он пойдёт искать Истину, — заметил Николай.

— Вряд ли. Пути у людей бывают очень странные и весьма своеобразные. Не каждому нужно идти Истину искать.

— Неужели и такое бывает? — удивился Николай.

— Чаше бывает, что никому ничего не надо. Ты сейчас не поражайся ничему, поживёшь, привыкнешь. Работать будешь в газете?

— Да, но редактором со свободным графиком работы. Мне нужно время, чтобы освоиться, а то есть вещи, которые меня просто поражают, в голове не укладываются. Мне кажется, что всё элементарно просто, а люди не понимают. Как до них достучаться?

— Ищи. А может быть, семинар медитативный организуешь? — улыбнулся Сергей.

— Ну уж нет. Хватит там твоих знаний. Мне нужно что-нибудь попроще, вроде лектора из Общества знаний.

— А как ты у Молчуна оказался? — вдруг спросил Иван.

— Я шёл назад и был уверен, что выйду в тайгу, около Фёдора, но почему-то оказался на севере.

— Прав был Фёдор, там ход есть, — сказал Иван. — И ты говорил, что пещеры там необычные, помнишь?

— Помню, — отозвался Сергей. — Много тайн на севере сокрыто, и пещеры самоцветные — одна из них.

Николай окунулся в жизнь, с трудом понимая, что ему в ней делать. Предстояло занять своё место, найти нишу для духа, ограниченного такой формой: формой редактора оккультной газеты. Он как будто учился общению с людьми заново, что было весьма непросто, потому что легко мог скатиться на обыкновенное поучительство. Хорошо, что рядом были Сергей и Иван, на примере которых Николай постигал мудрость высокого духа, находящегося в миру.

Никогда и никому не говорили они лишних слов, а только умело направляли дух людей на собственный поиск. Действительно, каждому предстояло идти своим путём и искать то, что отвечало потребностям души. Часто Николай беседовал с Ольгой, приходил на её семинары, чтобы понять, что интересует людей, чем дышат московские оккультисты-эзотерики.

Ольга издала уже четыре книги, пользующиеся популярностью. Она очень сильно изменилась, более глубоко старалась вникнуть в волнующие её вопросы. Потихоньку, благодаря подсказкам Сергея и Ивана, она разобралась в голосе совести, голосе сердца, голосе Учителя. Она стала отличать один от другого и обращаться к жителям своего внутреннего мира соответственно.

— Вы, Николай, совсем другим человеком стали. В вас что-то от Ивана и Сергея появилось: уверенность, сила, отзывчивость. Я вспоминаю те вопросы, что вы мне задавали, и теперь понимаю смысл их. Ясно мне, что вас тревожило, что жить спокойно не давало. А как сейчас, разрешили их?

— Да, теперь внутренних противоречий не существует. Ольга, а вы довольны своей жизнью, тем, что имеете?

— И да, и нет. Меня устраивает то, что я пишу книги, что работаю в хорошем месте, потому что большинство людей духовных бедны и неустроены, но что делать дальше, я не знаю. Вроде тупик впереди. Я понимаю, что благое дело — книги писать, семинары вести. Хоть какой-то свет в жизни этой, но мне этого мало.

— А желания есть какие-нибудь?

— Книги писать и развиваться, но это стало терять для меня прелесть свою особенную.

— Может быть, вам политикой заняться? Хорошее дело, между прочим. Там светлые головы нужны, да и свет сердца никому не помешает. Кто же во властные структуры его принесёт, если не вы?

— Вообще-то я от всего этого стараюсь держаться подальше, но кто знает? Надо спросить Учителя.

— Вы по-прежнему по любому поводу Учителя спрашиваете?

— Нет, редко к нему обращаюсь, чаще к сердцу своему.

Николай вдруг вспомнил, как ему хотелось Ольге глаза на мир раскрыть, рассказать ей то, что он понимает. Сейчас даже тени такого желания не было. Ольга должна искать и находить выход сама.

Всё-таки косвенная подсказка Николая подействовала на Ольгу, и она начала задумываться о том, что ей следует делать дальше и куда направить свои силы. Свет, идущий через неё, должен был разливаться по миру, и Ольга считала, что обязана участвовать в этом процессе. Сказано: руками и ногами. Если она сама не построит новый мир, то что же вообще здесь, на Земле, делать? Поэтому, имея множество знакомых и почитателей, Ольга начала со слабеньких попыток "протолкнуть" идеи из своих книг в массовой печати. Кое-где стали появляться статьи о ней, о её творчестве, проиллюстрированные выдержками из книг.

Вокруг Ольги образовался кружок близких и творческих людей, движимых самыми светлыми побуждениями. Они хотели что-то делать, хотя, может быть, и не знали как. Ольга ловко и умело направляла их на самотворчество, на реализацию их внутренних планов, о которых они узнавали из Ольгиных уст.

— Разве вы давно уже не вынашиваете идею о фильме? — обращалась она к одному известному режиссёру. — Десять лет вы ходите вокруг да около, а время-то идёт. Может быть, пора начинать?

Поддерживаемый Ольгиной энергией и светлой силой, режиссёр приступал к исполнению своей заветной мечты.

— Пусть кое-где звучат тексты из моих книг. Они прекрасно проиллюстрируют ваш видеоряд.

— Конечно, — соглашался режиссер, — можно даже сделать так, чтобы вы мелькнули на экране. — Пусть люди привыкают к светлым лицам.

Работа кипела: делались выставки одарённых художников, в организации которых Ольга принимала самое деятельное участие. Она выступала на вернисажах, в школах, в комитете по культуре, в узком кругу людей, разделяющих её взгляды.

— Сергей, как ты думаешь, зачем Ольга всё это делает?

— Свои светлые идеи она несет в жизнь.

— А почешу таким образом? Почему она старается везде присутствовать? Зачем она свои частички всюду оставляет?

— Таково её представление о творчестве и творении. Так она реализует свой творческий потенциал.

— Разве не должно это происходить само собой, без её подсказок? — спрашивал Николай.

—Представь, что у актёров, у крупных коллективов существуют импресарио. На их плечи ложится забота о "протаскивании" актёров. У Ольги никого нет, и она сама заботится о себе.

—Ты думаешь, она жаждет известности и популярности?

— И это ей не чуждо. Внутри у неё написан определённый сценарий. Все, что она делает, — это подключает людей к его исполнению. Это же не театр одного актёра! Она является творцом своего мира, а окружающих её людей она использует как строительный материал.

— Но это же как-то непорядочно. Люди не знают, какая роль им предназначена.

— А ты сам знаешь, какую роль в игре Творца играешь? — спросил его Сергей.

— Сравнил! Может быть, это сейчас задача моя — жить в гармонии с миром и постоянно осознавать, что мне надлежит совершать.

— Вот ты правильно заметил, что ты хочешь знать, что делаешь в рисуемом Творцом узоре, а ещё лучше, самому его рисовать. Значит, пока мы глупые, мы слепо исполняем чужую волю, не спрашивая себя, а хотим ли мы это вообще делать. Мы как бы на поводу у событий идём. Как только ты умнеешь, ты уже себя слушаешь. Да, Ольга сейчас играет в игру по своим правилам, но люди же её слушают. У них вопросов не возникает, они довольствуются тем положением, тем местом, на которое их поставили. Когда они поймут, что они — пешки, многие уйдут творить своё.

— Ты хочешь сказать, что кто-то и останется?

— Кого-то это устроит, кто-то не захочет ничего менять, другие довольствуются Ольгиной энергией. Но вообще-то дело в другом. Каждый человек должен почувствовать себя творцом. Когда он осознает, что в его руках находится сила, что он способен создавать свой собственный мир и ему дано на это право, он, я думаю, достигнет своей вершины. Дальше он может на ней оставаться до конца дней своих, но может и добровольно уйти. Мало кто уходит, ибо на это мужество необходимо.

— Как думаешь, это всё правильно?

— Всё в этом мире правильно, даже если странным кажется. Одно служит другому. Многие люди, вокруг Ольги собирающиеся и ей служащие, на ступеньку новую восходят. Но я думаю, что это очередная ловушка. Понимаешь, тебе дают возможность поиграть в Творца. Ты должен осознать ответственность свою за тот мир, который создаёшь, за каждого человека в отдельности. Потом ты должен понять, что мир твой не мир, а мирок, что он крайне ограничен, что людьми управлять и находить им достойное место очень сложно. Человек должен осознать, что творить по большому счёту имеет право только Творец, а если ты начинаешь самостоятельную игру, то она — бездуховна. Тебя испытывали: - возьмёшь ли на себя бремя Творца? И человек с радостью соглашается: как же, удостоился, почтили вниманием, доверили! А на тебя сверху смотрят и улыбаются: ну, поиграй, потешься, испей до дна чашу эту.

— В общем, человек понять должен, что его испытывают именно потому, что он многого достиг? По идее, дальше следует от всего этого отказаться, срочно поменять взгляд на действительность, потому что случилась кристаллизация формы.

— Да, тебя завлекли в игру и обезоружили, тебя лишили возможности иметь своё мнение. Ты вообще забыл, что нужно только себя слушать. Чтобы выйти из игры, следует понять, а чего ты сам хотел, что сердце тебе говорило? Когда поймёшь, можешь там остаться, если захочешь.

— Я думаю, что никто бы не захотел, когда понял, что тобой, по сути дела, распоряжались.

— И это не так. Свободен тот, кто игру эту раскусил. Он со стороны смотрит и решает, что ему делать. Вот я всё вижу и поэтому могу Ольге помогать. Ольга не видит столько, сколько я, потому что она уже в творении своём растворилась, а я снаружи за всем наблюдаю.

— Получается, что ты как бы в роли мудреца выступаешь, видящего истинную картину, а сам творец, вошедший в творение, становится субъективным оценщиком своего творчества.

— Да, это касается человеческого творчества, людей, возомнивших себя творцами и забывших о Высшей Воле. Но это поправимо. Испытываются здесь, чтобы не ошибиться там! — Сергей поднял палец вверх.

— Значит, я должен для себя решить, помогать Ольге или нет. Я тоже её игру вижу, но не мог понять, из каких соображений она делает это. Понятно, что всё вроде бы из благих побуждений, но и о себе не забывает, хочет на пьедестале стоять.

— Николай, какое тебе до этого дело? Пусть постоит, порадует. Ты себя слушай, и тот участок, где наблюдается застой, принимай и наполняй светом. С её намерениями карма разберётся. Ты тоже не путай и роль судьи на себя не бери.

— Верно ты говоришь. Я должен наблюдать и выводы делать, чтобы ошибок, другими совершённых, не повторять, — заметил Николай. В Много вокруг людей хороших собралось, есть с кем поработать.

— Вот видишь! Ошибка наша ещё и в том, что мы ищем что-то особенное, считаем, что нам место специальное уготовано, что миссию не исполним, если не найдём его. Не так это. Всё гораздо проще: просто живи, в обычном дне будь человеком, дай людям возможность на тебя опереться. Люди ведь слабые, им силы не хватает, силы духовной, и они потому хотят всегда кого-то повыше себя видеть. Правда, потом разочаровываются и страдают, но не нужно было никого на пьедестал возводить! Будь самым обыкновенным человеком, работай, учись, люби, показывай пример своей жизнью.

Николай, поглощённый узнаванием мира, об обители часто не вспоминал. Более того, он гнал от себя недавнее прошлое, думая, что оно будет мешать ему. Но разве можно покинуть родину свою, сердце своё? Сначала это случалось редко, но потом нет-нет да и нахлынут воспоминания, и он уносился в мир иной, где все его радовало и в котором он ощущал необходимость свою. Там он был нужен. А здесь? Кто бы заметил исчезновение его? Горстка близких. Что бы изменилось здесь без него? Да ничего.

"Нет, — услышал он, — ты ещё не понял, как важно твоё присутствие в мире, как необходимо твоё сознание, воспринимающее действительность широко. Люди задыхаются от узости своих взглядов, от тесных комнат, в которых живут. Помоги им расширить их представления о мире, разбить перегородки между сферами, выбраться из лабиринта. Тебе стало доступно другое. Расскажи о нём, посеи в сердцах человеческих зёрна мечты о необыкновенном и прекрасном будущем".

Николай всеми силами души пытался привыкнуть к миру, но что-то внутри сильно сопротивлялось. Лёгкий, вдумчивый и очень общительный прежде, сейчас он не находил себе места. Ему было неинтересно говорить ни о чём, изображать внимательного собеседника, вникать в проблемы других.

— Сергей, ну неинтересно. Зачем себя насиловать?

— И мне неинтересно. Я просто открыт всему и предоставляю тело своё Высшим силам, чтобы использовали они его по своему усмотрению.

— И я это делаю, но внутри растёт глухое недовольство. Я понимаю, что обязан потерпеть и постепенно всё образуется, но у меня, если так можно выразиться, азарт отсутствует.

— Попробуй с природой пообщаться, поезжай к Молчуну, может, там оживёшь? — предложил Иван.

— Думал я об этом и, пожалуй, поеду. Собрался он почти мгновенно, и на второй день Николая в Москве уже не было.

Татьяна Андреевна, Михаил и Молчун очень ему обрадовались.

— И что тебе в городе пыльном делать? Переезжай жить ко мне. Леса густые, снегу много зимой, ягод разных — не счесть, небо такое, какого нигде и никогда не увидишь, — уговаривал Молчун Николая.

— Оставь человека в покое, — строго сказал Михаил, — пусть сам решает.

Николай целыми днями по лесу бродил, у озера сидел, за зверьми наблюдал. Мыслями он уносился далеко, в сферы запредельные, подолгу находясь в них и отыскивая возможности помочь своим друзьям. Он продолжал участвовать в сложных космических проектах, давал советы некоторым группам учёных, даже разрабатывал новые приборы, но уже в тонком теле, куда же девать свою низшую четверицу — понятия не имел.

Однажды, стоя на том самом интересном месте, где, по предположению его друзей, находились пещеры, Николай услышал голос, который произнёс: "Постой, не уходи". Он действительно уже собрался идти домой, но остановился, чтобы понять, что будет дальше. Вдруг неведь откуда перед ним появился человек, который сказал, что он послан попросить Николая несколько дней поработать с ним и....

— Если ты не против, то приходи завтра сюда. Николай совершенно не был против, более того, он несказанно обрадовался этому предложению, даже не спросив, а кто, собственно, приглашает его.

На следующий день Николай ждал провожатого. Он появился так же неожиданно, как и вчера, и попросил Николая следовать за ним. Сделав буквально несколько шагов в сторону, он увидел вход в пещеру. Последовав за посланником, Николай попал совершенно в иной мир, поразивший его необыкновенной красотой.

— Это наши пещеры, — объяснил проводник, — но это не лаборатории и не иное пространство. Это всего лишь вход, преддверие. Отсюда мы можем попасть в другие миры, находящиеся далеко за пределами этой планеты. Зная направление и числовую вибрацию какой-либо звезды, входящей в Содружество Миров, ты окажешься на ней, если твои вибрации схожи с её излучениями.

— А какая разница допустима? — спросил Николай.

— Небольшая, но для каждого мира — своя. Чем выше по уровню развития мир, тем уже диапазон вибраций, с которыми ты можешь войти в резонанс. Земля обладает очень широким диапазоном допуска, поэтому она кажется открытой для любых сил.

—И где же находится ваш мир?

—Очень далеко. Условно его можно назвать системой тройной поддержки, потому что звёзды, находящиеся друг от друга на расстоянии тысяч световых лет, вошли в духовный контакт и образовали единство. Эти звёзды видны с Земли, потому что они имеют плотное тело, но я приглашаю тебя в их тонкий мир.

— Зачем же нужно было входить в иное пространство здесь, на Земле?

— Только здесь, у Врат, ты можешь оставить своё физическое тело, а в тонком отправиться в наш мир. Здесь твоё плотное тело будет оберегаться, но и тонкое уйдёт под сильной системой защиты. Уходить далеко небезопасно.

— Да какая опасность может быть для духа?

— В космосе опасность представляют другие вибрации, а также гравитационные поля неизученных систем. Чтобы не входить с ними ни в какой контакт, мы и предлагаем систему защиты.

—Хорошо, — согласился Николай, — только я спрошу разрешения.

"Входить в контакт и помогать представителям любых миров, входящих в Содружество, ты имеешь право, если только у тебя нет обязанностей по работе в наших лабораториях. Дело в том, что во время путешествия все твои тела на время как бы выходят из строя. Ни одно из них не пригодно для работы. Спроси Учителя, — слушал Николай.

Впервые за всё время он обратился к Учителю за советом.

"Попробуй, если желаешь получить некий опыт", — был ответ.

—Я готов, что нужно делать? — обернулся Николай к провожатому.

—Ложись, — сказал он. — Тело останется здесь, а с духом мы начнём работу.

Тут же Николай ощутил, как тело его окутала лёгкая дымка.

— Это защитный слой. Сейчас их будет больше. Николая словно запеленали, и когда процедура была закончена, он попробовал двигаться, думая, что не сможет пошевелиться. Ничего подобного! От одной мысли тело его взмыло, уносясь куда-то с колоссальной скоростью. Ему даже показалось, что он теряет сознание.

— Удерживай сознание, — услышал Николай. — Ты должен знать, что и где делаешь. Это очень важно — быть в сознании.

Сделав усилие, Николай осознал своё тело и себя в нём и продолжил полёт вроде бы с замедленной скоростью. Буквально через несколько секунд он оказался в другом мире, где к нему навстречу потянулись

добрые и мягкие руки. " Похоже на крылья", — подумалось ему, и с удивлением он увидел, что сам тянется навстречу небесным созданиям крыльями, имеющимися у него вместо рук. "А тело у меня какое?" Тут же он увидел бестелесное создание, легко парящее в небесах и не имеющее чётких форм. Но что у него было, так это глаза. Казалось, что вместо лика сияли очи. Как по-другому мог назвать он то, что видел? "И это — я?" — нарисовался вопрос. "Ты, — был ответ. — Мы сами себя не знаем, своего истинного облика". — "Да это что-то вроде ангела или серафима". — "Совершенно верно", — заметил голос, но не стал ничего пояснять дальше.

Человеческого сознания в том смысле, как оно понимается на Земле, там у Николая не было. Всё ощущалось совершенно иным образом, не чувствами или мыслями, а как бы всеми клеточками его существа, только не плотными, а тонкими. С жителями этого мира Николай общался состоянием, но оно не концентрировалось в сердце или в голове, а было разлито по всему огромному бесформенному облаку, в котором, однако, проглядывались руки-крылья, голова, тело.

Казалось, пронесли мгновения, он ощутил обратное движение и лёгкий толчок.

— Ты вернулся назад, - говорил Николаю проводник, — но пока должен побыть здесь, чтобы постепенно к тебе вернулись все чувства, чтобы все тонкие тела обрели прежнее равновесие. Нужно подождать, чтобы все рецепторы тонких тел вошли в контакт с физическим телом, с гармонизировались.

— Почему мы так быстро вернулись? — спросил Николай, но ему показалось, что голос у него отсутствует.

— По физическому времени мы там пробыли почти неделю. Это много для первого раза, но боюсь, что второго случая не представится. Такие дальние полёты — крайне небезопасное занятие.

— Что же в них опасного?

— Все тонкие тела разъединяются и какое-то время существуют отдельно. Но им потом нужно обратно объединиться, то есть состыковаться по всем привычным человеку параметрам. Вот это и представляет сложность, потому что идеального совмещения не бывает. Какое-то тело может чуть-чуть не совпадать, буквально на доли, с твоим обычным состоянием. Поэтому после такого объединения наблюдаются раздражение, эмоциональная неровность или несколько странные мыслительные процессы. Бывает, что с трудом что-то вспоминается. Потом всё восстанавливается, но не сразу, а человеку же нужно взаимодействовать с другими людьми, выполнять свою работу. У тебя всё прошло гладко, но в любом случае необходимо проверить все реакции. Ты можешь рассказать, что помнишь?

— Я вынес оттуда состояние. Деталей не знаю, даже не понимаю, с какой целью, зачем я там был, но это были самые прекрасные ощущения в моей жизни.

— Конечно, ведь ты побывал в мирах совершенных, многомерных. Невозможно познание того пространства принести и тем более передать трёхмерному миру Земли. Поэтому был избран вибрационный способ общения. Твоё тело сейчас понесёт по планете некоторые незнакомые людям частоты, и они останутся в пространстве уже навсегда. Можно назвать это и новым элементом, уже присутствующим в тебе.

— Но я, наверное, не один туда попал?

— Не один, вас несколько на весь огромный земной шар, а элемент этот уже крайне необходим планете, потому что в ближайшем будущем пойдёт мощный луч, преобразующий ткань, то есть тонкую структуру Земли. В луче эти элементы присутствуют в большом количестве и будут разрушать, опалить ткань, если в ней не будет нового элемента. Чем быстрее вы разнесёте его по разным частям света, тем лучше.

— Мне ездить придётся? — спросил Николай.

— Да, но ты будешь знать, когда и куда, потому что мы внимательно следим за теми местами, куда вибрации попадают. Тебе лучше бы поспать, а завтра походишь посмотришь, что здесь происходит. Пещеры — это всего лишь внешняя форма, можно сказать, лабораторий, преддверия в мир иной.

Николай заснул, а утром отправился смотреть, чем там занимались служители Света. В нескольких небольших комнатах, совершенно открытых и соединённых переходами, проводились эксперименты по стыковке ткани. Бралась звенья одной цепи и пробовались на совместимость с другими образцами, но операция эта была настолько уникальной, что Николай остался, чтобы рассмотреть подробности. Ведь не нервные волокна физической ткани соединялись, а волокна тонкой ткани, невидимой. Необходимо было совместить грани кристаллов света между собой, подобрав их по частотам, по направлению потоков, по скорости вращения и другим весьма сложным параметрам. На Земле это можно было сравнить с соединением между собой миллионов проводков очень сложного механизма. Квалификации ювелира-хирурга на такую операцию было маловато.

"Как они во всём этом разбираются? — думал Николай. — Я бы только одно звено в руки взял и то бы растерялся, не зная, как и куда его повернуть. Но нужно ещё разглядеть и грани кристаллов, и записи на них. Каким тончайшим духовным зрением должны обладать эти мастера!"

К Николаю подошёл его вчерашний спутник.

— Ты следи за потоком своих мыслей, за ощущениями. Нам очень важно знать, как ты себя чувствуешь.

— Я пытаюсь, и, по-моему, чувствую себя нормально.

— Ещё день, и ты можешь идти назад.

На следующий день Николай вышел из пещеры и оказался в лесу, в том месте, откуда шагнул в неизвестность. Попробовал он поискать вход, но ничего не нашёл. "Почему же ворота захлопываются и я не могу их обнаружить?" — Потому что ты выполнил задачу. Если бы ты мог в ближайшее время принести пользу этому миру, а он — тебе, ты бы нашёл вход".

Николай вернулся в избу в прекрасном расположении духа.

— На работе был? — спросил его Молчун. Какой-то удивительной особенностью обладал этот человек, всегда знающий глубинную суть процессов. — Я знаю, там пещеры есть, но вход, сколько ни искал, найти не мог. Значит, мне там нечего делать. И зачем люди суются туда, куда их не зовут? Стучаются лбом в одно и то же место и сообразить не могут, что если не открыли, значит, рано, пережди, послушай пространство, может, оно тебе что-то подскажет.

— Я очень далеко был, через зоны опаснейших вибраций проходил, токами новыми наполнялся. Если ты что-то не то чувствуешь, то скажи сразу.

Молчун конечно же почувствовал, но не в Николае, а в себе.

— Да от тебя то жар идёт, то холод. У меня сердце колотится и макушку сносит, как будто головы вовсе нет. Я вроде как голый по лесу хожу. И чем, интересно, ты там наполнился?

Ещё немного пожив в деревеньке, Николай поехал в город к Михаилу.

— Да ты, брат, гудишь весь, как трансформаторная будка, — смеялся тот.

— Что, слышно? — удивился Николай.

— Нет, это я слышу да и Татьяна Андреевна, наверное. Ты какими-то новыми токами наполнен. Неси их дальше, думаю, что миру они полезны будут.

Николай стал наблюдать интересную ситуацию: люди рядом с ним или успокаивались, или раздражались, начиная злиться по совершенно непонятному поводу. Одних он выводил из себя лишь своим появлением, других умиротворял, и они входили в какое-то блаженное состояние.

— Николай, чем с большим количеством людей ты соприкасаешься, тем легче мир потом воспримет луч, несущий эти вибрации. Ведь лучевой энергетический поток — это как стихийное бедствие для людей. Ткань, не имеющая в себе новых элементов хотя бы на уровне единичного соприкосновения с ними, будет разрушаться. На планете это ведёт к катастрофам, массовым заболеваниям, непонятному психологическому состоянию. Те же люди, что уже познакомились с новыми токами, гораздо легче адаптируются к лучу, хотя чувствуют его острее. У них, так сказать, лёгкая простуда наблюдается, в то время как у остальных — грипп. Сейчас задача твоя — поработать на массы.

Эти разговоры очень помогли Николаю, сделав для него более понятным пребывание в мире. Постепенно начала проявляться и картина, узор его дальнейшей жизни. Вернувшись в Москву, он стал ходить и на Ольгины семинары, и на медитации Сергея.

— А свои лекции не хочешь организовать? — спрашивал Сергей.

— Нет, достаточно того, что вы этим занимаетесь. Я себе другое занятие найду.

И действительно, скоро Николаю пришла в голову прекраснейшая мысль: путешествовать по стране небольшими группами.

— Понимаешь, Сергей, мы в поездках и поговорим, и попоем, пообщаемся, одним словом. А сколько полезного сделаем? Можно ведь работать там, куда едем: что-то построить, почистить, выставку организовать, детей подучить. Но всё это ради того, чтобы больше людей охватить токами новыми. Я страны своей особенно и не знаю, так, был в некоторых городах по долгу службы и в тайге, у Фёдора. Вот и всё, но жизнь сибирская меня очень многому научила, собственно, другого человека из меня сделала.

— Да, ты был классическим образцом интеллигентного бизнесмена, грамотного, вежливого, знающего и как с людьми пообщаться, и как дело организовать. Теперь ты несколько упростился, ближе к людям стал. Наверное, и потребностей, и желаний меньше стало.

— Вообще меня ничего материальное не волнует. Есть, нет: мне без разницы. С другой стороны, у меня же всё есть, да и деньги продолжают поступать в не меньшем количестве. Я думаю, что неспроста я сначала научился зарабатывать, дело организовал, а потом духовным путём последовал. Это вели меня так,

учили, заранее предусмотрели всё. Представляешь, если бы я сейчас вынужден был искать, как прокормить себя и дочку? Я ведь в прежнем режиме работать не могу, мне свобода передвижения нужна для выполнения новых задач.

— Я думаю, что здесь и другая цель преследовалась: показать людям, что духовность очень даже с обычной жизнью согласуется. Синонимом духовности стало слово "ущербность". Если духовный, значит, неадекватный, в облаках витающий, бедный. Духовные бизнесмены — это уже что-то новенькое. Так можно будет и общество потихоньку перестроить, снизу, так сказать.

— Вообще-то, как я вижу, мы все находимся в неплохом положении. У всех есть стабильный доход, и это существенно облегчает нам жизнь, — сказал Николай.

— Дорогой мой, это же прекрасно, радуйся! Мы не только можем сами хорошо жить, мы можем другим помогать. Ты что думаешь, что в твои поездки много людей поедет? Нет, у них денег нет на билеты, — говорил Сергей.

— Я буду смотреть: если человек стоящий — помогу, но не от себя, а от организации, от газеты.

— Почему так?

— Да потому, что если они поймут, что у меня деньги есть, начнут считать их и предъявлять претензии: почему одному дал, а другому нет. Бизнес многому меня научил: давать деньги кому попало и просто так нельзя. Портятся люди сразу, зависть в них просыпается, хотя, казалось бы, в этом случае они меньше должны другим завидовать.

— Ладно, твоё это дело, — ответил Сергей. — Может, ты и Молчуна к этому приобщишь? Ему тоже не мешало бы свет повидать.

— Слушай, это же потрясающая идея! От него польза будет колоссальная не только в плане физической помощи, но и в плане общения, — сказал Николай. — Я-то не любитель общаться, мне ближе дело, а Молчуна хлебом не корми, а поговорить дай. Да и люди от него в восторге будут.

Николай к организации своего маленького бюро путешествий подошёл как профессионал. Единственное, он не стал оформлять официально организацию, резонно посчитав, что если дополнительных денег брать не будет, то незачем и головную боль иметь в виде бухгалтерии, аренды, служащих. Сергей хоть и знал о его талантах, но не подозревал, что так быстро, так умело можно собрать группу желающих поехать на Соловки — остров посмотреть, в монастыре помочь да пообщаться.

Когда же Сергей увидел их, пришедших на Ольгин семинар, то и вовсе был потрясён.

— Я и не думал, что люди ищущие в таком количестве имеются. Да, чудесный народ подобрался!

— Это не все: трое присоединятся из других городов. Всего нас будет пятнадцать человек вместе со мной и Молчуном.

— Ну, как говорится, Бог вам в помощь. Вы на поезде поедете?

— Да, на поезде, а потом на катере.

— А ты когда-нибудь на поездах ездил? — спросил Николая Сергей.

— В детстве, а потом исключительно летал, но меня, если ты хочешь съязвить, такая перспектива не пугает. Теперь будем ездить поездами и автобусами.

— А деньгами ты кому-нибудь помог?

— Никому, сами справились. Моё спонсорство только в билетах Молчуну заключалось. Знаешь, он сразу согласился, не раздумывая. Польза, говорит, от дела этого будет большая.

На Соловецком острове они расположились лагерем в пяти километрах от посёлка. Ребята быстро распределили между собой обязанности, хотя Николай предполагал, что будут разногласия. Но ничего, всё сошло гладко.

Расписание у них было абсолютно свободное, за исключением обязательной пятиразовой работы в монастыре, совместного обеда и ужина.

— Впрочем, можно и не приходить на трапезу вместе со всеми, но вы потом еды не найдёте: она будет готовиться в два и в семь часов.

Началась островная жизнь с короткой речи Николая, в которой было столько огня, радости и задора, что группа влюбилась в него сразу, почувствовав в нём некую особую силу. Николай мгновенно стал непререкаемым авторитетом, третейским судьёй и истиной в последней инстанции.

— Вы только сами мыслить не разучитесь. Если я вам скажу, что время пришло в море топиться, побежите?

Его заверили, что топиться не побегут, но ноги промочат.

Далее народ был ввергнут в шок Молчуном, который вечером у костра рассказывал такие байки, что хохот слышался на весь остров. Николай очень порадовался тому энтузиазму, с которым все пошли предлагать свои услуги в монастыре. Без сложностей не обошлось, но уладилось благодаря заступничеству Молчуна, который на удивление быстро сошёлся с монастырской братией.

У него были такие познания в кладке стен, крыш, становлении опор и строительстве дренажных систем, что там сразу поняли, какова ценность этого крепкого старика, говорящего странные вещи.

— Молчун, в монастыре к тебе серьёзно относятся? — спрашивал Николай.

— Они меня немного не в себе считают, но почитают как блаженного. Может быть, меня одним из соловецких старцев считают?

— Молчун, здесь в перевоплощения не верят, ты лучше помалкивай, — учил его Николай.

— Да молчу я, молчу. Работаю целый день, вечером сюда прихожу и только здесь рот открываю.

Всё это очень подозрительным показалось Николаю, но наседать на Молчуна он не стал, уверенный, что и так всё скоро прояснится, потому что Молчун без приключений — это даже странно.

Погода стояла прекрасная, как никогда. Обычно лето на Соловках короткое и дождливое, а тут солнце целыми днями светит, тепло, можно и грибы собирать, и ягоды, в море на катере выходить, в дальние

уголки заглядывать. Дружно они все жили, весело, но самое интересное, что не хотели сильно разделяться, а предпочитали быть вместе. Потом уже ребята рассказывали, что впервые они такие взаимоотношения установили: ни замечаний, ни разборок, претензий, недовольств.

— А почему так, как вы думаете? — спрашивал Николай.

— Думаю, потому что свобода у нас. Вы нас ужином ограничили, и всё. Я, например, знаю, что не могу позволить себе опоздать, потому что все переживать начнут. Потом, в работе монастырской никакой обязательности: будь добр, пять раз сходи, раз обещал, а как ты там будешь работать — это дело твоей совести. Все и ходят туда с удовольствием. Походы наши — тоже добровольные. Вы же заранее объявили, что пойдём туда-то и туда-то. Я иду, например, с вами, потому что мне интересно послушать некоторые объяснения. Исторические сведения — это одно, а эзотерические — другое.

Ребята стали свидетелями необыкновенных восходов и закатов, а поскольку каждый ожидал чуда, то чудеса и происходили.

— Здесь тонкие лаборатории есть, да и вообще место особое, — заявил Молчун как-то вечером.

— А чем занимаются в тонких лабораториях? — спросили его.

— Людьюми, жизнью нашей, человечеством. Из этих лаборатории мы знания наши получаем. Открытия сначала там происходят, а потом здесь, на Земле. Над материей опыты проводят, строение её изучают. Вы что думаете, монастыри просто так строились, на любых местах? Ничего подобного, их люди основывали, которые в этих тонких лабораториях, может быть, все прежние жизни провели. А алхимия? В монастырях ею занимались, но скрывали, конечно, иначе бы от монастырей ничего не осталось: грабили бы из-за золота. Секреты же духовной алхимии старцы не всем открывали, а только тем, кто спрашивал, стучался, добивался ответов. Они лет двадцать человека поизучают и только потом допустят к сокровенному, а так, чтобы при первом знакомстве, вечером у костра — ничего не говорили.

У Молчуна были странные переходы от шуток к серьёзным объяснениям, но в смехе людям больше понятно было то, что он хотел им сказать. Сами ребята делились своими взглядами, отношением ко многим сегодняшним проблемам, но никогда они не осуждали мировоззрения друг друга.

— Я не пойму, здесь идеальный народ собрался? — спрашивал Николай. — Ну устроили бы диспут, разобрали кого-нибудь по косточкам, предъявили ультиматум, что ли.

— Раньше мы спорили, но вы сами начали уважительно о всех путях отзываться, пример, так сказать, подали, а мы поняли, что так жить спокойнее, интереснее и правильнее.

И действительно, они попробовали к темам обсуждений подойти иначе. Брался вопрос, и все, кто знал позиции различных учений, обществ, людей по поводу этого вопроса, рассказывали о них. Между прочим, почти все члены группы принадлежали к разным течениям, но тем интереснее им было слушать друг друга.

— Как тема семьи раскрывается Пророками? — спрашивал кто-то.

Отвечал один или двое, хорошо знающие это направление, за ними эту тему освещали с позиции Живой Этики, потом следовали взгляды Саи Бабы, Сахаджа-йогов и других, о ком собравшиеся ребята имели представление. Пытались они посмотреть на семью и с точки зрения всех существующих религий.

— Так и надо общаться. Ваш кругозор расширяется, вы в глубину проблемы заглядываете, а не сверху сливки снимаете. Объединение заключается не в том, что общества сливаются, а в том, что взгляды ваши расширяются. Смотрите, сколько нового вы узнали. Раньше вам пришлось бы читать эти книги, искать их, а тут вы выслушали, и если вас это заинтересовало, углубитесь в это направление, а если нет, то всё равно польза вашему сознанию будет.

Молчун чувствовал себя на Соловках как рыба в воде. Даже молодые ребята предпочитали от стоянки своей до посёлка один раз ходить, а Молчун сновал туда-сюда, как будто десять километров для него — пустяк.

— Ты, Николай, всё обошёл? Надо ещё на другие острова съездить, прочувствовать, что там делается. Непростые это места, ой не простые.

Когда же Николай посетил знаменитые лабиринты, то сразу увидел связь между ними и дальними мирами, но как она осуществлялась?

"Проекция, — услышал он. — Все взаимодействующие с Землёй звёзды имеют на планете места, куда падают их лучи, максимально сохраняющие числовое выражение миров, то есть наиболее правильно, неискажённо передающие их вибрации. Здесь ты видишь карту неба, своего рода историю взаимоотношений Земли и других звёздных систем. Такие проекции можно найти в разных частях света, а здесь собраны сказания о них в виде лабиринтов. Сюда же падают лучи первых небесных Врат, находящихся над Северным полюсом".

"И это только музей?" — спросил Николай. "Нет, это действующая система. Все, кто приходят сюда, уносят в свои города токи, хранимые лабиринтами. Здесь ты оставишь и те вибрации, что получил в системе тройной поддержки, а все люди, что придут после тебя, воспримут уже и новые токи".

"А человек и не подозревает, что не просто так с места на место передвигается, — думал Николай. — Он, оказывается, хранилище токов, склад их приёма и сдачи. Ездить побольше надо, чтобы кровотоков планеты усиливать, свет распространять".

Люди, приехавшие вместе с Молчуном и Николаем, ощущали эту необычную атмосферу, царившую в их кругу. Даже монахи почувствовали нечто и спрашивали ребят, что их объединяет? "Любовь, радость, свет", — отвечали те и больше ничего не объясняли. А что они должны говорить? Что впервые встретились, что благодаря мудрому руко-водству с первых же минут они почувствовали духовное родство? Что никто не ущемлял их свободу и они вроде были предоставлены сами себе?

Когда они прощались со светлым градом, то плакали. Само пространство благословляло их на дальнейший путь, на несение по жизни радостной ноши, именуемой братством сердец.

Сначала они заехали в город к Михаилу.

— Ну как всё было? — спрашивала Татьяна Андреевна. — Хорошо? Необыкновенно? Я тоже с вами в следующий раз поеду, мне тоже люди молодые и ищущие интересны.

— Боюсь, что в следующий раз народу будет побольше. Наши ребята сказали, что теперь от нас ни на шаг, что теперь всюду будут вместе с нами.

— Хорошо, что вас немного было, — сказала Татьяна Андреевна. — Вы внимание могли всем уделять, со всеми разговаривать. А если человек пятьдесят будет, то уже вся прелесть потеряется. Нужно небольшие группы сохранить, человек до двенадцати — достаточно, а больше — уже нагрузка на каждого.

— А что, если нам тоже делиться и разные группы возить? — спросил Молчун. — У нас бы получилось.

— Нет, Молчун, мы с тобой в паре работать начали, так и продолжим, — ответил Николай. — Ты теперь со мной крепкой ниточкой связан.

— Ну и хорошо, — сказал Молчун, — буду тебе помогать.

По всему было видно, что он очень доволен. Молчун сразу притянулся к Николаю, буквально с первой встречи. Его любовь разделяла и Татьяна Андреевна, называвшая Николая только "сыночком".

— Ты вот поездишь, страну познаешь, а потом мы подумаем, как общее дело организовать, но не в смысле объединения предприятий, а как сделать так, чтобы они одной ниточкой были бы связаны, то есть одна задача нами с разных сторон исполнялась, — говорил Михаил. — Вроде бы на словах всё просто — работать на одну идею, а как до дела доходит, так все спотыкаются. Или духовные разборки начинаются, сведение счётов, отношения неприязненные. Почему?

— От гордыни, наверное, — сказал Николай. — Пока человеку что-то сильно от мира нужно, он своё насаждает, иерархию на земле строит. Как только выше поднялся — других людей отпускает, предоставляя им право идти избранным путём. Духовный карьеризм всегда существовал, не мы его сейчас придумали. Но скажу вам по секрету, что все им болеют в большей или меньшей степени. Надеюсь, сия беда нас минует, хотя мы тоже люди.

— Завтра у нас концерт будет одного очень интересного человека, — сказала Татьяна Андреевна. — Давайте вместе сходим, песни его послушаем. Я давно за ним наблюдаю. Хочу посмотреть, как он сейчас: на месте стоит или поднимается?

— Я завтра уехать планировал, но можно и остаться, — ответил Николай. — Кто знает, с кем судьба сведёт, кому помощь твоя понадобится? Пойдём, Молчун?

Тот с радостью согласился, тем более, что на концертах никогда не был.

Певец исполнял свои песни на свою музыку. Народ заполнил весь большой зал.

— У нас в Москве никогда бы столько людей не пришло, — сказал Николай. — У нас люди избалованные, выбор у них колоссальный. Они рассуждают, что, мол, сегодня не могу, но в следующий раз, если свободен буду, то пойду обязательно.

— Что ты, здесь это событие. К нам люди интересные редко приезжают, и мы их всегда встречаем с любовью и почтением: выбрались, смогли и нашему городу уделить внимание! Ты скажи лучше, как тебе, нравится?

— Очень интересное явление. Теперь тоже буду за ним наблюдать, — ответил Николай.

Но судьба распорядилась иначе: в самолёте их места оказались рядом, и Николай познакомился с Олегом — грустным и очень серьёзным человеком. Они были почти ровесники и легко нашли общие темы для беседы.

— В твоих песнях столько света, ты призываешь к радости, любви, а сам почему грустный? Не стоит так серьёзно относиться к жизни: ты же актёр — играй!

— Познание умножает скорбь, — ответил Олег. — Чем больше я езжу по стране и наблюдаю за людьми, тем грустнее мне становится. Я понимаю, что мои концерты воздействуют на них, сдвигают сознание, но мало, понимаешь, незначительно это. Мне теперь кажется, что человек должен совершить какой-то героический поступок и на этом — всё, а не тянуть лямку повседневности.

— Я тоже так думал, а потом понял, что серые будни — это куда больший подвиг, чем один поступок. Всем людям хочется сделать в жизни что-то значительное и стать известными, но тебе грех жаловаться — ты много ездешь, тебя ждут, тебя знают.

- Да разве это известность! — горько сказал Олег. — Если бы всё было настоящее, была бы команда, инструменты, костюмы, сопровождение. А так я одни. "Да тебе славы хочется, — подумал Николай, — ты оттого и грустишь, что не можешь получить желаемое".

— Не надо очень сильно хотеть, и тогда всё придёт. Ты напрягаешься, ждёшь чуда, а оно приходит тогда, когда меньше всего его ожидаешь, когда расслабляешься.

— Я много лет только и делаю, что отдаю. Я служу людям.

— Не спорю, — ответил Николай, — но ждёшь ответной любви, почитания, признания. Твоя самоотверженность и отдача корыстны, хотя это высокая корысть. Тем не менее суть от этого не меняется: я отдал и хочу получить что-то в ответ. А это уже не служение, а сделка. В истинном служении отсутствует жажда получения благих результатов. Служение — это чистые помыслы, это просто жизнь, это исполнение взятых обязательств. У тебя в Москве концерт должен быть?

— Нет, я в Сибирь еду. Москва — это перевалочный пункт.

— Тогда я тебе помогу до гостиницы добраться, а завтра на вокзал отвезу. Ты завтра уезжаешь?

— Нет, через день. Я хотел по городу побродить.

Николай решил поближе познакомиться с Олегом, понять его путь. "Со мной Сергей и Иван долго возились, не учили, а идейки подбрасывали. Наверное, ненавязчивое общение — это самое лучшее. У Олега взгляды уже сложились, и теперь их осталось в нужное русло направить".

На следующий день Николай пригласил к себе друзей, да еще Ольгу и Олега. Все жаждали послушать о его путешествии. "Заодно и с певцом познакомятся", — думал Николай. Вечером они сидели у камина, и Николай красочно описывал сам остров, природу, закаты, группу, взаимоотношения людей между собой.

— Всё так идеально, что я захотела срочно ехать на Соловки, — сказала Ольга.

— Это люди создали атмосферу необыкновенную, — заметил Сергей. — Дело тут в том, что они уважительно относились к пути каждого, потому им легко было вместе. Посмотрим, так ли тебе повезёт в следующий раз.

— Повезёт, это от меня во многом зависит, — ответил Николай. Но теперь я знаю, как их настраивать на правильные взаимоотношения. На обратном я пути попал на концерт Олега. Вот, знакомьтесь с ним поближе.

— И долго вы уже по стране ездите? — спросил Олега Сергей.

— Два года — это точно. Трудно, но бросать не собираюсь. В этом моя жизнь. Я книги с собой прихватил — добрые люди тексты песен издали. Посмотрите.

Ольга взяла книжечку, полистала, потом заинтересованно начала вчитываться.

— Это удивительно. Слова здесь прямо из моих книг. Как же это может быть?

— Луч, — сказал Сергей. — Луч падает на Землю, он несёт в себе определённые вибрации. Кто их воспринимает, тот пишет, правда в своём сознании трансформируя вибрации по-своему. Вы сходство чувствуете, словами пользуетесь одними и теми же, смысл один передаёте, но выражаете мысль так, как вашему сознанию ближе. Людей, воспринимающих вибрации одного Луча, много, но не все пишут. Рисуют, танцуют, открытия делают — так вибрации Луча в их сознании преломляются.

Интересно, а можно совсем одно и то же написать? — спросила Ольга.

— Вы в любом случае пишете через призму сложившихся взглядов на мир, поэтому написать совсем одинаково нельзя. Впрочем, если вы совсем уберете своё "я", то, может быть, и получится. Но убрать его полностью невозможно. Хотя бы чуть-чуть, но останется.

— А у вас музыкальное образование? — спросила Ольга Олега.

— Нет, техническое, и писать, и петь я начал недавно, неожиданно. Три года назад. Я поток ощущаю, сажусь и пишу. Голос откуда-то взялся.

— Вы над собой работаете? — спросил Иван.

— Постоянно. Да без отслеживания своих недостатков и убирания их ничего бы не получилось. Моё тело пока не храм, а химчистка: в нём всё чистится, стирается, обновляется.

— А каким путём идёте? Что избрали для себя?

— Я со многими течениями знаком, но понял одно: все говорят об одном и том же. Поэтому мой девиз — чистота. Наведи порядок в доме твоём, сделай его храмом, дай возможность Духу Святому войти в него. Что ещё человеку нужно?

— У вас что, желаний никаких нет? — спросил Сергей.

— Почему, нужно многое, но не для себя. Аппаратура нужна, записи на кассетах, диски, люди нужны. У меня уже представления есть о том, как всё должно быть, но на это деньги требуются. Мои концерты прибыли не приносят, а заработанные деньги уходят на билеты и гостиницы.

— Да, сложно жить сейчас творческому человеку, — заметил Сергей. — Духовные песни — это не массовая культура. А люди вам нужны, чтобы выступить вместе? Коллектив исполнителей?

— Люди нужны больше для поддержки, чтобы не я бегал и устройством занимался, а кто-то на себя эту функцию взял. Лучше, чтобы круг близких был создан, выполняющий роль опоры и защиты. Меня после концертов на части разрывают, а так бы кто-то с людьми беседовал, на их вопросы отвечал. Потом, когда я в потоке нахожусь, некоторые влезают в него сознательно, вредят. Вы, я вижу, понимаете, что тьма

действует любимыми способами. Свет ей покоя не даёт, поэтому она на меня напи-рает. Круг близких людей меня прикрывать должен, отражать удары.

— Значит, вы боитесь их влияния? — спросил Иван.

— Не то что боюсь, но они мне мешают. Тонкий план очень активно в творчество внедряется, козни строит. Приходится постоянно круговую оборону держать, в Луч их не допускать.

— Вас окружает то, во что вы верите. Тонкий мир и его жители вами созданы. Если вы их допускаете, значит, есть в вас что-то такое, за что они зацепиться могут. Вы уверуйте в высоту собственную, и тогда они вас не достанут. Вы сами говорите о духовных песнях, так вот разница между духом и тонким планом, сущностями разными населённым, очень велика. Они до духа не достают; сгорят в огне его. Вы их отметите просто как плод воображения вашего, и они на вас воздействовать не будут.

Олег только улыбнулся в ответ, посмотрев на Сергея как на несмыслёныша. Посидели они ещё немного, и Ольга домой засобиралась. Хотел Николай её проводить, да Олег вызвался, сказав, что ему это одно удовольствие, да и Москву ещё раз посмотрит.

— Ну что скажешь о новом знакомом? — спросил Николая Сергей.

— Неплохой парень, интересный, только с ним поработать нужно.

— А я так вижу, что очень долго с ним работать придётся. Ты как думаешь, Иван?

— Я тоже так думаю. Помочь ему можно, всё-таки дело нужное делает, но внутри у него каша. Меня всегда поражало, какие лазейки Луч в человеке находит, чтобы начать через него светить. Олег полон страхов, он нашпигован ими. Они внутри него целый мир образовали, установив свои порядки. Получается, что он сам себе не хозяин, поэтому люди ему для защиты нужны. Слаб Олег, и как всякий слабый человек охрану ищет, думая, что внешней силой прикрыться может, а порядок надо внутри наводить. Почему нам защита не нужна? Тебе такое в голову приходило когда-нибудь, Николай?

— Нет, конечно, но, может быть, он на виду, в окружении толпы, и ему это необходимо?

- Ты, как редактор газеты, всё время на виду, Иван постоянно толпой студентов окружён, Ольга — почитателями и учениками. Где наша охрана?

— Ну и что ты хочешь сказать? Пусть сам выкарабкивается?

— Поддерживать его нужно, но во внутреннем мире он сам должен порядок навести. Хотя, как мне видится, надежды на это мало. Он не захочет, он уверен в собственной правоте, таково его мировоззрение. Чем-то Ольгину упёртость напоминает. Помнишь, как ты хотел ей глаза открыть на мир, хотя и знал, что бесполезно это?

— Я завтра его на вокзал повезу, побеседуем ещё по дороге. Попробую ему с записями помочь, — сказал Николай. — Благое дело делает, людям свет несёт, радует сердца их.

— Ему бы свою радость иметь, заметил Сергей. — Тоже своего рода стереотип сложился: если духовный, значит, серьёзный, если в храм зашёл, скорбный лик сделай, чтобы никаких там улыбок. Да почему? Разве храм — это место скорби? Это дом Божий, который есть Свет, Любовь и Чистота. Радуйтесь,

что Он на мир токи Свои проливает, и не носитесь со своей серьёзностью. Так и хочется сказать: "Проще будьте, люди?"

Ольга подробно расспрашивала Олега, как он пишет, как ощущает поток, каким образом слышит музыку. Он же с удовольствием отвечал ей, потому что никто его о таких подробностях никогда не спрашивал. Ольга сразу прониклась жалостью к его скорбному одиночеству, к тому миру, в котором он жил.

— И как вам тьма мешает? На концертах такое бывает?

— Именно на концертах, потом в гостиницах. Она через людей действует.

И Олег стал подробно описывать, как видит, что тёмная волна накрывает зал, как ему приходится пробиваться через неё, как ему помогают святые, как удаётся тонким светлым лучиком сжечь тьму. Ольга слушала, затаив дыхание.

— А я на такие вещи никогда внимания не обращала, хотя всегда в окружении людей нахожусь, перед большими аудиториями выступаю.

— Что вы, обязательно нужно защиту ставить! — сказал Олег. — Они у вас потихоньку весь талант съедят, жить спокойно не дадут. Завтра я уезжаю, но когда обратно буду ехать, можно с вами встретиться?

— Конечно, — Ольга дала телефон редакции, — я всё время на работе. Может быть, мы и в Москве концерт ваш организуем. Успехов вам!

По дороге на вокзал Николай пытался объяснить Олегу свой взгляд на тьму, на сущностей тонкого плана.

— Понимаешь, если ты даёшь себе установку, что нет их, не существует тьмы, а есть полярность вселенских потоков, то ты избавишься от тех, кто тебе досаждают. Будь открыт миру, чтобы он принял тебя, и тогда ни от кого не нужно будет защищаться. Стань с миром одним целым да уверуй в свой Луч, в конце концов. Это же Свет, Божья благодать на тебя снисходит, а ты от тьмы защиту ищешь! Ты что же, в Силу Божественную не веришь? Олег помалкивал, потому что у него были свои представления на этот счёт.

— Ты видишь то, что хочешь видеть, а на самом деле этого не существует, — говорил Николай.

— Я ни от кого не закрываюсь, наоборот, открываюсь, признавая Силу Божественную.

— Каждый идёт своим путём, — заметил Олег.

— Мне мой понятнее.

— Да это же не путь! Это качество, состояние сознания, которое к пути никакого отношения не имеет. Ты чего-то боишься, но я пока не пойму, чего именно. Ладно, приехали. Ты на обратном пути звони, я со студией звукозаписи договорюсь, и мы попытаемся диск сделать.

Распрощавшись с Олегом, Николай заехал к Ольге.

— Он меня защищаться научил, — радостно сообщила Ольга. — И почему я раньше этого не делала?

— И от кого вы теперь защищаетесь? Видеть сущностей, может быть, начали?

— Я пока никого не вижу, но, по-моему, Олег прав. Зачем себя подставлять?

— Ольга, защищается человек от того, что отдельно от него существует. Вы избрали путь Света, служения людям, вы поднимаетесь вверх по тем ступеням, которые видны вам. Кого вы там, наверху, кроме Бога видите? Что, на тех высоких Иерархических ступенях сущности стоят? Представьте себе Творца, который бы от творения своего защищался, и Бога, который от людей отгораживался. Это что же за мир такой получился бы? Всеми доступными вам способами вы пытаетесь отождествиться с духом своим, вот и живите на Земле духовно, тогда ничто низшее вас не коснётся.

— И откуда вы слова такие находите? Всё-таки, Николай, вы сильно изменились. Раньше шатались, правду искали, а теперь впечатление такое, что нашли. Сомнений в вас нет, стоите прочно и на Земле, и в духе. Жизнь свою круто изменили. Я вот думала, смогла бы так? Наверное, нет. У меня много обязанностей. Мне всё время кажется, что газета без меня пропадёт, семинар — тоже, люди, читатели мои, что с ними будет?

— Да разве это обязанности? Это земные привязанности. Обязанность ваша — служение Богу, что вы можете делать разными способами. Вам, Ольга, тоже нужно обстановку сменить.

— Как же я всё оставляю? — замахала Ольга руками. — На кого? Заменить меня некому. Нет, я пока буду ношу свою нести, тем более что не тяжела она, а приятна.

— Ольга, воображение ваше Олег своими астральными заморочками не потряс, случайно? — спросил её зашедший в редакцию Сергей. — Он вам красочно не описывал цветные лучи и волны, одеяния всех святых, его посещающих?

— Ну зачем вы так? Человек мир видит своеобразно. Ему всё в лучах представляется.

— И в сущностях, которые знаки подают, — заметил ядовито Сергей. — Наверное, они его предупреждают, когда концерт давать, кого близко к себе подпускать, а от кого открещиваться. Наш дорогой певец — сундук со страхами разных мастей, но думаю, что причина им есть. Чтобы его спасти, причину нужно найти, а для этого выяснить следует, из какой жизни ниточка тянется: из этой или из прошлых?

— И как это выяснить? — спросила Ольга.

— Вопрос задайте себе. Но Учителя этим не нагружайте. Пусть вопрос присутствует постоянно, и ответ обязательно придёт. Он проявится, как капля, — раз, и наступит ясность.

— Ладно, я попробую, — сказала Ольга.

По дороге домой Сергей делился с Николаем:

— Пока я с Ольгой говорил, мне знаешь что в голову пришло? Вот слушай: у тебя есть твой собственный дух, связь с которым ты пытаешься установить. Он ведь тоже эволюционирует. А каким образом? Одна из задач его — подтянуть четверицу, ну а дальше? Дальше дух ищет созвучия среди таких же духов. Он веет по Вселенной и высматривает таких, с которыми ему есть о чём поговорить, поделиться. Дух ищет вибрационное сходство. Находит и сливается с такой же духовной каплей, а они сливаются с третьей, четвёртой и так далее. Этот общий дух имеет опыт всех духов, в него входящих, а также опыт их низших тел. Четверица же, установившая связь с духом, может получать информацию не только от своего высшего "я",

но и от других духов. Таким образом, мы все можем объединяться, превращаясь в целое и духовно эволюционируя.

— Но тогда и люди начинают быстрее восходить, потому что их ведёт не один, а вроде бы несколько духов, в одном присутствующих, — заметил Николай. — Так можно и друг о друге многое знать, и писать почти одно и то же. Наверное, это и есть духовное родство?

— Думаю, что есть родство, которое перерастает в единство, и из единого духовного центра люди черпают информацию. Таким образом можно объяснить, как нескольким людям одновременно приходит одна и та же мысль, одно желание, одно решение. Только так расширяется наше сознание. Давай теперь подумаем, что с Олегом происходит, в чём причина его страхов, откуда эта астральная болезнь? Многие люди ею болеют, не он один. Он по стране ездит и свои страхи разносит, заражая ими окружающих. Видишь, как Ольга быстро попала на его объяснения?

— Причина кармическая, — ответил Николай. — Не из этой жизни, а из далёкого прошлого ниточка тянется. Я так понимаю, что его дух с каким-то великим духом связан.

— И тот его осеняет своим Божественным талантом, — подхватил Сергей. — Стихи он пишет благодаря своему духу, а вот музыку и голос получил от других, тех, что слились с ним. Со своим духом у него связь прочная, а единство он ощущает не всегда, оно, бывает, и теряется. Ты знаешь, он голос боится потерять, он страшно боится, что однажды выйдет на сцену и вместо песни прозвучат просто слова. Этот кошмар у него от другого тела, через дух голоса он воспринял информацию другой четверицы. Вернее, дух несёт этот опыт. Когда-то человек, обладавший неземным голосом, предал его. Он его предал, и голос ушёл. Далее жизнь человека превратилась в ад.

Олег сам по себе оказался восприимчивым, очень чувствительным человеком. Ему бы не очищением нужно заниматься, а установлением равновесия. Гармонии нет, подвижность тел тонких большая, поэтому он так на чужую информацию отреагировал. Если я прав, то скоро он уловит и некоторые знания от другого тела, но что это будет: положительное или отрицательное качество? Теперь нужно придумать, как ему помочь.

— Ты знаешь, а ведь очень на то похоже, — заметил Николай. — Я своих знакомых вспоминаю и вижу, что разносторонне одарённые люди, как правило, неуравновешенны и полны страхов непонятных. Их нужно спокойствию учить, как равновесие обретать, в гармонии пребывать. Как же от страха Олега избавиться?

— Ему нужен кто-то рядом, кто не будет поддерживать в нём этот огонь, а будет высказывать иную точку зрения. Но просто отрицать тоже нельзя, чтобы не вызывать дополнительное раздражение. Радости ему не хватает. Он так сильно увлечён борьбой с тьмой, что забыл о Свете, — сказал Сергей.

— Ничего, вернётся, мы с ним по-другому разговаривать будем. Слушай, а может, Фёдора подключить и наших сибирских друзей? Да ты о них ничего не знаешь, — сказал Николай.

— Это мысль достойная того, чтобы её реализовать. Так Фёдору передадим или на переговоры вызовем?

— Давай вызовем. Я ему о поездке на Соловки ещё расскажу. Послушай, Сергей, — продолжал Николай, — а может, наверное, и такое случится, что человек, который когда-то обладал неземным голосом, начнёт писать стихи, позаимствовав талант Олега.

— Думаю, что вполне возможно, если только человек тот воплощён. Не все же они одновременно пришли в плотном теле, хотя, если такое случилось, то существует большая вероятность того, ЧТО они все будут обладать общими талантами. Начнётся своего рода цепная реакция, и один будет передавать свои раскрывшиеся способности другому, только связь эта через дух воскрешённый будет осуществляться.

— Получается интереснейшая вещь: объединённый дух, состоящий из нескольких, станет сильнее или, скорее, духовнее других, одиночных. Он, по идее, должен превратиться в магнит притягивающий остальных, или в стержень, вокруг которого собираются подобные ему, — размышлял Николай.

— Великий смысл таится в этом процессе. По Земле шествует Космический Жнец, наводящий порядок путём распределения энергии, что по-человечески называется Судом Божиим. Получается, что ему таким образом задача облегчается, он не до каждого человека должен доходить, а до магнита, до стержня основного, имея дело с лиш с его вибрациями, а все остальные, собравшиеся вокруг, автоматически пойдут за своим духовным центром, — говорил Сергей.

— Ну а если человек пересмотрит свою позицию, у него изменятся взгляды на многие вещи, и произойдёт это буквально в последний момент, что тогда?

— Тогда ему нужно иметь огромную силу, чтобы оторваться от своего магнита и прилепиться к другому. По идее, времени на новое решение уже нет, существуют космические сроки. Я могу только сказать, что раньше надо было думать. Тот, кто всю жизнь занимался эзотерикой и в последний момент рванул в православие, вряд ли сможет мгновенно прилепиться к тому магниту. Он человека ещё и отторгнуть может, не принять. Получится, что от одного оторвался, а к другому прилепиться не успел. Кто знает, как с ним поступит Космическая Сила? Думаю, посмотрит на преобладание в нём тех или иных вибраций. Но похоже на то, что процесс этот уже окончен. Всё измерено, всё взвешено. Жнец изучил каждого и определил место его в будущем. Осталось подождать Судный День, а он — впереди. Мы все уже живём в ином времени, в ином мире, а Судный День существует для того, чтобы задать единый импульс всем энергиям и они разлетелись бы по своим сферам. По сути, Новый День Новой Эпохи уже начался, только мы задержались с осознанием этого момента. Но ничего, будущее всё расставит по местам.

— Нужно Ольге рассказать о предположениях наших. Люди готовятся к переходу, спрашивают её, а она толком ответить не может, — сказал Николай. — Переход — это уход тех, кто вокруг своего магнита собрался, но в духовном теле, в соответствующую их вибрациям сферу. Но ведь люди много своего напридумывали, понастроили миры всякие, пирамиды возвели, иерархию образовали из земных личностей. Что же такое произойдёт? Куда дух их отправится?

— В их придуманный мир. Здесь ничего сделать уже нельзя. Людей устраивали их представления, они были увлечены игрой, но мир-то строился, творился мыслью их коллективной. Поэтому ни в какие новые миры они не попадут, а останутся в лабиринте.

— Но если они изменили свои представления, поняли их ошибочность?

— Прекрасно, они начали строить своё будущее, то, которое будет, надеюсь, не в лабиринте, а в истинном мире.

— Сергей, ты какую-то страшную картину нарисовал, — сказал Николай. — Многие люди были обманом завлечены в систему ложных представлений. Они попались в ловко расставленные сети неких творцов, которые, оказывается, свои миры создавали, потому что им удобно иметь в подчинении целую

армию служителей, которых они рангом ниже поставили на ступени своих иерархических лестниц. Люди эти вибрационно не оттуда, но на них временное затмение нашло, они к чужому мнению прислушались.

— Дорогой мой, зачем к чужому мнению прислушивались и следовали ему? У них что, головы собственной нет? Разве постоянно не повторяется: себя слушайте, сердце своё, будьте зоркими, бдительными, стойте на страже. Это значит — дух свой оберегайте от рук чужих, желающих заполучить кирпичик в мирок свой. Но люди не понимают, что на тысячи лет могут остаться прикованными к чуждому им миру, расплачиваясь за ошибки своего слабоволия. Да и мирок тот, из не своих кирпичиков выстроенный, будет очень хрупким, незаконным, рассыпающимся, неопределённым. Там ложное понятие свободной воли сформируется, пропущенное через призму взглядов творца. В общем, упаси меня Бог от такого мирка, — сказал Сергей.

— Но выход-то есть? — спросил Николай. — Можно выйти оттуда?

— Конечно, если сила будет, новый уровень духовный. Полюбить их всех нужно, милосердие к их ограниченности проявить, и тогда оторвёшься, — ответил Сергей.

— Получается, что чем больше людей осознает ложность представлений своих, тем быстрее мир тот разрушится. Но это в том случае, если покидать его начнут те, кто не по своей воле туда пошёл, а обманным путём был втянут в него.

— На тот момент это их воля была, они восторгались и всячески приветствовали новую систему. Другое дело, что мысль им подкинули, волю парализовали всеобщим восторгом, а думать самостоятельно не научили. Люди должны научиться всё решать сами, чтобы потом не винить других. Они сами кумиров себе создали, на трон их посадили и челом им били, а когда всё это реализовалось, материализовалось, то завопили, что такого будущего не хотели. Думайте, люди.

— А если человек всю жизнь искал и от одной системы взглядов к другой переходил, тогда с ним что будет?

— Потому и сказано: не привязывайтесь. Служите, будьте честны, отдавайте сердце, но смотрите всегда как бы со стороны, сохраняя трезвость суждений. Сердце может много раз сказать: моё, нашёл, но, по закону вибраций, ты в том мире свою частичку и оставишь, тело какое-то. Оттого человек и раздробленный, из множества тел состоящий, везде себя ощущающий. Он сердцем прилеплялся и вибрацию свою там оставлял. Что же тут сказать? В ложном мире он будет жить, страдать до тех пор, пока сил не наберётся и к своему основному телу не помчится.

— А где оно, тело основное? — спросил Николай.

— А там оно, где тебя больше, где дух твой величественнее, где сердце более любящее. Ты что замолк, себя ищешь?

Николай сидел не шелохнувшись. Казалось, дух его отлетел от тела и парил в неземных пространствах. Так оно и было на самом деле.

"Мой дух отрывается от Земли и несётся в иную звёздную систему, но окончательно отрыв ещё не произошёл, — думал Николай. — Неужели все с такой лёгкостью могут покинуть Землю?"

"Дорогой Друг, — услышал он, — Землю покинут избранные, те, кто задумался об истинности пути своего. Будут и некоторые достойные из ложных сфер, осознавшие губительность этого пути. Все остальные распределятся по земным сферам и сферам планет Солнечной системы".

— Сергей, куда же Ольга пойдёт?

— Она уже сделала свой выбор и работает в мире Учителя, говорящего с ней.

— Но это же не то, — начал Николай.

— Что значит "не то"? Для неё это — то, её это устраивает, но, правда, она думать начала, у неё некий выбор появился.

— И что же будет, если она воочию увидит эти бесчисленные сферы, ложные пространства, лабиринты?

— Сначала она должна их увидеть, потом осознать их реальность, потом захотеть выбраться из них. Это дело не одной жизни.

— Сергей, ты жесток. Давай ей всё расскажем так, как мы сейчас обсуждали.

— Мы возвращаемся к нашей прежней, двухгодичной давности беседе. Истина не передаётся, Истина постигается сердцем. Тайны скрываются за многочисленными Покровами, в Обители наши так просто не войти.

Каждый из них вдруг вспомнил свой путь, свои искания. Сколько же жизней понадобилось им, чтобы понять иллюзорность этого мира и осознать наличие Истинного, единственного, неповторимого!

— Сергей, неужели мы все сидели в лабиринте, каждый в своей сфере и думали, что живём? — спросил Николай.

— Наверное, поэтому человек и лишён памяти, чтобы не знать о тех ошибках, которые совершал. Опыт фиксируется и остаётся на кристалле, а детали исчезают, чтобы не травмировать дух. Все мы из лабиринта, все мы побывали в тех мирах, что создали мыслями своими, и познали плоды деяний на себе.

— Я живу в другом мире, — сказал Николай, — я точно это знаю. Здесь я исполняю свой долг, а всё существо моё там, далеко, в тридевятом царстве. Значит, это тоже ложный мир?

— Что же здесь удивительного? В каждый мир приходят посланники, чтобы открыть людям глаза на Истину. Сюда же приходят и посланники других сфер, чтобы дать людям знание о более высокой иллюзии. Люди выбирают и идут за теми, кто им понятнее. Вообще-то, более понятны посланники из соседних сфер, а об Истине мало кто задумывается. Большинство следует путём постижения многогранности Истины, и редкие смельчаки избирают прямой путь. Он опасный, трудный, требующий выдержки, веры, упорства и полнейшей самостоятельности. Ты когда-то сказал, что идёшь по наитию, ты всех выслушивал, но искал своё, подвергая скрупулёзному анализу все приводимые доводы. Понятно, что мы тебя направляли, но если бы мы всё сказали тебе прямо, ты бы проверил, изучил, проник в систему досконально, взяв лишь то, что тебя устраивало. Понимаешь, ты и есть сознательная единица, на тебя невозможно повлиять, ты должен до всего дойти сам. Таких крайне мало.

— Одно меня утешает, — сказал Николай, — что есть тут несколько человек настоящих, не иллюзорных, дающих другим возможность прозреть. Кто проложил этот путь?

— Гермес. Он первым постиг Истину и решил передать это знание людям. Мало кто понимал его, но нашлись смельчаки, что пошли за ним. Они основали первые Обители, ступени, выводящие людей из лабиринта. Он даровал человечеству не только знание, но ещё и научил, как идти по ступеням, — говорил Сергей.

— Как же идти по ним? Я не знаю.

— Знаешь. Это знание живёт в твоём сердце. То, что ты назвал "найтием", и есть оно, не позволяющее тебе оступаться. Устами владыки всех ложных сфер он велел не оглядываться назад, пока человек не выйдет из царства Аида, иначе потеряет всё. Обрети силу, чистоту, любовь и возвращайся за теми, кто способен услышать тебя. Но пока ты слаб, пока скован человеческими желаниями, не возомни себя спасителем или творцом, чтобы не вступить в поле действия силы лабиринта.

— А как же путь Будды, путь Христа? — спросил Николай.

— О, это же на самом деле прыжок в далёкое будущее. Будда как раз и учил человека не привязываться к миру, то есть не оглядываться назад. Будда, то есть "просветлённый", и есть Тот, Кто стоит на Вершине Небесной Лестницы, Тот, Кто призывает всех стать светлыми. Он — Владыка мира Совершенства. Христос посеял семя Истинной Любви, без которой мы в мир Совершенства не попадём. Он дал людям возможность растить в себе андрогинное сознание, выводящее нас за пределы Земли.

— Получается, что Божественный Разум, Дух, говорящий как Царь Аида, пытался честно договориться с человечеством, олицетворившимся Орфеем, чтобы оно никоим образом не обернулось, пока восходит, пока в пути. Почему же Дух так мрачно представлен?

— Как Владыка Кармы, как тело ложной Вселенной, отражённой от Истинной, как колесо Сансары. Орфей не мог говорить с истинным Духом, поскольку был скован желанием увести Эвридику, он мог говорить с отражением его, с полярным принципом. Получается, что в том мире Орфей — это человек не сумевший установить связь с Ду-хом. Гермес надел одеяние Орфея, чтобы показать, что можно оступиться, что это опасно, что ты попадаешь во власть Кармы, даже если тобой движет любовь. Я бы сказал, что была попытка тогда соединить две половинки, то есть уже в те далёкие времена посеять семя андрогинное, но не получилось. Какая бы ни была любовь, здесь она — человеческая, то есть основанная на слиянии четвериц, а андрогинная основана на слиянии шести принципов. Поэтому был осуществлён другой план — посеять зерно Любви Истинной, Христом принесённой на Землю.

— Теперь понятно, почему ты такой лояльный ко всем этим сферам ложным. У меня одно желание — порушить их, а оказывается, они свою лепту в познание и развитие мира вносят, они крошечные зёрна мудрости поставляют в путь Истины, они в любом случае работают на благо Вселенной.

— Конечно, я тебе всегда говорил, что путь — кружной, но к цели выведет. Не все могут развить такую колоссальную скорость устремления, чтобы их из колеса Сансары выбросило, — сказал Сергей.

— Ладно, и двух лет не прошло, как ты сумел убедить меня Ольге глаза не открывать, чтобы не запутать её окончательно. Согласен я, — сказал Николай, — что любой путь куда-нибудь выведет, только

разница во времени будет. Давай-ка наши философские дебаты и прозрения на пользу делу обратим. Что в свете открывшейся перспективы с Олегом делать будем?

— Слабенький он. Пока в человеке страхов много, бесполезно с ним серьёзно работать. Но надежды терять не будем, Фёдора попытаемся подключить, если у него желание и возможности будут.

С Фёдором они беседовали почти час, обо всем ему поведали, о последних событиях доложили. Предупредили и об Олеге, что если услышит Фёдор о нём, то пусть ходит на концерт, познакомится.

— Если только судьба нас сама сведёт, — ответил Фёдор, — а специально ехать на встречу не буду. Здесь интересная группа молодых ребят появилась. Их трое: два парня и девушка, но как-то не по возрасту развитые они, глубокие. Вопросы задают по существу, ищут не то, что в книжках описывается. Им всем около двадцати лет.

— Фёдор, это точно, что возрастной предел меняется. Считалось, что к сорока двум годам человек наконец-то созревает. Теперь речь идёт о двадцати одном или двадцати четырёх. И один, и другой вариант пробоваться будут.

Доложив Фёдору подробности о поездке на Соловки, Николай предложил в следующий раз в горы отправиться.

— Ты маршрут подготовь, чтобы я здесь только организацией занимался, а ты — там. Татьяна Андреевна с нами поедет и Молчун.

Осуществив зримую связь с Фёдором, друзья успокоились, зная, что всё выполнили до конца.

Вновь перед ними открывалась полоса серых будней, в которых вроде бы ничего и не происходило.

— Но дни мчатся с какой-то колоссальной скоростью, — говорил Иван. — Вы это ощущаете?

— Эта скорость знаменует конец старой эпохи и начало новой. Когда мы перешагнём рубеж, время приостановится, а мы войдём в нормальный режим, — отвечал Николай. — Я рассчитывал скорость вращения нашего шарика и должен вам сказать, что величина эта не постоянная, а от многих процессов, в тонких сферах происходящих, зависящая. Думаю, что ускорение и замедление вращения происходит плавно, но бывают и скачки, когда шарик резко останавливается и вся жизнь, всё, что создано, считается единым махом.

— Не просто оно считается, а по вибрациям распределяется. Все попадают в заслуженные предшествующей жизнью миры. Я своих студентов знаешь как учу? Чтобы в хороший мир попасть, делай добрые дела. Соблюдай кодекс чести, который внутри, в сердце записан. Они обычно спрашивают о нём, всем хочется правила перед глазами иметь, а что толку? Заповеди записаны, а кто их выполняет?

— Знаешь, Иван, — делился с ним Николай, — никогда я не думал, что до жизни такой дойду. Мне есть, что сказать, но я молчу и не желаю рта раскрывать, во мне знаний — бездна, а я ими не делюсь, бережно относясь и к ним, и к людям. Неужели человек так быстро измениться может?

— У тебя, безусловно, задатки были, но меняется человек медленно, если в плотном мире остаётся. Ты же покинул его, попал в другое время, которого на самом деле нет. Там очень много лет провёл. Да что тебе объяснять? Это был как раз тот срок, что требовался физическому телу для созревания.

Так незаметно промчались месяцы. Совершенно неожиданно для Николая позвонил Олег.

— Я всю Сибирь объездил, назад собираюсь, на заслуженный отдых, буду в Москве проездом.

Во время разговора Николаю мысль в голову пришла, и он сразу выступил с предложением:

— А в горы ты пойти не хочешь? Группа будет не очень большая, пойдём на две недели, а потом вместе в Москву вернёмся. Решай, мы уже готовились к отъезду, и вот ты позвонил. Через пару дней будем у вас.

Олег сразу согласился. Собственно, времени на раздумья у него не было, нужно было немедленно принимать решение. Собралась в поездку и Ольга, у которой уже два года отпуска не было, и Татьяна Андреевна, и Молчун.

— Вы когда сюда приедете? — спрашивал Николай по телефону.

— Мы прямиком туда, нас не ждите, встретимся у Фёдора.

Николай и с ним пять человек отправились самолётом, а Татьяна Андреевна с Молчуном пошли совсем другим путём.

— Молчун, ты к таким переходам привычный, ты уже знаешь, что это такое, — готовила его Татьяна Андреевна. — Из лесу пойдём, через пещеры. Разрешение я получила, нас сопровождают. Более того, у нас в теле какие-то изменения произошли, поэтому откроются другие, более тонкие проходы и понадобится всего полдня пути. При таком темпе мы раньше всех придём.

Молчун страшно обрадовался. За несколько лет его впервые приглашали войти в тонкие сферы да ещё говорили, что в теле изменения произошли.

— А я ничего не ощущал. Что у меня там менялось?

— Вся структура ткани менялась. Что-то одно сдвинулось и всё остальное за собой потянуло.

Фёдор ждал своих ребяташек, которые остались жить у него и лазали по окрестностям, знакомясь со всеми близлежащими поселениями. Но вместо них он почувствовал приближение родного и близкого существа. "Кто бы это мог быть? — подумал он. — Татьяна Андреевна? Неужели?" Фёдор выскочил из избы и быстро углубился в лес, зная приблизительно, где можно встретить неожиданных гостей. Так оно и случилось. Оба стояли, растерянно озираясь по сторонам.

— Фёдор, а я и не знала, куда дальше идти. Неужели мы от коровки моей недалеко?

Молчун тоже заявил, что этих мест никогда не видел, в этой тайге не бывал.

— Пойдёмте, — торопил их Фёдор, — а то ребятки мои придут, а меня нет.

— Ты их, как добрый дедушка, опекаешь, — заметила Татьяна Андреевна,

— Хорошие они, светлые, талантливые, - рассказывал Фёдор о своих подопечных. — Конечно, безответственность по молодости наблюдается, но я их помаленьку обучаю. Родителям, например, думали ничего не сообщать, представляете? Пришлось дело это улаживать.

Ещё до темноты все собрались в избе, перезнакомились. Ребята, как водится, сразу пришли в восторг от Молчуна, совершенно серьёзно воспринимая все его сказочки. Впервые ему верили, не смеялись, а, наоборот, расспрашивали о подробностях. Сами они руководствовались внутренним голосом. Девушка, Светлана, писала стихи, а ребята, Саша и Женя - музыку.

— Как вы слышите это? — допытывалась Татьяна Андреевна.

— Просто внутри, — отвечали они, — мы не задумывались. Такое бывает впечатление, что тебя стукнули и слегка покачивает. Сейчас мы по-другому всё воспринимаем: вроде ты под лучом идёшь, спишь, ешь. Когда он усиливается, мы работаем.

Весь вечер они пели, читали, рассказывали о своих планах.

— Это же надо, что творится! — удивлялась Татьяна Андреевна. — Такие молодые, а уже под лучом ходят. Как ваше сердечко выдерживает такую нагрузку?

Рано утром она пошла к соседям, которых не видела несколько лет. Как водится, её с трудом узнавали.

— Да неужто это вы? — всплеснула руками Валентина. - И правда Татьяна Андреевна, только не та, а другая.

Вспомнила Татьяна Андреевна и былую специальность доярки. Всё ей в радость было, как будто двадцать лет вернули.

— Неужто вы корову доить не научились? - поразилась она ребятам. — Столько времени зря потеряли!

— Да зачем нам? Где в городе коровы?

— А кто знает, где вы жить будете? Место это стоило отблагодарить уже тем, что жителям здешним помощь бы оказали.

Ребята с ней согласились и сказали, что обязательно наверстают упущенное.

На следующий день все на попутке поехали встречать группу Николая, хотя Фёдор предлагал съездить один.

— Нет, мы все вместе, не хотим ничего пропускать.

Радовались на станции друг другу так, как будто после столетней разлуки встретились старые друзья. Опять попутка потрясла их несколько километров и выбросила у деревеньки в четыре избы.

— Куда вы забрались, Фёдор? — удивлялась Ольга. — Неужели вы и вправду здесь живёте?

— Вправду, и Николай здесь жил, всему научился, богатырём стал. Вы думаете, у него всегда такие плечи и руки были? Ничего подобного, это после рубки дров, кладки сараев, разгребания завалов. Здесь работы очень много. Молчун вам тоже немало интересного расскажет, он в такой же крошечной деревеньке живёт.

Решено было два дня провести у Фёдора, а потом отправляться дальше по маршруту, предложенному им.

— Давайте так, — говорил он. — Мы будем учиться слушать себя и природу, будем гармонизировать наши отношения. Помимо этого все должны отдать дань уважения местам этим, спасая деревья и кустарники, расчищая тропы. Я вам покажу, как это делается. Идти будем немного, по пятнадцать километров в день, а иногда и меньше, потом у нас будет базовая стоянка, откуда все могут делать радиальные вылазки. Требование одно: до захода солнца быть в лагере. Согласны?

— Согласны, — хором ответили все.

— Осталось только сдержать слово, — заметил Николай.

Вновь грузовик забросил их в глухомань, от которой километров пятьдесят ехал по совершенному бездорожью. Оттуда они ещё три дня шли пешком до базового лагеря. Никто не роптал, хотя чувствовалось, что устали. Но молодым стыдно было что-либо говорить, когда перед глазами был пример Татьяны Андреевны и Молчуна, которые не унывали, радовались всему, подбадривали остальных да ещё часто вызывались подежурить в лагере, что тоже было нелегко.

Ольга и Олег лучше всего понимали друг друга и часто уходили вместе побродить по окрестностям. Вечером, собираясь у костра, пели новые песни, делились дневными плодами. Тексты писали Ольга, Светлана, Олег и Андрей. Вообще-то Олег в своём творчестве держался несколько особняком, в глубине души считая, что молоды ещё ребята, чтобы с ним равняться. Но все, кто слушали, приходили к выводу, что очень похоже у всех получается. Слова были одинаковые, обороты одни и те же проскакивали.

— Как это так? — спрашивала Ольга. — Я ритм во всех стихах ощущаю единый. Неужели это возможно?

— Лучи переплетаются, образуется единое духовное пространство, откуда все черпают высшую мудрость. Кто-то выше поднимается, кто-то ниже, но в любом случае вибраций преломляются через ваше сознание, через ваше индивидуальное мировосприятие, поэтому в определённой степени единое там становится разным здесь. Хотя родство вибраций вы всё равно ощущаете.

Николай приглядывался к Олегу, пытаясь улучшить момент, чтобы поговорить с ним по душам, но тот как будто чувствовал это и не очень-то шёл навстречу.

— Такое впечатление, что он всё время настороже, — говорила Татьяна Андреевна, — чего-то боится, от чего-то прикрывается, к себе близко не подпускает. Неужели ему так легче?

— Бремя он на себе несёт, внутри его червь съедает, — заявил Молчун. — Знаете, как бывает? Оказался свидетелем подлого поступка, а кажется тебе, будто сам его совершил. Вот такой груз на Олеге. Не свой, а чужой, только он этого не знает.

Более или менее Олег открывался Ольге, а от остальных отгораживался. Как-то собрались ребята вылазку сделать, Олега зовут. Он согласился, пошёл, через час вернулся.

— А ребята где?

— Они ушли в глухие места, а я решил в гости к лучшим не ходить.

— Да будет вам шутить! — засмеялась Татьяна Андреевна. — Тут места святые.

— Я себя слушаю и вижу, как в стороне той совсем другая сила командует.

— Олег, да вы не бойтесь, если вы от Света, то никакая сила к вам не пристанет. Что леший против Бога?!

— На Бога надейся, а сам не плошай. Эта гадость мне писать мешает, в творчество влезает.

— Вы серьёзно? Или шутите? — спросила Татьяна Андреевна.

— Да какие тут могут быть шутки? Я уже жалею, что пришёл сюда, понабрался здесь энергий низких, — вдруг заявил Олег.

— Олег, дорогой мой, да если ты такие высокие духовные песни людям несёшь, как может на них астрал влиять? Это же планы разные! Или не духовные песни у тебя, а астральные, с примесью, как ты говоришь, "гадости" всякой? Ольга, тебе кто-нибудь писать мешает? — обратилась Татьяна Андреевна к Ольге.

— Я сам себе могу мешать, когда чувствую непроработку внутреннюю, но когда Учителя слушаю, то весь мир пропадает - есть я и Он. У меня и мыслей побочных не возникает — только текст.

Но все разговоры оказались бесполезными: Олег крепко держался за свои убеждения.

— Я и не знаю, как к нему подобраться, — говорил Фёдор.

— Бросьте вы затею эту, — сказал Молчун. — Он пока сам не захочет, ничего не получится. Ему так удобнее жить, есть о чём с народом поговорить, а лишите его сейчас этого, как опору из-под ног выбьете.

— Может быть, ты и прав, — сказал Николай. — Пусть живёт со своими страхами. В конце концов наступит же момент такой, когда поймёт он, что или они его, или он их.

Олег действительно ощущал дискомфорт. Все сошлись поближе, старались понять внутреннее состояние друг друга, а он не находил отклика на то, что волновало его. Он привык к тому, что люди сразу отзывались на предложенные им темы и начинали вспоминать сказочки, байки и страшные истории. Немедленно на поднятую волну реагировало пространство, и все слышали стуки, вздохи, видели тёмные пятна, странные лучи.

Получалось, что они создавали свою реальность, входили в неё и какое-то время жили, поражаясь серым теням, пугающим образам, столь близко стоящим к человеку. Если бы они могли понять, что человек имеет около себя то, во что верит! Но они не хотели этого понимать, потому что лишились бы темы для разговоров, а оставаться один на один друг с другом никто не желал: слишком хорошо они знали, чего можно ожидать.

Олег был типичным представителем ложной реальности. Пока он не нашёл ничего, что могло бы заменить её. Если просто оставить тот мир, то образуется вакуум, который не устраивал Олега ещё больше.

Здесь, в горах, получалось так, что он не нашёл отклика, что люди не заинтересовались его миром, и он лишился подпитки, опоры, устойчивости. Поддержки хоть кто-то его страхи, он обрёл бы крылья, почувствовал бы себя в "своей тарелке", стал бы намного увереннее.

Получалось, что не ему, не его истинному "я" это было нужно, а тем ложным сущностям, которые жили в нём, которые питались пищей, Олегом принесённой. А он не понимал, что целыми днями бегают и добывают эту пищу, что знакомятся с людьми и навязывают им свою "страшную" реальность только для того,

чтобы кормить совершенно обнаглевших тварей, сделавших его своим бессловесным рабом. Ведь Олег не понимал, что им ловко руководят, что направляют именно в те места, где он мог бы получить пищу посытнее, но не для себя, а для них, конечно. Он был инструментом, с помощью которого они существовали, а пищей служили страхи, которые люди вызывали в себе во время разговоров о них.

В этой группе людей страхи лишились питания. Изголодавшись, они начали терзать Олега, действуя самыми изощрёнными способами: сомнением, злостью, раздражением, упрямством, неприглядными мыслями. Они делали всё, не стесняясь в средствах, чтобы разбалансировать его и заставить принять необходимое им решение: побыстрее уйти отсюда. Та реальность питалась низкими вибрациями: разговорами о вампирах, леших, пришельцах, домовых и прочих сущностях, вызывающих страх. Не имея никакой возможности получить вибрации страха здесь, сущности гнали Олега в другое место, где они могли бы, наконец, получить желаемое.

Всё это понимали наши друзья и были настороже, зная, что может произойти взрыв. Олег мог заупрямиться и решить уйти самостоятельно, мог начать игнорировать всех и делать только то, что считал нужным.

— Дорогие мои, — говорила Татьяна Андреевна. — Ему помочь нужно. Эти страхи его съедят, потому что он совершенно не знает, как с ними бороться.

— Он не желает с ними бороться, — заметил Молчун. — Они ему нравятся.

— Ты прав. Молчун, но в любом случае, его страхи сидят сейчас голодные и начнут есть его. Уничтожать их мы не имеем права — он должен сделать это самостоятельно, а вот изолировать их на время — в наших силах. Давайте направлять его светлой части любовь и силу, свет и радость. Нам нужно укрепить её, чтобы она сама начала жить, чтобы прозрела, чтобы захотела изгнать нечисть со своей территории.

— Это сразу не получится, — сказал Николай.

— И не надо, сделаем то, что можем, а дух его сам разберётся, в какие сроки ему нужно будет силу обрести и в атаку пойти.

Так они сделали да ещё Ольге объяснили, как бы ей следовало себя с Олегом вести. Ольга подумала и решила, что действительно так будет правильнее. Через некоторое время Олег немного успокоился, стал более разговорчивым, даже песни его стали радостнее.

Николай, наблюдая за всеми, пришёл к выводу, что нужно разъяснительную беседу провести.

Начала разговор Татьяна Андреевна, когда все, уставшие за день, собрались у костра.

— Беда с вами, дети мои, со слушающими и слышащими. Вроде бы всё правильно, всё хорошо, растёте вы духовно, но не научились в себе разбираться. Неужели вам не хочется добиться самостоятельности, чтобы не за вас, а вы сами решали?

— Гордыня это, — отозвался кто-то из ребят. — Моё "я" будет довлеть над Божьей Волей.

— Ой-ой, - сказал Николай, — не путайте и себя гордыней не запугивайте. Вот что у нас получается; вы слушаете себя, считая, что дух ваш вам отвечает, потом: он же иной раз как Учитель выступает, и вы начинаете всё время повторять: "Учитель сказал". Он и не думал вам ничего говорить, это ваше высшее "я"

говорит, а вы своё выдаёте за Учительское. Вы разберитесь, кто есть кто. Ваше высшее "я" обязано иметь собственное мнение, оно должно быть уникальным и неповторимым, оно же должно от других "я" отличаться. Именно оно духовно зреет, растёт, приобретает опыт. Постепенно оно осознаёт, что чем выше поднимается, тем более Божественного Света через себя пропускает, что всё чаще его собственное решение с Божественной Волей совпадает. Если слепо повиноваться внутреннему голосу, то вы не научитесь принимать самостоятельные решения в трудную минуту. А оно должно заключаться в том, что две Воли — ваша и Божественная — совпадут, и вы проведёте на Землю чистое знание, чистую вибрацию.

— Можно и так отдать себя на Волю Высшую, повинувшись ей всегда, — сказал Андрей.

— Так нужно делать, но пока нет внутренней чистоты, то все ваши низшие тела тянут в одну сторону, а внутренние ощущения, интуиция — в другую. Вы и разобраться толком не можете, и неуверенность чувствуете, и давление на волю вашу. Ровность, спокойствие, гармония наступают только тогда, когда две воли совпадают.

— Чистота нужна, — заметила Ольга. — Так хорошо я это чувствую, когда пишу. Мне кажется, что во мне только крошечная частичка Света присутствует, а уже так много дано!

— В вас верят. Так Высшие силы действуют, — сказала Татьяна Андреевна. — Они всё авансом дают. Они вас расхвалят, вознесут, а всё для того, чтобы перспективу показать, чтобы вы уверенность в себе почувствовали, чтобы знали, что впереди вас чудо ожидает. Еще они тайные желания ваши знают, те, которые вроде бы и самые светлые, но к духовной гордыне ведущие, поэтому, как я заметила, они избрали хитрый способ: дать вам всё, что вы пожелаете. Если хотите знать, то в человеке и светлые драконы живут, но это уже высшие существа, встречающиеся тем, кто очень высоко забрался. Получается, что с низшими нужно сражаться не на жизнь, а на смерть, а высших нужно закормить досыта, чтобы им противно всё стало. Вот ест ребёнок конфеты и не может отказаться от них. Мы действуем запретом, а нужно купить их два килограмма и скормить ему, после чего он в их сторону никогда не посмотрит. Желаете вы, чтобы вас понимали, то сокровенное, что вы даёте, и делают Высшие силы так, что люди вас окружают вроде бы понимающие, и вопросы задают нужные, и хвалят вас, и в рот вам заглядывают, и ваше мнение выше всего ставят, и начинают вас превозносить. И вы, в конце концов, от понимания такого в ужас приходите, воочию наблюдая искажения того лучшего, что вы им пытались принести в дар. Осознаёте и вы, что вас толком-то никто не понимает но окружают льстецы, к теплу прилепившиеся. Комфортно им рядом с вами, светло, тепло, вы им мысли готовые в рот кладёте, а они уже и жевать ленятся. Вы требуете: скажите, что сами-то думаете? А они в ответ — цитаты заученные. Зачем им думать, когда вы есть?

— О, ужас, — отреагировала Ольга, — похоже, что так и есть. Значит, мне показывают, что мои самые светлые мечты на земном плане всё равно исказятся, что мои самые светлые желания всё равно из области желаний? Меня сладостями закармливают?

— Да, но делают это для того, чтобы научить жить, не привязываясь к результатам своего труда.

Понимаете, вы пишете свои книги и ждёте, что люди станут светлее, добрее. Вы мечтаете о коллективе светлых сотрудников, понимающих, увлечённых.

— Мечтаю. Разве это плохо?

— Все мечты достойны того, чтобы их реализовывали, тем более светлые. Но я говорю о том, что вы ждёте отдачи, программируете результат. Если что-то не сложится, вы будете переживать. Вот что неправильно, вот к чему сейчас ведут ваши светлые Желания.

— Если ничего не желать, то и жить не нужно, — заметила Светлана.

— Умница, желания и есть двигатель жизни. Делайте всё, чтобы изменить жизнь к лучшему, несите свет в сердца человеческие, а вот что из этого получится, пусть Бог решает. Олег даёт концерт, и у него естественное желание — отдачу получить, благодарность. Ты написала книгу — хочешь, чтобы дошла она до людей, чтобы откликнулись сердца их. Не ждите ни благодарности, ни сердечного отклика, ни того, что сразу в массах изменение произойдёт. Ваше дело — добро сеять, а плоды собирать — дело Божье. Для него делаете, а Он пусть по своему усмотрению всем распоряжается.

— А расхваливают меня Высшие силы с каждым разом всё больше и больше. Меня уже так высоко вознесли, что дальше некуда, — задумчиво сказала Ольга. — Это что же, специально делается, чтобы моего светлого дракона до смерти закормить, чтобы от приторности этой мне противно стало? Но я здесь два варианта развития вижу. Один — это тот, что я всё принимаю на веру и иду без оглядки вперёд, лечу к Свету. Я знаю, кто я есть, и выстраиваю свою жизнь соответственно.

— Ольга, а вы можете сказать, что вы и есть то, о чём вам говорят? Вся ваша жизнь, общение с людьми, ваши реакции и взгляды, всё это соответствует той высоте, о которой вам говорят? Вы в такой степени чисты и святы?

— Если честно, то нет, — грустно отозвалась Ольга. — Я не всегда владею собой, раздражаюсь, когда вижу глупость человеческую, люблю комфорт, хочу хорошо зарабатывать. Так меня на гордыню испытывают? А я действительно выстраивать свою жизнь в соответствии с полученной информацией начала.

— И правильно сделали. Вас действительно на гордыню испытывали, но с другой стороны, показал из чего вы достичь сможете, если это испытание пройдете. Вам перспективу вашего развития показали, но слава Богу, что вы к себе критически относитесь, что не идёте лицемерным путём, скромно заявляя, что ничего вам не надо. Из уважения к Высшему не стройте из себя то, что вы не есть на самом деле, иначе всё против вас обернётся. Люди быстро несоответствия замечают, особенно они хорошо видят, что вам что-то нужно, а вы им будете из лучших побуждений упорно доказывать, что у вас потребностей в этом нет. Людей не обманете, потому что они сами из желаний состоят, и их присутствие в другом сразу обнаруживают.

— Хорошо, что вы этот разговор затеяли, — заметила Ольга. — Мне есть над чем задуматься. Я и вправду решила, что я есть то, о чём мне говорят.

— Не лишайте себя веры, но смотрите на это иначе: вы можете стать тем, кем вас считают. Верьте в свои силы, но знайте меру чистоте и святости своей. Сколько их в вас?

— Не согласен я с вами, — вдруг заявил Олег. — Какие ещё светлые драконы на большой высоте? Зачем там препятствия нужны? Это всё тёмные силы вредят, это их происки. Вы растёте, становитесь видны, мешаєте им, и они на вас обрушиваются. Я свой рост ощущаю. Там, где я нахожусь, никого рядом нет, нет тех людей, что уровня высокого достигли, поэтому приходится одному сражаться, а другим руку протягивать, подтягивая их до себя. Но они долго там не удерживаются, слишком высокие вибрации для них, и быстро опускаются, оставляя меня одного. Я уже привык к этому. Видимо, таков мой удел: стоять в одиночестве, охраняя человечество.

— Олег, давай по порядку, — начал Николай. — Светлые драконы — это те же Стражи Порогов. Если внизу они предстают тёмными сущностями, в силу твоей собственной нечистоты, то вверху они уже видятся светлыми, потому что вибрации там тончайшие, миры почти бесформенные. Стражи Порогов — это Покрова, неуловимая ткань, как Божественные крылья раскинувшаяся по небу. Ты попробуй пройти сквозь неё! О невидимую преграду мягко лбом стукнешься и вернёшься парить по вселенским просторам. Ты в полёте своём не ограничен, но если опять захочешь постичь неведомое, опять с незримыми крыльями столкнёшься. И до тех пор так будет, пока не поймёшь, что в тебе что-то не так. Разберёшься с собой, уберёшь мешающее, — дальше пойдёшь. Пропустят они тебя в следующую Беспредельность.

— Ты так говоришь, как будто Беспредельность — это не единое пространство!

— Единое, но ограниченное вибрациями разной частоты. Они не по краям Беспредельности располагаются, а внутри, слоями. Достиг одного уровня, то есть воспринимаешь одни частоты, находишься в этом слое Беспредельности, стал воспринимать другие — расширил пространство. Ты вот стоишь один в своём слое и с тьмой сражаешься, а посмотрел бы на все иначе, со стороны, точку сборки изменил бы, — другое увидел. Почему все люди тонкое пространство по-своему описывают? Потому что каждый в своём слое пребывает. Я это сферой называю, а вообще-то Вселенную как слоистый торт представить можно, или как шар в шаре, или как разнообразные геометрические фигуры, одна в другой находящиеся.

— Да, каждому своё, — сказал Олег. "Опять не достучался до него, — подумал Николай. — Почему он такой непробиваемый?"

"Рано, — услышал Николай. — Не тревожь дух, который не готов слышать правду. Знанием, данным раньше времени, погубишь его, опалишь крылья могучего Икара, любимого сына Моего".

"Вот тебе и на, — подумал Николай. — Никогда не знаешь, что за оболочкой человеческой скрывается. А на него надежды возлагаются! Он тут со страхами разобраться не может, а в нём дух зреет высокий! Неисповедимы пути Твои, Господи!"

— Не убедили мы его, — с сожалением говорила Татьяна Андреевна. — Жаль, но до чего же упрямое существо человек.

— Он великий мастер, — вдруг заявил Молчун. — Он ещё не родился, а вы с ним обращаетесь как с ребёнком. Нет его, нет, так и смотрите.

— Ты, Молчун, такое изречёшь, — заметил Фёдор. — Этот мастер сбежать отсюда может в любую секунду. Мы потом искать его будем, время потеряем. Дождь пойдёт — не выберемся. Следи за ним лучше.

Молчун понял задание и был постоянно начеку. Не то чтобы он ходил за Олегом, нет, но внутренне держал его в поле зрения. Так неделя и пролетела. Научились ребята многому, но прежде всего терпению. Ольга никогда в жизни в походы не ходила, в условиях диких не жила, но прекрасно освоилась и приняла прелесть таких отношений, складывающихся в трудном быте.

— Тут ты весь как на ладони, — говорила она. — Себя хорошо видишь и других. Почаще нужно из города в лес и горы уходить, чтобы в иллюзию не впадать. Вертишься в своём кругу, а жизнь перестаешь замечать. У тебя одно впечатление о человеке складывается, а здесь он другим предстаёт.

— Ольга, когда ты решишь замуж выйти, мы с твоим женихом в поход недели на три пойдём, — сказала Татьяна Андреевна. — Ты ему слово сразу не давай, скажи, что потом ответишь.

— Опять вы за своё, — ответила Ольга. — Не собираюсь я замуж.

— А если Учитель скажет?

Ольга обиделась, не очень, конечно, но врасплах её застал этот вопрос.

— Деточка, — тут же Татьяна Андреевна нашла нужный тон, — ты не обижайся, ты лучше сама себе такие вопросы задавай, загоняй себя в тупик. Мы же себя щадим, острые углы обходим, слышать то, что неприятно, не желаем. Ты запомни: другие тебе больно сделают, а если ты сама не побоишься вперёд выступить, то внешнее потом тебя не кольнёт. Самыми каверзными вопросами ты себя на честность проверяй.

— Вы Ольгу учите экзекуцию совести своей устраивать? — спросил Фёдор.

— Да, это обычно делают люди, и тогда становится страшно и неприятно. Но я убедилась, что лучше перед собственным инквизиторским судом представь, на все вопросы ответить, а потом спокойно к человеческим претензиям относиться. Они тогда такими незначительными кажутся?

Через четыре дня вся группа уж стояла на полустанке. К Фёдору решили не заезжать, но Татьяна Андреевна и Молчун, поразмыслив, сказали, что останутся ещё на пару дней. Расставались тепло, на ходу давая указания молодёжи возвращаться побыстрее домой к родителям, которые их заждались.

— Вы их в следующий раз с собой берите, — говорила Татьяна Андреевна.

— Да, если бы все такие, как вы, были! — сказал Андрей.

— Ты их не знаешь, они изменятся, как только тебя в другом качестве увидят. Счастья вам всем.

Поезд умчал всех на запад.

— А нам на север, Молчун. Я хотела с коровкой пообщаться немного, а то в офисе с людьми совсем одичала. Нужно нам и с животными токами обмениваться, а где их взять в городе? Кроме собак и кошек — никого. Им и так внимания чересчур много уделяют, а всем остальным как же?

— А все остальные — это мясо, — сказал Молчун. — Мы первые дискриминацию в животном мире установили. Нехорошо, спросится с нас за это.

— Поехали долг отдавать, бурёнку ублажать.

— Назад пешком пойдёте? — спросил Фёдор.

— Одно удовольствие это, — ответил Молчун. — По такой красоте идёшь, даже ступить на землю жалко — сияет она, благодать излучает. Если бы мы не спешили, может, подольше там остались?

— А проводник как же? Он на нас время тратит.

— Мы сами теперь дорогу найдём, если тем же маршрутом пойдём. Я всё запомнил. Спросить надо. Разрешат, так останемся на чуть-чуть.

"На три дня, — услышали все. — Вам будет чем заняться в Обители, но потом уходите без напоминания".

— Приказ есть приказ. Фёдор, ты слышал? — обратился Молчун к нему.

— Слышал.

— Значит, и ты можешь с нами.

— Могу, если только те три дня здесь в месяц не выльются. Выясню, потом ответ дам.

— Ишь ты! А я и не подумал!

— Я тоже только три земных дня могу там провести, а больше мне нельзя, — сказала Татьяна Андреевна. — Михаил опять один. Если бы по необходимости — это одно, а по нашему желанию — это другое.

Как бы там ни было, разрешение провести три дня в Обители стало для всех заветной целью, и каждый втайне мечтал, чтобы всё разрешилось так, как им и хотелось. Но разве не читались желания их, не высвечивались ясными строками на книгах Тех, Кто знал всё?

"Это будут три земных дня", — услышали друзья после того, как обменялись токами с животными, привели в порядок сарай и заготовили впрок соленья.

— Вперёд, — скомандовала Татьяна Андреевна, и они пошли в указанное ею место.

Через час они уже вступили в иное пространство, всегда поражающее воображение, несмотря на то, что бывали они в нём не раз, что природа была такой же, точно так же дул ветер и светило солнце.

— И всё равно всё не так, — говорил Молчун. — Тут воздух кристальный, листья ясные, солнце чистое, земля вымытая, кусты пылесосом вычищенные, вода хрустальная, птицы райские. Всё любовью дышит, светом окутывает, мысль твоя и не твоя, радость в сердце стучит. Куда пойдём-то?

— Тихо, себя слушайте, — сказала Татьяна Андреевна. — Нас ждут в той стороне.

Через несколько минут они вышли на открытое место, своего рода ухоженный парк с аккуратно подстриженными газонами, клумбами, беседками. Посередине под стеклянным куполом свода возвышался храм, словно парящий в небесах из-за своих необыкновенно лёгких опорных конструкций.

— Как же он держится? — поразился Фёдор.

— Он удерживается равновесием внутренней и внешней сил. Мы попытались на деле реализовать принцип гармонии, — сказал им подошедший человек в белом костюме, чем-то напоминавшем индийский пенджаби.

— А сила тяжести? — спросила Татьяна Андреевна.

— Не забывайте, что это не трёхмерное пространство. Здесь другие физические законы, и на сооружение действуют не одна, а ещё две дополнительные силы. Пройдёмте внутрь, — пригласил он их.

Это действительно был храм с горящим огнём на алтаре.

— Как поддерживается огонь? — спросил Молчун,

— Это не огонь, хотя и кажется таковым. Все, кто впервые попадают сюда, воспринимают его так, хотя потом понимают свою ошибку. Мы никому ничего не объясняем, каждый видит то, что может видеть. Подойдите поближе.

Они расположились вокруг алтаря, наблюдая за языками священного пламени, и вдруг в сердцевине его начало проявляться нечто совершенно другое.

— Это камень, — хором воскликнули Молчун и Фёдор. — Своей неправдоподобной чистотой он излучает свет, который видится как огонь.

— Это цветок, — молвила Татьяна Андреевна. — Каждый лепесток его сияет своим цветом, а всё вместе создаёт впечатление языков пламени.

— Это дух, — сказал их спутник. — Это то, что не имеет формы и всегда сияет. Это Вечный Свет. Мы сумели получить, освободив от всех связей, клетку чистого вещества. Из этой клетки может родиться Вселенная, но она никогда не родится без Воли Разума, позволившего нам увидеть её, выделить из массы и поместить для обозрения. Этот особый храм создан нашими лучшими архитекторами, годами добивавшимися священной чистоты, чтобы проникнуть в замысел Творца, диктующего им свои пожелания. Их задача заключалась в том, чтобы донести идею без искажения. Через сколько сфер пришлось им пройти, чтобы воплотить в жизнь идею в чистом виде! Мы без устали трудились в лабораториях, чтобы подобраться к этой клетке, не повредить близлежащие, и нам было сказано, что если архитекторы правильно воплотят замысел, то огонь зажжётся самостоятельно, потому что храм будет гармонизировать пространство. К этому камню нельзя прикоснуться, без купола свода цветок не будет существовать. Только чистые сердцем люди способны находиться здесь и видеть огонь алтаря.

С друзьями происходило нечто необыкновенное. Тела их вытягивались, расширялись, начинали вращаться, излучая свет цветка. Все почувствовали лёгкое головокружение.

— Вы останетесь здесь, при храме. Каждому приготовлена комната. Очищайте себя, станьте достойными того места, в котором оказались. В последующие дни приходите на службу по звуку колокола. Ваша задача будет заключаться в том, чтобы встречать новеньких. Это едва пробудившиеся души, ещё ничего не знающие, но жаждущие идти к Свету. У них особая миссия, поэтому в духе они появляются в храме и, как правило, толпятся у входа. Встречайте их и провожайте. Ближе к огню пусть не подходят — опалят тонкие тела и удлинят срок своего земного созревания.

— А мы их увидим? — спросил Молчун.

— Вы их отличите от остальных. Они как будто только что проснулись, тела их очень хрупкие, хотя одежда от других не отличается. И ещё глаза — они не светятся пониманием, но в них читается удивление.

Потрясённые увиденным и услышанным, друзья разошлись. Каждый из них думал, что тоже, наверное, был таким, приходящим сюда в полусознательном состоянии.

На следующее утро они увидели только несколько новеньких, стоящих у входа и не знавших, как себя вести. Никто в храме не разговаривал, поэтому друзья также молча провели своих подопечных туда, откуда им хорошо было бы видно алтарь. После службы новенькие, подойдя к двери, словно испарились за нею.

— Как странно, — заговорила Татьяна Андреевна. — У них глаза земным знанием светятся. Это так здесь заметно. Они горят, рвутся вперёд, но это не то горение, благодаря которому они могли бы здесь остаться. Души их излучают точечный свет, а нужен свет всего кристалла.

— А почему их мало так? — спросил Молчун. Они гуляли по внутреннему саду и беседовали со своим спутником.

— Это особое место, и душ, удостоившихся посещения его, единицы. Мы возлагаем на них огромные надежды, и каждый раз вглядываемся в новеньких: кто из них останется в храме и осознает себя в нём, а кто больше не появится? Завтра вы можете не увидеть сегодняшних гостей. Возможно, что никого не будет.

— Нет, будут, хочется видеть пробуждающихся, — сказала Татьяна Андреевна.

— Хочется, но не всегда наши желания совпадают с человеческими возможностями. Храмов много, но сюда попадают особые души, в которых потенциально присутствуют высочайшие и чистые вибрации.

На второй день друзья с интересом вглядывались в глаза гостей. Действительно, вчерашних не было, но зато от одного Татьяна Андреевна не могла оторваться. Все разошлись по своим местам, и она не имела возможности никому ничего сказать, даже знака подать, хотя ей очень- этого хотелось. После службы она быстро подошла к Фёдору:

— Или я сошла с ума, или это он.

— Кто — он?

— Олег. Так сразу не узнать, но глаза — его. И он ко мне, как к старой знакомой, потянулся. Я вас очень прошу, если он завтра появится, посмотрите внимательно! Фёдор, ты сам его проводи, а я с другими пойду.

— Он, — заявил Фёдор на третий день, — Олег, точно. Вы видите, что получается: на Земле — одно, а дух его достоин храма Света. Там он от леших бегаёт, а в духе Творцу Единому служит. Двое вчерашних пришли, а остальные опять были новенькие.

— Они не выдерживают токов высоких. Здесь редкая чистота сохраняется, поэтому малейшее отступление на Земле, и дух уже не может в храме появиться, — объяснял провожатый. — Раз в год подводим итоги, и в результате остаются один или двое.

— А когда вы подводите итоги? — спросил Молчун.

— В день весеннего равноденствия. Так было всегда на протяжении веков, поэтому эту точку необходимо уравновесить. Думаю, что с точки осеннего равноденствия начнётся отсчёт нового времени.

— Мы, к сожалению, уже не узнаем, кто появится завтра в храме, — сказала Татьяна Андреевна. — После обеда нам нужно уходить. Жаль расставаться, но мир зовёт. Спасибо вам за всё.

— Вы заинтересовались одним человеком, — сказал провожатый. — Приходите сюда 24 марта и узнаете, прошёл ли дух его испытание.

— Придём, — пообещали друзья, — если примете.

— Вы здесь всегда желанные гости. Спасибо за помощь. — И они тепло распрощались.

После обеда друзья собрались в путь.

— Нам в разные стороны, — сказал Фёдор, — мне домой, в тайгу. Хотелось бы с вами, да не могу, дела.

— И нам пора. Михаил заждался, — сказала Татьяна Андреевна. — До скорого свидания. Вы к нам теперь почаще навещайте, если пускать будут. Полдня ходу — и на севере.

— Заманчивая перспектива, — ответил Фёдор. — Наверное, так и сделаю. Ждите в гости. Да, Олега из виду не упускайте и Николаю о том скажите. Хоть и пугливый у нас певец, а всё-таки свой. Глядишь, мы его общими усилиями и укрепим, чтобы к весне он нас успехами своими порадовал. Счастливого пути!

Друзья разошлись в разные стороны.

— Вы как здесь так быстро оказались? — спрашивал их Михаил. — Николай вчера из Москвы звонил, только добрался, а вы уже дома Признавайтесь, как шли? Пещеры! Конечно же по другим пространствам бегаєте! Как они вас пропускают?

— Мы своё любопытство отрабатываем, — заявил Молчун. — Нам нетрудно доброе дело сделать.

— Расскажите всё, — просил Михаил. — Даже не знаю, с чего вам начать, мне всё сразу знать хочется.

Татьяна Андреевна рассказала историю их путешествия подробнейшим образом от того дня, когда они в путь отправились: про деревеньку, про ребят, про Олега. Потом Молчун своё добавил. А вот про храм начали говорить и поняли, что ничего у них не получается: не могут передать ни чистоты той, ни лёгкости, ни любви.

— Атмосфера здесь другая и пространство сжимает, — объяснил Молчун. — Не даёт оно возможности передать то, что там было. А там объём больше, там слова ёмкие, там чувства глубже. Да что ты терзаешь нас? Сам знаешь.

— Знать-то знаю, да хочется к миру тому прикоснуться.

— А ты пойді туда. Попроси разрешения и иди.

— Легко сказать. У меня язык не поворачивается. Ты что думаешь, там не знают, как нам хочется быть вместе с ними? Знают и всегда примут, да только меру мы должны чувствовать и идти туда, когда необходимость в том возникает. Вот ты сам почему никогда не просился?

— Не смел беспокоить никого. Они ведь знают, что я здесь, — ответил Молчун.

— Вы только трагедии из всего не устраивайте, — сказала Татьяна Андреевна. — Можно и услуги свои предлагать, между прочим. Если сила появилась, скажите, что готовы послужить, а вот куда вас направят — это никому не известно. Главное, представлений заранее не стройте, а то будете или разочарованы, или парализованы.

— Мне домой поскорее попасть надо, — заторопился Молчун. — Не дал ты нам осмотреться, напал с расспросами. У меня теперь новые дела появились, очень серьёзные.

— Хорошо, Молчун, никто тебя не держит. Занимайся своими новыми делами, только нас в курсе держи, — сказал Михаил. — Что задумал? Что скрываешь?

— Гости ко мне скоро приедут, — замялся Молчун, — те ребята, с которыми мы на Соловки ездили. Они соскучились, в Москве им, говорят, делать нечего, а ко мне — это с удовольствием.

— Ну и хитер ты, брат, — заметил Михаил. — Но это хорошо, что они едут. Познакомимся, опытом жизненным обменяемся. Как я понял, на Соловках идеальная группа собралась, такая, каких вообще не бывает, а в горах посложнее было.

— Люди везде к нам приближены были прекрасные, но обстановка разная, условия в горах посложнее. Ты что думаешь, ко мне гости едут между собой знакомые? Нет, они впервые на острове друга друга увидели, а сюда из разных мест собираются и о том, что встретятся, не знают.

— Ну, это ещё интереснее! — сказал Михаил. — Осталось Сергея с Иваном пригласить, чтобы тоже приобщить их к поездкам вашим.

Молчун, ревниво оберегавший право собственности на гостей, всё равно обрадовался: — Пусть все приезжают, кто захочет.

- Молчун, ты растёшь, - заметил Михаил. — Неужто ничего в груди не кольнуло?

— Оставь человека в покое, — заступилась Татьяна Андреевна. — Он вернулся после исполнения трудного задания. Имейте уважение к возрасту его, всё-таки вас два века разделяют.

— Мне больше нечего сказать, — отступил Михаил, — кроме того, что люблю я вас очень.

В Москве Олег остановился у Николая на два дня, а потом уже собирался ехать дальше. Он и раньше особой жизнерадостностью не отличался, а теперь и вовсе ходил грустный.

— Ты что, разве можно так жить? — тормозил Олега Николай. — Жизнь без радости — это костёр без огня.

— Я не грущу: у меня процессы внутренние происходят, куда-то всё плывёт, одно приходит, другое уходит. Сны мне странные снятся, такие туманные, далёкие, будто делаю я там что-то, а что именно — не понимаю, вспомнить не могу.

— Да, сны — это дело такое, каким специально заниматься следует, а изредка выхватывать картинки и пытаться разгадать их — бесполезно.

— Я снами давно занимаюсь и прекрасно знаю, что во сне делаю, — вдруг сказал Олег. — Потому мне и удивительно, что сейчас ничего из сна не выношу.

— Только не думай, пожалуйста, что это влияние тёмных сил, — не удержался Николай и сразу пожалел, что сказал это. Похоже было, что попал он в точку, и именно об этом размышлял Олег.

"Ну и мнительность! — подумал Николай. — С таким вместе жить — с ума сойти можно. Любое слово твоё он на свой лад трактует, во всём уловки и происки сил тёмных видит. Я так сам начну по квартире своей ходить и оглядываться".

— Ты смотри, на поводу у него не иди и не делай так, как ему нравится, — учил Николая Сергей. — Что бы ты сейчас для него ни сделал, он всё по-своему рассмотрит, иной смысл во всём углядит, выищет тёмных сущностей, а потом тебя в сговоре с ними обвинит. Понимаешь, это характер такой, особый взгляд на мир.

— Да это же уродство и непорядочность! — воскликнул Николай.

— Нет, он человек порядочный. Это страхи в нём творят то, что им заблагорассудится, а он пока этого не понимает. Терпи, дорогой, если помочь ему хочешь, — говорил Сергей.

— Буду терпеть столько, насколько терпения моего хватит, — отвечал Николай. — Может, это он со мной такой капризный? С Ольгой он поближе сошёлся.

— Вот ещё, этого не хватало! — вдруг воскликнул Сергей. — Её начнёт страхами заражать.

— Нет, она товарищ стойкий, она самостоятельно думать умеет и просто так не поддастся, даже если он будет во сто раз талантливее, чем сейчас.

Ольга действительно, сразу увлечшись, потом к рассказам Олега охладела и слушала его всегда с трезвой головой, не включаясь в его реальность.

— Хотя трудно это. Он начинает голосом проникновенным о чувствах своих говорить, и я кроликом себя ощущаю, добровольно в пасть к удаву идущим. Гипнотизирует он меня, что ли?

— Есть такой момент, — ответил Сергей. — Люди ведь попадают на крючки всякие. Он тебя голосом завораживает, и ты думать перестаёшь. Забываешь о контроле, в его реальность проскакиваешь. На это времени особо не нужно: миг — и в другом мире.

И всё-таки Олег предпочитал быть с Ольгой, чем в окружении этих слишком трезвых и весёлых мужчин. Для него они были чересчур прямолинейны, бесстрашны, насмешливы. С Ольгой же у него оставался шанс склонить её на свою сторону, втянуть в созданное им пространство. Кроме того, чувствовалось, что он был слишком одинок и начинал этим одиночеством тяготиться. Ольга, несмотря на то, что трезво оценивала Олега, тоже ему симпатизировала. Два дня в Москве они провели вместе. Сначала Николай записью хотел заняться, но Олег сказал, что лучше в следующий раз, когда он будет в большем равновесии. Поэтому у них была масса свободного времени, тем более, что Ольге на работу нужно было выходить через неделю. Съездили они вместе в Лавру, в Архангельское, успели ещё в Шереметьевском дворце побывать и в Царицынском концерт послушать.

— Он совсем другой, — говорила потом Ольга. — Когда он доверяет человеку, он меняется, от него страхи уходят, даже юмор появляется.

— Велика заслуга для мужчины, — заметил Сергей.

— По-моему, вы к нему предвзято относитесь, — сказала Ольга. — Нормальный человек, талантливый, ищущий, со средней кривизной в характере.

Вы тоже в свою систему представлений вжились и перестали ощущать связь с жизнью. Думаете, все такие идеальные, как вы? Все такие правильные и честные?

— Иван, — обратился к другу Сергей. — А не права ли она? Я на людей стал смотреть с точки зрения совершенного человека и даже требования им предъявлять такие. Если всё так на Земле хорошо, то зачем

мы здесь тогда? Нужно срочно пересмотреть взгляды на мир. Чистота для этого нужна. Закопался я в работе, поездках, занятиях, круг создал определённый, привычный, он и начал кристаллизовываться. Завтра круто меняю жизнь.

Утром Сергей не пошёл на работу, отказался от всех поездок, обзвонил тех, кто ходил к нему на медитации, и сказал, что в ближайшее время ничего не будет. Сразу образовался вакуум.

— Смотри-ка, даже интересно, — заявил он вечером Ивану. — А заполнить его чем?

— Без дела не сиди, закристаллизуешься в безделье, — посоветовал Иван. — Поезжай куда-нибудь отдохнуть. Твои мотания по планете — это не отдых и даже не смена впечатлений. Это стало привычной реальностью. Тебе нужно заняться созерцанием, углубиться в себя, стереть пыль с некоторых мыслеформ.

— Як Молчуну поеду, подальше от людей.

Чтобы поскорее реализовать намеченный план, Сергей в городе у Татьяны Андреевны с Михаилом не остановился. "Потом к ним съезжу", - подумал он.

Сергей был человеком дела и откладывать намеченное не собирался. С радостью предвкушал он вечернее чаепитие в избе под треск горящих поленьев. Дёрнув дверь, он буквально влетел в комнату и оторопел: на него во все глаза смотрела куча народа.

— Здравствуйте, — сказал он, мгновенно оценив ситуацию. — Жизнь преподала мне урок, который я сам постоянно преподаю другим: не строй представлений. Стоило один раз зазеваться, расслабиться — и вот, пожалуйста, вместо одиночества — группа искателей приключений. Молчун бросился к нему.

— Как ты почувствовал? Я тебя сегодня весь день звал. Не хотелось идти звонить, думал, так услышишь.

— Не буду тебя разочаровывать, Молчун. Знакомь со своими друзьями.

Четверо ребят съехались из разных концов страны, чтобы погостить у странного старика. Сразу поняли они, что скучать здесь не будут, да и дело им найдётся, а когда с Сергеем познакомились, другом Николая, то и вовсе обрадовались.

Безусловно, Сергей выделялся из толпы не только ростом и особой мужественностью. Он был открыт, прямодушен, умён, видел то, чего не замечал никто. В отсутствие обожаемого Николая Сергей мгновенно приобрёл статус лидера.

— Как хорошо, что вы здесь, — говорили ему ребята. — Есть нам, чему и у кого поучиться.

— Ничего подобного, — отвечал Сергей. — Это я приехал учиться. У меня наблюдается кристаллизация взглядов, мыслей, чувств. Не переживу такое, нужно срочно разбивать прежнюю форму.

— Зачем? — спрашивали его. — Нам говорили, что нужно обрести устойчивость, придать форму тому, до чего мы дошли в познании.

— Правильно, сначала чуть-чуть закристаллизоваться, чтобы порядок был, а потом идти дальше. Если больше, чем положено, на одном месте засидитесь, наблюдается полная кристаллизация. А разбивать кристаллы ещё сложнее, чем создавать. Знаете, чтобы камень не испортить, нужно только в одну точку

попасть. Здесь я надеялся эту точку найти и уже даже представлял, как все это будет выглядеть. А вместо самоистязания меня, оказывается, ожидает толпа огнедышащих дракончиков, требующих рассказать им абсолютно все, что я знаю. Разве Молчун вам ничего не рассказывал?

— Он иносказательно говорит, аллегорически, а нам по-человечески послушать хочется.

— Что же это он вам аллегорически рассказывал? — спросил Сергей.

— Про мысли и полёты, как в другое пространство попадаешь и во времени перемещаешься.

— Молчун у нас мастерски всё объясняет, с фантастическим уклоном, — сказал Сергей и косо посмотрел на Молчуна. Тот заёрзал на стуле, но голоса не подал. — Я вам о мысли сейчас ничего не скажу, за исключением того, что правильная, чистая мысль рождается в сердце, а не в голове.

— А как узнать, там ли она зародилась, где надо?

— А зачем? Создавайте мысль красивую, следите за её формой, содержанием, и она в любом случае будет правильной. Красивая мысль построит ту реальность, в которой вы будете потом жить. Это нам только кажется, что мысли просто рождаются и умирают, но на самом деле они продолжают жить в своём мире, подготавливая его для нас. Вот вам сейчас нравится ваша жизнь?

— Нравится, — хором ответили ребята.

— Это значит, что когда-то вы думали очень хорошо. Но большинству людей совсем не нравится то, что они имеют, они всем недовольны, разочарованы. Вы теперь знаете, что мысли их создали такую действительность.

— Моя бабушка, — заметила одна девушка, — живёт в тяжёлых условиях. Старенькая, больная, хозяйство большое, а сколько её помню, всё время она радуется. Все вокруг ворчат, злятся, а она рукой машет: что ни случается, всё к лучшему.

— У тебя мудрая бабушка. Она себе будущую жизнь готовит в довольстве, в достатке и в радости. Все будут ныть, а она плоды правильного отношения к жизни пожинать.

— А мои родители меня жалобами на жизнь неудавшуюся достали. Всё им не так, а как надо, сами не знают, — сказал паренёк.

— Может быть, ты им послан научить, как жить надо? Примером своим, не словами, конечно. Если слово делом не стало, то не стоит утруждать себя бесполезными разговорами.

— Вот, я понял! — воскликнул Саша. — Я всё время думаю, что в вас всех такое отличительное имеется? Вы, Молчун, Николай — вы, как говорите, так и живёте, вы ровные, спокойные, вы если мне без обещаний просто скажете, что через полгода будете на станции в городе нашем, то обязательно там будете. А если бы что-то непредвиденное случилось, вы бы меня из-под земли достали, чтобы предупредить.

— Да, на вас надеяться можно, — заключила вторая девушка, тоже Саша. — С вами спокойно и уверенно себя чувствуешь, вам можно секреты свои доверить, вас можно о чём угодно спросить. Как так получается, что чужие люди ближе родных оказываются?

— Мы же привыкли по кровному родству людей делить, а истинное — духовное. К нам ведь так и относятся — по вибрациям: с одной частотой звучания - в одну семью, с другой — во вторую, с третьей — вообще в иную семью, небесную. А на Земле всех специально перемешивают, чтобы мы токами обменивались и друг другу свет передавали.

— Как же с вами интересно! Молчун: тоже как начнёт про храмы парящие рассказывать, про жизнь небесную, дух захватывает. Понимаешь, что фантазирует, но хочется верить в красоту и чистоту необыкновенную.

— Вы верьте, в красивую и светлую мечту верьте, в Божественное предназначение своё верьте, в святость человеческую, в справедливость. Мечтайте о прекрасном будущем и мечту свою не предавайте. Неважно, что вокруг всё не так, как хочется. Будет так, если сумеете чистой мыслью создать иную реальность. Всем на Земле предначертан путь по лабиринту, из сферы в сферу, из одной иллюзорной реальности в другую. Но есть и прямой путь, выводящий вас из бездны в мир Света. Ищите и обрящете, стучитесь и отворят вам!

Все замолкли, вслушиваясь в новые нотки, зазвучавшие в голосе Сергея.

— Интересно, я не столько слова слушал, сколько тон, — сказал Володя. — Речь, оказывается, можно вибрациями воспринимать и даже больше усвоить.

— Только в том случае, если в речи высокие вибрации присутствуют. Тогда они ложатся на сердечный кристалл. Низкие вибрации наслаиваются вокруг кристалла или вокруг других центров и мешают их правильной работе. Мы потому любую информацию искажённо воспринимаем, что наши центры заблокированы низкими частотами.

— Да на Земле кроме низких частот других и нет.

— Верно, мы себя электроприборами окружили, от телевизора не отрываемся, а пространство слушать не умеем. Технократическим развитием от неба закрываемся. Оно не страшно, быт наш электрический, если мы научились себя слушать, но нет у нас знаний таких. Чужому мнению доверяем, телевизору доверяем, а себе не умеем.

— Себя в этом многоголосом хоре найти трудно, — заявил Молчун.

— Трудно, потому что дом твой, то есть внутренний мир, гостей незваных полон. Гости прочно обустроились и превратились в домашних. Помните библейское: "И враги тебе домашние твои"? Речь-то о том, что полным-полно в тебе сущностей всяких, которых изгнать необходимо. Сущности — это качества. Кто может сказать о себе, что чист? Никто. Все найдут в себе зависть, гордыню, сребролюбие, жажду власти, почестей, злость, саможаление. Порядок в доме установить необходимо, хозяином в нём быть.

— Интересно вы рассказываете. И правильно, — сказали ребята. — Осталось только, зная за собой колоссальное количество неблагоприятных поступков, нейтрализовать их, а потом больше не повторять. Вот видно, что вы смогли хозяином в доме своём стать. Николай смог, а о других нам неизвестно. Мы почему к вам потянулись? Потому что вы честно о себе говорите, не строите из себя невесть кого. А у нас, с кем бы мы ни сталкивались, — одни посвященные, а поближе сойдёшься, так видишь, что, кроме денег, на уме у них ничего нет.

— Или кроме желания вокруг себя побольше народу собрать, чтобы слушали, рот открыв, и не прекословили, — добавил Саша.

— Ну, что делать, — заметил Сергей, — слаб человек. Деньги да власть над душами — ничего за тысячи веков не изменилось. Люди самоутверждаются любыми способами: кто — властью, кто — деньгами, кто — знаниями, кто — тайною. Простоты не хватает. Вот чего люди в последующие эпохи добиваться будут.

Конечно, абсолютного уединения у Сергея не получилось, но ребята чувствовали, что ему необходимо, и не очень-то досаждали вопросами. Хватало ему времени на себя, и мог Сергей надолго и в лес уходить и к озеру.

В конце недели его и вовсе разгрузили подъехавшие Михаил и Татьяна Андреевна.

— Славенькая тут компания собралась, — смеялся Михаил. — Как вас угораздило в такую крошечную, никому не известную деревеньку съехаться? Ее и на карте-то нет. Она, можно сказать, плод моего воображения.

— Ой, не надо, — Молчун схватился за голову, — сейчас бредни начнутся. Дай спокойно век свой дожить.

Новые знакомые опять приятно поразили ребят.

— И эти не такие, как все. Как вы научились собой владеть, радоваться всему? У вас что, проблем нет? Почему у вас заботы другие и не говорите вы о вещах, о деньгах, о том, как трудно жить?

— Потому что от наших разговоров ничего не изменится, а душа в тоску впадёт. Зачем пространство сотрясать ещё чьими-то слезами? Чем меньше вы обращаете внимания на быт, тем легче с ним справляться. Жить нужно знаете как? Как будто вы на приём к английской королеве собираетесь. Тогда все проблемы отходят в сторону и вы целиком сосредотачиваетесь на том, как правильно себя вести. Представьте, что ваша душа на приём идёт, а ей нужно быть опрятной, чистой, светлой, радостной, заботливой, любящей.

— А как людей этому научить?

— Бесплезно их учить. Они должны перед глазами пример видеть, чтобы захотелось им такими стать. Когда сами спросят, можете подсказать, что о душе нужно не меньше, чем о теле, заботиться, — говорил Михаил.

— Ещё одну вещь важную не забудьте: для того чтобы светлым человеком быть, не обязательно в общество какое-то вступать. Сейчас общества в последней стадии искажённости пребывают. Когда этап этот в истории человечества закончится, можно будет подумать об обществах на совершенно другой основе. Просто помогайте людям в беде, разделяйте с ними радость и горе, трудитесь живите полнокровно, ищите дело по сердцу, — объясняла Татьяна Андреевна.

— Какие ваши дети счастливые, — сказала задумчиво Саша.

— Дети о своём счастье не знают. Они редко ко мне наведываются, но и это меня не огорчает, — ответила Татьяна Андреевна. — Пока у них такой путь.

— Как говорит мой близкий друг, люди обречены на успех, — вдруг изрёк Молчун.

— Молчун, ты почему молчишь? — спросила Татьяна Андреевна.

— Я млею от счастья.

Молчун напоминал доброго старого помещика, сидящего в окружении верных слуг-крепостных. Невозможно было искоренить его представление о том, что гость — это не его собственность. Молчун был уверен в том, что гости прибыли сюда именно для того, чтобы поступить в его полное распоряжение. Он никем не командовал, даже затихал под мнимо-суровым взглядом Сергея, но нет-нет да и проскальзывало в нём чувство собственности.

Иногда он надувался и гордо заявлял: "Мои гости не придут обедать. Я их отпустил побродить по окрестностям. Я им запретил ходить к озеру, чтобы они зверей не спугнули. Проголодаются — придут моей еды отведать".

— Молчун, — втолковывал ему Сергей. — Это — гости, они посланники Вечности в дом твой.

— Вот именно, в мой дом. Ко мне они приехали.

— С тобой тоже бесполезно на некоторые темы разговаривать. Упрям ты, как Олег, — говорила ему Татьяна Андреевна.

— Ничего подобного, — выступал в свою защиту Молчун. — Упрямства во мне нет, а вот гордость есть.

— Смотри, как бы твоя гордость путь простоте не перекрыла.

Пошли как-то друзья все вместе в лес, на место своё любимое. Ребята там сразу притихли.

— Здесь не так, как везде, — сказал Володя.

— А что именно не так? Послушайте себя, — предложила Татьяна Андреевна.

Все углубились в свои ощущения, вникая в ту жизнь, которая незримо текла внутри, и каждый узнал нечто особенное, хранимое сердцем для него.

— Бывают же такие места благодатные! — нарушила молчание Тоня.

— Много таких мест на Земле, — сказал Сергей. — Если бы не они, планета от смрада мыслей человеческих задохнулась бы. Здесь вы можете напрямую беседовать с космосом.

— А в городе нельзя напрямую? — спросил Саша.

— Можно, если расчистил к небу путь, но здесь всё равно легче.

— Да, это по всему ощущается, — сказала Тоня. — С тебя как будто пуд грязи сняли или от одежд тяжёлых освободили, и ты стоишь лёгкий, невесомый, чистый.

— Полезно иногда человеку наедине с собой побыть, — сказал Михаил. — В городе это не получается.

— Скорее, не хочется, — заметил Сергей. — Люди ведь больше всего на свете себя боятся. Почему они одиночества страшатся? Чтобы с собой не оставаться один на один, со своими порождениями. Мы как-

то поехали по приглашению в город подмосковный с Михаилом и Ольгой. Встретили нас там прекрасно, выслушали, приняли то, что мы говорили, вроде бы от души, но уже услышал я буквально перед отъездом обсуждения их и подумал: "Дай Бог вам выбраться с честью из тех умозаключений, которые вы составили". Мы же с ними просто, по-человечески, по душам, а они за нами наблюдают, со своей меркой подходят. Один меряет на доброту, другой — на любовь, третий — на знания, ну и в конце приходят к выводу, что всего этого в нас маловато. Понимаете, у них всё есть, а мы до их уровня не дотягиваем. Любви в нас мало, знаете почему? Потому что мы о ней не говорили. Доброты мало, потому что люди от наших речей добрее не стали, а, наоборот, сильно задумались. А у нас цель такая была: чтобы они задумались, к себе обратились, себя спросили. Но не хотят этого делать, боятся. Боятся монстра увидеть, минотавра, гидру, дракона многоголового.

— Ну и гордыня в них, наверное? — сказала Татьяна Андреевна.

— Без этого никак нельзя, ответил Сергей. — Одни думают: "Что это они нас учить вздумали?", другие: "Сами знаем, ничего нового нам не сказали", третьи: "У нас своё мнение на этот счёт". Понимаете, ни одного здравого суждения я не услышал, но многое было от упрямства, от самости, от невежества.

— Я, знаете, что заметил? — сказал Молчун. — Люди живут с огромными стеклянными колпаками на голове. Ты к человеку подходишь поговорить, а он руками разводит — мол, не слышу тебя. Хочет другому человеку сказать что-то, а вместо беседы колпаками стук-стук. Так и общаются.

— Да, каждый под своим колпаком прячется, — сказала Тоня. — Мы это у себя очень сильно чувствуем, но ситуация быстро меняется. Полгода назад всё иначе было, а сейчас люди подходят подготовленные, вопросы задают грамотные. Начинаешь спрашивать, что читали, выясняется, что ничего.

— Да, вы в другие условия попали, но неизвестно, что лучше, а что хуже, — сказал Михаил. — Оккультный бум обошёл вас стороной, и вы пришли уже на готовое. Пространство напитано информацией, и ваше поколение черпает её пригоршнями. Маленькие дети — это вообще уже другая раса. Вам придётся очень много потрудиться ради них.

— Малыши воспринимают мир не так, как мы, — сказала Татьяна Андреевна, — следовательно, им другая система образования нужна. А как построить её, если управляют всем люди, в развитии отстающие? Они через свой стеклянный колпак на мир смотрят и ничего не слышат. Вам нужно учиться вливаться в старую, отжившую систему, чтобы внутри возводить нечто совершенно новое.

— Да как пробить наше новое?

— Не думайте об этом. Делайте своё дело. Совсем не обязательно выходить на массы, иногда достаточно и нескольких слушателей. Понятно, что хочется изменений в государственном масштабе, но там, в министерствах и комитетах, прочно окопались старики вроде меня, — улыбнулась Татьяна Андреевна. — Они вам место не уступят. Они уверены, что вы всё сделаете не так. Ничего страшного: пусть будет школа, класс, дополнительные занятия. Таких классов по всей стране станет много очень скоро, и старая система образования просто слетит вместе с чиновниками, греющими свои старые кости в тёплых местечках на хороших должностях.

Это был их последний день в деревеньке. Ребятам пора было разъезжаться, как и всем остальным, кроме Сергея. Михаил решил сделать ребятам подарок и на роскошной машине доставил их в город, повозил по нему, показал местные достопримечательности, а на прощание купил всем билеты на поезд.

— Пусть мой скромный вклад в вашу материальную жизнь принесёт вам радость.

— Ой, мы не хотим кармических долгов, — заохали девушки.

— Кармический долг — это когда деньги вымогают хитростями или отнимают без спросу, — сказал Михаил. — Вы же мне ничего не говорили, и решение своё я принял самостоятельно, без намёков. Радуйтесь, может быть, я старые долги отдаю, кто знает?

Володя же наотрез отказался взять деньги и купил билет сам.

— Я на работу сейчас устраиваюсь, и мне будут хорошо платить. Не хочу чувствовать себя обязанным.

— Когда у тебя будут деньги, ты такую же услугу окажешь другим. Понимаешь, я тебе помог, ты — другому, так цепь даров будет шириться, — говорил ему Михаил.

— Или цепь долгов и обязательств? — спросил Володя.

— Смотря как ты к этому относишься. Если сам будешь давать бескорыстно, без тени мыслей о возвратных дарах, то все будут свободны. Если ты в глубине души напрягаешься и считаешь, что людей связываешь обязательствами, то так оно и будет.

— Вы много берёте у других людей?

— Мне никто не даёт, а на доброе дело брал бы без зазрения совести. Всё, что у меня есть, я зарабатываю, — ответил Михаил.

— Я подумаю, — сказал Володя, — но всё равно пока денег не возьму. Спасибо.

— Татьяна Андреевна, — рассказывал Михаил ей вечером, — представляете, не взял деньги. Вот упрямый! Зато мыслит. Нравятся мне такие, хочет до всего сам докопаться. А у меня в его годы на уме совсем другое было!

— Это и поразительно, но, похоже, что с нами будут дружить именно люди от двадцати до двадцати пяти. Им среди сверстников неинтересно, они себя чужими ощущают, а с нами им легко и понятно. Родителей они своих не воспринимают, а нас слушают, но главное — доверяют.

Олег уехал из Москвы ненадолго, обещал скоро вернуться. Так и получилось — приехал записи делать да с Ольгой повидаться. За неделю на студии звукозаписи пообещали управиться, поэтому полдня он там проводил, а к обеду освобождался, ходил по монастырям и церквям до вечера, а после семи приходил к Ольге в редакцию. Трижды послушал её семинары и утверждал, что ему очень всё нравится. Но больше семинаров, монастырей и даже записи ему нравилась Ольга. Ей он доверял, и с ней ему было спокойно.

— Чем же тебе так Ольга нравится? — спрашивал Олега Николай и сам отвечал: — А почему, собственно, она нравится не может? Красивая, умная, духовная.

— Сильная, — вставил своё слово Олег.

— Сильная? — удивился Николай. — Тебе нравится, что она сильная?

— Да, за ней, как за каменной стеной. Об неё все стрелы ударяются и отскакивают.

— А тебе не кажется, что она должна силу мужчины ощущать и быть за ним, как за каменной стеной?

— Какая разница? Уютно с ней, тепло, — отвечал Олег.

— Это ты получаешь, а что отдаёшь? - спрашивал Николай.

— Как что? Это же взаимообмен.

— Не пойму я, Иван, — говорил позже Николай, — он что, законченный эгоист? Он ведь и не думает о том, чтобы позаботиться о человеке, а всё о своей пользе радует.

— Он вовсе об этом не думает. Есть категория людей, живущих как растения, в тепличных условиях. Тянутся они к теплу, к свету, а о том, что и своим не мешало бы поделиться, не помышляют. Не потому, что жадные, а просто не считают это важным. Он ведь на концертах делится, опять же, записи сейчас готовит. Это его вклад в дело духовное.

— Но Ольга-то ему нравится! Неужели не хочет для неё постараться?

— А он ей песню потом посвятит. Но не дай Бог, если однажды тепла её и силы не почувствует! Не простит, скажет, что она покатила по наклонной плоскости и в лапы к тёмным попала. Потом он за себя испугается, что она, чтобы выкарабкаться, его силами воспользуется, а они ему, извините, самому нужны. Что Ольга? Сидит себе книжки пишет. А он? Он на людях. Актер, одним словом.

— Ты бездушное существо описал. Это не актёр, а дракон какой-то.

— Нет, это современный среднестатистический духовный человек. Ольга Сергею сказала, что все такие. Это мы завышенные требования к людям предъявляем.

— И что, женщинам такие мужчины нравятся?

— Не думаю, но особенно выбирать не из кого. Женщины довольствуются малым.

— Неправильно, нужно многого хотеть, желать добиться чего-то. Зачем серостью довольствоваться?

— Твоя жена много хотела, ну и как?

— Моей жене кроме денег ничего в жизни не надо. Если в семьях из-за разводов трагедии, то ей было абсолютно всё равно, лишь бы деньги давал. Это другое.

— Понимаешь, Олег из категории непризнанных гениев. Неважно, известен он или нет, не о том речь. Образовался целый пласт из сознаний непонятых, умных, гениальных, интеллигентных, неуравновешенных, трусливых. В том слое все качества перемешались, и люди, выходящие на определённый уровень духовности, в него попадают. Если не проскочили, то застряли в нём, ну и начинается возня: прилипает к телам мешанина всякая из того слоя, а они избавиться от неё не могут, — объяснял Михаил.

— Но можно? — спросил Николай.

— Конечно! По утрам нужно водой холодной обливаться.

— Ты зачем издеваешься?

— Я серьёзно. Тела тонкие да физическое укреплять нужно. Саможаления не допускать и не искать, кому бы пожаловаться, поплакаться о проблемах своих.

— Точно! Человек постоянно ищет, с кем бы поделиться своими неприятностями или переживаниями, — сказал Николай.

— Человеку мало того, что он сам себя жалеет, он хочет, чтобы другие в этом тоже поучаствовали, а если они не желают, то он утверждает, что в мире отсутствует любовь. Ему любви недодали ближние его! Путает человек сочувствие с любовью, да и сочувствовать в чём? В плохом настроении? Сочувствовать можно в горе, в беде, но не капризам же личности! Вот Олег как раз такой типаж: ждёт сочувствия личности своей актёрской. Женщины, как правило, его и проявляют.

— Похоже что Ольге он нравится, — заметил Николай. — Она действительно сильная и своё превосходство ощущает, поэтому она об Олеге позаботится. Это своего рода материнский инстинкт.

— И очень даже неплохие семьи на инстинкте этом создаются. Если бы там ещё и любовь присутствовала! Но, как правило, любви нет, а мужчина на дистанционном управлении находится. Ему говорят: ешь, спи, иди на работу, надень это, сними то, сядь здесь. Он всё покорно выполняет. Бывает, что потихоньку силы накапливает и неожиданно голос свой подаёт. Если много сил набрал, может и к другой уйти, которую сам будет опекать. Так что женщинам нужно быть осторожными и в меру силу свою демонстрировать. А с Олегом всё не так плохо, он лет через семь, как раз к сорока двум, выровняется. Должны его страхи уйти. И за Ольгу не беспокойся: она без любви замуж точно не выйдет.

— Лишь бы не перепутала, — заметил Николай.

— Она осторожная, сам говорил. Сто раз проверит, прежде чем удостоверится, любовь это или нет, — сказал Михаил.

Николай вдруг расхохотался:

— Можно подумать, что это проверить можно! "В поход трёхнедельный мы их вместе отправим, почудился Николаю голос Татьяны Андреевны. — Кто знает, какие качества Олег там проявит? Там все их чувства высветятся, и увидят они друг друга такими, какие есть на самом деле".

"Действительно, что это я заранее беспокоюсь?" — подумал Николай.

Вечером Олег сказал, что диски готовы.

— Прекрасно, одно дело сделали, — сказал Николай. — Ты что не радуешься?

— Уезжать не хочется. А с другой стороны, что здесь делать? Работать поеду, новые песни писать.

— Ты готовься на следующее лето в поход с нами идти. Планы у нас с Ольгой большие.

— Не особенно меня эти походы прельщают, но если с Ольгой, то, может быть, и пойду.

Сергей, оставшись вдвоём с Молчуном, мог наконец-то посвятить время своему внутреннему миру. Но думалось ему легче только на том особом месте в лесу. Иногда Молчун с ним вместе приходил посидеть.

— А не постучаться ли нам в Небеса, друг мой? — предложил как-то Сергей.

— Мне там сейчас делать нечего. Но ты стучи, а я домой пойду, — сказал Молчун. — Дома дел полно. Ребятишкам нужно посылочки приготовить с витаминами, с лекарствами.

— Не жди меня, Молчун, — сказал Сергей. — Может быть, и не приду.

Молчун, кивнув, пошёл в сторону деревеньки.

— Примите, Силы Светлые! — вслух произнёс Сергей.

"Тошно мне здесь, — продолжал он про себя. — Николай так маялся, а я его уговаривал, ответственность перед миром объяснял. Сейчас сам вот стою пред вами весь как на ладони, всё понимаю, даже уникальность свою осознаю, а не могу и не хочу быть на Земле. Примите к себе, разрешите поработать в нормальных условиях, причастность к творению ощутить, успехам друзей порадоваться.

— Заходи, — сказал голос. Рядом с Сергеем стоял Нуоми. — До последнего дотянул, но всё же постучал. Есть для тебя работа.

Они шли уже по совершенно особому месту со звенящим воздухом. У Сергея вся душа распахнулась и поползла вширь. Он дышал и не мог насытиться, смотрел во все глаза и не мог насмотреться.

— Как давно я здесь не был!

— Все говорят одно и то же, хотя грех им жаловаться. Другие сюда никогда не попадают.

— Вот именно. Мы уже больны этой жизнью, этой реальностью, мы знаем вкус Истины, а они — нет, поэтому они не страдают так, как мы.

— Разве ты страдал?

— Я увлёкся жизнью, вошёл в неё, был участником всех происходящих со мной событий. Нет, я не страдал, а радовался. Страдания начинаются тогда, когда ты отрываешься от одной реальности и ещё не входишь в другую. Ты воочию наблюдаешь обе и сравниваешь их. Это приносит страдания.

— Друг мой, — сказал Нуоми. — Я житель этого мира. Я встречаю посетителей и провожаю их, у меня серьёзная и ответственная работа, закончив которую, я уйду в другой, ещё более совершенный мир. Но перед тем как отправиться в него, я хотел бы пожить на Земле. Немного, хотя бы с десяток лет, чтобы почувствовать вкус жизни. Когда ты постоянно окружён драгоценными камнями, хочется иногда увидеть среди них обычный серый камень, чтобы ощутить величие твоих владений. Творец проявил мудрость и в том, что не оставил для Себя места в этом мире, а вошёл в него, чтобы вечно пить Божественную амриту духовного восхождения. Этот путь нескончаем для Него, а следовательно, и для нас.

— Нуоми, какая удивительная мысль посетила тебя? — сказал Сергей.

Это был уже не прежний Сергей, а помолодевший человек, лёгкой походкой шагавший рядом с Нуоми. Спутник укоризненно посмотрел на Сергея.

— Разве нас посещают наши мысли? Нам сделали подарок. Смотри! — воскликнул он.

Небо над их головами засияло всеми цветами, а непонятно откуда налетевший ветер пригнал облака, которые чудесным образом соединились в слова: "Люблю вас, дети Мои! Добро пожаловать в День Новый".

"Я никогда не привыкну к чудесам", — подумал Сергей, и на глаза его навернулись слёзы. Он умел удивлять других, демонстрируя те знания, которыми владел, но сам до глубины души был тронут тем вниманием, которое ему оказывали Силы Высшие. Весь окружающий мир, казалось, склонился над Сергеем и заключил в объятия, нашептывая о любви к нему. "Как в детстве, — подумал он. — Только в далёком детстве я ощущал заботу мира о себе и чувствовал своё единство с ним. Мир не существовал отдельно от меня, я был его частью. Оказывается, я забыл, что это такое, от меня ушла радость познания, я стал винтиком большого механизма, послушно исполняющим свои обязанности. Но что-то от меня ушло. Что именно?"

— Наверное, чистота восприятия, — вдруг сказал Нуоми. — Мы все рано или поздно отождествляемся с творением, не важно с каким. Для одних это семья, работа, для других любимое дело или даже страстное стремление добиться чего-то. Когда мы приближаемся к цели и уже ясно видим её очертания, мы перестаём ощущать вкус поиска, непостижимость, тайну. Это приносит разочарование. Чтобы этого не происходило, нужно иметь в запасе цель следующую, проявляющуюся только по достижении первой. Моя работа здесь ещё не закончена. Я не знаю, сколько времени понадобится для выполнения её, но уже предвкушаю что-то необыкновенное, ожидающее меня впереди.

— А ты не боишься, что это необыкновенное окажется банальным, не представляющим сложности заданием, лишаящим тебя поиска?

— Не боюсь. Никто не мешает мне проявлять творчество. Мне интересно даже самое элементарное и давно всем понятное дело осветить с новой стороны, выявив нюансы, никем ранее не замеченные. А они всегда есть. При желании, при творческом подходе ты найдёшь новые грани, потому что ты, как человек, уникален, и любое явление отзвучит именно на твою уникальность.

— Ты знаешь, я так счастлив, что нахожусь здесь, что наконец-то оторвался от того мира и пришёл в этот, где всё дышит любовью, где само пространство поёт и дарит тебе чистоту, — говорил Сергей.

— На какое-то время ты стал ребёнком и воспринимаешь этот мир, как дитя, — сказал Нуоми. — Сохрани это ощущение, зацепись сознанием за что-то, что поможет тебе вспомнить свои чувства. Скоро ты привыкнешь и перестанешь замечать эту чистоту, хотя будешь знать о её существовании. Тебя будет влечь другой, ещё более чистый мир, который откроется твоему сознанию. Но справедливости ради должен отметить, что и земной мир сначала был чист для тебя и точно так же окружал любовью, как и этот. Ты просто перерос его, как перерастёшь и это необыкновенное пространство, радующее тебя. Смысл нашего существования состоит в том, чтобы каждый день открывать нечто новое. Если ты сумеешь делать это, ты воплотишь в жизнь всеобщую мечту об истинной чистоте. Первые три с половиной года дети узнают новое о мире, в который пришли. Потом ещё три с половиной года закрепляют свои ощущения. Человеку нужно растянуть эти годы на всю жизнь от момента осознания себя частицей Вселенской.

— Этот момент у каждого человека наступает в разное время, — сказал Сергей. — В основном после тридцати трёх, но сейчас происходит заметное омоложение человечества в плане роста сознательности.

— Да, мы проводим огромное количество экспериментов, чтобы дать людям возможность вкусить сладость сознательного творчества в более молодом возрасте. А то они после тридцати трёх начинали

задумываться, к сорока двум созрели, от сорока девяти решались на изменения, но в основном это сводилось к сетованиям по поводу того, что мало человеку отпущено на реальное творчество. То есть сначала человек создавал ложную личность, кристаллизовывал все качества, ему свойственные, а потом начинал разбираться, что ему в жизни необходимо, а что — нет. Теперь мы пробуем совершенно другой вариант: не ждать, пока сформируются тонкие тела, а именно в момент их созревания дать человеку возможность распознавать и выбирать ему необходимое.

— Тогда придётся меняться и детям, и родителям. Если ребёнок уже после четырнадцати лет начнёт свой поиск, то ничего не понимающим родителям придётся туговато. Да и детям не позавидуешь, если они растут в обстановке полного отторжения духовных потребностей и ориентированы только на материальное.

— Что делать, не одному поколению придётся все сложности переориентации человеческого сознания выносить на себе. Впрочем, воплощаются для исполнения этой задачи наиболее стойкие, способные проводить ту линию, о которой прекрасно осведомлён их дух.

Нуоми и Сергей медленно шли по широкой просеке, окружённые высокими деревьями. Иногда они сворачивали и попадали в цветники с необыкновенными растениями, ухоженными чьей-то заботливой рукой.

— Всё здесь отвечает требованию моего сердца, — сказал Сергей. — Я, наверное, просто устал.

— Не только устал, но и втянулся в ту жизнь, которую создал сам для себя. Она перестала быть для тебя новой и лишилась привлекательности. Нужно уметь находиться и внутри, и вовне одновременно. Ты же сам всё прекрасно знаешь, что я тебе объясняю?

— Знаю, и даже других учу, а вот сам втягиваешься и не замечаешь, когда это происходит. Но есть один замечательный способ — не сидеть на месте, а быть в постоянном движении, менять привычный распорядок. Я по три-четыре раза в месяц улетаю в командировки, но и это стало частью моей жизни, а мне бы нужно на месте посидеть или совсем по другому делу в прямо противоположную сторону направиться.

— Именно поэтому ты здесь. Нам необходим наставник для молодых людей, хорошо разбирающийся в психологии. Но прежде чем ты приступишь к своим обязанностям, поживи некоторое время один и освойся с этим миром. Посмотри, видишь ли ты свой домик? — Нуоми указал рукой прямо перед собой.

Сергей всматривался в кустарники, пышно цветущие в правой стороне огромного парка, на первый взгляд совершенно открытого, но на самом деле имеющего один вход через ту просеку, по которой они пришли. Неожиданно в кустарнике проявились очертания небольшого домика с черепичной кровлей.

— Я что, уже дошёл до того, что свой дом разглядеть не в силах? — сам себе удивился Сергей.

- Нет, ты просто вступаешь в новую жизненную фазу. Всё меняется и внутри, и вокруг. Если бы ты не увидел этот домик, тебе предназначенный, то пошёл бы в другой, имеющий более плотные очертания. Но поскольку Ты проник за завесу из особой тонкой ткани, то останешься здесь привыкать к новой для тебя обстановке. Ты попадаешь в незнакомый тебе поток энергий, чтобы адаптироваться к ним, понять, что они несут и какие задачи должны выполнять. Через тебя они будут вливаться в мир, особо напитывая драгоценные камни, с которыми ты имеешь дело. Входя в этот домик, ты как бы окунаешься в озеро, вода которого имеет особые свойства. Я бы посоветовал тебе не выходить из дому дня три. Скажи, какого цвета стены ты видишь?

— Крыша черепичная, а стены белые, но отливают фиолетовым цветом, — ответил Сергей.

— Правильно, так и есть. Даже если бы стены были зелёными, они всё равно отливали бы фиолетовым цветом, — сказал Нуоми.

— Это потому, что фиолетовый луч вступил в фазу активного творчества?

— Да, все лучи действуют в мире попеременно. Один становится главенствующим, а все остальные проливаются через него. На ближайшие две с половиной тысячи лет активизируется фиолетовый луч, а уже внутри эти годы разделятся на более мелкие периоды с влиянием на жизнь белого, синего, зелёного и других лучей.

— Но ведь две с половиной тысячи лет — это условное число? — спросил Сергей.

— Это, скорее, круглое число. Точное время, по нашему исчислению, составляет две тысячи сто тридцать шесть лет. Одно тебе скажу, часы Вселенские о начале Новой Эпохи уже возвестили, так что мы фактически живём в новом времени. Ты сейчас иди и осваивайся в домике своём. Через три дня за тобой придут — или я, или кто-то другой.

Они распрощались, и каждый пошёл в свою сторону. Сергей, подходя к домику, побаивался, что он может исчезнуть. С опаской он занёс ногу и вступил в новые владения. К его удивлению, там оказались несколько комнат и даже душевая с бассейном. Прекрасно зная, какие сюрпризы может преподнести тонкое пространство, Сергей всё же поражался его изобретательности. Мысль о том, что домик может раствориться в воздухе, теперь его рассмешила. Вдруг он представил, как плещется в бассейне и неожиданно его посещает неприглядная мысль, которая уничтожает всю тонкость этого мира, и он оказался прямо в центре кустарника, лишившись защитных стен бело-фиолетового домика. "Думай красиво, — сам себе строго-настрога наказал Сергей, — чтобы не оказаться голым королём. Пусть эта мысль послужит тебе напоминанием, что ты находишься под постоянным наблюдением и фактически никогда не бываешь один. Не кто-то за тобой следит, а сама ткань этого мира является живой, творящей, разумной. Она сразу реагирует на твоё состояние и даёт ответ либо в пространственном явлении, либо в мыслях. Люди постоянно пытаются проникнуть в тайну знаков, а знаки — это всего лишь ответы на возникшие у тебя вопросы.

Человек настолько неосознателен, вернее, действует и живёт неосознанно, что не способен выявить вопросы, рождающиеся внутри, а потом и прочитать ответы на них в виде явленных знаков.

Чем было заниматься Сергею в последующие дни? Сначала он решил поработать над собой, но потом передумал. "Лучше заняться каким-либо делом, а в процессе исполнения приглядеться к своим качествам», — подумал он.

Дело нашлось быстро. Сергея очень сильно занимала тайна пространства, которую он решил разгадать. Домик снаружи казался очень маленьким, но когда человек заходил в него, то он каким-то чудом расширялся, в нем обнаруживалось много комнат, гостиные, спальни, библиотеки, ванны. Где всё это размещалось? Почему человек сначала не видел двери, а потом они проявлялись?

"Сейчас у меня три комнаты, но я подозреваю, что есть и другие, которые я пока не вижу, — думал Сергей. — Как найти их? Только путём поиска ключа в самом себе. Значит ли это, что я должен что-то в себе построить? Ни в коем случае. Нужно что-то убрать, заместив это Светом. Впрочем..."

Сергей сел за вычисления. Два дня он практически не вставал из-за стола, исписывая и разрисовывая кипы бумаги. Он давно понял, что одно пространство находилось в другом, существуя автономно, поскольку миры в основе своей имели разные вибрации, но ему хотелось математически обосновать это, найти определённую закономерность и выявить точки их соприкосновения. На третий день Сергей понял бесполезность своего занятия. То есть поставленной цели он добиться не смог, зато сделал ряд ценных открытий. "Поздравляю. — услышал он. — То, что ты не сделал открытии: в той математике, которой владеешь, и есть открытие. Чтобы обосновать существование нескольких пространств, находящихся одно в другом, необходимо ввести некие иррациональные числа, отражающие мерность тех миров, существование которых ты хочешь доказать. Сами эти числа и являются ключом входа, но нужно уметь им пользоваться. От того, что число появится на бумаге, ничего не изменится: врата не откроются, и пространство не проявится. Но зато в тебе произойдут колоссальные изменения. Ты хоть голову подними".

Сергей оторвал взгляд от расчётов и оторопел. Он сидел в огромном зале, полном людей. Все занимались своим делом: одни чертили, другие рисовали, третьи читали. Сергей понял, что не все видят друг друга. Несколько человек ему приветливо улыбнулись, остальные не поднимали головы от столов. "Значит, я всё время был на виду, — подумал он и начал лихорадочно вспоминать, не делал ли он чего-то неприличного. — Вроде бы не делал, но всё равно ужасно". Как Сергей понял, каждый столик находился в собственном пространстве, и человек, за ним сидящий, ощущал себя в своей комнате. Когда видение расширилось, люди оказывались в гигантском читальном зале, не имеющем стен.

"И что, в бассейне тоже так? — подумал Сергей. — Я раздеваюсь и плаваю на глазах у сотен любопытных? — "Нет, вы только работаете все вместе, да и то в том случае, если увлекаетесь делом. Создаётся коллективная творческая мысль, отвечающая определённой вибрации пространства, и вы попадаете в единую лабораторию или библиотеку. Все те, кого ты видел, занимались решением одного вопроса — взаимодействием пространств. Люди, которые увидели тебя, продвинулись в расчётах так же далеко, как и ты". — "Значит, есть и те кто прошёл ещё дальше?" — "Есть. Через число они постигли себя и поняли, что им следует делать". — "Собственно, это и есть то, чего хочу я. Число — это ключ к внутреннему человеку. Во всяком случае, я понял, что можно да и нужно приводить себя в равновесие. Как только эта точка найдена, открываются врата другого мира". — "Правильно, но тебе не нужно заниматься этим. Есть задача достаточно сложная, исполняя которую, ты будешь развиваться. Ну оми упомянул, что нам необходим наставник для молодых людей. Дело в том, что эти люди ещё не совсем пробудились. Они иногда появляются в тонком мире, потом исчезают. Есть и такие, кто по-прежнему ходит в полусонном состоянии. Их земные тела не окрепли, да и духовные не обладают достаточной силой, чтобы закрепиться и осознать своё присутствие в тонком мире. Для этих людей создан особый класс, в который они, можно сказать, изредка забредают. Состав класса меняется, но программа всё равно разработана, и необходимо её реализовывать. Они должны осваивать учебный материал и сдавать экзамены. По-моему, ты понял, что внимание нужно уделить психологическим особенностям учеников, направляя их на пробуждение. Нужно помочь им закрепиться здесь и осознать жизнь в двух мирах сразу". — "Непростая задачка: работать с теми, кто может завтра не появиться. Я буду тратить на них все силы, а они придут и тупо уставятся на меня: неужели вы это уже говорили?" — "Всё так и даже сложнее. Но постарайся заинтересовать их и ещё влить силы, чтобы они пришли завтра, чтобы не только вспомнили, но и смогли здесь объявиться"

"Что делать? Буду стараться", — мысленно ответил Сергей.

"Пока оставайся во внутреннем помещении. Через читальный зал будешь проходить в учебный класс. Он находится в противоположном конце. Двери не видно, но, вплотную подойдя к стене, ты её обнаружишь. Назад опять пойдёшь через читальный зал к своему столику, сев за стол, ты окажешься в своём домике".

Во время этой мысленной беседы Сергей дошёл до конца зала и упёрся в стену. Тут же он увидел дверь, толкнув которую, вошёл в класс. Комната была круглой. Столики располагались так, что абсолютно все были видны Сергею. Никто не смог бы спрятаться за спину другого и все находились на прямой линии от учителя. Вдруг дверь приоткрылась, и в класс вошла девушка.

— Я не опоздала? — робко спросила она.

— Нет, садитесь.

Сергей встал за свой учительский столик и подивился хитрому расположению учебных мест. Казалось, он находился в замкнутом пространстве один на один с девушкой. Пока он беседовал с ней о жизни, появился молодой человек, за ним — другой. Через пару часов они все покинули класс.

"Нужно хоть посмотреть, чему я изучать должен", — подумал Сергей.

Программу он нашёл на своём столике, сев за который, оказался в кабинете, окружённый книгами. Книжечка была небольшой, но очень ёмкой. Оказывается, слушателей не нужно было обучать математике, истории, химии, но следовало разъяснить подходы к изучению этих весьма необходимых наук. Благодаря знаниям, полученным через Сергея, ученики могли бы потом работать в тонких лабораториях, в небесных храмах, в незримых обителях. Сергей должен был разъяснять им ответственность их перед мирозданием, посеять в их сердцах непоколебимую уверенность в том, что они — часть творения, без которых Свет не прольётся на Землю в должной мере.

Пока Сергей читал программу, он понял и собственную ответственность за новых учеников: ведь через него они будут воспринимать лучи, меняющие всё и вся, на чистоту его сердца будут смотреть как например, постоянно находящийся перед глазами. Если он не станет магнитом притяжения для их неокрепших душ, они больше не придут сюда, вернее, не смогут прийти.

"Мудро или хитро всё обставлено? — думал Сергей. — Мало того, что я обязан теперь сам учиться, я ещё должен становиться лучше. Чем чище буду я, тем больше буду видеть и понимать, чем увлечь своих учеников".

Дни побежали очень быстро. Учеников у Сергея было много, но состав класса постоянно менялся. Приходили как дети, так и взрослые, на экзаменах присутствовали подростки вместе с тридцатилетними, хотя они мало чем отличались друг от друга. Здесь смотрели не на возраст, а лишь на глубину чувств, знаний, на меру распознавания и ответственности. Приблизительно из пятидесяти учеников десять закрепились, стали постоянными слушателями, сдали экзамены и сами взялись за обучение новеньких. Сергей решил, что этот метод самый действенный — обучаться обучая. И точно, результат не заставил себя ждать: ещё десять человек закрепились в классе. Среди них не было преподавателей и учеников, с самого начала они не делили себя на более или менее продвинутых, а каждый выбирал, с кем ему хотелось посоветоваться, кого расспросить по насущному вопросу.

Сергея пригласили на Совет, собирающийся один раз в месяц. На нём обсуждали методы взаимодействия и сотрудничества по разным направлениям.

— Успехи вашего класса превзошли все наши ожидания. Главное то, что они осознали свою ответственность за всю проводимую работу. Фактически вам удалось создать саморазвивающийся класс. Скорее всего, в нем сформировалось ядро. Неважно, что люди будут приходить и уходить. Ядро играет роль магнита, который установил порядок, являющийся обязательным для всех.

— Когда ты пришёл в класс, была программа, но не было никаких правил, -- говорил Сергею Нуоми. — Сейчас у вас всем правит закон, проявившийся в результате вашей деятельности. У тебя двадцать сотрудников, десять из которых и составляют ядро, или магнит класса. Ты свою задачу выполнил.

— А дальше что? — спросил Сергей.

— Я не знаю, тебе скажут.

Сергей уже давно не выходил за пределы домика и библиотеки, снаружи представлявших собой причудливой формы храм с колоннами. Он увидел и множество других домов и храмов, которые раньше скрывались за пышными кустарниками или невысоким лесом. Познакомился Сергей и с их обитателями, уяснив всю серьёзность выполняемой ими работы. В этой многонаселённой обители шла работа над качеством человеческого сознания, выискивались пути развития людей с особой психической организацией: чувствительных, ранимых, жёстких, упрямых. Их духовное тело опережало в эволюционном движении физическое, а большой разрыв сказывался на эмоционально-астральной природе человека. Фактически эта обитель уравнивала людей, указывая им на те свойства характера, которые им необходимо изменить, да и, по сути, помогала меняться.

"Готов ли ты продолжить свою работу?" -- как-то услышал Сергей. Сердце его радостно забило, предвкушая очередную перемену.

"Друг Мой, пора возвращаться. Заждались близкие, уже тревожиться начинают, посылая вопрошающие мысли. Ты приобрёл здесь весьма важные качества, твоя тонкая ткань поменяла структуру. Благодаря этому через тебя могут проходить лучи особого свойства, необходимые царству минералов. Из пространства черпать новую энергию минералы не в силах, а через тебя получают недостающие им тончайшие элементы для построения своих структур. Думаю, не нужно объяснять, как важна именно сейчас твоя работа в миру. До скорой встречи, Друг Мой".

Сергей едва оправился от услышанного. Сердце его клокотало и разрывалось на тысячи мелких частей.

— Уходишь? — заглянул к нему вечером Нуоми.

— Да, завтра отправляюсь назад, — ответил Сергей.

— Я с тобой сейчас попрощаюсь, потому что проводить не смогу.

— Неужели долгожданную задачу получил? — улыбнулся Сергей.

— Да, я тоже покидаю этот мир. Дорогу найдёшь легко: прямо по просеке, а потом свернёшь налево. Там почувствуешь, куда идти. Но скорее всего, тебя ждать будут.

— Кто же меня ждать может? — спросил Сергей.

— Три дня уже тут околачиваюсь, а тебя всё не видно, — хлопотал Молчун вокруг Сергея. — Ишь ты, помолодел, похорошел. Задержался, всех заставил думать о себе.

— Вы же знаете, что я здесь ни при чём. Сколько нужно, столько и пробыл, занимаясь серьёзной научной работой. Какое число сегодня. Молчун?

— Да месяц тебя не было. Ивана звонками замучили, всем нужен ты оказался. Америка, Африка да и Европа встревожены: куда главный эксперт подевался?

— Надо же, а я детей учил. Ну, не совсем маленьких, а духовных детей вроде тебя.

— Ты меня не задевай. Это ещё неизвестно, кто кого учить должен, — пробурчал Молчун. — Сразу не уезжай, нельзя так, отсидишься пару деньков в избушке и лети в свою загазованную Москву, засорь лёгкие. Что делать-то будем в плане совместной работы?

— Царством минералов заниматься. Через себя нужно токи пропускать особой чистоты и напитывать кристаллы энергией, в которой новые элементы присутствуют. Не забывай, что от царства минералов жизнь всегда начинается.

— Понятно, есть мне, чем заняться. Хоть и лесами я окружён, а камней под землёй много. Я целые цивилизации ощущаю, слышу, что они задумывают, как планируют развиваться. У меня иногда возникает такое впечатление, что жизнь на Земле кончается, а та, что под Землёй, на поверхности проявится. Там такая красота иногда встречается!

— Действительно, самое лучшее может и проявиться, если в том будет необходимость, — заметил Сергей — Ладно, останусь я, прав ты, Молчун.

— А я всегда прав, — ничуть не смутился Молчун. — Когда, интересно, я ошибался?

Два дня Сергей провёл в деревне, к радости Молчуна, который любил гостей, а на третий поехал в город. С Михаилом и Татьяной Андреевной он встретился на часик в аэропорту, переговорив о совместном творческом подходе к жизни.

— Я, как всегда, к царству минералов приставлен. Иван — тоже. Вы, Татьяне Андреевна, к царству растительному вместе с Фёдором, Молчун и Фёдор — к животному, а Николай и Михаил связь осуществляют между вертикальной и горизонтальной линией. Хотя, чувствую, условное это деление. И вы, и Молчун, и Николай тоже камнями зани-маются, — говорил Сергей.

— Да мы на всех участках жизни присутствуем, в разные периоды подключаясь к решению тех или иных проблем, — сказала Татьяна Андреевна. — У нас у всех достаточно пластичная тонкая ткань, способная пропускать те энергии, которые большинству людей недоступны, поэтому нас и бросают то на одни, то на другие участки, в зависимости от задач, которые на данный момент нужно разрешить.

— А в общем-то, мы человечеством занимаемся, — добавил Михаил. — Всё это делается из великой любви к нему. Господи, сколько сил тратится на то, чтобы хоть на йоту сдвинуть сознание, показать людям преимущества жизни честной. Теоретически все всё знают, но как дело до практики доходит, люди срываются. Не могут великодушия проявить. Сразу хватаются за "спасительную" формулу "Ах, ты мне так! Ну и я тебе в ответ так же!" Почему бы не поменять её на другую, спасительную для души: "Сколько ты мне подлостей ни делай, всё равно не заставишь и меня подлость сделать!"

— Легко сказать! — покачал головой Сергей. — Гадости делать легче, чем проявлять великодушие. Человек реагирует так, как привык за тысячи лет, а нужно остановиться на мгновение и подумать, что

подлость в ответ на подлость совершенно не решит проблемы, а только сделает конфликт затяжным и неразрешимым. Лучше первым протянуть руку, даже если знаешь, что её не примут. Ладно, я пойду на посадку. Чувствую нетерпение друзей на противоположном конце авиаперелёта.

И точно: Николай, Иван и Ольга ждали его так как будто расставались на год. Сергея не доставало не потому, что они нуждались в его мудрых советах, а потому, что срослись с ним, сделались единым целым. Он был частью единого организма, работающего на благо Вселенной.

— Сначала мы в горах были. Не успели вернуться, как вы уже уехали на целый месяц! — говорила Ольга.

— Неужели вы скучали? — спросил Сергей.

— Представьте себе! Я скучала. И Николай, и Иван, всем вас не доставало. Вроде бы и рассказывать вам нечего, но просто радостно оттого, что вы теперь будете рядом. Одно сознание того, что я в любой момент могу к вам заехать, меня успокаивает.

— Не думаю, что я на одном месте сидеть буду. Дел накопилось немало, придётся в разные концы планеты летать, но ничего, и вам время уделю.

Они поехали к Николаю, где Сергея ожидал царский приём.

— Вы меня, как президента, встречаете, — улыбнулся Сергей.

— Ничего подобного, как монарха царствующей династии. Садитесь, это ваш трон, — Ольга указала на кресло с великолепной накидкой.

— Ну, рассказывайте, что в Москве происходит?

— Сначала ты скажи о себе. Что нового узнал о нашем старом мире? — спросил Иван.

— Нового? Что на старый и хорошо известный нам мир нужно всегда смотреть по-новому, отыскивая в нём те стороны, которые до сих пор были сокрыты. Это поможет нам сохранять чистоту восприятия и не скучать. Нужно радоваться каждому дню и любому делу, которое вам поручают. В последнее время жизнь, казалась мне пресной, но я пожил у Молчуна, и мой взгляд на мир изменился. Теперь я с удовольствием буду делать то, что мне давно надоело.

— Между прочим, после возвращения я тоже по-иному взглянула и на свою работу, и на семинар, и на книги, — сказала Ольга. — Я увидела плюсы и минусы, которых раньше не замечала, поняла, что можно изменить в лучшую сторону. Кстати, мы вопрос о голосах затронули на семинаре, хотя я думала, что людям это будет неинтересно. Но всё получилось наоборот. Именно эта тема вызвала самый живой отклик.

— Я даже выступил перед народом с речью, — добавил Николай. — В общем, мы круглый стол устроили, Иван был, твои из медитативного кружка пришли. Оказывается, этот вопрос очень многих волнует, наболел он. Выслушивали, обсуждали, разъясняли. Конечно, разницу между голосом высшего "я" и голосом Учителя может и должен объяснять тот, кто знает, что это такое, и прошёл этот путь, а не тот, кто по книжкам выучился. Они нюансов не понимают и о проблемах, возникающих по мере укрепления и роста высшего "я", не имеют ни малейшего представления. Так что спасибо тебе, Сергей, что ты постоянно к этой теме возвращался. Уж очень она актуальна сегодня.

А Луч? Помните, кто-то спросил по поводу Луча? Что это за явление такое? Почему многие люди ощущают, что на них Луч наведён и они в потоке находятся?

Во-первых, это те люди ощущают, у которых высший Манас пробуждаться начинает, то есть их высшее "я". Представьте себе, что в гигантское манасическое поле человечества Учитель посылает свой Луч. Этот Луч достаточно широк, но не в смысле охвата определённого объёма пространства, а в смысле широкого диапазона присущих данному Лучу вибраций. Ну, к примеру, один Луч охватывает все частоты от 3 до 4, а другой — от 4 до 5. Все люди, воспринимающие сознанием десятые, сотые и тысячные доли числа от 3 до 4, будут как бы звучать на заданную частоту, то есть они реагируют на данный Луч. Высшее "я" человека подаёт сигнал низшим телам, и если проводник достаточно чистый, то он может услышать слова или музыку, песню, стихи, рассказ, урок, в общем, всё, что на данный момент необходимо душе.

— То есть ты хочешь сказать, что у манасического тела человека, у его высшего "я" есть некий вопрос, на который он и улавливает ответ благодаря Лучу, осветившему манасическое поле человечества?

— Да, это ответ не конкретному человеку, а выловленный человеком из широкого диапазона воспринимаемых им вибраций. Мы выступаем в роли рыболовов. Забросили удочку в реку или в море и выловили предназначенную нам рыбу, — объяснял Сергей.

— Получается, что на один и тот же вопрос каждый человек получит свой ответ, даже если несколько людей звучат на один Луч, — подвела итог Ольга.

— Конечно, человек — это индивидуальная вибрация или неповторимый кристалл. Ответ он поймает только свой, соответствующий излучению его кристалла. Хотя можно сказать, что смысл ответа будет один, но переданный разными словами или разными средствами, в общем, так, как вашему сознанию будет понятнее.

— Значит, Луч посылается Учителем, а мы как бы отражение его улавливаем, то есть рыбка пойманная — не реальность, а иллюзия.

— Да, она иллюзорна, но тем не менее мысль в общем ментальном поле обретает форму и вылавливает человек уже конкретику. Так что рыбка по природе своей иллюзорна, но в наших условиях материализуется и вполне даже съедобна.

— Так, — сказала Ольга. — Учитель через Луч говорит со всем человечеством, но не конкретно с отдельным человеком? Он просто забрасывает сеть в воду, а кто в неё поймаётся, Он и представления не имеет?

— Вначале именно так, Ольга. Учителю некогда этим заниматься. Он делает своё дело и ждёт, кто в сеть его попадёт. Но вот когда ты из сети завопишь: "Я здесь! Посмотри на меня!" Тут Он тебя и заметит. Начнёт приглядываться, испытывать, изучать. Если увидит серьёзность твоих намерений, то и заговорит уже конкретно с тобой, но только в том случае, если ваш диалог не повредит тонкие человеческие тела. Разговор с Учителем — это опаснейшее дело. Его вибрации настолько тонки, что мало кому из людей доступны. Сердце человеческое должно быть очень и очень чисто, чтобы вести беседу именно с Учителем. Это ведь высочайшая степень доверия.

— Я помню, вы об этом постоянно говорили, только я вас не совсем понимала. Теперь мне больше понятно. Я действительно не могу о себе сказать, что обладаю достаточной чистотой. Наверное, это не голос Учителя, тот, что я слышу, — грустно заметила Ольга.

— Да вы, Ольга, сами ничего не можете знать о собственной чистоте. Это определяется свыше, не вами и не другими людьми, а Теми, кто в данном вопросе более сведущи. Каждый человек должен разобраться в себе сам, но главное не в том, чей именно голос он слышит, а в собственных намерениях. Ваши намерения чисты?

— Я хочу служить Высшим силам. Мне так хочется сделать что-то нужное для людей.

— Это и есть главное, то, что вы не о себе, а о людях думаете. Ради них вы хотите стать лучше, ведь так?

— Да, чем светлее будет моя душа, чем чище сердце, тем правильнее я донесу до людей то, что открыто мне. Еще я заметила, что стиль моих книг изменился, ответы более глубокими стали.

— А как вы хотели? Чем серьёзнее ваши намерения, тем более серьёзные вопросы задаёт ваше высшее "я". Диапазон вибраций, охватываемый высшим Манасом, становится шире, и вы улавливаете более тонкие нюансы ответов, то есть проникаете в их глубину.

В общем, не надо думать, что ты чего-то достиг, а нужно постоянно двигаться. Иной раз кажется, что — всё, больше по этому поводу уже сказать ничего нельзя, но вдруг новая грань открывается. Откуда она берётся? — рассуждала Ольга.

— Я потому в лес и убежал, — сказал Сергей. — Всё, что можно было, я про этот мир узнал, что мог, то ему отдал. А оказалось, что ничего не знаю, а отдавать могу веками — столько накоплено всякой всячины.

— Дорогие мои, в этом-то и заключается смысл эволюционного движения, — сказал Иван. — Наступает момент, когда ты лбом в стену упираешься. Хочешь дальше идти, а не можешь. Не видишь - куда, не знаешь — зачем. Тут главное не отчаиваться, а суметь себя растормозить: или уехать куда-то, или новое дело изучить, в общем, сделать что-то тебе не свойственное. По-другому это называется — изменить точку сборки. Если удастся, послужишь эволюции.

— Кстати, как Олег? Объявлялся? — спросил Сергей.

— Звонит иногда, — ответила Ольга. — Хорошие песни пишет. Он мне как-то ночью по телефону пел.

— Замечательно! Значит, двигается, тоже на месте не стоит.

— Никто на месте не стоит, — сказал Иван. — По большому счёту, если мы остановимся, то будем сметены лавиной эволюционного потока. Мы просто иной раз замедляем движение, а иногда, бывает, ускоряем. Поэтому всё относительно. Кстати, если постоянно двигаться с ускорением, то сил может не хватить. К тому же, это противоестественно. Эволюция предполагает волну: вверх — вниз.

— Сейчас у нас начнутся философские дебаты, — заметил Сергей. — Ну всё же, если предположить постоянное ускорение, то к чему это приведёт?

— Да возможно ли это в принципе? Думаю, что нет, но если предположить, что мы всегда движемся вперёд, то мы либо перестанем воплощаться, слившись с Единым, либо разрушим свои тела, — ответил

Николай. — Ладно, уже поздно. Сергей, если я могу быть полезен, то готов служить верой и правдой. Ольгу домой отвезу, а потом ещё поговорим.

Николай проводил Ольгу и вернулся назад к друзьям.

— Ну что вам сказать? — говорил Сергей. — Молодёжи внимание уделять надо. Ты, Николай, молодец, взялся именно за то, что необходимо, насущно необходимо. Дети сейчас совершенно другие, их и сравнивать не с кем. Кстати, дочку свою направляй, не оставляй без внимания. Даже если времени уделить ей не можешь, мысленно общайся. Всё-таки кровь в ней непростая течёт.

— Что это ты о кровном родстве вдруг заговорил? — удивился Николай.

— Так ведь не просто они нашими близкими оказались. В этом тоже какой-то смысл был, что нас вместе свели. Увлёкшись поиском духовно близких, мы можем своих упустить, родных. Родителей давно навещал?

— Давно, нужно к ним съездить, — согласился Николай. — Впрочем, откладывать ничего не буду, завтра и поеду.

— И правильно сделаешь. Я бы тебе компанию составил, да нужно с америками и европами разобраться.

— А в Бразилию ты случайно не собираешься, на половинку свою взглянуть? — спросил Иван.

— Собираюсь, это сейчас особенно необходимо, — ответил Сергей.

— О чём вы речь ведёте? Впервые слышу. Где чья половинка находится?

— Да это мы шутим, — уклонился от ответа Сергей. — Иван, видно, от одиночества страдать начал, вот и поддевает меня.

— Кстати, друзья, а почему вы всегда одни, без женского пола? — спросил Николай.

— А ты? — парировал Иван.

— Я пока от семейной жизни отдыхаю, но, честно говоря, вторую семью заводить не собираюсь.

— Мы также. Приблизительно в твоём возрасте оставили семьи и больше к этому вопросу не возвращались.

— Но разве это нормально? Все мы одиноки. Вот и Ольга тоже, — сказал Николай.

— Если бы хоть один из нас влюбился по-настоящему! — патетически воскликнул Сергей. — Всё дело в истинных чувствах. Семью без них заводить безответственно. Нужно ждать самой настоящей, неповторимой, единственной любви.

— Можно и не дожидаться.

— Ну и что? Можно, но стремиться к ней нужно, даже если в течение нескольких воплощений ты будешь одинок. Ты, Николай, из нас всех один можешь дожидаться. Хорошо бы, чтобы она тебе под стать была.

— Мне такое даже в голову не приходило, — отвечал Николай. — Я настолько далёк от этих вопросов! Часть моя осталась в совершенно ином мире, более того, я определённо ощущаю неполноту свою здесь, на Земле.

— Всё правильно, каждый человек, сознательно работающий там, здесь и должен ощущать нехватку какого-то тела. Кто же тогда там работает? Дорогой мой, наши тела тоже находятся и в надземных лабораториях, и на далёких звёздах. Здесь присутствует только та часть, которая наиболее несовершенна. В силу собственного несовершенства она страдает, совершает ошибки, полнится желаниями, но всё-таки хочет исправиться. Мы сами оттуда, свысока, из дальних миров себе же и помогаем. А по-скольку там тоже мы, то обращаемся к себе с любовью. Мало кто себя бичует, в основном носятся, пестуют, балуют. Отсюда, снизу, мы смотрим на свою более совершенную часть как на дух и видим в нём своего единственного возлюбленного. Оттуда, сверху, мы смотрим на себя как на падшую душу и всеми силами стараемся подтянуть её вверх, к себе поближе. Сколько таких звёздных духов раскидано по Вселенной!

— Да, красиво ты всё сказал. Наверное, именно поэтому вся восточная поэзия так чувственна. Не к земной возлюбленной обращены слова суфиев, а к духу, к своему звездному телу.

— И не только суфиев. Тот, кто доходил до сакрального смысла любви, всегда обращался к духу как к единственной любимой или любимому. Ты найдёшь это и у масонов, и у тамплиеров, и у всех алхимиков. Таким образом они скрывали тайну, к познанию которой приблизились.

— Сергей, хватит о святом и прекрасном. Завтра предстоит вновь отождествиться с жизнью, — сказал Иван.

— Ну нет, — возмутился Сергей, — дважды в одну и ту же воду не ступают. Зачем ошибки повторять? Хотя это не ошибки, это затягивание в омут, постепенное, незаметное. Я буду опять пытаться стать наблюдателем жизни, как будто она не со мной происходит, а с кем-то другим. Трудно быть одновременно и актёром, и зрителем, но если хочешь чего-то добиться, то нужно пытаться.

— Это только у Творца и получается. Он жизнь создаёт и участвует в ней, — заметил Николай.

— Нам нужно Ему подражать. В этом наше единственное спасение.

Сергей с новым энтузиазмом взялся за старое дело. Он прекрасно понимал, что никого и ничему научить нельзя, что бесполезно тащить людей к Свету на аркане, что, в конечном счёте, это даже преступление, потому что связано с насилием над духом. Светлые силы не указывают на конкретный путь: они предлагают выбирать из многих вариантов, и очень часто люди выбирают не лучший не потому, что не хотят чистоты, а потому, что оберегают свои тонкие тела от преждевременного воздействия высоких энергий. В понимании Сергея, люди должны быть предоставлены сами себе. Пусть сталкиваются со всеми проявлениями этой жизни, с обманом, с жадностью, с завистью, пусть вступают в различные общества и на себе испытывают давление их лидеров или сложившейся системы, фактически манипулирующей их сознанием. Когда-нибудь и это людям надоест, и они постараются сбросить с себя ярмо чужих представлений и попытаются найти своё.

Но теперь Сергей несколько изменил взгляд на жизнь. Нет, нельзя всё пускать на самотёк, он как бы отстраняется, предоставляя обширное поле для действия всех противоборствующих сил. Иногда

необходимо вливание свежих струй небесного дождя, чтобы он смыл старую пыль и очистил давно не мытые представления. Все общества, которые хорошо знал Сергей, просто заржавели, они поскрипывали по старой памяти, но не было в них сил завести механизм или хотя бы смазать маслом заржавевшие детали. "Не смотреть на общества надо, а расшевелить их, — думал Сергей. — Переделывать и перекраивать на новый лад смысла нет, но вопросы им подкинуть для размышления — это необходимо".

Последние две недели он посвятил работе эксперта, командировкам и налаживанию новых связей с зарубежными партнёрами. "Камни должны двигаться, но поскольку сами они делать это не могут, мы обязаны им помогать, — размышлял он. — Важны выставки, продажа и покупка камней. Если бы ещё к делу этому подключились люди, понимающие язык минералов, чтобы не люди их своей волей передвигали с места на место, а слушали пожелания иерархов минерального царства!

Сергея пригласили в Германию оценить крупную партию камней, предназначенных для продажи. Помимо этого, он должен был отобрать особо ценные бриллианты для создания ювелирной коллекции одного царствующего европейского дома. Сергея, как эксперта, ценили, потому что он мог предложить иной раз не столько дорогие камни, сколько те, что коллекцию сделают выигрышной. Он чувствовал душу камня и мог точно определить, какой из них сделает ювелирное изделие неподражаемым. Более того, Сергей мог предложить и вариант оправы. Как правило, с его мнением считались. Едва взглянув на эскизы различных ювелиров, резчиков, инкрустаторов, он точно говорил, для каких изделий пригодны данные камни. Бывало, что бриллиант прочили в кольцо, но Сергей утверждал, что он должен украшать шкатулку, и оказывался прав.

Обычно он оставался в комнате один, чтобы прочувствовать камни, поговорить с ними, учесть их пожелания, но на этот раз в таком праве Сергею было отказано.

— Новый распорядитель останется вместе с вами. Возможно, вам придётся кое-что обсудить.

— Ну что ж, — пожал плечами Сергей, — новая метла по-новому метёт.

Он вошёл в комнату и обмер. Несмотря на то, что человек сидел к нему спиной, Сергей сразу узнал Нуоми. Директор встал и приветствовал коллегу радушной улыбкой.

— Рад познакомиться с вами. Надеюсь на долгое сотрудничество, — произнёс новый старый знакомый.

— Если бы вы знали, как я рад. Мы обязательно сработаемся. Не думаю, что у нас будут особые разногласия.

Целый день они провели вместе, обсуждая преимущества и недостатки того или иного камня, его цвет, достоинства в изделии, игру света, направление лучей.

— Если камень будет в кольце, он постепенно утомит владельца, к концу дня заберёт силы, понизит тонус. Нет, лучше, если он будет в табакерке или в пудренице. Можно украсить им серебряную сумочку.

Так они проработали с Нуоми три дня, ни разу не обмолвившись словом о личном, о сокровенном, о хранимом в глубине сердца.

"И он дождался своего, — думал Сергей. — Как ему хотелось пожить здесь!"

"Ты же прекрасно знаешь, что этот мир создан для того, чтобы исполнять все человеческие желания. Не бывает такого чтобы человек ушёл с несбывшейся мечтой. Каждый получает своё", — услышал Сергей.

"Что же хочу теперь я? — думал Сергей. - Тот, кто находится в обители мечтает хоть на чуть-чуть оказаться здесь, в мире плотной материи. Отсюда мы все хотим побыстрее уйти в мир тонкий, ощущая, что там у нас больше возможности приносить пользу. Раньше у меня был интерес к земной жизни, потом он угас, а теперь снова появился. Сейчас я хочу разбудить наших прижизненных покойников, окопавшихся в бесчисленных обществах, кружках, клубах".

Вернувшись домой после нескольких командировок, Сергей вместе с Иваном и Николаем начали посещать все лекции, семинары, встречи оккультистов разных мастей. Но в отличие от предыдущих нескольких лет Сергей тихо не сидел. Он внимательно выслушивал лектора, а потом буквально несколькими вопросами разбивал его представления, направлял людей на то, чтобы они слушали себя, свои чувства, сердце.

— Вы должны сравнивать то, что услышали, с тем, что думаете сами по этому поводу, и принять более приемлемое на сегодняшний момент. Не бойтесь ошибиться. Только дураки не ошибаются, а человек мыслящий идёт вперёд путём проб и ошибок. И не платите бешеных денег за то, что давно знаете. Все знания есть в вашем сердце. Научитесь слушать его, и польза от того будет двойная: деньги сэкономите и сердце разовьёте. А за определённую плату духовно продвинуться невозможно, вы просто опутываете себя нитями кармы, становясь в отношения взаиморасчётов ещё с одним человеком.

Молодёжь ходила за Сергеем буквально по пятам. Во многих он узнавал слушателей своей небесной школы, а они сами и не подозревали о том, где учились, какие сокровенные места Вселенной посещали. Правда, бывало, то ли сны, то ли видения свои ему пересказывали, а Сергей мастерски направлял их на то, чтобы они на качества души обратили внимание, исправляли их потихоньку, особо не форсируя события.

— Не спешите, — говорил он. — Что вы будете делать там, если очень быстро взлетите? Вам ещё здесь пожить нужно, приять жизнь земную. Зачем-то вы воплотились, какую-то задачу должны решить?

— Может быть, мы и воплотились для того, чтобы быстро взлететь? — смеялись ребята. — Может быть, нам и нужно пример парения над бездной явить?

— Ишь какие быстрые! — возмущался невозмутимый Сергей. — Вы пример чистой жизни явите, научитесь с родными быть в прекрасных отношениях, продемонстрируйте честность в бизнесе и полное безразличие к деньгам и славе.

— Но вы же знаете, что бизнес честным не бывает. Это сейчас невозможно показать! — отвечали ему.

- Прекрасно, полёт над бездной, духовный взлёт кажутся вам куда более лёгкими занятиями, чем честный бизнес! Значит, вы задачку полегче выискиваете? Вот, оказывается, что кроется за вашим духовным стремлением. На Земле вам трудно, поэтому вы и рвётесь в небеса, где полегче?! — наступал Сергей на молодых ребят.

Только некоторые были более или менее рассудительными, серьёзно и ответственно к жизни подходили. Эти хотели и учиться, и овладеть специальностью, и даже хорошо жить.

— Я ценю вашу честность. На самом деле все хотят хорошо жить, только стесняются признаться в этом. По их мнению, это недостойно духовного человека. Духовный должен нищенствовать, ничего не иметь, ничего не желать. По сути дела, это не он сам, а люди за него решают, что духовному лидеру делать следует. Навязывают своё, а потом сами от собственных представлений страдают. Изучайте эту экономику, вникайте в современную политику, идите в школы, в бизнес, пробивайтесь в министерства. Вы должны знать, как всё устроено в этом обществе, обязаны понять ошибки и найти пути их исправления. Понимаете, что получается? Духовные люди стоят вне сферы управления и только сетуют, что всё неправильно сложено. Так идите внутрь, управляйте сами, меняйте, только старайтесь не попадаться на всем известные крючки: деньги, славу. Это очень сложно — пройти срединным путём. А просто опускать руки, ничего не делать, не ходить в школу, потому что там не тому учат, не вникать в экономику, потому что она изначально бездарна, - это пассивная позиция. Вы не знаете, как не надо, откуда же вы будете знать, как надо? Вам опыт необходим, так что вникайте в жизнь, внедряйтесь в неё, живите полнокровно, радуясь всему, что несёт вам День Новый.

Благодарные сердца открывались честным словам Сергея. Дети жадно впитывали то, что стояло за ними. Они умели слышать несказанное и видеть невидимое. Это были новые люди Новой Эпохи.

"Как интересно быть наставником следующей расы, — думал Сергей. — Я им объясняю так, как умею, а они правильно меня понимают. Это и удивительно. Глазами хлопают, руками разводят, а сердцем разумеют.

"Почему тебе это удивительно, Друг Мой? — услышал он знакомый голос. — Ты считаешь себя обычным человеком, но ты сам и все друзья твои — Сыны и Дочери Мои, от Меня в мир ушедшие. Вы устремились на зов сердец вот этих новых, потому что сами уже давно прошли этот путь. Вашими душами накоплен огромный опыт, которым вы пришли поделиться с теми, кто только вступает в День Новый. Не обращайтесь на тяготы жизни, но радуйтесь Солнцу, ветру, дождю, первым зелёным росткам. Каждое утро для вас начинается новая жизнь, которую вы открываете поворотом ключа сознания на едва заметный оборот. Ни на единое мгновение Я не оставляю вас, разделяя с вами все ваши горести и радости. Цените то, что дано, умножайте дары Божественные, пришедшие к вам в словах и мыслях. Претворяйте их в жизнь и в том вы послужите Силам Небесным наилучшим образом.

Сердцем Своим Я Обнимаю каждого из вас. Почувствуйте тепло и любовь Мою. Не забывайте и о том, что Рука Моя Поддерживает вас. Вступайте смело в День Новый!"